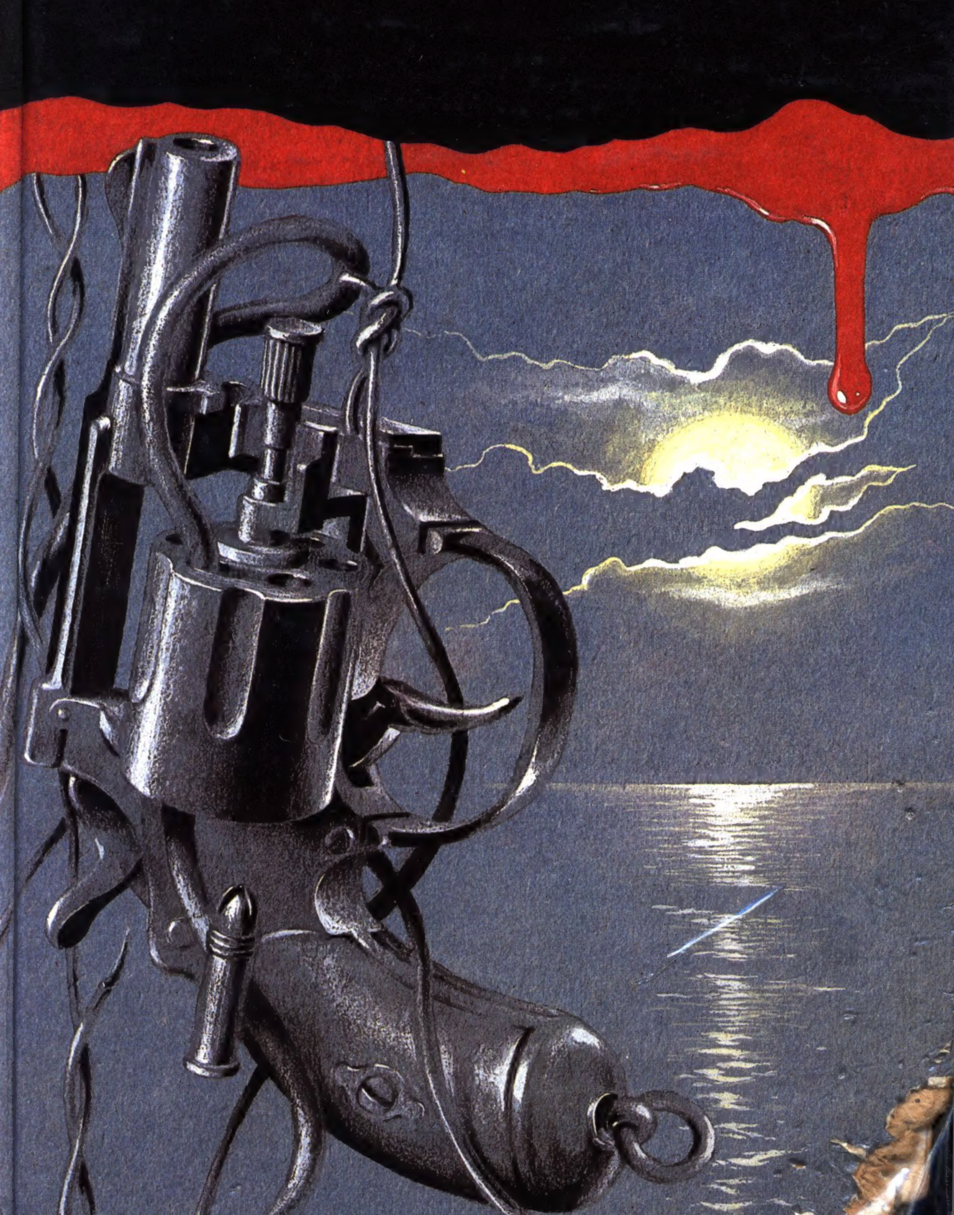
КАНуН РуМОКО

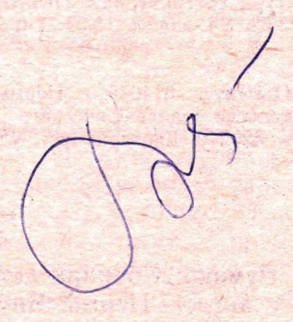

КАНУН РУМОКО

СБОРНИК
ДЕТЕКТИВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Перевод с английского

С. Тулякова и С. Чернякова

Пермь
«ЯНУС»
1992

ББК 84.7 США
К14

Сборник детективных произведений

КАНУН РУМОКО

Составители
М. Шаламов и А. Гладков
Редактор *М. Сушарник*

Художник *О. Иванов*

Художественный редактор *О. Владиславов*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *А. Полякова*

Сдано в набор 17.07.92. Подписано в печать 23.10.92. Формат 84×108[1]/32. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 18,51. Тираж 100 000 экз. Заказ 175. С-04.

ОсОО «Янус». 614016, г. Пермь, а/я 10119.
Типография издательско-полиграфического предприятия «Уральский рабочий». 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

К14 Канун Румоко: Сборник детективных произведений. Пер. с англ.— Пермь: Янус, 1992.— 448 с., ил.
ISBN 5—87916—004—1

В сборник вошли не публиковавшиеся ранее на русском языке детективные произведения Рэймонда Чандлера, с чьим творчеством тесно смыкаются детективный роман Алистера Маклина «Кукла на цепи» и фантастическая повесть Роджера Желязны.

К $\frac{\mathbf{4703010100-04}}{\mathbf{Д25(03)-92}}$ **Без объявл.**

Убийство — крах отдельной личности и тем самым поражение всего человечества — может иметь (да, собственно, и имеет) определенную социологическую подоплеку. Но оно старо как мир и потому мало волнует охотников до сенсаций. Если детективный роман хотя бы отчасти достоверен (что случается крайне редко), то он должен быть написан с известной долей отстраненности, иначе разве что безумец сможет его прочитать (или написать). У романа про убийство есть также огорчительное свойство не совать нос в чужие дела: он решает свои собственные проблемы и отвечает на свои собственные вопросы. Тем самым в нем нечего обсуждать, разве что достаточно ли хорошо он написан, чтобы считаться настоящей литературой, хотя люди, которые продают полмиллиона экземпляров такого романа, ничего толком на этот счет сказать не могут. Определить качество произведения — задача неимоверной трудности даже для тех, кто занимается этим профессионально.

Детектив создает своего читателя путем медленной дистилляции. То, что ему это вполне удается, равно как и удается цепко его удерживать,— непреложный факт. Но ответ на вопрос, как именно это происходит, требует более основатель-

ного исследователя, чем я. Вряд ли необходимо доказывать, что детектив — важная и жизнеспособная форма искусства. У искусства вообще нет важных и жизнеспособных форм. Есть просто искусство, что само по себе немалая редкость.

Наш мир не благоухает магнолией, но это мир, в котором мы живем. Хорошо, что находятся писатели, наделенные умением взирать на него отстраненно и изображать увиденное без прикрас, предлагающие нам весьма любопытные, а порой и увлекательные картинки с натуры. Вовсе не смешно, когда убивают людей, но порой смешно, что их убивают за сущие пустяки и что смерть эта — разменная монета того, что мы именуем цивилизацией.

«НЕХИТРОЕ ИСКУССТВО УБИВАТЬ»
Рэймонд Чандлер

Р. ЧАНДЛЕР

БЕСКОНЕЧНЫЙ ПОВТОР

1

Голос в телефонной трубке звучал резко и властно, но я не очень-то понимал, о чем он говорит — и потому, что еще не до конца проснулся, и потому, что взял трубку вверх ногами. Я перевернул ее и что-то пробурчал.

— Вы меня поняли? Я сказал, что говорит Клайд Амни, адвокат.

— Клайд Амни, адвокат. А у нас их несколько?

— Вы Марлоу, так?

— Да, как будто...— Я посмотрел на часы. Была половина седьмого утра — не самое лучшее мое время.

— Не дерзите, молодой человек.

— Простите, мистер Амни, но я не молодой человек, я стар, устал и давно не пил кофе. Чем могу быть полезен?

— Я хочу, чтобы вы встретили восьмичасовой поезд, опознали среди пассажиров одну девушку и проследили за ней до тех пор, пока она не снимет квартиру или номер в гостинице. Все ясно?

— Нет.

— Почему? — раздраженно бросил он.

— Я слишком мало знаю, чтобы наверняка сказать, что возьмусь за это дело.

— Я Клайд Ам...

— Не надо,— перебил я его.— А то у меня начнется истерика. Изложите мне основные факты. Возможно, вам больше подойдет другой детектив. Я никогда не работал на ФБР.

— Моя секретарша мисс Вермили будет у вас через полчаса. Она доставит вам всю необходимую информацию. Мисс Вермили отлично знает свое дело. Надеюсь, что и вы тоже.

— Да, особенно после завтрака. Пошлите ее сюда, хорошо?

— Куда «сюда»?

Я назвал свой адрес на авеню Юкка и описал, как найти мой дом.

— Хорошо,— ворчливо согласился он.— Но учтите, девушка не должна знать, что за ней следят. Это очень важно. Я действую по поручению весьма влиятельной адвокатской конторы из Вашингтона. Мисс Вермили передаст вам некоторую сумму на расходы и 250 долларов задатка. Надеюсь, что вы справитесь с работой как нельзя лучше. И не будем терять времени на пустопорожнюю болтовню!

— Я сделаю все, что смогу, мистер Амни.

Он повесил трубку. Я выбрался из постели, принял душ, побрился и поглощал уже третью чашку кофе, когда в мою дверь постучали.

— Я мисс Вермили, секретарша мистера Амни,— сказала она довольно колючим голосом.

— Входите, пожалуйста.

Она была куколкой что надо: без шляпы, в белом приталенном плаще с поясом, в туфлях под цвет плаща, с хорошо уложенными платиновыми волосами, складным зонтиком и серо-голубыми глазами, которые смотрели на меня так, словно я грязно выругался. Я помог ей снять плащ. От нее пахло духами. И ножки тоже были недурны, насколько я успел заметить. На них были тончайшие чулки. Я довольно бесцеремонно их разглядывал, особенно когда девушка положила ногу на ногу и достала сигарету.

— Кристиан Диор,— сказала она, прочитав мои довольно откровенные мысли.— Ничего другого я не ношу. Дайте-ка огоньку!

— Сегодня вы носите и многое другое,— возразил я, щелкнув зажигалкой.

— Терпеть не могу, когда ко мне пристают с самого утра!

— А какое время вас устраивает, мисс Вермили?

Она едко улыбнулась, порылась в сумочке и протянула мне конверт.

— Я полагаю, что здесь вы найдете все, что вам нужно!

— Гм... Не совсем все.

— Забирай это, дуралей. Я о тебе все знаю. Как

ты думаешь, почему мистер Амни выбрал именно тебя? Да потому, что выбирал не он, а я. И кончай пялиться на мои ноги!

Я распечатал конверт. В нем оказался еще один с двумя чеками на мое имя. Один, на 250 долларов, был помечен: «Задаток в качестве аванса за оплату профессиональных услуг». На другом, на 200 долларов, значилось: «Аванс Филиппу Марлоу на расходы».

— О расходах отчитаетесь лично мне, в мельчайших подробностях,— заявила мисс Вермили.— Выпивку покупайте на свои.

Второй конверт я открывать не стал. Пока.

— Почему Амни считает, что я возьмусь за дело, о котором ничего не знаю?

— Возьметесь. Вас не просят заниматься ничем незаконным. Даю слово.

— А что вы еще мне дадите?

— Об этом мы можем поговорить за бокалом вина дождливым вечером, когда я буду не слишком занята.

— Вы меня купили.

Я вскрыл второй конверт. В нем была фотография какой-то девушки. Поза вполне естественная, а может, она просто часто фотографировалась. На снимке у нее были темные волосы, возможно рыжие, широкий чистый лоб, серьезные глаза, широкие скулы, нервные ноздри и бесстрастный рот. Хорошо очерченное и немного нервное лицо, не слишком счастливое.

— Переверните,— сказала мисс Вермили.

На обороте было напечатано:

«Элинор Кинг. Рост — пять футов четыре дюйма. Примерно 29 лет. Волосы — рыже-каштановые, густые, волнистые от природы. Осанка прямая, голос низкий, четкий, одета хорошо, но без излишества. Косметика умеренная. Видимых шрамов нет. Характерные привычки: входя в комнату, осматривается, не поворачивая головы. Волнуясь, почесывает запястье правой руки. Левша, но умеет это скрывать. Играет в теннис, плавает и отлично ныряет. Пьет умеренно. К суду не привлекалась, но отпечатки ее пальцев имеются в архивах».

— Побывала в каталажке,— сказал я, глядя на мисс Вермили.

— Больше у меня никакой информации нет. Приступайте к работе.

— Не понимаю. К двадцати девяти годам такая

пташка почти наверняка должна побывать замужем. Но здесь нет никакого упоминания о кольце или других ценностях. Странно.

Она взглянула на часы.

— Удивляйтесь лучше на вокзале Юнион. У вас мало времени.

Она встала. Я подал ей плащ и открыл дверь.

— Вы приехали на своей машине?

— Да.— Она почти вышла, но обернулась.— Знаете, что мне в вас нравится? Вы не даете воли рукам. И у вас неплохие манеры... в некотором роде.

— Лапать — это слишком мерзко.

— И кое-что мне в вас не нравится. Догадайтесь что.

— Простите, понятия не имею... Некоторые ненавидят меня за то, что я еще жив.

— Я имела в виду совсем другое.

Я проводил ее по ступеням и открыл дверцу машины. Дешевая штучка — «флитвуд кадиллак». Девушка кивнула мне на прощанье и уехала. Я вернулся домой и на всякий случай собрал дорожную сумку.

2

Напрягаться не пришлось. Поезд прибыл вовремя, почти как всегда, а следить за событиями было так же легко, как за кенгуру в вечернем смокинге. У девушки не было никаких вещей, кроме бумажной сумки, которую она бросила в первую попавшуюся урну. Потом села, опустив голову. У моей подопечной вид был самый что ни на есть разнесчастный. Через несколько минут она встала, подошла к книжному киоску, постояла, отошла, так ничего и не выбрав, взглянула на большие настенные часы и закрылась в телефонной будке. Опустив в щель горсть монет, с кем-то поговорила. Выражение ее лица ничуть не изменилось. Девушка повесила трубку, подошла к журнальному лотку, выбрала «Нью-Йоркер», снова взглянула на часы, села и принялась читать.

Одета она была в синий вечерний костюм и белую блузку; сапфировая брошка, которая красовалась на отвороте жакета, вероятно, гармонировала с серьгами, если бы я мог их разглядеть. Ее волосы были темно-рыжими. Девушка очень походила на свою фотографию, но была немного выше, чем я ожидал. Темно-синюю

шляпу с ленточкой дополняла маленькая вуалетка. Девушка была в перчатках.

Немного погодя Элинор Кинг вышла через арку на стоянку такси, заглянула налево — в кафе, развернулась и направилась в главный зал ожидания, прошла мимо бара и газетного киоска, подошла к справочному и окинула взглядом людей, сидевших на твердых деревянных скамьях. Часть билетных касс была открыта. Но девушку они не интересовали. Она снова села и посмотрела на большие часы. Потом стянула перчатку и подвела наручные часики — платиновую безделушку без всяких украшений. Я мысленно сравнил ее с мисс Вермили. И хотя она не производила впечатления кроткой, чопорной или жеманной, мисс Вермили рядом с ней показалась бы шлюхой.

Впрочем, и на этот раз девушка долго не усидела. Она вскочила и заходила по залу. Вышла на патио, потом вернулась, заглянула в бар и задержалась у книжного киоска. Я подумал, что если она и намеревается с кем-то встретиться, то свидание было назначено не к приходу поезда. Девушка вела себя так, словно коротала время между двумя поездами. Она снова вошла в кафе, присела за один из пластиковых столиков, изучила меню, а потом принялась читать книгу. Подошла официантка с неизменным стаканом холодной воды. Объект сделал заказ. Официантка удалилась, объект возобновил чтение. На часах было четверть десятого.

Я вышел на стоянку такси, где околачивался носильщик.

— Вы обслуживаете «Супер Чиф»? — обратился я к нему.

— И его тоже,— он без особого энтузиазма взглянул на доллар, который я держал в руке.

— Я должен был встретить пассажира из прямого вагона Вашингтон — Сан-Диего. Из него никто не выходил?

— Вы хотите сказать совсем? С багажом и все такое?

Я кивнул.

Он задумался, изучающе глядя на меня умными карими глазами.

— Один пассажир сошел,— отозвался он наконец.— Опишите вашего приятеля.

Я дал ему описание человека, похожего на Эдварда Арнольда. Носильщик покачал головой.

— Ничем не могу помочь, сэр. Тот, который сошел, был совсем другой. Вероятно, ваш приятель еще в поезде. Из прямых вагонов можно не выходить. Его подцепят к семьдесят четвертому. Он отходит в одиннадцать тридцать. Состав еще не сформировали.

— Спасибо,— я дал ему доллар. Багаж объекта был в вагоне. Только это я и хотел узнать.

Я подошел к кафе и заглянул внутрь через стеклянную стену. Элинор по-прежнему читала книгу, попивая кофе и заедая его пирожным. Я вошел в телефонную будку, позвонил в один знакомый гараж, попросив прислать кого-нибудь за машиной, если я не позвоню им после полудня. Там для меня это делали довольно часто, и у них был ключ от машины. Я сходил за сумкой и сдал ее в автоматическую камеру хранения. В гигантском зале ожидания я купил билет с обратом до Сан-Диего и снова потащился в кафе.

Девушка сидела за столиком, но уже не одна. С ней, улыбаясь, разговаривал какой-то тип. С первого взгляда можно было понять, что девушка с ним знакома и сожалеет об этом. Он был калифорнийцем от кончиков темно-коричневых мокасин до застегнутой на все пуговицы желто-коричневой рубашки без галстука, которая виднелась из-под грубой спортивной куртки кремозого цвета. Ростом парень был метра под два с гаком, строен, с тонким самодовольным лицом и излишком зубов. В руках он вертел какой-то клочок бумаги. Из нагрудного кармана куртки торчал желтый носовой платок, похожий на маленький букетик нарциссов. Одно было прозрачно, как дистиллированная вода: девушке явно не нравилось его присутствие.

Он продолжал что-то говорить, терзая бумагу. Потом пожал плечами, встал и провел пальцем по щеке девушки. Та отшатнулась. Мужчина расправил бумагу, положил перед Элинор и принялся с улыбкой ждать. Девушка медленно опустила глаза. Клочок бумаги притягивал ее взгляд. Девушка протянула руку, но мужчина оказался проворней. Продолжая улыбаться, он спрятал бумагу в карман. Затем вытащил перфорированный блокнот, что-то написал авторучкой, вырвал листок и положил его на стол. Этот лист девушке позволили взять. Она прочла его и убрала в бумажник. Потом взглянула на мужчину и улыбнулась. Похоже, это далось ей с трудом. Мужчина потрепал девушку по руке и вышел из зала.

Он заперся в телефонной будке и кому-то позвонил. Потом вышел на улицу, отыскал носильщика и вместе с ним направился в камеру хранения. Вскоре на свет божий вынырнул светлый, как устричная раковина, чемодан и небольшая дорожная сумка. Носильщик отнес вещи вслед за их хозяином к лоснящемуся двухцветному «бьюику родмастеру» с откидным верхом, только у этого верх не откидывался. Поставил багаж в машину, получил деньги и ушел. Тип в спортивной куртке с желтым платком сел на сиденье, вырулил со стоянки и притормозил, чтобы надеть темные очки и закурить. Потом он уехал. Я записал номер машины и вернулся на вокзал.

Следующий час тянулся, как целых три. Девушка вышла из кафе и принялась читать книгу в зале ожидания. Она никак не могла сосредоточиться и постоянно возвращалась к уже прочитанному. Иногда она отрывалась от чтения, бездумно глядя перед собой. Я купил первый выпуск вечерней газеты и, прикрывшись ею, принялся наблюдать за женщиной. Ничего конкретного у меня не было, оставалось только обмозговывать увиденное, чтобы убить время.

Сидевший за ее столиком парень сошел с поезда, поскольку у него был багаж. Он мог ехать в ее поезде и даже в ее вагоне. Было ясно, что Элинор терпеть не может этого субъекта. Его же поведение словно говорило: «Мне на это глубоко наплевать. Стоит мне только посмотреть на тебя, и все будет о'кей!» Значит, когда они ехали в поезде, этого клочка бумаги у него еще не было.

Тут девушка резко встала, подошла к газетному киоску, купила пачку сигарет, распечатала ее и закурила. Курила она как-то неловко, словно не умела этого делать, и в то же время складывалось впечатление, что она старается казаться жесткой и вульгарной. Я взглянул на большие настенные часы. Было без тринадцати десять. И снова задумался.

Клочок бумаги походил на газетную вырезку. Девушка хотела схватить ее, но мужчина не дал. Потом он написал несколько слов в блокноте и дал их прочитать своей собеседнице. Та посмотрела на него и улыбнулась. Вывод: красавчик что-то на нее имел, а она должна была делать вид, что это ей нравится. Значит, он не боялся, что девчонка даст деру. Пожалуй, к тому времени он выложил все свои козыри. Может, потому,

что в чем-то не был уверен. Надо это дело уточнить. Стало быть, он больше не боялся ее потерять. Какая бы нить их ни связывала, она была достаточно прочной.

Пять минут двенадцатого я выбросил все эти мысли в окно и начал с новой строки. Зря старался. Десять минут двенадцатого объявили, что начинается посадка на семьдесят четвертый поезд, стоявший на одиннадцатом пути, и пассажиры, отправляющиеся в Санта-Ану, Ошенсайд, Дель-Мар и Сан-Диего, могут занять свои места. Элинор покинула зал ожидания вместе с другими. На перроне тоже было много народу. Я проследил за тем, как она вышла, вернулся к телефонным автоматам, опустил монету и набрал номер конторы Клайда Амни.

Мисс Вермили взяла трубку и назвала номер своего телефона.

— Это Марлоу. Мистер Амни на месте?

— Извините, мистер Амни ушел в суд,— очень официально ответила она.— Что-нибудь передать?

— Я еду поездом до Сан-Диего или до одной из промежуточных станций. Куда именно — пока не знаю.

— Спасибо. Что-нибудь еще?

— Да. Светит солнышко, а наша знакомая похожа на беглянку не больше вас. Она позавтракала в кафе, ни от кого не прячась, потом околачивалась в зале ожидания среди уймы людей, хотя все это время могла сидеть в вагоне и никому не мозолить глаза.

— Спасибо, поняла. При первой же возможности передам все это мистеру Амни. Значит, вы еще не составили определенного мнения?

— Составил. Вы от меня что-то скрываете.

Тон ее резко изменился. Должно быть, кто-то вышел из комнаты.

— Послушай, приятель, тебя наняли, чтобы ты сделал дело. Ну так и делай его, и притом как следует. Клайд Амни — важная птица в этом городе.

— А какое мне дело до птичек? Я тоже мог бы зачирикать повеселее, будь у меня в этом резон.

— Тебе заплатят, ищейка... Если справишься. Но не раньше. Ясно?

— Это самые приятные слова, которые я от тебя услышал, красотка. Привет!

— Послушай, Марлоу,— с неожиданной поспешностью вставила она,— я не хотела тебя обидеть, но для Клайда Амни это очень важно. Если он прогорит,

то может потерять крупного клиента. Я малость погорячилась.

— Мне понравилось, крошка. Очень чувствительно для моего подсознания. Как смогу, позвоню.

Я повесил трубку, миновал разгрузочную платформу и в конце концов добрался до одиннадцатого пути. Потом поднялся в вагон, прокуренный настолько, что с одним легким можно было заранее попрощаться. Набил трубку, раскурил ее и присоединился к поголовному отравлению.

Поезд тронулся, медленно и нудно протащился мимо складов и задворок восточного Лос-Анджелеса, понемногу набрал скорость и сделал первую остановку в Санта-Ане. Объект не вышел. В Ошенсайде и Дель-Мар — тоже.

В Сан-Диего я быстро выпрыгнул из вагона, поймал тачку и целых восемь минут проболтался у старого вокзала в латинском стиле, дожидаясь, пока появятся носильщики с багажом. Но вот наконец появилась Элинор Кинг.

Она не стала брать такси, а пересекла улицу и вошла в контору по найму машин. Пробыв там довольно долго, девушка наконец вышла крайне разочарованная. Нет водительских прав — не получишь машину. Следовало бы это знать.

Ей пришлось сесть в такси. Машина развернулась и помчалась на север. Моя за ней. Правда, у меня возникли кое-какие проблемы с водителем.

— Такое бывает только в книжках. А у нас в Даго этим не занимаются,— заявил он.

Я подал ему значок и фотокопию лицензии размером четыре на два с половиной. Он их внимательно изучил и наконец согласился.

— Ладно, только я обязан сообщить об этом диспетчеру, а он может и в полицию позвонить. Так у нас принято, парень.

— Похоже на то, что мне стоило бы пожить в вашем городке. А машину вы упустили. Она свернула налево за два квартала от нас.

Шофер вернул мне бумажник.

— Это мы сейчас увидим,— проворчал он.— А на что мне, по-вашему, двухсторонняя радиосвязь?

Он взял микрофон и вызвал диспетчера.

На Эш-стрит наша машина повернула налево, к 101-му шоссе, спокойно влилась в поток других автомо-

билей и шла со скоростью сорок миль в час. Я разглядывал затылок таксиста.

— Не волнуйтесь,— бросил он через плечо.— Пятерка сверх счетчика. Идет?

— Разумеется. А почему я могу не беспокоиться?

— Пассажирка едет в Эсмеральду. Это в двенадцати милях к северу отсюда, на берегу океана. Они направляются в отель под названием «Ранчо Десканcадо», конечно, если пассажирка не передумает по дороге, а если даже и, то я все равно буду об этом знать. Дескансадо — по-испански значит «отдых», «покой».

— Черт, тогда мне совсем не стоило брать такси!

— Придется платить за услуги, сэр. Лишний доллар не помешает.

— Вы мексиканец?

— Мы себя так не называем, сэр. Мы считаем себя испано-американцами. Родились и выросли в Штатах. Некоторые из нас почти разучились говорить по-испански.

— Es gran lastima,— сказал я.— Una lengua muchissima hermosa [1].

— Tiene Vd. razon, amigo. Estoy muy bien de acuerdo [2].

Мы проехали Торранс-Бич и свернули к мысу. Время от времени таксист говорил по радиотелефону и оборачивался ко мне.

— Вы не хотите, чтобы нас заметили?

— А что тот водитель? Он не проболтается пассажирке, что за ней следят?

— Он и сам этого не знает. Потому-то я вас и спросил.

— Если можете, обгоните его и доберитесь туда первым. Добавлю еще пятерку.

— Порядок. Он меня даже не увидит. Потом разыграю его за бутылкой текаты.

Мы проехали через небольшой торговый центр, дорога стала шире. По одной стороне ее стояли дорогие, хотя и не новые дома, по другой — достаточно новые, однако гораздо дешевле. Дорога опять стала уже. Теперь мы были в двадцатипятимильной зоне. Водитель повернул направо, в лабиринт узких улочек, проехал на сигнал «стоп», и прежде чем я успел сориентироваться, куда мы направляемся, машина уже ехала вниз по каньону; справа за широкой отмелью, на которой

---

[1] Очень жаль, это невероятно красивый язык (исп.).

[2] Вы правы, приятель. Я совершенно с вами согласен (исп.).

торчали две металлические вышки спасательных станций, сверкал Тихий океан. Спустившись, таксист собирался въехать в ворота, но я его остановил. На большой табличке по зеленому фону золотыми буквами было написано: «Эль Ранчо Дескансадо».

— Давайте не будем торчать на виду. Я хочу убедиться, что она приедет.

Мы вернулись к автостраде, быстро доехали до конца оштукатуренной стены, свернули на узкую извилистую тропинку, и таксист заглушил мотор.

Прямо над нами навис раздвоенный ствол ветвистого эвкалипта. Я вылез из машины, надел темные очки, вышел к шоссе и прислонился к стоявшему на дороге ярко-красному джипу с названием технической станции. С холма спустилось такси и повернуло к «Ранчо Дескансадо». Минуты через три пустая машина выехала обратно и принялась карабкаться в гору. Я вернулся к своему шоферу.

— Номер такси 428,— сказал я.— Это оно?

— Да. Ваш голубок там. Что дальше?

— Подождем малость. Что это за заведение такое?

— Несколько бунгало с гаражами. Есть односпальные, есть двуспальные. Контора — вон там, у входа, в маленьком домике. В разгар сезона цены довольно высокие. А сейчас там затишье. Наверное, уйма свободных мест за полцены.

— Подождем еще минут пять. Потом я зарегистрируюсь, оставлю свое барахло и поищу машину напрокат.

Таксист сказал, что с этим проблем не будет. В Эсмеральде машины в прокат сдавали три конторы. На время или на определенное расстояние, как хотите.

Мы еще немного подождали. Было начало четвертого. Я так проголодался, что готов был отнять кость у какой-нибудь собаки.

Я наконец расплатился с таксистом, проводил его взглядом и направился в контору.

3

Я скромно уперся локтем в стойку и взглянул поверх нее на сияющего молодого человека, на шее которого красовалась бабочка в горошек. Затем перевел взгляд на девушку, сидевшую у стены за небольшим телефонным коммутатором. У нее был вид здорового человека, проводящего массу времени на свежем воздухе, косме-

тика была наложена щедро, а светлые волосы были собраны на затылке в конский хвост. Глаза ее, однако, были большими и добрыми, а когда взгляд девушки падал на парня, они блестели. Я снова посмотрел на него и едва удержался от рычания. Девушка тряхнула головой и взглянула на меня.

— Я буду рад показать вам свободные номера, мистер Марлоу,— вежливо сказал молодой человек.— Можете зарегистрироваться позже, если решите здесь остановиться. Сколько времени вы рассчитываете пробыть у нас?

— Пока она будет здесь,— ответил я.— Девушка в синем костюме. Она только что здесь поселилась. Правда, не знаю под какой фамилией.

Парень и телефонистка уставились на меня недоверчиво и удивленно. Подобную сценку можно разыграть, используя сотню разных методов. Этот я использовал впервые. Он не сработал бы ни в одной из гостиниц большого города. А тут мог сработать. Главным образом потому, что мне было на все глубоко наплевать.

— Вам это не нравится, так ведь? — спросил я.

Он чуть заметно покачал головой.

— Вы, по крайней мере, откровенны.

— Надоело прятаться. Вы видели кольцо у нее на руке?

— Нет, не заметил,— сказал парень и посмотрел на телефонистку. Та покачала головой, не сводя с меня глаз.

— Стало быть, обручальное кольцо она уже сняла. Вот как. Все кончено. Столько лет... Ну и черт с ними! Я ехал за ней из самого... Впрочем, неважно откуда. А теперь она даже не хочет со мной говорить. Что я здесь делаю? Выставляю себя на посмешище.

Я быстро отвернулся и высморкался. Оба не сводили с меня глаз.

— Нет, пожалуй, я лучше уйду,— сказал я и повернулся.

— Вы хотите начать все сначала, а она не хочет,— тихо сказала девушка.

— Да.

— Я вам сочувствую,— отозвался парень.— Но поймите и вы меня. Мы должны быть осторожны. Такая ситуация может закончиться чем угодно, даже стрельбой.

— Стрельбой! — Я посмотрел на него с недоумением.— Боже мой, кто на это способен?

Он оперся на стойку обеими руками.

— А что вы, собственно говоря, хотите сделать, мистер Марлоу?

— Я хотел бы быть рядом с ней... на случай, если понадоблюсь. Я даже не стану с ней говорить. И не буду стучать в ее дверь. Но она будет знать, что я рядом, и будет знать почему. А я буду ждать. Всегда буду ждать.

Девушке это понравилось. Я был по шею в собственных слюнях. Я собрался с духом и пошел ва-банк.

— И мне совершенно не понравился тип, который привез ее сюда,— сказал я.

— В машине, кроме нее и таксиста, никого не было,— возразил парень. Однако он отлично понял, что я имел в виду.

Девушка криво улыбнулась.

— Он не об этом, Джек. Он о том, кто заказал номер.

— Я понял, Люси,— ответил парень.— Не такой уж я тупой.

Он достал из стола регистрационную карточку и положил ее передо мной. В углу по диагонали росчерк: Ларри Митчелл. В графах совсем другим почерком записано: (мисс) Бетти Мэйфилд, Уэст-Четем, Нью-Йорк. В левом верхнем углу тем же почерком, что и слова «Ларри Митчелл», записана дата, время, цена и номер домика.

— Вы очень добры,— сказал я.— Значит, она снова взяла свою девичью фамилию. Разумеется, это вполне законно.

— Любая фамилия законна, если не использовать ее для мошенничества. Вы хотите, чтобы вас поселили в соседний с ней номер? — спросил парень.

Его глаза расширились, а может, даже и сверкнули. Он приложил для этого все усилия.

— Послушайте, это чертовски мило с вашей стороны, но вам нельзя это делать. Я не собираюсь вас подводить, но почему вы во мне так уверены? Ведь вы можете потерять работу, если я что-нибудь натворю.

— Ладно,— сказал он.— Должна же меня жизнь хоть когда-нибудь чему-то научить. Вы мне понравились.— Он протянул мне ручку. Я расписался и оставил адрес на Восточной Шестьдесят первой улице Нью-Йорка.

— Это ведь возле Центрального парка? — взглянув на карточку, небрежно спросил Джек.

— Три квартала с небольшим. Между Лексингтоном и Третьей авеню.

Парень кивнул. Он знал, где это. Я попал в десятку. Он потянулся к ключу.

— Я бы хотел оставить здесь свои вещи, где-нибудь перекусить и, возможно, взять напрокат машину. Вы не могли бы отнести вещи в номер?

— Разумеется, с удовольствием.— Он вышел со мной и указал на группу молодых деревьев. Я увидел обшитые дранкой коттеджи с зелеными крышами. У каждого из них было крыльцо с перилами. Парень указал на мой домик. Я его поблагодарил. Он пошел обратно в контору.

— Послушайте-ка,— обратился я к нему.— Она ведь может уехать, если узнает, что я здесь.

— Конечно,— он улыбнулся.— Ничего не поделаешь, мистер Марлоу. Многие из наших гостей останавливаются на одну-две ночи, если это не летом. Мы и не надеемся на большой наплыв в это время года.

Он вошел в контору, и я услышал слова девушки:

— Он, конечно, милый парень, Джек, но ты не должен был этого делать.

Его ответ я тоже расслышал:

— Не выношу этого Митчелла... Хоть он и приятель хозяина.

4

Комната была сносной. Обычная жесткая кушетка, твердые стулья, маленький столик возле передней стены, большой встроенный шкаф, ванная с неоновыми лампами для бритья по обе стороны зеркала над умывальником, а также небольшая кухня с холодильником и белой трехконфорочной электроплитой. В навесном шкафу над мойкой — изобилие тарелок и прочей дребедени. Я достал из холодильника несколько кубиков льда, нашел в чемодане бутылку, сделал коктейль и потягивал его из стакана, усевшись на стул и прислушиваясь к тому, что происходит рядом, не раскрывая окон и не поднимая жалюзи.

Сначала я ничего не слышал в соседнем номере, потом кто-то спустил воду в туалете. Я допил виски, потушил

сигарету и внимательно изучил настенный обогреватель, установленный на перегородке между нашими номерами. Он состоял из двух длинных матовых ламп в металлической коробке. Выглядел он не слишком внушительно, я сомневался, что он хорошо греет; в шкафу, однако, был еще и электрический вентилятор-обогреватель с термостатом, работавший от сети в 220 вольт. Я снял с настенного обогревателя хромированную предохранительную решетку и вывернул матовые лампы. Затем вынул из чемодана стетоскоп, приложил его к металлической стенке и прислушался. Если в том номере был обогреватель, а он наверняка там был, то наши комнаты разделяла лишь тонкая металлическая перегородка и немного изоляции.

Некоторое время я не слышал ничего, потом начали набирать телефонный номер. Слышимость была отличной. Женский голос сказал:

— Эсмеральда 4-1499, пожалуйста.

Голос был холодным и сдержанным, не высоким и не низким, разве что немного усталым. За то время, что я следил за девушкой, я слышал ее голос впервые.

Довольно долго было тихо, потом женщина сказала:

— Мистера Ларри Митчелла, пожалуйста.

Еще одна пауза, на этот раз короче.

— Это Бетти Мэйфилд с «Ранчо Дескансейдо».— Она произнесла название мотеля неправильно.— Да, Бетти Мэйфилд. Не будьте идиотом. Вы хотите, чтобы я передала по буквам?

На другом конце провода кому-то было что сказать. Женщина слушала молча, потом заговорила снова:

— Номер 12с. Вы должны это знать, сами делали заказ... Понятно... Хорошо. Я буду здесь.

Она повесила трубку. Наступила полная тишина, а потом женщина медленно, опустошенным голосом произнесла:

— Бетти Мэйфилд, Бетти Мэйфилд, Бетти Мэйфилд. Бедняжка Бетти... Когда-то ты была милой девушкой... Как давно...

Я сидел на полу на полосатой подушке, прислонившись спиной к стене. Потом, осторожно поднявшись, отложил стетоскоп в сторону и прилег на кушетку. Скоро он придет. Девушка ждала его, потому что у нее не было другого выхода. По той же причине она приехала сюда. Хотелось бы знать, что это была за причина.

Должно быть, у него были каучуковые подошвы, потому что я ничего не слышал, пока у соседней двери не задребезжал звонок. Он не стал подъезжать к самому коттеджу. Я сел на пол и снова надел стетоскоп.

Она открыла дверь, он вошел. Я представил себе ухмылку на его лице, когда он сказал:

— Привет, Бетти. Кажется, тебя так зовут? Мне нравится это имя.

— Так меня звали на самом деле.

Он расхохотался.

— Надеюсь, у тебя хватило ума назваться по-другому? Что ты скажешь об инициалах на багаже?

Его голос понравился мне ничуть не больше его смеха. Он был высоким, бодрым и очень ехидным. В нем звучало что-то похожее на издевку. Я стиснул зубы.

— Полагаю,— заметила женщина,— что это вы заметили в первую очередь.

— Нет, крошка. В первую очередь я заметил тебя. Потом след обручального кольца, хотя самого кольца не было. А на инициалы обратил внимание лишь в самую последнюю очередь.

— Не называй меня крошкой, ты, дешевый шантажист! — стиснув зубы, с неожиданной яростью бросила она.

Его это ничуть не смутило.

— Если я и шантажист, золотце,— со сдавленным смешком возразил он,— то наверняка не дешевый.

Она сделала несколько шагов, вероятно, отошла от него.

— Хотите выпить? Я вижу, вы прихватили с собой бутылку.

— Это может дурно повлиять на мою похоть.

— В вас меня пугает только одно, мистер Митчелл,— холодно возразила девушка.— Ваш длинный болтливый язык. Вы слишком много треплетесь и чересчур любите себя. Будет лучше, если мы поймем друг друга. Мне нравится Эсмеральда. Я бывала здесь прежде и хотела вернуться сюда. Мне просто чертовски не повезло, что вы здесь живете и что мы попали в один поезд. И уж совсем скверно, что вы меня узнали. Просто фатальное невезение, иначе не назовешь.

— Я называю это удачей,— проронил он.

— Возможно,— согласилась девушка.— Если не будете слишком сильно давить. Иначе вам придется худо.

Оба умолкли. Я представил, как они смотрят друг на друга. Возможно, этот тип слегка занервничал.

— Стоит мне поднять трубку и обзвонить редакции местных газет...— спокойно сказал он.— Хочешь огласки? Могу устроить.

— Я приехала сюда, чтобы избежать ее,— с горечью ответила девушка.

Он рассмеялся.

— Конечно, с помощью придурка судьи, впавшего в старческий маразм, из единственного в стране штата, где такое могло случиться после того, как жюри решило иначе. Я проверил. Ты дважды сменила имя. Если эту историю здесь напечатают, а она весьма забавна, то тебе придется продолжить свое путешествие. А это несколько утомляет, верно?

— Вот поэтому я здесь. И вы тоже. Сколько вы хотите? Я понимаю, что это будет лишь задаток.

— Разве я что-нибудь говорил о деньгах?

— Скажете. И говорите потише.

— В коттедже ты одна, киска. Прежде чем зайти к тебе, я обошел вокруг дома. Дверь закрыта, окна тоже, жалюзи опущены, гараж пуст. Если ты нервничаешь, я могу спросить в конторе. У меня тут есть друзья — люди, с которыми стоит водить знакомство, которые могут сделать твою жизнь более приятной. В социальном плане этот город просто неприступен. К тому же он очень скучен, если смотреть на него снаружи и не жить в нем.

— А как вы проникли в него, мистер Митчелл?

— Мой старик — большая шишка в Торонто. Мы не слишком хорошо с ним контачим, и он не хотел держать меня возле дома. Но он все-таки кое-что может, раз платит мне только за то, чтобы я держался от него подальше.

Женщина не ответила. Послышался звук ее удаляющихся шагов. Судя по шуму, доносившемуся с кухни, девушка вынимала из форм кубики льда. Потом открыла кран и вернулась.

— Пожалуй, я тоже выпью,— сказала она.— Возможно, я говорила с вами слишком грубо, но я устала.

— Конечно, устала,— спокойно согласился он.— Ладно, встретимся, когда ты отдохнешь. Допустим, нынче вечером в половине восьмого в Стеклянном Зале. Я за тобой заеду. Отличное место для ужина. Танцы.

Тишина. Изысканно, если это вообще что-то значит. Собственность Берегового клуба. Постороннему человеку там просто невозможно заказать столик. Но я там свой.

— Дорогое заведение? — спросила женщина.

— Пожалуй. Ах да... В связи с этим я вспомнил... Пока я не получил свой ежемесячный чек, дай-ка мне парочку долларов! — Он рассмеялся.— Сам себе удивляюсь, что все-таки вспомнил о деньгах.

— Пару долларов?

— Лучше пару сотен.

— У меня при себе всего шестьдесят... Пока не открыла здесь счет и не реализовала чеки «Америкэн Экспресс».

— Это можно сделать в конторе, детка.

— Конечно. Вот вам пятьдесят долларов. Не хочу вас баловать, мистер Митчелл.

— Зови меня просто Ларри. К чему рядиться?

— А надо? — голос ее изменился. В нем появился оттенок приглашения. Я представил, как губы его медленно расползаются в самодовольной улыбке. Потом, судя по тишине, он ее облапал, а она позволила ему это сделать. В конце концов она сказала каким-то приглушенным голосом:

— Довольно, Ларри. Будь паинькой и уходи. В половине восьмого я буду готова.

— Еще разок на дорожку.

Открылась дверь, он что-то сказал, но я не расслышал. Я встал, подошел к окну и осторожно выглянул в щель в жалюзи. Луч прожектора освещал высокое дерево. Я видел, как мужчина поднялся вверх по склону и исчез. Я вернулся к обогревателю. Некоторое время я ничего не слышал и даже не понимал, чего жду. Но скоро понял.

Послышался звук быстрых шагов, выдвигаемых ящиков, щелкнул замок, гулко стукнулась обо что-то крышка чемодана.

Девушка собирала вещи.

Я ввернул в обогреватель матовые лампы, поставил на место предохранительную решетку и спрятал в сумку стетоскоп. Вечер становился прохладным. Я набросил пиджак и встал посередине комнаты. Темнело, но света я не включал. Просто стоял и размышлял. Можно было найти телефон и доложить, а она в это

время могла оказаться на полпути к новому поезду или самолету, направляясь бог весть куда. Она могла отправиться куда угодно, но всегда нашелся бы сыщик, готовый встретить ее поезд, если это имело такое значение для влиятельных персон в Вашингтоне. Всегда найдется Ларри Митчелл или репортер с хорошей памятью. Всегда найдется какая-нибудь мелочь, которая привлечет внимание, в наблюдательных людях недостатка тоже нет. От самой себя не сбежишь.

Я выполнял дешевую и мерзкую работенку для людей, которые мне не нравились. Но для этого-то тебя и нанимали, парень. Они оплачивают счет, а ты роешься в грязном белье. Но на сей раз все было слишком явно. Девушка не походила на стерву или мошенницу. Но тем не менее могла оказаться и тем и другим.

5

Я вышел из своего номера и позвонил у ее двери. Никакой реакции. Звука шагов тоже не было. Потом звякнула цепочка и дверь приоткрылась на пару дюймов.

— Кто там?

— У вас не найдется немного сахару?

— К сожалению, нет.

— Тогда, может быть, отыщется парочка долларов, пока я не получил свой ежемесячный чек?

За дверью молчали. Потом она распахнулась, насколько позволяла цепочка, и в проеме возникло ее лицо со смотревшими на меня затененными глазами. Они походили на озера в темноте. В них тускло отражался свет прожектора.

— Кто вы?

— Ваш сосед по дому. Я вздремнул, но меня разбудили голоса. За стеной о чем-то говорили. Мне стало интересно.

— Пусть вам будет интересно где-нибудь в другом месте.

— Можно и так, миссис Кинг, простите, мисс Мэйфилд, но я не уверен, что это понравится вам больше.

Она не шелохнулась и не отвела взгляд. Я вытряхнул из пачки сигарету и попытался одной рукой чиркнуть зажигалкой. Но сделать это одной рукой оказалось не слишком удобно. Наконец я все-таки умудрился закурить, зевнул и выпустил дым через нос.

— А что вы сделаете на бис? — спросила она.

— Если честно, то я должен позвонить в Лос-Анджелес и доложить о вас тому, кто меня послал. Возможно, вы сумеете меня отговорить.

— О Господи! — с отчаянием воскликнула девушка.— Ну и угораздило же меня! Двое за вечер!

— Не знаю. Ничего не знаю. Может, мне пудрят мозги.

— Подождите,— она хлопнула дверью перед моим носом. Но вскоре звякнула цепочка и дверь снова открылась.

Я медленно вошел, а девушка отступила в сторону.

— Что вы слышали? Только закройте дверь, ради Бога.

Я закрыл дверь плечом.

— Самый конец довольно отвратительного разговора. Стены здесь тоньше, чем бумажник чечеточника.

— Вы из шоу-бизнеса?

— Совсем наоборот. Я из секретного бизнеса. Меня зовут Филипп Марлоу. Вы меня уже видели.

— Разве? — Она отошла осторожными шажками и села на подлокотник кресла, возле которого стоял чемодан.— Где?

— На вокзале Юнион в Лос-Анджелесе. Мы вместе ждали поезд. Вы меня заинтриговали. Вернее, меня заинтересовало то, что произошло между вами и мистером Митчеллом... Так ведь его зовут? Я ничего не слышал и мало что видел, поскольку был за пределами кафе.

— Так что же вас заинтересовало, большой и любвеобильный незнакомец?

— Отчасти я вам уже объяснил, кроме того, я заметил, как вы изменились после разговора с ним. Я внимательно наблюдал за вами. Вы очень старались. Вы стали обычной современной кошечкой, верно? Почему?

— А какой я была до того?

— Симпатичной и скромной девушкой.

— Игра, не более. Подлинным был мой второй облик. К нему неплохо подходит и еще кое-что.

Откуда-то сбоку она извлекла небольшой автоматический пистолет. Я равнодушно посмотрел на него.

— А, вон что... Не надо пугать меня оружием. Оно сопровождает меня всю жизнь. Начинал со старого однозарядного «дерринджера», которым привыкли орудовать речные ребята. Потом я подрос и перешел к легкой

спортивной винтовке, затем дожил до винтовки 303-го калибра и так далее. Однажды при хорошем освещении я с девятисот ярдов уложил быка. Если вы не знаете, на этом расстоянии мишень выглядит размером с почтовую марку.

— Восхитительная карьера.

— Оружием никогда ничего нельзя решить. Это похоже на поспешный занавес после проваленного второго акта.

Она чуть заметно улыбнулась, положив пистолет в левую руку, правой разорвала блузку до самого пояса.

— А потом я перехвачу пистолет вот так,— она взяла его за ствол правой рукой,— и ударю себя рукояткой по лицу. Получится замечательная ссадина.

— А потом вы возьмете пистолет нормально, снимете его с предохранителя и нажмете на спусковой крючок. Все это вы сделаете примерно за то же время, которое мне потребуется, чтобы просмотреть заголовки в спортивной колонке.

— Вы не успеете добраться и до середины комнаты.

Я положил ногу на ногу, откинулся на спинку поудобнее, взял со стола зеленую стеклянную пепельницу, поставил ее на колено и взял сигарету двумя пальцами правой руки.

— Я не собираюсь добираться до середины комнаты. Наоборот, я расслаблюсь, развалюсь поудобнее и буду сидеть здесь.

— Только немножко мертвый. Стреляю я неплохо, а здесь не девятьсот ярдов.

— А потом попробуете убедить фараонов, что я пытался на вас напасть, а вы защищались.

Она бросила пистолет в сумку и рассмеялась. В ее смехе была нотка неподдельного веселья.

— Простите,— сказала она.— Вы будете здесь сидеть нога на ногу с дыркой в голове, а я буду доказывать полиции, что застрелила вас, защищая свою честь... Это будет несколько легкомысленно.

Она плюхнулась на стул и подалась вперед, подперев рукой подбородок. Темно-рыжие пышные волосы оттеняли усталое, осунувшееся лицо.

— Чего вы добиваетесь, мистер Марлоу? А может быть, поставим вопрос иначе: что я должна сделать для того, чтобы вы ничего не делали?

— Кто такая Элинор Кинг? Кем она была в Вашинг-

тоне, федеральный округ Колумбия? Почему она на полпути сюда сменила фамилию и убрала инициалы с багажа? Вы могли бы рассказать мне о таких вот мелочах. Но, вероятно, не расскажете.

— Не знаю. Инициалы с моего багажа убрал носильщик. Я сказала ему, что была очень несчастлива в браке, а теперь развелась и взяла обратно девичью фамилию: Элизабет или Бетти Мэйфилд. Это могло быть правдой, не так ли?

— Да. Но это не объясняет Митчелла.

Девушка откинулась на спинку стула и расслабилась. Но ее взгляд оставался настороженным.

— Я познакомилась с ним в дороге. Мы просто ехали в одном поезде.

Я кивнул.

— Да, но сюда он приехал на своей машине и заказал для вас номер. Его здесь не любят, но, возможно, у него очень влиятельные друзья.

— Знакомства в поезде или на корабле порой развиваются очень быстро.

— Не исключено. Он даже прощупал вас насчет денег. Быстрая работа. Мне показалось, что он вам не слишком нравится.

— Ну и что? Сказать по правде, я без ума от него.— Девушка принялась разглядывать тыльную сторону ладони.— Кто и для чего вас нанял, мистер Марлоу?

— Адвокат из Лос-Анджелеса, который выполняет инструкции, полученные с востока. Я должен был следить за вами, пока вы где-нибудь не остановитесь. Но вы снова собираетесь в дорогу, и мне придется следовать за вами.

— Но я буду об этом знать,— резко бросила она.— Значит, вам придется потяжелее. Вы, я полагаю, что-то вроде частного детектива?

Я ответил, что да. Еще до того я потушил сигарету. Теперь я поставил пепельницу на стол и встал.

— Потяжелее для меня, но есть ведь и другие, мисс Мэйфилд.

— Я в этом не сомневаюсь, как и в том, что все они весьма славные люди, а некоторые даже довольно порядочные.

— Фараоны вас не ищут. Они нашли бы вас без особого труда. Было известно, каким поездом вы едете. Я даже располагал вашей фотографией и описанием.

Но Митчелл может заставить вас плясать под свою дудку. Одних денег ему мало.

Мне показалось, что она слегка покраснела, но, возможно, в этом было виновато освещение.

— Может, и так,— согласилась девушка.— А может быть, мне все равно?

— Вам не все равно.

Она вдруг встала и подошла ко мне.

— Ваша профессия не приносит вам миллионов, не так ли?

Я кивнул. Мы стояли очень близко друг от друга.

— Ну так сколько же будет стоить, чтобы вы ушли отсюда и забыли о том, что меня видели?

— Я уйду бесплатно. Что касается всего остального, то мне все же придется доложить.

— Сколько? — Она явно не шутила.— Я могу выплатить вам значительную сумму. Кажется, вы называете это гонораром. Звучит куда приятнее, чем шантаж.

— Это разные вещи.

— Не всегда. Поверьте, не всегда... Даже среди иных адвокатов и врачей. Я-то знаю.

— Что, тяжко?

— С чего ты взял, ищейка? Я самая удачливая в мире девчонка. Я живу.

— Я не из таких. Не стоит тратиться.

— Ну надо же! — протянула она.— А ищейка-то с принципами! Расскажи это моей бабушке, парень. И не старайся пустить мне пыль в глаза. Валяй, мистер частный сыщик Марлоу, побалуйся телефоном, если тебе так не терпится. Я тебя не держу.

Девушка направилась к двери, но я схватил ее за руку и развернул. Под разорванной блузкой не было ничего сногсшибательного — немного голой кожи и фрагмент бюстгальтера. На пляже можно увидеть больше, куда больше, но на это не надо смотреть через разорванную блузку.

Возможно, в моем взгляде было вожделение, потому что девушка сжала пальцы и попыталась меня царапнуть.

— Я не сука в период течки! — процедила она сквозь зубы.— Убери лапы!

Я схватил ее за другое запястье и потянул к себе. Она попыталась ударить меня коленом в пах, но была уже слишком близко. Потом она как будто обессилела,

запрокинула голову и закрыла глаза. Губы ее скривились в презрительную гримасу. Вечер был прохладным, а у воды, возможно, даже холодным. Но там, где был я, не было холодно.

Потом она вздохнула и сказала, что ей надо переодеться к ужину.

— Угу,— отозвался я.

Немного помолчав, она заметила, что ей уже давно не расстегивали бюстгальтер. Мы медленно повернулись к двуспальной кровати. На ней было розовато-серебристое покрывало. Какие только мелочи не лезут в голову!

В широко раскрытых глазах девушки читалась насмешка. Я разглядывал их по очереди, поскольку стоял слишком близко, чтобы видеть оба сразу. Казалось, что они хорошо подходят друг другу.

— Малыш,— тихо сказала она,— ты просто прелесть, но у меня совсем нет времени.

Я закрыл ей рот поцелуем. Мне показалось, что в дверь вставили ключ, но я не обратил на это внимания. Щелкнул замок, дверь распахнулась, и в комнату вошел Ларри Митчелл.

Мы оторвались друг от друга. Я повернулся, и он уныло посмотрел на меня. Плотный и гибкий, шесть футов один дюйм роста.

— Я надумал заглянуть в регистратуру,— каким-то отсутствующим голосом сообщил он.— Двенадцать-в сдали сегодня днем вскоре после того, как был занят этот номер. Меня это слегка заинтересовало, поскольку сейчас здесь полно свободных мест. Вот я и воспользовался запасным ключом. Что это за туша? А, крошка?

— Она просила не называть ее крошкой! Или ты забыл?

Если Митчелл и слышал меня, то не подал виду. Он небрежно опустил кулак к бедру.

— Это частный сыщик. Его зовут Филипп Марлоу. Его кто-то нанял, чтобы за мной следить.

— Обязательно в такой близи? Похоже, я помешал вашей прекрасной дружбе.

Девушка отскочила в сторону и выхватила из сумки пистолет.

— Мы говорили главным образом о деньгах.

— Снова ошибка,— ответил Митчелл. Он раскраснелся, глаза его слишком блестели.— Особенно в такой ситуации. Пистолет тебе не понадобится, девочка.

Он нанес прямой справа быстро и резко. Я увернулся — молниеносный и спокойный всезнайка. Но правый был лишь для отвода глаз. Митчелл оказался левшой. Стоило обратить на это внимание еще на вокзале в Лос-Анджелесе. Опытный наблюдатель никогда не пропускает подробностей. Мой правый хук не достиг цели, а его левый попал в точку.

Моя голова откинулась назад. Я потерял равновесие, этого времени Митчеллу хватило, чтобы отпрыгнуть в сторону и выхватить у девушки пистолет. Он мелькнул в воздухе и очутился в его левой руке.

— Расслабься,— сказал Ларри.— Пусть это звучит банально, однако я могу тебя продырявить, и мне ничего не будет. Это точно.

— Ладно,— хрипло выдавил я.— За пятьдесят долларов в день я под пули не подставляюсь. Это стоит семьдесят пять.

— Ну-ка, повернись. Я бы с интересом заглянул в твой бумажник.

Я бросился на него невзирая на пистолет и все прочее. Он мог начать палить, только испугавшись, но он был у себя и паниковать ему было нечего. Однако девушка, похоже, не была в этом уверена. Краем глаза я заметил, что она потянулась к бутылке на столе.

Я врезал Митчеллу сбоку в шею. Он щелкнул зубами и нанес ответный удар. Все это не имело никакого значения. Я ударил сильнее, но ничего не выиграл, потому что в этот момент армейский тягач вломил мне прямо по мозгам. Я взмыл над темным морем и взорвался облаком пламени.

6

Первым моим ощущением было, что если я услышу хоть одно грубое слово, то разрыдаюсь. Потом мне показалось, что эта комната слишком мала для моей головы. От лба до затылка было неимоверное расстояние, а между висками — огромное пространство. Тем не менее я ощущал между ними тупую пульсацию. В наше время расстояние ничего не значит.

Потом мне показалось, что рядом со мной кто-то настойчиво воет. Четвертым и последним ощущением было, будто по спине у меня течет холодная вода. Покрывало на кровати утвердило меня в мысли, что я лежу

вниз лицом, если оно у меня еще было. Я медленно перевернулся, сел, и грохот закончился с глухим стуком. Грохотали и стучали кусочки льда, завязанные в полотенце. Кто-то, сильно меня любивший, положил мне его на затылок. Кто-то, не столь сильно меня любивший, огрел меня по темечку. Это мог быть один и тот же человек. Всякие бывают настроения.

Я взгромоздился на ноги и похлопал себя по бедру. Бумажник лежал в левом кармане, но был расстегнут. Я проверил его содержимое. Все было на месте. Это давало пищу для размышлений. Все было ясно, как солнце. Мой раскрытый чемодан стоял у кровати. Значит, я снова был дома.

Я добрался до зеркала и посмотрел на себя. Физиономия как будто была знакомая. Я подошел к двери и распахнул ее. Вой стал еще громче. Передо мной, прислонившись к перилам, стоял толстяк среднего роста, отнюдь не вялого вида. Он был в очках, из-под серой фетровой шляпы торчали большие уши. Воротник пальто был поднят, а руки опущены в карманы. Видневшиеся по бокам головы волосы были серыми, как военный корабль. Как большинство толстяков, он казался крепышом. Свет, падавший из моей комнаты, отражался в его очках. В зубах толстяка была короткая трубка, именуемая игрушечным бульдогом. Я еще не совсем оклемался, но что-то в этом субъекте меня обеспокоило.

— Прекрасный вечер,— сказал он.

— Вы что-то хотели?

— Ищу одного человека. Не вас.

— Я здесь один.

— Конечно,— сказал он.— Спасибо.— Он повернулся ко мне спиной и уперся животом в перила крыльца.

Я прошел в ту сторону, откуда доносился вой. Дверь номера 12с была открыта, а выл пылесос, которым орудовала женщина в зеленой униформе.

Я вошел в номер и огляделся. Женщина выключила пылесос и уставилась на меня.

— Вы что-то хотите?

— Где мисс Мэйфилд?

Она покачала головой.

— Девушка, которая занимала этот номер.

— Ах, эта... Она уехала полчаса назад.— Женщина снова включила пылесос.— Спросите в конторе! — посоветовала она, перекрывая шум.— Номер свободен.

Я закрыл за собой дверь, прошел вдоль черного шнура и выдернул его из розетки. Женщина в зеленой униформе сердито воззрилась на меня. Я дал ей долларовую бумажку. Она глядела уже не столь свирепо.

— Мне надо позвонить.

— У вас в номере нет телефона?

— Я дал вам доллар, чтобы вы перестали думать.

Я подошел к телефону и поднял трубку.

— Контора слушает,— отозвалась телефонистка.— Что вам угодно?

— Это Марлоу. Я в отчаянии.

— Ах, это вы, мистер Марлоу?.. Чем могу вам помочь?

— Она уехала. Я даже не успел с ней поговорить.

— Мне очень жаль, мистер Марлоу,— казалось, она говорила искренне.— Да, она уехала. Мы ведь не могли...

— Она не сказала куда?

— Она расплатилась и уехала, сэр. Совершенно неожиданно. А куда — не сказала.

— С Митчеллом?

— Простите, сэр, я с ней никого не видела.

— Но что-то же вы видели. На чем она уехала?

— На такси. Боюсь, что...

— Хорошо. Спасибо.

Я вернулся в свой номер.

Среднего роста толстяк удобно расположился на моем стуле, положив ногу на ногу.

— Очень мило, что вы ко мне заглянули,— сказал я.— Что конкретного я могу для вас сделать?

— Вы можете сказать, где Ларри Митчелл?

— Ларри Митчелл? — Я тщательно обдумал вопрос.— А я его знаю?

Он открыл бумажник и достал оттуда визитную карточку. Потом встал и подал ее мне. На карточке было написано: «Гобл и Грин, детективы, 310, Пруденс Билдинг, Канзас-Сити, Миссури».

— Интересная, наверно, у вас работа, мистер Гобл.

— Не издевайся, парень. Я легко выхожу из себя.

— Прекрасно. Посмотрим, как это выглядит. Что вы при этом делаете? Грызете свои усы?

— У меня нет усов, придурок.

— Можете отрастить. Я подожду.

На этот раз он вскочил на ноги гораздо быстрее и посмотрел на свой кулак. Вдруг в его руке появился револьвер.

— Ты никогда не получал пистолетом по башке, дебил?

— Катись отсюда. Ты меня утомил. Меня всегда утомляли недоумки.

Его рука дрогнула, а сам он побагровел. Потом спрятал оружие в подплечную кобуру и шарахнулся к двери.

— Еще свидимся,— злобно бросил он через плечо.

Я дал ему уйти. Не хотелось пачкаться.

7

Вскоре после этого я пошел в регистратуру.

— Ничего не получилось,— грустно сказал я.— Вы, часом, не запомнили таксиста, который ее увез?

— Джо Хармс,— ответила девушка.— Может, он на стоянке на Гранд. А хотите — позвоните в его контору. Очень милый парень. Он когда-то за мной ухаживал.

— И промазал! — хмыкнул Джек.

— А ты откуда знаешь?

— Ну вот,— вздохнул Джек.— Ты тут вкалываешь по 20 часов в неделю, а когда сколотишь капиталец, пятнадцать прытких типов уже облапают твою девчонку!

— Только не эту,— возразил я.— Она вас просто мучает. Она ведь прямо расцветает, когда смотрит на вас!

Я вышел, а они все еще улыбались друг другу.

Как и в большинстве маленьких городков, в Эсмеральде была одна главная улица, квартал или два которой занимали торговые лавки и магазины, а дальше она постепенно переходила в жилые кварталы. Но в отличие от других калифорнийских городков, здесь не было фальшивых фронтонов, броской рекламы, ресторанов с въездом на машинах, табачных лавок и бильярдных с тем сбродом, который обычно околачивается возле них. Магазины на Гранд-стрит были старыми и тесными, хотя и не безвкусными. Были среди них и здания, отделанные зеркалами и нержавеющей сталью, сияющие яркими красками неоновых огней. Не все жители Эсмеральды преуспевали, не все были счастливы, не все имели кадиллаки, ягуары или райли, но зажиточных, похоже, было много, а магазины, торгующие предметами роскоши, были ничуть не дешевле тех, что располагались на Беверли-Хиллс, хотя и не столь крикливые. Заметил я и еще одно маленькое отличие. В Эс-

меральде старое было чистым и порой даже изящным, Во всех других городах старое было просто дряхлым.

Я поставил машину в середине квартала перед телефонной станцией. Конечно, она была закрыта. Но вход в нее был оформлен наподобие алькова — отчаянная жертва дорогостоящим пространством в угоду стилю. Там стояли две темно-зеленых телефонных кабины, которые смахивали на будки часовых. На противоположной стороне улицы стояло светло-желтое такси, припаркованное на отмеченной красной краской стоянке, по диагонали к бордюру. В такси сидел седой человек и читал газету. Я пересек улицу и подошел к машине.

— Вы — Джо Хармс?

Человек отрицательно покачал головой.

— Он скоро будет. Вам нужна машина?

— Спасибо, нет.

Я отошел в сторону и принялся рассматривать витрину магазина. В ней висела коричнево-бежевая спортивная куртка в шахматную клетку, и я вспомнил Ларри Митчелла. Еще там были спортивные ботинки орехового цвета, импортная твидовая одежда, два-три вида галстуков и подходящие к ним рубашки, а также изобилие свободного места. Над магазином красовалась фамилия некогда знаменитого атлета. Вывеска была сделана на доске под красное дерево рельефным рукописным шрифтом.

В одной из кабин звякнул телефон, таксист вышел из машины, пересек улицу и взял трубку. Переговорил с кем-то, потом вернулся в такси и задним ходом выехал со стоянки. Улица ненадолго опустела, затем по ней проехали две машины, прошел симпатичный и хорошо одетый цветной парень со смазливой подружкой. Они без умолку болтали и заглядывались на витрины. Потом появился мексиканский парнишка в зеленой форме посыльного из гостиницы. Он приехал на чьем-то крайслере. По мне — так хоть на собственном. Мексиканец заглянул в бар, вышел оттуда с коробкой сигарет и уехал в сторону отеля.

Из-за угла выехала бежевая машина с надписью «Таксопарк Эсмеральды» и остановилась на стоянке. Похожий на боксера малый в очках с толстыми стеклами вышел из автомобиля, позвонил куда-то, потом снова сел в машину и достал из-за зеркала журнал.

Я подошел к таксисту. Это был Джо. Он был без

плаща, с закатанными рукавами рубашки, хотя для ношения бикини погода была не самой подходящей.

— Да, я Джо Хармс,— он сунул в рот сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Люсиль с «Ранчо Дескансадо» сказала, что вы можете мне помочь.— Я наклонился к машине и одарил его широкой, теплой улыбкой. С таким же успехом можно было пинать бордюр.

— Чем именно?

— Сегодня вечером вы везли от них одну клиентку. Из номера 12с. Высокую девушку с рыжеватыми волосами и хорошей фигурой. Ее зовут Бетти Мэйфилд, но вам она, вероятно, не представилась.

— Обычно мне говорят только куда ехать. Забавно, вы не находите? — Он выпустил струю дыма в ветровое стекло и смотрел, как тот рассеивается, заполняя салон.— Так в чем же дело?

— Она моя подружка. Мы немного поругались, и она от меня сбежала. Во всем виноват я. Я хотел найти ее и помириться.

— У подружки где-нибудь есть дом?

— Очень далеко отсюда.

Не вынимая изо рта сигарету, он щелкнул по ней пальцем, стряхивая пепел.

— А что, если она не желает, чтобы вы знали, куда она поехала? Может, это даже лучше для вас. В этом городе вас могут призвать к порядку, если вы будете околачиваться по гостиницам и задавать вопросы. Я считаю, что это возмутительно.

— Может, я просто трепач,— сказал я, доставая из бумажника свою карточку. Таксист прочел ее и вернул обратно.

— Уже лучше. Но ненамного. Это противоречит правилам компании. А я езжу на своей развалюхе не затем, чтобы наращивать мускулы.

— Пятерка вас не заинтересует? Или это тоже противоречит правилам компании?

— Владелец компании — мой старик. Ему не слишком понравится, если я начну ловчить. Но это не значит, что я не люблю деньги.

В будке звякнул телефон. Таксист выскользнул из машины и подошел к аппарату большими шагами. Я остался на прежнем месте, покусывая губу. Он переговорил, вернулся к машине и сел за руль.

— Надо ехать. Простите, я немного выбиваюсь из графика. Только что вернулся из Дель-Мар. Там в семь сорок семь останавливается поезд на Лос-Анджелес. Большинство народа ездит на нем.

Он включил мотор и высунулся из окна, чтобы выбросить окурок на улицу.

— Спасибо,— поблагодарил я.

— За что? — Он съехал на дорогу и умчался. Я взглянул на часы. Время и расстояние сходились. До Дель-Мар было 12 миль. Чтобы доставить туда пассажира, высадить его у железнодорожного вокзала и вернуться обратно, потребуется почти час. Он мне явно на что-то намекнул. Если бы это не имело значения, вообще не стоило ничего говорить.

Я проводил взглядом такси и направился к телефонной будке. Оставив дверь открытой, набрал ноль и опустил в щель монету.

— Соедините меня, пожалуйста, с Западным Лос-Анджелесом.— Я назвал телефонистке номер в Брэдшоу.— С мистером Клайдом Амни лично. Моя фамилия Марлоу. Я звоню с таксофона номер 4-2678.

На то, чтобы соединить меня с Амни, понадобилось гораздо меньше времени, чем на то, чтобы сказать телефонистке всю эту тираду. Голос адвоката был резким и энергичным.

— Марлоу? Самое время докладывать... Итак, я слушаю...

— Звоню из Сан-Диего. Я ее упустил. Она ускользнула, когда я решил вздремнуть.

— Я так и знал, что нанял толкового малого,— неприязненно проронил он.

— Все не так плохо, мистер Амни. Я примерно представляю, куда она направилась.

— Примерные представления меня не устраивают. Когда я нанимаю человека, это значит, что он точно исполнит мои приказания. Что вы имеете в виду под словами «примерно представляю»?

— Вы не могли бы мне сообщить кое-какую дополнительную информацию, мистер Амни? Я мало что успел узнать, поскольку торопился на поезд. Ваша секретарша произвела на меня сильное впечатление, но сообщила очень мало. Вы ведь хотите реальных результатов, не так ли, мистер Амни?

— Я полагаю, что мисс Вермили сообщила вам все

необходимое,— проворчал он.— Я действую по поручению солидной адвокатской конторы из Вашингтона. Их клиент пока пожелал остаться неизвестным. От вас требуется проследить за объектом до тех пор, пока он где-нибудь не остановится, причем я имею в виду не зал ожидания и не забегаловку. Речь идет о гостинице, квартире или доме каких-нибудь знакомых. Только и всего. Что может быть проще?

— Дело не в простоте, мистер Амни. Мне нужна базовая информация. Кто эта девушка, откуда она и что она совершила такого, из-за чего я должен за ней следить? Почему вы обратились ко мне?

— Обратился к вам? — взорвался он.— Да кто вы такой, чтобы задавать мне вопросы? Найдите девушку, выследите и сообщите по телефону ее адрес. И поторопитесь, если хотите, чтобы вам заплатили. Даю вам срок до десяти часов завтрашнего утра. Потом я приму другие меры.

— Хорошо, мистер Амни.

— Где конкретно вы находитесь и с какого телефона звоните?

— Я не сижу на месте. И получил бутылкой по черепу.

— Худо дело! — съехидничал он.— Полагаю, вы все же успели ее опорожнить.

— Могло быть гораздо хуже, мистер Амни. По голове могло достаться и вам. Я позвоню завтра около десяти. Не беспокойтесь о том, что кто-то кого-то упустил. В том же направлении действуют еще одни ребята. Местный малый по фамилии Митчелл и сыщик из Канзас-Сити, некий Гобл. Он вооружен. Доброй ночи, мистер Амни.

— Не вешайте трубку! — остановил он меня.— Минутку! Что все это значит? За ней следят еще двое?

— Почему вы спрашиваете, что все это значит? Такой вопрос должен задавать я! Похоже, вам доверили только часть задания.

— Подождите! Не вешайте трубку! — Он помолчал и продолжал уже спокойнее: — Завтра утром я первым делом позвоню в Вашингтон. Извините, если был с вами резок. Хорошо, что у меня есть основания затребовать больше информации по этому делу.

— Да.

— Если вы ее найдете, звоните мне сюда. В любое время. Слышите? В любое время!

— Хорошо.

— Спокойной ночи.— Он повесил трубку.

Я сделал то же самое и глубоко вздохнул. Голова еще болела, но уже не кружилась. Я вдыхал прохладный ночной воздух, пропитанный океанским туманом. Я вывалился из будки и посмотрел на другую сторону улицы. Старик, который припарковался там, когда я приехал, снова был на месте. Я подошел к нему и спросил, как добраться до Стеклянного Зала, куда Митчелл собирался сводить на ужин Бетти Мэйфилд независимо от того, хотела она этого или нет. Таксист объяснил, я поблагодарил его, снова перешел на другую сторону, сел во взятую напрокат машину и покатил туда, откуда приехал.

Конечно, могло быть и так, что Бетти Мэйфилд села на поезд до Лос-Анджелеса или до другой станции, что гораздо вероятнее. Но таксист, который везет пассажира на вокзал, не станет околачиваться там, чтобы убедиться, что клиент сел на поезд. От Ларри Митчелла будет не так-то просто избавиться. Если он сумел заставить ее приехать в Эсмеральду, то мог и принудить ее там остаться. Он знал, кто я и чем занимаюсь, но не знал, почему я слежу за Бетти. Да я и сам этого не знал. Если мозги у него работали, в чем я не сомневался, то он мог предполагать, что я смогу отыскать след девушки хотя бы частично. Вначале я решил, что он поехал в Дель-Мар на своем бьюике, постоял где-нибудь в сторонке, дожидаясь, пока уедет такси. А потом забрал девушку и увез ее обратно в Эсмеральду. Но потом прикинул, что она вряд ли сможет сообщить Митчеллу что-нибудь новое для него. Я был частным сыщиком из Лос-Анджелеса, которого наняли для слежки. Вначале я занимался своим делом, а потом влип, потому что вздумал приволокнуться. Митчелл забеспокоится, когда поймет, что Бетти на крючке не только у него. И если вся его информация — только в газетной заметке, то он должен допускать, что его могут опередить другие. Немного любопытства плюс свободное время, и на эту заметку мог наткнуться кто угодно. Любой, кто нанимал частного сыщика, наверняка знал то же самое. Стало быть, каким бы образом Митчелл не планировал прижать Бетти Мэйфилд, ему придется поторопиться.

Проехав треть мили вниз по каньону, я увидел све-

тящийся указатель. На нем было написано: «Стеклянный Зал». Дорога извивалась вдоль побережья и бежала мимо домиков с оштукатуренными стенами, ухоженными садами, с несколькими каменными или кирпичными пристройками, крытыми черепицей на мексиканский манер. Окна многих домов светились теплым светом.

Когда я миновал последний холм, мне в ноздри ударил запах свежих водорослей. Цветные окна Стеклянного Зала были ярко освещены. Над автостоянкой разносились звуки танцевальной музыки. Я припарковал машину. Невидимый океан шумел почти у самых ног. Сторожа не было. Все просто закрывали свои машины и входили.

Их было немного, всего десятка два. Я осмотрел автомобили. По крайней мере одно мое предположение оправдалось: номер бьюика совпадал с записанным в моей записной книжке. Машина Митчелла стояла поблизости от входа, а рядом с ним у самой двери приткнулся кадиллак цвета слоновой кости с розовым оттенком и устрично-белыми кожаными сиденьями. На переднем лежал дорожный плед. Машина была оборудована всеми возможными приспособлениями — двумя огромными зеркальными прожекторами, антенной длиной почти с рыбачий баркас, складной хромированной подставкой для ног на тот случай, если вздумается ехать далеко и с комфортом, козырьком от солнца, призматическим рефлектором, чтобы принимать сигналы светофора, приглушенные козырьком, радиоприемником со множеством кнопок, зажигалкой, которая сама раскурит сигарету, и прочими безделушками. Разглядывая их, я спрашивал себя, не додумается ли кто-нибудь поставить на машину радар, установить звукозаписывающее устройство и зенитную установку?

Все это я изучал при свете карманного фонарика. Осветив кармашек для водительских прав, я узнал, что владельца зовут Кларк Брэндон, а живет он в гостинице «Каса дель Пониенте» [1], Эсмеральда, штат Калифорния.

---

[1] Каса дель Пониенте — Западный дом (исп.).

Холл располагался на террасе, с которой просматривались бар внизу и ресторан. Винтовая лестница, покрытая ковром, вела в бар. Наверху не было никого, кроме девушки-гардеробщицы и пожилого типа в телефонной будке. Судя по выражению его лица, он никому другому не был нужен.

Я спустился в бар и занял местечко в углу, откуда хорошо просматривалась танцевальная площадка. Одна из стен здания была огромным окном. Сейчас за ним не было ничего, кроме тумана, но в светлую лунную ночь, надо полагать, зрелище представлялось просто потрясающее. Репертуар мексиканского трио был самым что ни на есть обычным. Они всегда поют одни и те же песни с четкими гласными и надрывно-приторным мотивом. Певец всегда истязает гитару, поминая любовь, смелость и даму, у него всегда слишком длинные и жирные волосы, а когда он изрыгает любовную дребедень, то похож на головореза из темной аллеи, которому нож подходит куда больше, чем гитара.

На площадке дергались с полдюжины парочек; так мог бы двигаться ночной сторож, страдающий артритом. Большинство танцующих тесно прижимались друг к другу, если здесь вообще уместно говорить о танце. Мужчины были одеты в белые смокинги, а женщины — в блестящие глаза, рубиновые губы и накачанные гольфом или теннисом мускулы. Одна пара выделялась среди остальных. Парень был слишком пьян, чтобы уследить за ритмом, а девушка озабочена тем, чтобы партнер не отдавил ей ноги. Не стоило беспокоиться о том, что я могу потерять Бетти Мэйфилд. Она была здесь вместе с Митчеллом, но это явно не доставляло ей удовольствия. Митчелл ухмылялся, его раскрасневшееся лицо блестело, а глаза остекленели. Бетти сильно запрокинула назад голову, рискуя вывернуть шею. Похоже, девушка была по горло сыта мистером Ларри Митчеллом.

Ко мне подошел официант-мексиканец в коротком зеленом пиджаке и белых штанах с зелеными лампасами. Я заказал двойной гибсон и спросил, нельзя ли получить клубный сэндвич в баре, а не в ресторане.

— Можно, сеньор,— ответил он по-испански, широко улыбнулся и исчез.

Музыка смолкла, раздались жидкие хлопки. Оркестр был глубоко тронут и исполнил еще один номер. Темноволосый метрдотель, похожий на Герберта Маршалла, скользил между столиками, демонстрируя всем свою широкую добрую улыбку и останавливаясь то тут, то там, чтобы надраить до блеска яблоко. Затем он выдвинул стул, подсел к высокому симпатичному мужчине с внешностью ирландца. Волосы его были тронуты сединой. Он сидел один и был одет в темный вечерний костюм с темно-бордовой гвоздичкой в петлице. Очень милый парень, если его не трогать. Пожалуй, это все, что я мог разглядеть на таком расстоянии и при таком освещении. Ну а если кому-то и вздумается его прижать, то для этого надо быть крупным, ловким и крутым малым в отличной форме.

Метрдотель наклонился к мужчине и что-то сказал ему, оба взглянули на Митчелла и мисс Мэйфилд. Метрдотель казался озабоченным, а седого все это как будто не занимало. Метрдотель поднялся и ушел, а здоровяк вставил в мундштук сигарету, и официант щелкнул зажигалкой с таким видом, словно весь вечер с нетерпением ждал этого момента. Мужчина поблагодарил его, не повернув головы.

Мне подали бокал, я залпом осушил его. Музыка смолкла и больше не возобновлялась. Пары разделились и направились к своим столикам. Ларри Митчелл все еще держал Бетти в объятиях. Ухмылка не сходила с его лица. Потом он начал тянуть девушку к себе, положив ей руку на затылок. Бетти попыталась стряхнуть его ладонь, но Митчелл уткнулся своей пьяной раскрасневшейся рожей прямо ей в лицо. Девушка вырывалась, но он был гораздо сильнее. Митчелл снова облизал ее, Бетти его пнула. Он раздраженно откинул голову назад.

— Пусти, пьяная мразь! — негромко, но очень отчетливо проговорила Бетти.

— Что случилось, крошка? — хрипло и громко осведомился он.— Ты больше не любишь папочку?

Я не видел, куда она ему задвинула коленом, но Митчеллу, вероятно, стало очень больно. Он оттолкнул девушку, лицо его перекосилось. Потом он развернулся и влепил ей две пощечины. На щеках тотчас проступили красные пятна. Бетти не шелохнулась. Затем так, чтоб услышали все, медленно отчеканила:

— Когда вы захотите сделать это еще раз, мистер Митчелл, не забудьте надеть бронежилет.

Потом развернулась и отошла. Митчелл остался стоять на месте. Он был бледен не то от гнева, не то от боли. К нему мягко подошел метрдотель и что-то прошептал на ухо, вопросительно поведя бровью.

Митчелл уставился на него. Затем молча шагнул вперед, и метрдотелю пришлось спешно ретироваться. Митчелл направился за Бетти, налетел на какого-то мужчину и даже не извинился. Бетти сидела лицом к огромному окну совсем недалеко от типа в вечернем костюме. Мужчина посмотрел на нее, а она — на Митчелла. Потом мужчина вынул изо рта мундштук и принялся с безучастным видом разглядывать его.

Митчелл добрался до стола.

— Ты сделала мне больно, красотка! — прохрипел он.— А я не из тех, кому можно делать больно. Ясно? Это тебе так не пройдет. Может, извинишься?

Девушка встала, схватила шаль со спинки стула и повернулась лицом к Митчеллу.

— Мне заплатить самой, мистер Митчелл, или это сделаете вы?.. Из тех денег, что я вам одолжила.

Он замахнулся, чтобы ударить еще раз. Мужчина за соседним столиком медленно и спокойно поднялся и схватил Митчелла за руку.

— Уймись, Ларри,— холодно и насмешливо сказал он.— Ты уже достаточно набрался!

Митчелл вырвал руку и обернулся.

— Не суйся не в свое дело, Брэндон!

— А я и не суюсь, старик. Но даму лучше не трогай. Отсюда не часто выкидывают посетителей, но иногда такое случается.

Митчелл зло рассмеялся.

— Плюнь-ка лучше себе в шляпу!

— Я же сказал: успокойся, Ларри,— мягко повторил Брэндон.— Больше уговаривать не буду.

Митчелл уставился на него.

— Ладно, еще свидимся,— мрачно процедил он и направился к выходу, но остановился.— Как-нибудь в другой раз,— добавил он обернувшись и вышел неверными, но быстрыми шагами, не глядя по сторонам.

Брэндон молча стоял рядом с девушкой. Она тоже ничего не говорила. Похоже, она не знала, что делать дальше.

Наконец оба взглянули друг на друга. Мужчина вежливо и непринужденно улыбнулся. Бетти не ответила на эту улыбку.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? Куда-нибудь отвезти? — Он слегка повернул голову и позвал: — Карл!

К нему быстро подошел метрдотель.

— Даме счет не предъявляйте,— велел Брэндон.— Как вы понимаете, в подобной ситуации...

— Простите,— резко оборвала его девушка,— но я не желаю, чтобы за меня кто-нибудь платил.

Брэндон покачал головой.

— Здесь так принято. Лично я здесь ни при чем. Можно послать вам бокал?

Бетти пристально посмотрела на него, но мужчина остался совершенно невозмутим.

— Послать бокал? — переспросила она.

Он вежливо улыбнулся.

— Тогда принести... Если вы не откажетесь присесть.

Он предложил ей место за своим столиком. Девушка села. В тот же миг метрдотель подал знак оркестрантам, и снова грянула музыка.

Мистер Кларк Брэндон производил впечатление человека, который добивается всего, чего хочет, не повышая голоса.

Немного погодя мне принесли клубный сэндвич. Он оказался самым заурядным, но вполне съедобным. Я его съел и проторчал в баре еще с полчаса. Брэндон, кажется, нашел общий язык с девушкой. Оба вели себя очень спокойно. Потом пошли танцевать. Я вышел из ресторана, сел в машину и закурил. Бетти могла меня заметить, но не подать виду. В том, что Митчелл меня не увидел, я был совершенно уверен. Он слишком быстро пробежал по лестнице, к тому же был слишком зол, чтобы на что-нибудь обращать внимание.

Около половины одиннадцатого Брэндон вышел вместе с девушкой и усадил ее в кадиллак. Я отправился за ними, не пытаясь прятаться, поскольку ехали они совершенно открыто, как едут все в центр Эсмеральды. Они держали путь в «Каса дель Пониенте». Брэндон свернул к подземному гаражу.

Осталось выяснить одну мелочь. Я оставил машину на стоянке, вошел в холл и позвонил по внутреннему телефону.

— Будьте добры, соедините с мисс Мэйфилд. Бетти Мэйфилд.

— Сейчас... Она только что зарегистрировалась. Соединяю с ее номером, сэр.

Пришлось подождать, затем я услышал:

— Простите, номер мисс Мэйфилд не отвечает.

Я поблагодарил, повесил трубку и быстренько ретировался на случай, если она с Брэндоном зайдет в холл.

Потом уселся в свою наемную колесницу и вернулся в «Ранчо Дескансадо». Судя по тому, что коттедж с регистратурой закрыли на клюшку, там никого не было. Единственная тусклая лампочка снаружи освещала ночной звонок. Я на ощупь добрался до номера 12в, поставил машину в гараж и, зевая, вошел в номер. Там было холодно, влажно и неуютно. В номере кто-то прибрал, снял с постели полосатое покрывало и поменял наволочки.

Я разделся, опустил кудрявую голову на подушку и уснул.

9

Меня разбудил тихий, но весьма настойчивый стук в дверь. Мне показалось, что продолжался он достаточно давно, постепенно вторгаясь в мой сон. Я перевернулся на другой бок и прислушался. Кто-то подергал дверь и постучал опять. Я посмотрел на часы. Слабо светящиеся стрелки показывали четвертый час утра. Я встал, вытащил из чемодана револьвер и приоткрыл дверь. На пороге темнела человеческая фигура в широких брюках и непромокаемой куртке. Голова ее была обмотана темным шарфом. Это была женщина.

— Что вам нужно?

— Впустите меня скорее! И не включайте свет...

Конечно, это была Бетти Мэйфилд. Я распахнул дверь, и она просочилась внутрь, как клок тумана. Я закрыл дверь и набросил на себя халат.

— Вы пришли одна? — спросил я.— В соседнем номере никого нет.

— Да, я одна.— Она прислонилась к стене, тяжело дыша. Я нашарил в кармане фонарик и с его помощью нашел выключатель обогревателя. Потом направил луч света в лицо Бетти. Она зажмурилась и заслонила глаза ладонью. Я посветил на пол, подошел к окну и опустил жалюзи. И только потом включил свет.

Девушка тяжело вздохнула. Она так и стояла, прислонившись к стене. Судя по ее виду, ей не мешало бы выпить. Я сходил на кухню, плеснул в стакан виски и принес его Бетти. Та вначале отмахнулась, потом передумала, быстро схватила стакан и залпом осушила его.

Я сел и закурил сигарету — обычная реакция, которая так раздражает в ком-нибудь другом. Я курил, смотрел на девушку и ждал.

Наши взгляды наконец встретились. Она медленно опустила руку в косой карман куртки и вытащила оттуда пистолет.

— Ну нет,— возразил я.— Только не это.

Девушка взглянула на оружие и поморщилась. Она держала пистолет в руке, не целясь. Потом подошла ко мне и положила его возле моего локтя.

— Я его уже видел. Мы с ним старые знакомые. В последнюю нашу встречу он был в руке у Митчелла. И каков итог?

— Потому я вас и отключила. Я боялась, что он выстрелит.

— Это нарушило бы все его планы.

— Я не была в этом уверена. Простите. Простите меня за то, что я вас ударила.

— Благодарю за лед.

— Вы не хотите взглянуть на револьвер?

— Я на него уже взглянул.

— Я пришла сюда пешком из «Каса дель Пониенте». Теперь я живу там... Я... я поселилась нынче вечером.

— Знаю. Вы поехали на такси в Дель-Мар, чтобы сесть на вечерний поезд. Но Митчелл перехватил вас и забрал обратно. Потом вы с ним поужинали, потанцевали и малость повздорили. А потом вас отвез в гостиницу на своей машине некий Кларк Брэндон.

Девушка внимательно посмотрела на меня.

— Я вас там не заметила,— отозвалась она наконец каким-то бесцветным голосом.

— Я сидел в баре. Пока с вами был Митчелл, вы были слишком увлечены тем, что позволяли себя лупить, и посоветовали ему в следующий раз надеть пуленепробиваемый жилет. А за столиком Брэндона вы сидели спиной ко мне. Я вышел из ресторана раньше вас и ждал на улице.

— Мне начинает казаться, что вы и впрямь детектив,— тихо сказала девушка, снова взглянув на писто-

лет.— Митчелл так и не отдал мне его обратно, но этого я доказать не могу.

— А вам, судя по вашему тону, хотелось бы это сделать.

— Это мне могло бы немного помочь. Впрочем, этого мало. Во всяком случае, тогда, когда обо мне узнают все. Я полагаю, вы понимаете, о чем я.

— Сядьте и перестаньте стучать зубами.

Девушка медленно подошла к стулу, присела на краешек, подавшись вперед, и уставилась в пол.

— Я знаю, что за этим что-то кроется,— заметил я.— Митчелл что-то пронюхал. Мог бы докопаться и я... если бы хотел. При желании это нетрудно. Однако я не знаю ничего. Меня наняли только затем, чтобы я выследил вас.

Девушка бросила на меня быстрый взгляд.

— Вы так и сделали?

— Я позвонил,— отозвался я, помолчав,— и сказал, что упустил объект. В разговоре упомянул Сан-Диего. Впрочем, это можно было узнать и у телефонистки.

— Упустили объект,— сухо повторила девушка.— Хорошего, должно быть, мнения о вас ваш шеф, кто бы он ни был.— Бетти закусила губу.— Простите, я не должна была так говорить с вами. Мне надо кое-что обдумать.

— Можете не спешить. Сейчас всего двенадцать минут четвертого.

— Не ехидничайте.

Я взглянул на обогреватель. Он еще не нагрелся как следует, но в комнате, кажется, стало заметно теплее. Я решил, что не помешает немного выпить, сходил на кухню, пропустил стаканчик, налил еще один и вернулся с ним в комнату.

В руке у Бетти была книжка в обложке из искусственной кожи. Девушка показала ее мне.

— Тут у меня на пять тысяч дорожных чеков «Американ Экспресс», по сто долларов каждый. Что вы готовы сделать за пять кусков, Марлоу?

Я отпил из стакана и обдумал ее слова.

— При обычных ставках я заработал бы столько за несколько месяцев. Конечно, в том случае, если бы продался.

Она постучала чековой книжкой по спинке стула, а второй рукой сжала коленку так, что побелели костяшки пальцев.

— Еще как продался бы. Это лишь задаток. Я буду платить по-крупному. У меня столько денег, что ты и представить не можешь. Мой последний муж был очень богат. Я получила от него добрых полмиллиона.

Она скорчила высокомерную гримаску, и у меня было достаточно времени, чтобы ее оценить.

— Надеюсь, убивать никого не придется.

— Убивать никого не придется.

— Мне не нравится ваш тон.

Я искоса посмотрел на лежавший рядом пистолет. Она шла пешком от самой гостиницы, чтобы показать его мне. Можно было его не трогать. Я наклонился к пистолету и принюхался. Мне не хотелось брать его в руки, но я знал, что придется.

— В ком пуля? — спросил я. Холод комнаты проник в мою кровь, и она превратилась в ледяную жижу.

— Пуля? Откуда вы знаете, что она была одна?

Я взял пистолет, вытащил магазин, осмотрел его и вставил обратно. Он со щелчком вошел в рукоять.

— Их могло быть и две. В магазин входит семь патронов, а в нем — только шесть. Можно было загнать один в патронник и добавить в магазин еще один. Конечно, можно было расстрелять всю обойму, а потом вставить в магазин шесть патронов.

— Так и будем ходить вокруг да около? — медленно спросила девушка.— Не лучше ли поговорить без обиняков?

— Ну, хорошо. Где он?

— Лежит в шезлонге на моем балконе. Балконы есть во всех номерах с моей стороны. Мне кажется, хорошо тренированный человек мог бы туда взобраться. Мой номер на двенадцатом этаже, а выше — только надстройка для лифта.

Она помолчала, нахмурилась и как-то беспомощно махнула рукой.

— Это может показаться банальным, но он мог попасть туда только через мой номер, а я его к себе не впускала.

— Вы уверены, что он мертв?

— Абсолютно. Он был холодный, как ледышка. Но я не знаю, когда это случилось. Я ничего не слышала. Проснулась от какого-то звука, но это был не выстрел. Во всяком случае, труп к тому времени уже остыл. Сама не знаю, что меня разбудило. Встала я не сразу,

еще какое-то время лежала и думала. Уснуть снова никак не удавалось, поэтому я все-таки встала, включила свет, ходила по комнате и курила. Потом заметила, что туман рассеялся и взошла луна. Не знаю как внизу, но на моем этаже тумана не было. Я вышла на балкон, было ужасно холодно, в небе сияли огромные звезды. Я стояла у стены и не сразу его заметила. В это трудно поверить, настолько все дико... Сомневаюсь, что мне что-то удастся доказать полиции, даже вначале... А уж потом-то... Ладно, не будем об этом... Если мне кто-нибудь не поможет, я пропала.

Я встал, допил виски и подошел к девушке.

— Я хотел бы вам кое-что сказать. Во-первых, ваша реакция кажется мне несколько странной. Вы слишком спокойны. Ни паники, ни истерики или чего-то в этом роде. Фатализм какой-то. Кроме того, вчера я слышал весь разговор между вами и Митчеллом. Я вывернул из обогревателя лампы и воспользовался стетоскопом. Митчелл знал, кто вы, и если бы эта информация была опубликована, вам пришлось бы в очередной раз менять адрес, попутно сменив имя. Вы считали себя самой везучей девушкой в мире потому, что вам удалось уцелеть. А теперь у вас на балконе лежит человек, убитый из вашего пистолета, и этот человек, разумеется, Митчелл. Так?

Она кивнула:

— Да, это Ларри.

— Вы утверждаете, что не убивали его. И сомневаетесь, что фараоны поверят вам даже в самом начале. А потом уж и подавно. Я полагаю, что здесь что-то неладно.

Бетти не сводила с меня взгляда. Она медленно встала. Мы стояли друг против друга и жестко смотрели один другому в глаза.

— Полмиллиона — деньги немалые, Марлоу. Купить тебя не составит труда. В этом мире немало уголков, где мы могли бы жить припеваючи. В Рио, например. Не знаю, на сколько этого хватило бы, но ведь всегда можно что-то придумать, верно?

— Вы неплохая актриса,— ответил я.— Сейчас вы изображаете уличную девку, а когда я увидел вас впервые, вы были хорошо воспитанной дамой. Вам не нравилось, что к вам клеится красавчик вроде Митчелла. Потом вы купили пачку сигарет и выкурили одну с та-

ким видом, словно вам было противно. Потом, когда вы приехали сюда, вы позволили ему вас обжимать. Потом вы разорвали блузку... ха-ха, как дешевая потаскушка с Пятой авеню, когда домой заявится ее кобелек. Потом вы и мне позволили вас немного потискать. Потом отоварили по черепу бутылкой виски. А теперь рассказываете сказочки о роскошной жизни в Рио. Так кто же будет лежать рядом со мной, когда я проснусь утром?

— Я даю вам пять тысяч долларов сейчас и гораздо больше потом. От полиции вы не получите и пяти зубочисток. А если считаете иначе — телефон в вашем распоряжении.

— Что я должен сделать за эти пять кусков?

Бетти с облегчением вздохнула, словно всё трудности уже остались позади.

— Гостиница стоит почти на краю обрыва. Под самой стеной проходит узкая бетонная дорожка. А внизу — скалы и океан.

Я кивнул.

— Запасная лестница в гостинице есть?

— Есть. Она начинается в подземном гараже около шахты лифта. Но она очень высокая и крутая.

— За пять кусков я могу подняться по ней даже в водолазном костюме. Вы шли сюда через холл?

— Через подземный гараж. Там есть ночной сторож, но он спал в одной из машин.

— Вы сказали, что Митчелл лежит в шезлонге. Крови много?

Девушка вздрогнула.

— Я... я не обратила внимания. Может быть.

— Не обратили внимания? Вы же подошли достаточно близко и даже определили, что труп уже остыл. Куда попала пуля?

— Я не знаю...

— А пистолет где лежал?

— На пороге, рядом с его рукой.

— С какой именно стороны?

Она удивленно посмотрела на меня.

— Разве это имеет какое-нибудь значение? Я понятия не имею. Он лежал поперек шезлонга. Разве это так важно?

— Ну, хорошо. Я ни черта не знаю о местных течениях и приливах. Может, его выбросит на берег завтра,

а может — недели через две. Разумеется, при условии, если мы сумеем его вышвырнуть в воду. Если его найдут не скоро, полиция может даже не определить, что он был застрелен. Полагаю, есть шанс, что его и вовсе не обнаружат. Пусть небольшой, но все же. В здешних водах водится барракуда и тому подобное.

— Вы определенно делаете все возможное, чтобы это звучало еще отвратительнее,— заметила девушка.

— Не без посторонней помощи. Кроме того, можно инсценировать самоубийство. В этом случае пистолет лучше положить обратно. Он был левшой, поэтому я и спрашивал, около какой руки лежал пистолет.

— Да, вы правы. Он был левшой, но это не самоубийство. Такие самодовольные дураки с собой не кончают.

— Говорят, что порой человек может убить самого дорогого человека. С ним не могло такого случиться?

— Не тот тип,— коротко и безапелляционно заявила она.— Если нам очень повезет, полиция может решить, что он выпал с балкона. Бог свидетель, он был достаточно пьян для этого. А я к тому времени буду уже в Южной Америке. Мой паспорт в полном порядке.

— А на какое имя он выписан?

Она протянула руку и провела пальцами по моей щеке.

— Скоро вы все обо мне узнаете. Потерпите. Узнаете подробности самого личного свойства. Неужели нельзя немного подождать?

— Можно. Тогда давайте начнем со знакомства с чеками «Американ Экспресс». У нас есть еще час-другой до рассвета и несколько часов тумана. Вы подпишете чеки, а я пока оденусь.

Я достал из кармана ручку и подал ее девушке. Она села поближе к свету и принялась ставить на чеках вторую подпись. Писала Бетти медленно и тщательно, высунув кончик языка. Подписывалась фамилией Мэйфилд.

Это значило, что сменить ее она решила еще до отъезда из Вашингтона.

Я одевался и думал о том, на самом ли деле Бетти так глупа, что надеялась на мою помощь.

Я отнес на кухню стакан и попутно прихватил пистолет. Закрыв за собой дверь, спрятал его вместе с обоймой под противень в газовой духовке, потом сполос-

нул стаканы, вытер их, вернулся в комнату и оделся. Девушка даже не взглянула в мою сторону.

Она продолжала подписывать чеки. Когда Бетти наконец закончила, я взял у нее книжку и внимательно пролистал ее, проверяя подписи. Большие деньги для меня ерунда. Я спрятал книжку в карман, выключил свет и направился к двери. Бетти пошла за мной следом.

— Сматывайтесь. Я подберу вас на шоссе в том месте, где кончается забор.

Она повернулась лицом ко мне и подошла ближе.

— Я могу вам доверять? — спросила девушка.

— До некоторой степени.

— Вы, по крайней мере, откровенны. А что будет, если мы влипнем? Если кто-нибудь слышал выстрел, труп уже нашли, и мы заявимся прямо в лапы полиции.

Я молча смотрел на нее, не отводя взгляда.

— Попробую угадать,— медленно и тихо проговорила она.— Вы меня тотчас продадите. И не получите ни гроша из пяти тысяч. Тогда эти чеки будут стоить не дороже старой газеты. Вы не осмелитесь подать к оплате ни один из них.

Я по-прежнему молчал.

— Сукин ты сын,— продолжала Бетти.— Зачем я вообще к тебе пришла?

Я двумя руками взял ее лицо и поцеловал в губы. Она отшатнулась.

— Во всяком случае не за этим! — возразила девушка.— И еще кое-что. Хотя я понимаю, что это — сущие пустяки. У меня были опытные учителя. Мучительно длинные и трудные уроки, и масса учителей. Я его действительно не убивала.

— Может быть, я вам верю.

— Не стоит себя утруждать. Никто другой все равно не поверит.

Она повернулась ко мне спиной и соскользнула с крыльца. Силуэт ее мелькнул между деревьями и исчез в тумане.

Я запер дверь, сел в машину и поехал по пустынной дороге мимо закрытой конторы с освещенным звонком. Все вокруг было погружено в сон, по каньону с ревом неслись грузовики со стройматериалами, нефтью и большими запечатанными контейнерами, с прицепами и без них. Они везли все необходимое для жизни города. Грузовики медленно и тяжело карабкались вверх

по склону с включенными противотуманными фарами.

В пятидесяти ярдах от ворот из темноты вынырнула Бетти и залезла в машину. Я включил фары. Где-то в тумане заревела сирена, предупреждая о приближении корабля. Высоко в просветах между облаками с воем и свистом прошла эскадрилья реактивных самолетов с Норт-Айленда. Она исчезла быстрее, чем я успел щелкнуть зажигалкой и закурить.

Девушка молча сидела рядом со мной, уставившись в одну точку. Она не замечала ни тумана, ни ехавшего впереди грузовика. Бетти не замечала ничего. Она окаменела от отчаяния, как осужденный, которого ведут на казнь.

А может, она была очень талантливой актрисой, каких мне давно не приходилось встречать.

10

Гостиница «Каса дель Пониенте» стояла у скалистого берега. Она занимала около семи акров, включая газоны и цветники, на защищенном от ветра патио за стеклянной стеной стояли столики, вымощенная плитами дорожка пересекала его и вела к центральному входу. По одну сторону от патио находился бар, по другую — кафе, а у каждого торца здания были автостоянки, которые частично скрывала зеленая изгородь из цветущих кустарников. На обеих стояли машины. Не все хотели пользоваться подземным гаражом, хотя влажный и соленый воздух вредно действовал на хромированные поверхности.

Я поставил свою машину недалеко от въезда в гараж. Океан шумел совсем рядом. Его запах и распыленная влага наполняли воздух. Мы выбрались из кабины и направились к подземному гаражу. Параллельно и чуть выше въезда для машин шла пешеходная дорожка. Над воротами гаража было написано: «Малый ход. Подавать звуковой сигнал». Бетти схватила меня за руку и остановилась.

— Я пройду через холл. Я слишком устала, чтобы подниматься по лестнице.

— Пожалуйста, это не запрещено законом. В каком номере вы остановились?

— В 1224-м. Что будет, если нас поймают?

— На чем поймают?

— Сами знаете. Когда мы... будем выбрасывать его с балкона. Или еще на чем-нибудь.

— Меня посадят на муравейник. О вас я ничего сказать не могу. Все зависит от того, что они на вас имеют.

— Хороши разговорчики перед завтраком!

Она развернулась и быстро ушла. Я направился к гаражу. Наконец увидел застекленную будку, освещенную одной-единственной лампочкой. Приблизившись, я убедился, что она пуста. Прислушался, пытаясь определить, нет ли там сторожа. В подземном гараже любой звук, например плеск воды или насвистывание, будет отлично слышен. Но кругом стояла тишина.

Я спустился еще ниже и теперь был почти на уровне верхнего края будки. Немного нагнувшись, я увидел пологие ступени, ведущие к шахте лифта. Дальше виднелась стеклянная дверь с надписью «К лифту». За ней горел свет, но внутри, кажется, не было ни души.

Я сделал еще три шага и замер. Сторож смотрел прямо на меня. Он расположился на заднем сиденье паккарда, удобно развалившись в самом углу. Лицо его блестело, но еще сильнее блестели темные очки. Я затаил дыхание. Сторож не шевелился. Голова его откинулась на спинку сиденья, а рот был широко открыт. Может, прикидывается спящим и ждет, пока я уйду, чтобы побежать к телефону и позвонить в регистратуру?

Но я решил, что все это просто глупо. Он не мог прийти в гостиницу на смену раньше времени, а следовательно, не мог знать в лицо всех клиентов. Они же обычно ходили через холл. Было около четырех утра. Примерно через час начнет светать. Ни один домушник не выходит на промысел так поздно.

Я подошел прямо к паккарду и заглянул в салон. Все окна были закрыты, а человек по-прежнему не двигался. Я взялся за ручку и попытался как можно тише открыть дверцу. Он не шелохнулся. Сторож казался очень светлокожим и, кажется, спал. Я услышал его храп еще до того, как заглянул внутрь. Потом мне в нос ударил смрад очищенной марихуаны. Парень отбыл в долину покоя, где время замедлилось до предела, а весь мир был пронизан музыкой и красками. Через несколько часов он вылетит со службы, даже если его не бросят в каталажку фараоны.

Я захлопнул дверцу и направился к застекленной

двери лифта. Не останавливаясь перед ней, сразу же прошел к входу на запасную лестницу. Поднимался я медленно: двенадцать этажей плюс подвал — это труд немалый. Этажи пришлось считать, поскольку двери на них были без номеров. Двери эти были тяжелыми, крепкими и серыми, как бетонные ступени. Добравшись до двенадцатого этажа, я долго не мог отдышаться и весь обливался потом. Затем осторожно подкрался к двери с номером 1224 и подергал ее. Она была закрыта, но почти тотчас открылась, словно Бетти ждала меня. Я прошел в номер, плюхнулся на стул и перевел дух. Это была очень просторная комната с высокой балконной дверью. Двуспальная кровать была расправлена. На стульях валялась одежда, на комоде лежали туалетные принадлежности, а рядом с ним стояли чемоданы. Этот номер я оценил долларов на двадцать в сутки.

Бетти закрыла дверь на защелку.

— Случилось что-нибудь?

— Ночной сторож нагрузился марихуаной по самые уши. Он безобиден, как котенок.

Я с трудом встал и подошел к балконной двери.

— Подождите! — остановила меня Бетти.— Бросьте эту затею!

Я молча ждал.

— Лучше я вызову полицию. Будь что будет!

— Отличная мысль. Почему вы не додумались до этого раньше?

— Пожалуйста, уходите! Я не хочу вас впутывать в неприятности!

Я молча смотрел на нее. Она изо всех сил старалась не закрывать глаза, но веки ее невольно опускались. Похоже, она наглоталась какого-то лекарства, а может, была в шоке. Понять было трудно.

— Я приняла две таблетки снотворного,— сообщила Бетти, словно прочитав мои мысли.— Я уже на пределе. Пожалуйста, уходите. Когда я проснусь, сразу же закажу завтрак. Как только придет официант, я под каким-нибудь предлогом отправлю его на балкон, и он обнаружит... то, что там есть. Но мне на это будет глубоко плевать,— с трудом пробормотала она, потом тряхнула головой и потерла ладонями виски.— Я ни черта не буду знать об этом... Сожалею, что вам придется вернуть мне деньги.

Я подошел к ней вплотную.

— А если я их не верну, вы расскажете фараонам всю эту историю?

— Придется,— сонно пробормотала она.— А что мне останется делать? Они все из меня выудят. Я... я слишком устала, чтобы бороться.

Я взял девушку за плечо и встряхнул. Голова ее безвольно качнулась.

— Вы точно приняли только две таблетки?

Она широко раскрыла глаза.

— Да. Я никогда не принимаю больше двух.

— Ну так слушайте. Я пойду на балкон и взгляну на Митчелла. Потом вернусь на «Ранчо». Ваши деньги останутся у меня, пистолет тоже. Возможно, его у меня и не найдут, но... Проснитесь! Вы меня слышите?!

Голова ее склонилась набок. Девушка встрепенулась, открыла глаза и посмотрела на меня отсутствующим взглядом.

— Слушайте меня. Если никто не узнает, что это ваш пистолет, то наверняка не найдут и у меня. Я работаю на одного адвоката, и мне поручили вас выследить. С фараонами лучше не связывайтесь, если не хотите угодить на виселицу, ясно?

— А-а, мне на это плевать!

— Вы наглотались снотворного, потому и плевать.

Девушка качнулась вперед, я подхватил ее и отнес на постель. Она тяжело рухнула на кровать. Я снял с Бетти туфли, укрыл ее одеялом и подоткнул его. Она мгновенно уснула и тотчас начала храпеть. Я заглянул в ванную, осмотрелся и нашел на полке пузырек с нембуталом. Он был почти полон. На флаконе был проставлен номер рецепта и дата месячной давности. Лекарство было продано балтиморской аптекой. Я высыпал на ладонь желтые таблетки и пересчитал. Их было сорок семь, и они заполняли пузырек почти доверху. Обычно если кто-то хочет покончить с собой, таблетки глотают все сразу, чтоб уж наверняка, даже если стошнит, что случалось почти всегда. Я сложил снотворное обратно в пузырек и спрятал в карман.

Потом вернулся в комнату и посмотрел на Бетти. В номере было холодно. Я включил батарею, но не слишком сильно. И только после этого открыл дверь на балкон и вышел. Там я сразу же закоченел. Балкон был примерно двенадцать футов на четырнадцать, с тридцатидюймовым бортиком, кончавшимся металлическими

перилами. Через них можно было без труда перепрыгнуть, но вывалиться вниз казалось крайне сложно. На балконе стояли два алюминиевых шезлонга с пухлыми подушками и два кресла. Слева за перемычкой начинался соседний балкон. Стало быть, попасть сюда можно только сверху, да и то при известной сноровке.

Трупа нигде не было. Я поискал следы крови. Но все было чисто. Прошел вдоль перил. Тоже ни пятнышка. Потом дошел до самой перемычки, ухватился покрепче за перила и заглянул вниз. Посмотрел на уходящую вниз стену. Возле нее были целые заросли, потом шла узкая полоска газона, вымощенная плитами дорожка, снова кусок газона и внушительная изгородь, возле которой тоже раскинулись заросли. Я прикинул на глаз расстояние. С поправкой на высоту двенадцатого этажа я посчитал, что до изгороди было по меньшей мере футов тридцать пять. Внизу, разбиваясь о прибрежные скалы, пенились океанские волны.

По моим прикидкам, Ларри Митчелл был выше меня примерно на полдюйма, но весил фунтов на пятнадцать меньше. Не родился еще такой человек, который мог перебросить тело весом в 175 фунтов с балкона прямо в воду. Возможно, Бетти этого не понимала. Один шанс на тысячу, что так оно и было.

Я вернулся в номер, закрыл за собой балконную дверь и подошел к кровати. Девушка крепко спала. Она продолжала храпеть. Я коснулся ее щеки тыльной стороной ладони. Щека была влажной. Бетти пошевелилась и что-то пробормотала. Потом вздохнула и положила голову поудобнее. Дышала она ровно, свободно, сознания не потеряла, и вообще никаких признаков отравления снотворным не было.

Пожалуй, она действительно проглотила пару таблеток, но это было единственное, о чем она не солгала.

В верхнем ящике комода я нашел сумку. Осмотрев ее, я спрятал в карман на «молнии» чековую книжку. В том же кармане я нашел несколько сложенных купюр, календарик из Санта-Фе, обложку и корешок железнодорожного билета для проезда в мягком вагоне. Билет был на место «Е» в вагоне номер 19 от Вашингтона, федеральный округ Колумбия, до Сан-Диего, Калифорния. Я не нашел ни одного письма и вообще ничего, что позволило бы установить ее личность. Конечно, какие-нибудь бумаги могли оказаться в багаже. Еще в

сумочке лежала обычная женская дребедень: губная помада, пудреница, кошелек с мелочью и несколько ключей на кольце с бронзовым брелоком в виде искусно сделанного тигра. Кроме того — пачка сигарет, похоже, полная, но распечатанная, и начатая коробка спичек. Три носовых платка без инициалов, пакет пилок для ногтей, тушь для ресниц, расческа в кожаном футляре, флакончик лака для ногтей и маленькая адресная книжка. Я ее пролистал. Она оказалась совершенно чистой, без единой записи. Еще я нашел футляр с темными очками, дужки которых были усыпаны блестками. Фамилии на футляре не было. Кроме того, в сумке оказались чернильная авторучка и маленький золотой карандаш. Сумочку я положил на место. Потом подошел к столу, взял лист гостиничной бумаги и конверт.

Гостиничной ручкой написал:

«Дорогая Бетти, прости, что не мог остаться мертвым. Все объясню завтра. Ларри».

Я заклеил конверт с этим посланием, написал на нем: «Мисс Бетти Мэйфилд» и положил так, как если бы его просунули под дверь.

Потом я вышел в коридор, закрыл за собой дверь, подошел к лестнице, сказал: «Пропади все пропадом» и вызвал лифт. Но лифта не было. Я снова надавил на кнопку и долго не отпускал ее. В конце концов он притащился. Молодой заспанный мексиканец распахнул дверь, зевнул и виновато улыбнулся. Я ответил ему такой же улыбкой и ничего не сказал.

В регистратуре никого не было. Не успел я сделать и нескольких шагов, как мексиканец упал на стул и заснул. Спят все, кроме Марлоу. Он работает круглосуточно и по большей части бесплатно.

Я вернулся на «Ранчо Дескансадо» и нашел там сонное царство. С тоской взглянул на постель, упаковал чемодан, бросив на самое дно пистолет Бетти Мэйфилд, запечатал в конверт двенадцать долларов и по пути бросил его под дверь конторы вместе с ключом от номера.

Потом я поехал в Сан-Диего, вернул машину в прокатный пункт и позавтракал в привокзальной забегаловке. Четверть восьмого я сел в двухвагонный дизель, который идет до Лос-Анджелеса без остановок и прибывает туда в десять утра.

Поймав такси, я приехал домой, побрился, принял

душ, еще раз позавтракал и пролистал утреннюю газету. Около одиннадцати позвонил в контору Клайда Амни.

Трубку взял он сам. Мисс Вермили, возможно, еще не встала.

— Это Марлоу. Я звоню вам из дома. Можно к вам заглянуть?

— Вы ее нашли?

— Да. А вы звонили в Вашингтон?

— Где она?

— Я хотел бы это сказать вам лично. Вы звонили в Вашингтон?

— Прежде я хотел бы ознакомиться с вашей информацией. Сегодня я очень занят.— Голос его был резким и неприятным.

— Ждите меня через полчаса.— Я быстро положил трубку, а потом позвонил в гараж, где была моя машина.

11

Кабинет Клайда Амни ничем не отличался от множества других кабинетов. Он был отделан рельефными пластинами, выложенными в шахматном порядке. Мягкий свет, ковер от стены до стены, светлая мебель, удобные стулья и, надо полагать, непомерно высокая стоимость услуг. Окна с металлическими рамами открывались наружу и выходили на небольшую опрятную автостоянку, где каждое место было снабжено табличкой с фамилиями. Место Клайда Амни на стоянке почему-то оказалось свободным, и я им воспользовался. Может, его возил на работу шофер. Четырехэтажное очень новое здание занимали исключительно состоятельные конторы.

Когда я вошел в приемную, мисс Вермили готовилась к тяжелому дню, поправляя волосы. Наверно, прическа ее чем-то не устраивала. Девушка убрала зеркальце и взбодрилась сигаретой.

— А-а, мистер Частный Сыщик собственной персоной! Чему обязаны вашим визитом?

— Меня ждет Амни.

— Для тебя — мистер Амни, фраер.

— Для тебя приятель, подруга.

Она мгновенно разозлилась.

— Я для тебя не подруга, ты, дешевая ищейка!

— Я для вас тоже не фраер, дорогостоящая секретарша! Чем вы заняты нынче вечером? Только не говорите, что опять будете развлекать четверых моряков.

Девушка побледнела и судорожно стиснула пресс-папье. Удивляюсь, что она в меня им не запустила.

— Сукин сын! — бросила она, потом щелкнула переключателем микрофона и сказала:

— Мистер Амни, пришел мистер Марлоу.

Потом она снова посмотрела на меня.

— У меня есть друзья, которые могут хорошенько тебя укоротить. Тогда тебе придется по лестнице влезать в башмаки.

— Потребовалось немало труда, чтобы это выдумать,— признал я.— Однако никакой труд не заменит ума.

Неожиданно мы оба рассмеялись. Дверь приоткрылась. Из-за нее показался Амни. Не сводя глаз с секретарши, он кивнул мне, приглашая войти.

Я так и сделал. Немного погодя он закрыл дверь и сел за полукруглый стол, обитый зеленой кожей и сплошь заваленный кипами крайне, надо полагать, важных бумаг. Это был одетый с иголочки юркий человек с очень короткими ногами, длинным носом и редкими волосами. Его светло-карие глаза казались слишком искренними для адвоката.

— Ухаживаете за моей секретаршей? — спросил он.

— Ну что вы! Мы просто обменивались любезностями.

Я сел на стул и изобразил некое подобие вежливой гримасы.

— А мне показалось, что она разозлилась.— Амни опустился в свое вице-президентское кресло и нахмурился.

— У ней все расписано на три недели вперед,— заявил я.— Так долго я ждать не могу.

— Поумерьте ваш пыл, мистер Марлоу. Не трогайте мою секретаршу — это частная собственность. Вы для нее — пустое место. Она не только очаровательна, но и невероятно умна.

— Вы хотите сказать, что кроме всего прочего она умеет печатать на машинке и стенографировать?

— Кроме всего прочего? — Амни покраснел.— Мне надоело вас слушать. Я вас предупреждаю, что кое-что значу в этом городе и могу зажечь перед вами красный

свет. А теперь докладывайте, только покороче и по существу.

— Вы уже говорили с Вашингтоном?

— Какое значение имеет, что я делал, а чего не делал? Я хочу немедленно услышать ваш доклад. А остальное — моя забота. Где сейчас находится эта Кинг? — Он придвинул к себе красивый новенький блокнот и взял карандаш. Потом бросил его и налил стакан воды из серебристо-черного сифона.

— Давайте поторгуемся,— предложил я.— Вы скажете, почему ее разыскивают, а я сообщу вам, где она находится.

— Вы работаете на меня! — огрызнулся он.— Я не обязан перед вами отчитываться! — Он еще упирался, но уже не так сильно.

— Я стану на вас работать, если захочу, мистер Амни. Я не истратил ни доллара из ваших денег и не подписывал никаких обязательств.

— Вы согласились вести дело и взяли аванс.

— Да, мисс Вермили передала мне чек на 250 долларов в качестве аванса и еще один — на 200 долларов, на расходы. Но все деньги целы. Вот,— я достал из записной книжки оба чека и разложил их на столе перед Амни.— Пусть они полежат у вас до тех пор, пока вы наконец не решите, кто вам нужен — детектив или человек, который со всем соглашается. А я тем временем узнаю, предложили мне работу или обвели вокруг пальца и втравили в какую-нибудь гнусную игру, держа в дурачках.

Амни взглянул на чеки. Вид у него был нерадостный.

— Вы потратились на расходы,— медленно проговорил он.

— Не беспокойтесь, мистер Амни. У меня были коекакие сбережения, а расходы неизбежны. К тому же я неплохо провел время.

— Вы очень упрямы, Марлоу.

— Возможно, но в моей профессии иначе нельзя. Иначе я просто не мог бы ей заниматься. Я уже говорил вам, что девушку шантажируют. Ваши друзья должны знать почему. Если она что-то натворила, тогда все ясно. Однако я должен об этом знать. К тому же мне сделали предложение повыгоднее вашего.

— Что, платят подороже? — зло бросил он.— А где же ваша профессиональная этика?

— Ну вот, и об этике вспомнили.

Он достал из пачки сигарету и прикурил от пузатой зажигалки, выполненной в той же манере, что сифон и письменный прибор.

— Мне не нравятся ваши манеры,— буркнул он.— Вчера я знал не больше вашего. Я был твердо убежден, что вашингтонская адвокатская контора не заставит меня разгребать грязь. Поскольку арестовать девушку могли и без вашей помощи, я решил, что это была просто какая-то семейная ссора. Из дома сбежали жена, дочь или важный свидетель, не желавший давать показания и находящийся вне юрисдикции суда, который мог бы привлечь его к сотрудничеству. Так я считал. Сегодня утром положение дел несколько изменилось.

Он встал, подошел к большому окну и опустил жалюзи, чтобы солнце не слепило глаза. Постоял немного, глядя на улицу, и, вернувшись к столу, снова сел.

— Сегодня утром,— медленно продолжал он с недовольным видом,— я поговорил с моими вашингтонскими коллегами. Мне сообщили, что девушка была доверенной секретаршей какого-то важного лица (фамилию мне не назвали) и что она скрылась, прихватив с собой очень важные бумаги из архива. Эти документы могут скомпрометировать влиятельную персону. О характере документов меня не проинформировали. Возможно, речь идет о неуплате налогов. В наше время ничего нельзя знать наверняка.

— Она прихватила эти бумаги с целью шантажа?

Амни кивнул.

— Такое предположение вполне естественно. Иначе документы не имеют для нее никакой ценности. Наш клиент, назовем его мистером А., узнал о бегстве девушки, когда она была уже в другом штате. Потом он заглянул в архив и обнаружил, что часть бумаг исчезла. В полицию он обращаться не хотел. Он полагает, что его бывшая секретарша уедет достаточно далеко, чтобы чувствовать себя в безопасности, и лишь тогда начнет переговоры о возвращении материалов за большие деньги. Он хочет выследить девушку так, чтобы она об этом не догадалась, захватить ее врасплох и не дать ей возможности нанять ловкого адвоката, каких, к сожалению, хватает, чтобы вместе с ним придумать способ уйти от наказания. А теперь вот вы говорите мне, что ее кто-то шантажирует. На каких основаниях?

— Если вы говорите правду, ее мог бы шантажировать бывший шеф. Вероятно, он знает нечто такое, что можно навесить на нее, не ставя под удар себя.

— Если я говорю правду? — раздраженно повторил он.— Что вы имеете в виду?

— То, что вся эта история дырявая, как сито. Вас надули, мистер Амни. Как вы думаете, где важная персона будет хранить документы, о которых вы рассказывали... если она вообще будет их хранить. Разумеется, не там, где они могут попасть в руки секретарши. И если бы этот человек узнал об исчезновении документов после отъезда девушки, откуда он знал, на каком поезде она уехала? И потом, хотя у нее и был взят билет до Калифорнии, сойти она могла где угодно. Значит, кто-то должен был следить за ней в поезде. Зачем, в таком случае, вообще нужен был я? Это же работа для большого агентства со связями по всей стране. Было бы идиотизмом делать ставку на одного человека. Я упустил ее вчера и мог бы упустить опять. Чтобы качественно вести слежку в большом городе, нужны как минимум шесть оперативников. В очень большом городе для этого потребуется дюжина сотрудников. Сыщику тоже надо и поесть, и поспать, и переодеться. Если он занимается слежкой на машине, он должен иметь возможность высадить помощника, пока сам ищет место для стоянки. В универмагах и гостиницах может быть по нескольку входов. Но мой объект всего лишь убивает время, три часа околачиваясь на вокзале Юнион и ни от кого не прячась. А ваши друзья из Вашингтона присылают вам картинку, звонят по телефону и возвращаются к своим телевизорам.

— Я вас понял. Что еще?

— Кое-что. Почему она сменила фамилию, если не предполагала, что за ней будут следить? А если предполагала, то почему не попыталась осложнить мне работу? Я говорил вам, что этим же делом занимаются еще двое. Один — частный детектив из Канзас-Сити по фамилии Гобл. Он был в Эсмеральде вчера вечером, знал, где она остановилась. Откуда он это узнал? Чтобы не упустить девушку, мне пришлось сунуть в лапу таксисту, и он по радиотелефону связался с ее шофером. С какой же целью наняли меня?

— К этому вопросу мы еще вернемся,— резко бросил он.— А второй кто?

— Некий плейбой по фамилии Митчелл. Он живет в тех краях. Девушку он встретил в поезде. Он же заказал для нее номер в Эсмеральде. Похоже, что они того,— я сделал жест двумя пальцами.— Только она его на дух не переносит. Он что-то о ней знает, а девушка его боится. Кажется, вся его сила в том, что он знает, кто она, откуда, что натворила и почему теперь скрывается под чужой фамилией. Это все я понял из их разговора, но не более того.

— Конечно, за девушкой следили в поезде,— небрежно обронил Амни.— Или вы считаете, что имеете дело с идиотами? Вы были всего лишь подсадкой, необходимой для того, чтобы узнать, есть ли у нее сообщники. Делая ставку на репутацию, которую вы заработали, я был уверен, что рано или поздно она вас раскусит. Надеюсь, вы знаете, что такое открытая слежка?

— Конечно. Это когда специально лезут на глаза объекту, чтобы он обратил на тебя внимание и оторвался, тогда другому агенту будет гораздо легче сесть ему на хвост, когда объект почувствует себя в безопасности.

— Вот вы эту роль и сыграли.— Амни презрительно усмехнулся.— Но вы до сих пор не сказали, где она.

Я не хотел ему ничего говорить, но знал, что у меня нет другого выхода. В какой-то степени я принял его условия и чеки вернул только затем, чтобы выдоить из него дополнительную информацию.

Я взял чек на 250 долларов.

— Полагаю, что это полностью оплатит мои услуги, включая расходы. Она остановилась в Эсмеральде, в гостинице «Каса дель Пониенте», под именем Бетти Мэйфилд. У нее полно денег. Но вам это наверняка уже известно.

Я встал.

— Спасибо за розыгрыш, мистер Амни.

Я вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. Мисс Вермили оторвалась от журнала. Я услышал глухой щелчок.

— Простите, что нагрубил вам,— сказал я.— Я недоспал минувшей ночью.

— Ерунда. Мы с вами квиты. Немного практики, и вы даже можете мне понравиться. Вы даже по-своему милы.

— Спасибо,— отозвался я и направился к выходу.

Не скажу, чтобы она выглядела очень доступной, но и не столь недостижимой, как контрольный пакет акций «Дженерал Моторс».

Я обернулся и закрыл дверь.

— Сегодня, как будто, дождя нет. Может, обсудим что-нибудь за стаканчиком виски в дождливый вечер? Конечно, если вы не будете так заняты.

Она взглянула на меня холодно и насмешливо.

— Где?

— Это зависит только от вас.

— Может, у вас?

— Это было бы очень мило с вашей стороны. Ваш флитвуд мог бы изрядно укрепить мою репутацию.

— Я имела в виду совсем другое.

— Я тоже.

— Возможно, в половине седьмого. Кроме того, я позабочусь о своих чулках.

— Я был в этом уверен.

Взгляды наши встретились. Я вышел.

12

В половине седьмого к моему дому подъехал флитвуд, и пока женщина поднималась по ступеням, я успел открыть ей дверь. Мисс Вермили была в светло-розовом плаще с поднятым воротником, с непокрытой головой. Остановившись посреди гостиной, она небрежно огляделась. Затем гибким движением выскользнула из плаща, бросила его на кушетку и села.

— Я не очень-то верил, что вы придете.

— Понимаю. Экий вы, оказывается, стеснительный парень! Вы отлично знали, что я приду. Плесните-ка виски с содовой, если у вас есть.

— Есть.

Я принес бокалы и сел рядом с ней, но не слишком близко. Мы чокнулись и выпили.

— Может, поужинаем в «Романофф»?

— А потом что?

— Где вы живете?

— В Западном Лос-Анджелесе. На старой спокойной улочке, в собственном доме. Я спросила — что потом? Или вы забыли?

— Само собой, это будет зависеть от вас.

— А я думала, вы посмелее. Вы хотите сказать, что мне не придется расплачиваться за ужин?

— За это вам следовало бы дать пощечину.

Она вдруг рассмеялась и внимательно посмотрела на меня поверх бокала.

— Будем считать, что вы это уже сделали. Мы просто не поняли друг друга. «Романофф» может подождать, верно?

— Для начала можно заглянуть и в Западный Лос-Анджелес.

— А почему не здесь?

— Возможно, вы обидитесь на то, что я скажу. Полтора года назад я пережил здесь один сон. От него остались осколки. Я хочу, чтобы они сохранились и дальше.

Она быстро встала и схватила плащ. Я успел помочь ей его надеть.

— Простите,— извинился я.— Надо было сказать вам об этом раньше.

Она повернулась, и мы оказались лицом к лицу. Тем не менее я ее не трогал.

— Простить вас за ваш сон и за то, что вы хотите его сохранить? У меня тоже были свои сны, но они умерли! Мне не хватило смелости позволить им жить.

— У меня несколько иное дело. Здесь была женщина. Богатая женщина. Ей казалось, что она хочет стать моей женой. Но из этого ничего бы не получилось. Скорее всего, я больше никогда ее не увижу. Но буду помнить.

— Идем,— спокойно сказала она.— Не будем тревожить память. Мне тоже очень хотелось бы о чем-нибудь помнить.

Пока мы шли к машине, я тоже не давал воли рукам. За рулем она была великолепна. Если женщина отлично водит машину — она почти совершенство.

13

Ее дом стоял на извилистой улочке между Сан-Винсент и бульваром Сансет, в стороне от дороги. К нему вел длинный подъездной путь. Перед входной дверью было небольшое патио. Мисс Вермили вошла в дом, включила свет во всех комнатах и молча исчезла. В гостиной была со вкусом подобранная мебель и ощущение комфорта. Я ждал. Наконец она вернулась, уже без плаща и с двумя бокалами в руках.

— Вы, разумеется, были замужем,— сказал я.

— Крайне неудачно. В итоге у меня остался этот дом и немного денег, однако я за всем этим не охотилась. Мой муж был милым парнем, но мы плохо подходили друг другу. Он летал на реактивных самолетах и погиб в авиакатастрофе. Такое случается сплошь и рядом. Я знаю одно местечко между Лос-Анджелесом и Сан-Диего, где полно девушек, чьи мужья погибли точно так же.

Я отпил из бокала и поставил его на стол.

Потом взял бокал у своей собеседницы и поставил его туда же.

— Помнишь, как вчера утром ты сказала, чтобы я не пялился на твои ноги?

— Вроде помню.

— Попробуй помешать мне это делать сейчас.

Я обнял ее, она не сопротивлялась. Я взял ее на руки и, сам не знаю как, отыскал спальню, а в спальне — кровать, и положил на нее женщину. Юбка скрывала от моего взгляда великолепные бедра и ноги, белизну которых подчеркивали нейлоновые чулки от Кристиана Диора. Она вдруг протянула руки и прижала мою голову к своей груди.

— Негодник! Ты не можешь выключить свет?

Я подошел к двери и щелкнул выключателем. Из холла падали отблески света. Когда я обернулся, она стояла возле кровати обнаженная, как восставшая из пены Эгейского моря Афродита. Бесстыдная и гордая искусительница.

— Черт возьми! Во времена моей молодости можно было медленно раздеть девушку. А теперь она лежит в постели прежде, чем ты успеваешь расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки!

— Ну так расстегивай поскорее свою дурацкую пуговицу!

Она откинула покрывало и бесстыдно растянулась на постели. Красивая обнаженная женщина, ничуть не стыдящаяся своего тела.

— Как тебе нравятся мои ноги?

Я ничего не ответил.

— Вчера утром,— мечтательно продолжала она,— я сказала, что мне кое-что в тебе нравится. Нравится, что ты не даешь воли рукам. А не нравится знаешь что?

— Нет.

— То, что ты не заставил меня заняться этим тогда.

— Твое поведение не слишком располагало к подобным экспериментам!

— И ты еще смеешь считать себя детективом! А теперь выключи, пожалуйста, свет!

Прошло совсем немного времени, и она уже шептала мне: «милый, милый, милый» тем особенным голосом, какой бывает у женщин в минуты близости. А потом была глубокая расслабленность и покой.

— Тебе все еще нравятся мои ноги? — мечтательным голосом спросила она.

— Как любому мужчине. Воспоминание о них будет преследовать его, сколько бы раз он ни занимался с тобой любовью.

— Мерзавец! Настоящий мерзавец! Подвинься ближе.

Она положила голову мне на плечо, мы лежали рядом.

— Я тебя ничуть не люблю.

— А с какой стати тебе меня любить? Но давай не будем циниками. Бывают возвышенные моменты... Даже если это длится совсем недолго.

Я ощущал тепло и близость ее тела. Она обвила меня руками за шею.

И опять стихал в темноте едва родившийся крик, и опять накатывала истома.

— Я тебя ненавижу,— сказала она, закрывая мне рот поцелуем.— Не за то, что мы с тобой сделали, а за то, что совершенство никогда не приходит дважды. К нам оно пришло слишком рано. Больше мы никогда не встретимся. Я не хочу тебя видеть. Я хочу, чтобы это было навсегда или чтобы не было совсем.

— Но ты вела себя как крутая девчонка, которая слишком хорошо знает оборотную сторону жизни.

— Как и ты. Мы оба ошибались. Все это не имеет смысла. Поцелуй меня крепче.

Вдруг она исчезла, не сказав мне ни слова и как-то незаметно.

Скоро в холле вспыхнул свет и она появилась в дверном проеме, закутавшись в длинный халат.

— Прощай,— спокойно сказала она.— Я вызову такси. Подожди его на улице. Больше мы не увидимся.

— А как же Амни?

— Жалкое, трусливое ничтожество. Ему необходимо, чтобы кто-нибудь потакал его «я» и позволял чувствовать себя властным и сильным. Что я и делаю. Женское

тело не такая уж святыня, чтобы им нельзя было воспользоваться. Особенно когда женщина уже потеряла способность любить.

Она исчезла. Я встал, оделся и прислушался, перед тем как уйти. Кругом было тихо. Я окликнул ее, но она не отозвалась. Едва я вышел на тротуар перед домом, как подъехало такси. Я оглянулся. Дом был темен и пуст. Все это мне приснилось. Только вот кто-то вызвал машину. Я сел в нее и уехал домой.

14

Я выехал из Лос-Анджелеса и вырулил на автостраду, огибавшую Ошенсайд. У меня было достаточно времени на размышления.

От Сан-Онофре до Ошенсайда было восемнадцать миль шестнадцатиполосной суперавтострады. Время от времени мне попадались каркасы искореженных и помятых автомобилей, сдвинутые к обочинам, мирно ржавевшие до тех пор, пока их не отбуксировывали на свалку. Я принялся раздумывать о том, зачем возвращаюсь в Эсмеральду. Для меня это дело осталось в прошлом, оно уже перестало быть моим. Иногда частному сыщику попадается клиент, который за умеренную плату хочет узнать слишком много. Эту информацию удается или не удается получить в зависимости от обстоятельств. То же самое касается и заработка. Но бывает и так, что кроме необходимой информации узнаешь и многое другое. Например, выслушиваешь историю о трупе на балконе, которого там не оказывается, когда отправляешься на его поиски. Здравый смысл советует пойти домой и выкинуть все это из головы, поскольку никаких денег на этом не заработаешь. Здравый смысл всегда опаздывает. Здравый смысл — это механик, который предупреждает, что тормоза барахлят, через неделю после того, как ты въехал в витрину. Здравый смысл — это защитник, который наверняка помог бы выиграть матч, если бы принимал в нем участие. Так бывает со всеми проигранными матчами. А защитник всегда сидит в верхних рядах трибуны с фляжкой виски. Здравый смысл — это неприметный человечек в сером костюме, который никогда не ошибается, считая деньги. Но деньги он считает всегда чужие.

На нужном повороте я свернул в каньон и оказался

на «Ранчо Дескансадо». Джек и Люсиль были на своих обычных местах. Я бросил сумку и наклонился над стойкой.

— Я правильно расплатился?

— Да, спасибо,— ответил Джек.— Я полагаю, вы снова хотите остановиться в том же номере?

— Если можно.

— Почему вы не сказали, что вы детектив?

— Хороший вопрос! — я ухмыльнулся.— Разве детектив говорит кому-нибудь, что он детектив? Вы ведь смотрите телевизор, правда?

— Если получается. Но редко.

— По телевизору детектива можно определить с первого взгляда. Он никогда не снимает шляпу. Что вы знаете о Ларри Митчелле?

— Ничего,— каким-то деревянным голосом сказал он.— Митчелл — приятель Брэндона. А мистер Брэндон — хозяин этого «Ранчо».

— А Джо Хармса вы нашли? — весело спросила Люсиль.

— Да, спасибо.

— И вы...

— Угу.

— Закрой ротик, девочка,— оборвал ее Джек. Он подмигнул мне и положил на стойку ключ.— У Люсиль очень скучная жизнь, мистер Марлоу. Никакой компании. Только я да телефонный коммутатор. И алмазное колечко, такое маленькое, что мне было даже стыдно его дарить. Но что поделаешь! Если кого-то любишь, рад подарить хотя бы такое.

Люсиль подняла руку и повернула ее так, чтобы камень сверкнул на солнце.

— Оно мне не нравится,— сказала девушка.— Как не нравятся солнце, яркие звезды и полная луна. Вот как оно мне не нравится.

Я взял ключ, поднял сумку и вышел. Еще немного, и я влюблюсь в самого себя. Может, даже подарю себе небольшое и простенькое алмазное колечко.

15

Я никак не мог дозвониться до номера 1224 в «Каса дель Пониенте» по внутреннему телефону и подошел к регистратуре. Чопорного вида служащий сортировал письма. Такие служащие всегда сортируют письма.

— Мисс Мэйфилд остановилась в вашей гостинице, не так ли?

Прежде чем ответить, он положил очередное письмо в ячейку.

— Да, сэр. О ком ей сообщить?

— Я знаю, в каком номере она живет. Но телефон не отвечает. Вы видели ее сегодня?

Он уделил мне еще немного внимания, но я не заинтересовал его по-настоящему.

— Кажется, не видел.— Он оглянулся.— Ее ключа здесь нет. Может, вы хотите что-нибудь передать?

— Я за нее немного беспокоюсь. Вчера вечером она неважно себя чувствовала. Вдруг она разболелась и не может взять трубку. Я приятель мисс Мэйфилд. Моя фамилия Марлоу.

Служащий окинул меня взглядом, глаза его стали умными. Он вышел за перегородку и с кем-то поговорил. Вернулся очень быстро и, улыбаясь, сказал:

— Не думаю, что мисс Мэйфилд плохо себя чувствует, мистер Марлоу. Она заказывала в свой номер весьма обильный завтрак. И ленч тоже. Кроме того, она несколько раз говорила по телефону.

— Большое вам спасибо. Я оставлю ей записку. Просто напишу свою фамилию и сообщу, что позвоню позднее.

— Возможно, она вышла на прогулку или отправилась на пляж. У нас очень хороший пляж, он защищен от непогоды волноломом.— Служащий взглянул на стенные часы.— Если она на пляже, то скоро вернется. Там становится прохладно.

— Спасибо. Я еще вернусь.

Холл был разделен на две неравные части. На большую вели три ступеньки. Там сидели разные люди, завсегдатаи гостиничных холлов, преимущественно пожилые, чаще всего богатые бездельники, смотрящие на все голодными глазами. В этом и состоит их жизнь. Две пожилые дамы с суровыми лицами и пурпурными перманентами воевали с огромной головоломкой, разложенной на большом карточном столе. Чуть поодаль двое мужчин и две женщины играли в канасту. Стекляшки на одной из женщин напоминали арктические льды, которые могли бы заморозить и пустыню Мохаве, а количество краски достаточно, чтобы размалевать паровую яхту. У обеих женщин были сигареты в длинных мунд-

штуках. Сидевшие с ним мужчины казались какими-то серыми и усталыми, вероятно, от частого подписывания чеков. В сторонке, держась за руки, сидела юная парочка. На девушке были изумрудные и алмазные украшения, она то и дело поглядывала на свое обручальное кольцо и выглядела слегка удивленной.

Я вышел через бар и пошнырял по окрестностям. Прошел по извилистой тропке, огибавшей скалу, и легко нашел то место, на которое минувшей ночью смотрел с балкона Бетти Мэйфилд, хотя и видел его под острым углом.

Пляж и дуга волнолома были всего в сотне ярдов от меня. К берегу вела вырубленная в скале лестница. На песке лежали люди. Одни, в плавках и купальниках, загорали, другие просто сидели на циновках. По пляжу с воплями носились дети. Бетти Мэйфилд там не было.

Я вернулся в отель и сел в гостиной.

Сидел и курил. Потом подошел к газетной стойке, купил вечернюю газету, пролистал ее и выбросил. Прогулялся до регистратуры. Моя записка по-прежнему лежала в ячейке с номером 1224. Я попытался связаться с Митчеллом по внутреннему телефону. Безрезультатно. Мистер Митчелл не желал брать трубку.

Вдруг за спиной у меня раздался голос Бетти:

— В регистратуре мне сказали, что вы хотели меня видеть, мистер Марлоу.

Она выглядела свежей, как майская роза. На ней были широкие зеленые брюки, сапожки для верховой езды, зеленая куртка, белая рубашка и шарф вокруг шеи. Пышные волосы были прихвачены широкой лентой. Казалось, их взлохматил ветерок.

Коридорный, стоявший в нескольких футах от нас, навострил уши. Я заметил это и спросил:

— Мисс Мэйфилд?

— Вы не ошиблись.

— Я на машине. У вас не найдется времени взглянуть на участок?

Девушка взглянула на часы.

— Пожалуй. У меня есть кое-какие дела, но... наверное, я могу с вами съездить.

— Прошу сюда, мисс Мэйфилд.

Она пошла за мной. Я начинал чувствовать себя в этой гостинице как дома. Бетти презрительно взглянула на увлеченных головоломкой дам.

— Терпеть не могу гостиниц,— призналась она.— Если приехать сюда через пятнадцать лет, найдешь все тех же людей в тех же креслах.

— Вы правы, мисс Мэйфилд. Вам знаком человек по имени Клайд Амни?

Она отрицательно покачала головой.

— Почему я должна его знать?

— А Хелен Вермили и Росса Гобла тоже не знаете?

Она снова покачала головой.

— Выпить хотите?

— Спасибо, не сейчас.

Выйдя через бар, мы прошли по дорожке к моей машине, и я открыл перед Бетти дверцу. Выехав со стоянки, я направился в сторону Гранд-стрит и дальше, к холмам. Девушка надела темные очки. Дужки их были украшены блестками.

— Я нашла чеки,— сказала она.— Вы очень странный детектив.

Я достал из кармана пузырек с ее снотворным.

— Прошлой ночью я слегка испугался и пересчитал таблетки, но не знал, сколько их было во флаконе. Вы сказали, что приняли две штуки. Но я не был уверен, что потом вам не взбредет в голову проглотить еще десяток.

Девушка взяла пузырек и положила его в карман куртки.

— Я вчера изрядно выпила. Алкоголь и барбитураты плохо сочетаются. Похоже, что я отрубилась, только и всего.

— Я в этом усомнился. Чтобы свести счеты с жизнью, этой гадости надо проглотить по меньшей мере штук 35. Да и то они сработают через несколько часов. Честно говоря, я немного растерялся. Хотя ваш пульс и дыхание были в норме, ожидать можно было всякого. Если бы я вызвал врача, мне бы пришлось что-то объяснять ему. Если бы вы действительно наглотались таблеток, пришлось бы позвонить в полицию, даже если бы вас и удалось откачать. Она рассматривает все попытки самоубийства. Но если бы я ошибся, вы бы сейчас не ехали со мной. И что бы я тогда делал?

— Это мысль,— согласилась она.— Хотя не скажу, что она меня очень занимает. Кто эти люди, которых вы называли?

— Клайд Амни — адвокат, нанявший меня для слеж-

ки за вами по поручению адвокатской конторы из Вашингтона. Хелен Вермили — его секретарша. Росс Гобл — частный сыщик из Канзас-Сити, который разыскивает Митчелла.

Я описал ей внешность Гобла. Ее лицо окаменело.

— Разыскивает Митчелла? Почему его интересует Ларри?

Я остановился на углу Четвертой и Гранд, пропуская старого хрыча в моторизованной коляске, который делал левый поворот со скоростью четыре мили в час. В Эсмеральде их — хоть пруд пруди.

— Зачем ему Ларри Митчелл? — неприязненно переспросила девушка.— Неужели нельзя не совать нос в чужие дела?

— Конечно, вы можете ничего не говорить. Продолжайте задавать вопросы, на которые я не знаю ответов. Это очень тешит мой комплекс неполноценности. Я уже сказал вам, что у меня нет работы. Так почему же я сюда приехал? Все очень просто. Меня снова соблазнили пять кусков в чеках «Америкэн Экспресс».

— На следующем углу поверните налево,— сказала Бетти.— Там можно подняться на холмы. Оттуда открывается чудесный вид. И еще там множество презабавных домишек.

— Черт с ними.

— К тому же здесь очень мало людей.— Она достала из моей пачки на приборной доске сигарету и закурила.

— Вторая сигарета за два дня,— констатировал я.— Здорово вы на них налегаете. Прошлой ночью я пересчитал ваши сигареты и спички тоже. Я порылся у вас в сумочке. Когда меня дурачат, я становлюсь излишне любопытным. Особенно когда клиент вырубается и оставляет меня расхлебывать кашу.

Бетти повернула голову и пристально взглянула на меня.

— Во всем виноваты таблетки и спиртное. Наверно, я была немного не в себе.

— На «Ранчо Десканадо» вы были в полном порядке. Тверже скалы. Мы обсуждали роскошную жизнь в Рио. И, надо полагать, не лишенную греха. Для этого я только должен был помочь вам избавиться от трупа. А его на месте не оказалось! Экая досада!

Она не сводила с меня взгляда, но я должен был

следить за дорогой. Я притормозил на перекрестке, свернул влево и поехал по тихой улочке, посреди которой еще лежали старые трамвайные рельсы.

— После указателя поверните налево. Там школа.

— Кто стрелял из вашего пистолета и в кого?

Бетти сжала ладонями виски.

— Наверное, я. Похоже, я сошла с ума. Где он?

— Пистолет? В надежном месте. Если ваши сны сбудутся, я могу его достать.

Теперь мы ехали в гору. Я зафиксировал рычаг на третьей скорости. Девушка с интересом следила за мной. Потом она оглядела кожаные сиденья и рычаги.

— Вы можете позволить себе такую дорогую машину? Но ведь вы не так уж много зарабатываете, правда?

— В наше время все машины дороги, даже самые дешевые. Во всяком случае, лучше выбрать такую, на которой можно ездить. Я где-то читал, что у сыщика должна быть неприметная черная машина, которая никому не будет бросаться в глаза. Тот, кто это придумал, ни разу не был в Лос-Анджелесе. Чтобы ничем не выделяться, там надо иметь розовый мерседес-бенц с солярием и развлекающимися на нем тремя смазливыми крошками.

Она фыркнула.

— Кроме того, это хорошая реклама. Возможно, я мечтал о поездке в Рио. Там я мог бы продать ее подороже, чем купил. Перевозка на корабле обошлась бы слишком дорого.

Девушка вздохнула.

— Перестаньте меня донимать. Сегодня я совсем не в настроении.

— Видели вашего приятеля,

Она ответила не сразу.

— Ларри?

— А у вас есть другие?

— Вы... могли иметь в виду Брэндона, хотя мы с ним едва знакомы. Прошлой ночью Ларри был ужасно пьян. Нет... Я его не видела. Возможно, он отсыпается.

— На телефонные звонки он не отвечает.

Доехав до развилки, я поехал прямо, сам не знаю почему. По склону высокого холма были разбросаны старые дома в испанском стиле, а по другую сторону дороги здания были более-менее современными. Дорога описала широкую дугу и повернула направо, закончи-

ваясь площадкой для разворота, кажется, довольно новой. По обе стороны от площадки друг против друга стояли два кирпичных дома, зеленоватые окна которых выходили на океан. Вид с холма открывался просто великолепный. Я наслаждался им целых три секунды. Потом подъехал к обочине, заглушил мотор и продолжал сидеть в машине. Мы были на высоте примерно тысячи футов, а раскинувшийся под нами город походил на фотографию, сделанную сверху под углом в 45 градусов.

— Он мог заболеть,— сказал я,— или куда-нибудь выйти. А возможно, его убили.

— Я уже сказала...— Девушка вздрогнула. Я забрал у нее окурок, воткнул его в пепельницу, поднял стекла, обнял Бетти и положил ее голову к себе на плечо. Она была какой-то вялой и совсем не сопротивлялась.

— Вы добрый,— сказала она,— но не надо со мной заигрывать.

— В «бардачке» есть пузырек. Хотите глотнуть?

— Да.

Я достал бутылку, распечатал ее одной рукой и зубами, потом зажал между колен и снял пробку. Поднес горлышко к губам Бетти. Она отхлебнула и передернулась. Я закрыл бутылку и убрал обратно.

— Ненавижу пить из горлышка.

— Конечно. Это чистое виски. Я не собираюсь заниматься с вами любовью, Бетти. Я просто тревожусь за вас. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Она помолчала.

— Чем, например? — резко спросила она наконец.— Можете забрать чеки. Они ваши. Я их вам отдала.

— Никто не дает пять кусков за здорово живешь. Это просто глупо. Потому я и вернулся из Лос-Анджелеса. Я приехал рано утром. Никто не будет просто так клеиться к типу вроде меня, рассказывать о полумиллионе долларов и обещать прекрасную жизнь в Рио. Даже под пьяную лавочку никто не станет сулить золотые горы только за то, чтобы я побыстрее вышвырнул труп, который просто примерещился. По-вашему, я должен был держать вас за руку, чтобы вам спокойнее спалось?

Она отпрянула от меня и забилась в угол.

— Ну, хорошо, я лгунья. Всю жизнь вру.

Я посмотрел в зеркальце. Вслед за нами из-за поворота выехал темный автомобиль и остановился. Я не

мог разглядеть, кто сидит за рулем. Потом машина резко сдала вправо, развернулась и уехала. Кто-то по ошибке заехал в тупик.

— Покуда я лез по этой чертовой лестнице,— продолжал я,— вы наглотались таблеток и сделали вид, что вас сморил сон, а потом и впрямь заснули. Я вышел на балкон. Ни покойника, ни крови. Если бы там лежал труп, я, может, и сумел бы перебросить его через перила. Это хоть и трудно, но возможно, если знать как. Однако даже шесть дрессированных слонов не смогли бы забросить его в воду. До ограждения — тридцать пять футов, а бросать надо так, чтобы труп перелетел через него. Хорошенькое дело — забросить такой груз на пятьдесят футов!

— Я уже сказала вам, что наврала.

— Только не сказали — почему. Отбросим шутки в сторону и предположим, что на балконе действительно лежит труп. Что, по-вашему, я мог бы с ним сделать? Стащить по лестнице, положить в свою машину, увезти куда-нибудь в лес и закопать? Когда кругом валяются трупы, приходится кому-нибудь доверяться.

— Вы взяли деньги,— опустошенным голосом сказала она,— а потом подыгрывали мне.

— Таким образом, можно сразу узнать, кто свихнулся.

— Теперь узнали. Довольны?

— Ничего я не узнал. Я даже не знаю, кто вы.

Она разозлилась.

— Я же говорю, что была не в себе! — резко бросила она.— Нервотрепка, спиртное, таблетки эти... Почему вы не оставите меня в покое? Я ведь сказала, что заплачу! Чего вы еще хотите?!

— А что я должен сделать?

— Ничего! — огрызнулась она.— Просто взять. Забирайте их и убирайтесь. Желательно подальше.

— Думаю, вам не помешало бы подыскать приличного адвоката.

— Несовместимые понятия,— усмехнулась Бетти.— Приличных адвокатов не бывает.

— Так. Значит, у вас в связи с этим уже есть коекакой неприятный опыт. Когда-нибудь я узнаю о вас все. Не от вас, так от кого-нибудь другого. Я по-прежнему не шучу. У вас были сложности. Даже если с Митчеллом и ничего не случилось, у вас все равно достаточно

проблем, чтобы подыскать адвоката. Вы сменили фамилию, значит, у вас были на то свои основания. Митчелл вцепился в вас, стало быть, и он имел для этого какие-то причины. Вас разыскивает адвокатская контора из Вашингтона, и тоже наверняка не зря. Амни тоже почему-то за вами охотится.

Я остановил машину и взглянул на Бетти. Внизу под нами голубел океан, однако он почему-то не напомнил мне глаза мисс Вермили. На юг пролетела большая стая чаек, однако Норт-Айленд такими скопищами не удивишь. Вечерний самолет из Лос-Анджелеса с мигающими под фюзеляжем огнями сделал над океаном широкий левый разворот и пошел в сторону аэропорта Линдберг.

— Стало быть, вы просто подсадная утка,— вызывающе бросила девушка и закурила еще одну мою сигарету.— Подсадная утка для хитрого адвоката.

— Я бы не назвал его очень хитрым. Он просто хочет таким казаться. Дело не в этом. Можно бросить ему несколько долларов и не хныкать. Дело в так называемых привилегиях. У детектива с лицензией их нет. Адвокат, защищая интересы клиента, их имеет. Если детектив нанимается к адвокату для выполнения какого-нибудь задания, привилегии появляются и у него. Это единственный способ их получить.

— Идите вы со своими привилегиями знаете куда? Тем более, если нанялись за мной шпионить!

Я взял у нее сигарету, пару раз затянулся и отдал обратно.

— Порядок, Бетти. Я вам не нужен. Забудьте обо мне.

— Красиво говорите! Не иначе как в расчете, что я побольше заплачу, если вы докажете, что мне без вас не обойтись. Вы такой же, как остальные. И ваши паршивые сигареты мне тоже не нужны.— Бетти швырнула сигарету за окно.— Отвезите меня обратно в гостиницу!

Я вышел из машины и раздавил окурок.

— На калифорнийских холмах так нельзя. Даже не в сезон.

Я снова сел за руль, включил зажигание и нажал кнопку стартера. Потом дал задний ход, развернулся и проехал к развилке. У поворота я приметил небольшую машину без огней. Возможно, в ней никого не было.

Я резко свернул в сторону и включил фары. Их свет полоснул по встречной машине. Сидевший в ней человек прикрыл шляпой лицо, но я успел разглядеть скуластую физиономию, очки и оттопыренные уши мистера Гобла из Канзас-Сити.

Свет фар скользнул по склону холма, и я поехал вниз по лениво извивавшейся дороге. Я не знал о ней ничего, однако все ведущие вниз дороги рано или поздно приводят к океану. Выбравшись к перекрестку, я свернул направо, проехал несколько кварталов по узким улочкам, выехал на бульвар и снова повернул направо. Теперь я ехал обратно к центру Эсмеральды.

Всю обратную дорогу до самой гостиницы Бетти молчала. Когда я остановился, Бетти выскочила из машины.

— Подождите здесь, я принесу деньги.

— За нами следили.

— Что-о-о? — изумленно протянула она.

— Небольшая машина. Я осветил ее фарами, когда мы съезжали с холма. Вы могли просто не заметить.

— Кто это был? — сдавленным голосом спросила девушка.

— Откуда мне знать? Скорее всего, он ехал за нами от гостиницы и, вероятно, снова сюда вернется. Это мог быть фараон.

Бетти смотрела на меня, не двигаясь. Потом метнулась ко мне, схватила за плечи и встряхнула. Совсем близко я слышал ее взволнованное дыхание.

— Увезите меня отсюда! Ради Бога, увезите! Куда угодно! Спрячьте меня! Я больше не могу! Я хочу уехать туда, где за мной не станут следить, где никто не будет мне угрожать... Чтоб меня не травили... Он сказал, что разыщет меня хоть на краю света, на самом далеком острове в Тихом океане...

— На пиках высочайших гор, в сердце величайшей пустыни,— подхватил я.

Девушка бессильно уронила руки.

— Вы сострадательны, как ростовщик.

— Никуда я вас не повезу. Как бы тяжело вам ни было, вы должны остаться здесь.

С этими словами я повернулся к ней спиной и сел в машину. А когда оглянулся, Бетти была уже на полпути к бару.

Если бы мой котелок хоть немного варил, я бы собрал манатки, вернулся домой и забыл все, что произошло.

Когда она наконец поймет, какая роль ей отведена в одном из актов этой пьесы, будет уже слишком поздно. Я ничем не смогу ей помочь и только поставлю себя под удар.

Дожидаясь, я выкурил сигарету. С минуты на минуту должен был появиться Гобл на своем жалком драндулете. Он мог сесть нам на хвост только у гостиницы.

Однако его все не было. Я выбросил окурок в окно и сдал назад. Выезжая на шоссе, ведущее к городу, слева у обочины я увидел машину Гобла. Проехав еще немного, я свернул направо, к бульвару, причем делал все это не торопясь, чтобы в погоне за мной он не надорвал мотор своей колымаги. Примерно в миле от гостиницы я увидел ресторан «Эпикуреец». Это было невысокое здание, отделенное от улицы красной кирпичной оградой. Там же был и бар. Вход в ресторан был с торца. Я выбрался из машины и вошел внутрь. Посетителей оказалось немного. Бармен о чем-то болтал с метрдотелем, который даже еще не облачился в вечерний костюм. Он сидел за конторкой, в которой обычно хранится книга заказов. Теперь эта самая книга лежала на виду и была раскрыта. Страницы ее пестрели фамилиями клиентов, записанных на более позднее время. Теперь было еще рано, и для меня без труда нашелся столик.

В полутемном зале горели свечи, невысокая перегородка разделяла его надвое. Он мог показаться набитым до отказа, будь в нем человек тридцать. Метрдотель зажег свечу и на моем столике. Я заказал двойной гибсон. Официант хотел убрать второй прибор, но я попросил его не делать этого, сказав, что поджидаю приятеля. Потом я принялся изучать меню, почти такое же длинное, как зал. Тем, кого оно занимало всерьез, не помешало бы иметь при себе фонарик. Я никогда не видел более темного и мрачного заведения. В зале были такие потемки, что вы и родную мать не узнали бы, сиди она хоть за соседним столом.

Принесли мой заказ. Хотя я мог едва различить бокал, в нем, кажется, что-то было. Я попробовал содержимое на вкус. Оказалось не так уж плохо. В этот самый

момент к моему столику подсел Гобл. Насколько мне удалось различить, выглядел он так же, как и накануне. Я снова углубился в изучение меню. Его бы стоило напечатать брайлевским шрифтом.

Гобл выпил мой стакан воды.

— Как ваши делишки с девушкой? — будто ненароком спросил он.

— Никак. А что?

— На кой тогда ездили в горы?

— Думал пообниматься, но она была не в настроении. А вам-то что? Мне показалось, что вы ищете некоего типа по фамилии Митчелл.

— Смешно, ей-Богу! Типа по фамилии Митчелл! Но вы же сказали, что никогда о нем не слышали.

— С тех пор уже слышал. И даже видел. Вчера вечером он был пьян в стельку. Его чуть было не вышвырнули из одного заведения.

— Забавно! — Гобл ухмыльнулся— И откуда вы узнали, как его зовут?

— Услышал. Еще смешнее, верно?

Гобл криво усмехнулся.

— Я вас предупреждал, чтобы вы не совались в мои дела. Я уже выяснил, кто вы такой.

Я закурил и выпустил в него струйку дыма.

— Поджарь-ка лучше тухлое яйцо, приятель!

— Выделываешься? — Гобл скривился.— Я обламывал молодчиков и похлеще!

— Назови парочку.

Он наклонился ко мне, собираясь что-то сказать, но тут как раз подошел официант.

— Бурбон и обычную воду,— заказал Гобл.— Марочный. Никакого местного виски. Только не пытайтесь меня надуть, я тертый калач. А вода чтоб была в бутылке. Городская вода просто невыносима.

Официант молча смотрел на него.

— А мне еще раз то же самое,— сказал я и протянул ему свой бокал.

— Что у вас нынче съедобного? — поинтересовался Гобл.— Я никогда не заглядываю в эти бумажки! — Он презрительно ткнул пальцем в меню.

— Фирменное мясное блюдо,— вызывающе бросил официант.

— Мелко нарубленное с крахмальным воротничком,— добавил Гобл.— Пусть будет мясо.

Официант взглянул на меня. Я сказал, что мне сгодится то же самое. Он ушел. Гобл быстро огляделся по сторонам и снова нагнулся ко мне.

— Тебе не повезло, приятель! — весело сказал он.— Не выгорело дело!

— Жаль, конечно,— ответил я.— А что не выгорело-то?

— Тебе жутко не повезло. Просто дьявольски. Или с приливом было что-то не то, или еще где прокол вышел. Охотник за морским ухом, один из тех ребят, которые носят ласты и резиновые маски, залез под скалу...

— Охотник за морским ухом залез под скалу? — По моей спине пополз противный холодок. Когда официант принес нам бокалы, я еле сдержался, чтобы не опрокинуть свой залпом.

— Ей-Богу, смешно, приятель!

— Если ты повторишь это еще раз, я расколочу твои проклятые очки! — пригрозил я.

Он отхлебнул глоток, посмаковал, что-то обдумал и кивнул.

— Я приехал сюда делать деньги,— пробормотал он,— а никоим образом не наживать неприятности. Наживая неприятности, денег не сделаешь. Чтобы делать деньги, надо не пачкать нос. Ты меня понял?

— Должно быть, для тебя это в новинку,— заметил я.— И то и другое. Так что ты там хотел сказать про морское ухо? — Я старался говорить нормальным голосом, хоть это и давалось мне с трудом.

Гобл откинулся на спинку стула. Глаза мои уже привыкли к полумраку. Жирная физиономия сыщика сияла от удовольствия.

— Просто пошутил,— ответил он.— Не знаю я никаких охотников на морское ухо. Я и услышал-то про него только вчера, и до сих пор не знаю, что оно означает. Так просто смешнее. Я не могу найти Митчелла.

— Он живет в гостинице.— Я немного отхлебнул из бокала. Для выпивки было не самое подходящее время.

— То, что он живет в гостинице, я знаю, приятель. А вот чего я не знаю — так это где он обретается сейчас. В номере его нету. Никто из гостиничного персонала его в последнее время не видел. Я подумал, что вы с девушкой можете что-нибудь знать на этот счет.

— Девушка малость не в себе, оставьте ее. Кроме того, в Эсмеральде не говорят «нету». Канзасский выговор здесь будет восприниматься как оскорбление морали.

— Заткнись! Если мне захочется научиться английскому, я не стану обращаться к битой калифорнийской ищейке.

Он повернул голову и крикнул:

— Официант!

Несколько человек оглянулись и посмотрели на него с неприязнью. Немного погодя появился официант и окинул Гобла таким же взглядом.

— Повторить! — сказал Гобл и щелкнул пальцами, указывая на бокал.

— Орать на меня не обязательно,— заметил официант и забрал бокал.

— Если я хочу, чтобы меня обслужили,— бросил ему вдогонку Гобл,— я могу приказывать!

— Надеюсь, вы еще оцените вкус этого пойла,— сказал я Гоблу.

— Мы могли бы договориться,— спокойно резюмировал Гобл,— будь у тебя мозги.

— А у вас — манеры, рост повыше дюймов на шесть, физиономия поприятнее, другая фамилия, и не было бы замашек человека, который считает, что может сожрать лягушачьей икры столько, сколько весит сам.

— Кончайте свои дурацкие шуточки, вернемся к Митчеллу! — оживился он.— И к красотке, которую вы так старались затащить в горы.

— Она познакомилась с Митчеллом в поезде. Этот тип действует на нее точно так же, как вы на меня. Вызывает в ней неодолимое желание тотчас отправиться в противоположную сторону.

Я зря тратил на него время. Этот тип был так же неуловим, как привидение моей покойной прабабушки.

— Стало быть, для нее Митчелл — просто случайный попутчик, который не пришелся девчонке по вкусу,— хмыкнул Гобл.— Поэтому она бросила его ради вас. Очень кстати вы ей подвернулись.

Подошел официант с закуской и демонстративно разложил ее на столике: овощи, салат, горячие булочки на салфетках.

— Кофе? — спросил он.

Я решил, что попью кофе позднее, Гобл заявил, что выпьет его немедленно, и полюбопытствовал, где заказанный коньяк. Официант ответил, что коньяк скоро принесут. Судя по его тону, «скоро» означало «на следующей неделе». Гобл попробовал мясо и удивился.

— Ну надо же! Это даже вкусно! — признал он.— Тут так мало народу, что я было подумал, будто здесь дешевая забегаловка.

— Взгляните на часы,— сказал я.— Здесь жизнь начинается гораздо позже. Такой уж это город. К тому же, теперь не сезон.

— Гораздо позже — это точно,— чавкая, пробормотал он.— Намного позже. Иногда в два-три часа ночи. В это время здесь ходят в гости. Ты снова поселился на «Ранчо», приятель?

Я молча смотрел на него.

— Неужто тебе надо все разжевывать, парень? Если я чем-то занят, я работаю допоздна.

Я молчал.

Он вытер рот.

— Ты, кажись, малость напрягся, когда я сказал о парне, который заглянул под скалу. Или я ошибся?

Я молчал.

— Ну что ж, помалкивай, если хочешь.— Гобл ухмыльнулся.— Я-то думал, что мы вместе можем провернуть одно дельце. Ты не слабак и умеешь неплохо работать кулаками. Но ты ни черта не знаешь. Не тебе заниматься этим делом. В тех краях, откуда я приехал, ты бы не нашел себе работы. Для этого мозги нужны. А тут достаточно поваляться на солнышке и потом расхаживать в расстегнутой до пупа рубахе.

— Ладно, выкладывай,— процедил я сквозь зубы.

Ел он быстро, хотя и много говорил. Он отодвинул тарелку, отхлебнул кофе и вытащил из жилетного кармана зубочистку.

— Это богатый город, дружище,— медленно проговорил Гобл.— Я его изучил. Пошатался я здесь, поговорил с людьми. Оказывается, в нашей прекрасной зеленой стране Эсмеральда — одно из немногих мест, где деньги — это еще не все. Здесь надо принадлежать к сливкам общества, иначе ты — ноль. Для того чтобы вас здесь принимали, приглашали в гости и знакомили с нужными людьми, надо кем-то быть. Есть тут один малый, который заработал рэкетом в Канзас-Сити пять миллионов. Потом он купил несколько участков, понастроил на них домов, в том числе и несколько самых шикарных в городе. Но он не был членом Берегового клуба, поскольку его туда не пригласили. Тогда он купил клуб. Там знают, кто он, и относятся к нему с должным

почтением, когда проводят очередную благотворительную кампанию. Его хорошо обслуживают, он оплачивает свой счет, и вообще он вполне добропорядочный гражданин. Он устраивает большие приемы, но к нему или приезжают из других мест, или заявляются здешние попрошайки и всякий сброд, который нюхом чует, где можно поживиться. А что же тутошние аристократы? Да для них этот тип — все равно что черномазый.

Произнося эту длинную тираду, Гобл то и дело поглядывал на меня, озирался по сторонам, время от времени откидывался на спинку стула и ковырял в зубах зубочисткой.

— Он, должно быть, на стены прыгает? — заметил я.— Откуда стало известно, как он разбогател?

Гобл навалился на столик.

— Каждую весну сюда приезжает отдыхать какая-то шишка из министерства финансов. Этот парень узнал мистера Монету, поскольку встречал его раньше, и шепнул словечко кому надо. Как тут не взбеситься? Не знаете вы этих выскочек. Он уже весь измаялся, приятель. Его хорошенько щелкнули по носу и показали, что не все покупается за деньги. Он и завял.

— А вы-то откуда знаете?

— Кое-где побывал, все разузнал.

— Всё, кроме одного.

— И чего же?

— Того, чего вам не хватает, чтобы знать всё.

К нашему столу подошел официант с припозднившимся бокалом Гобла и убрал тарелки. Он предложил нам выбрать десерт.

— Я никогда не беру десерт,— отозвался Гобл.— Катись отсюда!

Официант взглянул на зубочистку, протянул руку и ловким движением выхватил ее у Гобла.

— У нас тут есть сортир, парень! — Он бросил зубочистку в пепельницу и убрал ее.

— Теперь понятно, что я имел в виду? — спросил Гобл.— Вот это и называется «класс».

Я заказал шоколадный пломбир и кофе.

— А этому джентльмену принесите счет.

— С удовольствием,— ответил официант. Гобл неприязненно покосился на него. Официант ушел. Я наклонился к столу.

— За последние два дня мне не приходилось встре-

чать большего лгуна, чем вы. А попалось мне их несколько. Сомневаюсь, что вас действительно интересует Митчелл. Вряд ли вы знали о его существовании до вчерашнего дня, пока вам в голову не пришла мысль воспользоваться его именем в своих целях. Вас послали сюда, чтобы следить за девушкой, и я даже знаю, кто все это организовал. Я знаю, в чем причина и что надо сделать, чтобы от девчонки отстали. Если у вас есть козыри, теперь самое время их выложить. Завтра может быть слишком поздно.

Он отодвинул стул, встал и бросил на стол мятую бумажку. Потом холодно взглянул на меня.

— У тебя большой рот и маленькие мозги. Побереги их до четверга, когда будут вывозить мусорные бачки. Ни черта-то ты не знаешь, приятель. Похоже, что уже и не узнаешь.

И вышел, высоко задрав голову.

Я взял со стола банкноту. Как я и предполагал, это оказался всего лишь доллар. Если драндулет, катясь под горку, развивает скорость 45 миль в час, то его хозяин только и может себе позволить, что кутнуть раз в неделю на 85 центов в дешевой забегаловке.

Официант принес мне счет. Я расплатился, оставив доллар Гобла на столе.

— Спасибо,— сказал официант.— Этот парень — ваш близкий друг?

— Жуть до чего близкий.

— Наверное, он не богат,— великодушно признал официант.— В нашем городе самое интересное то, что люди, которые в нем работают, не могут себе позволить здесь жить.

Когда я уходил, в ресторане уже собралось десятка два посетителей и было довольно шумно.

17

Ворота гаража выглядели точно так же, как и в четыре часа утра, но едва я вошел внутрь, как отчетливо услышал шум воды. В застекленной будке никого не было. Кто-то мыл машину, но вряд ли этим занимался сторож. Я подошел к двери лифта и открыл ее. Задребезжал звонок. Я закрыл дверь и принялся ждать. Из-за угла вышел худой человек в длинном белом халате. Глаза за стеклами очков были пустыми и усталыми, а кожа цветом напоминала холодную овсянку. В лице его было

что-то от монголов, южан, индейцев и даже негров. Прилизанные черные волосы казались наклеенными на узкий череп.

— Доставить машину, сэр? Как ваша фамилия?

— Машина мистера Митчелла здесь? Двухцветный бьюик?

Ответил он не сразу. Глаза его стали сонными. С этим вопросом к нему уже обращались.

— Мистер Митчелл уехал сегодня рано утром.

— Рано — это во сколько?

Он потянулся к нагрудному карману, на котором алыми нитками было вышито название гостиницы, достал из него карандаш и принялся разглядывать.

— Чуть раньше семи. В семь у меня кончилась смена.

— Вы работаете по двенадцать часов? Сейчас самое начало восьмого.

Он засунул карандаш обратно.

— Я работаю по восемь часов, но мы меняемся.

— Так... Минувшей ночью вы работали с одиннадцати до семи.

— Точно.— Он смотрел куда-то поверх моего плеча.— А сейчас я ухожу.

Я достал пачку сигарет и предложил парню закурить. Он покачал головой.

— Мне разрешено курить только в будке.

— Или на заднем сиденье паккарда.

Его правая рука сжалась, как на рукояти меча:

— Как твои поставки? Ничего не надо?

Он молча уставился на меня.

— Ты должен был спросить, какие поставки,— подсказал я.

Он промолчал.

— А я должен был сказать, что не табака,— весело продолжал я.— А того, от чего лечатся медком.

Наши взгляды встретились.

— Торговец? — тихо спросил он.

— Быстро ты оклемался, если был в норме в семь утра. Мне показалось, что ты вырубился на несколько часов. Наверно, у тебя в голове часы, как у Эдди Аркаро.

— У Эдди Аркаро? Кто это? Ах, тот жокей... У него что, часы в голове?

— Говорят.

— Мы можем сторговаться,— равнодушно сказал он.— Называй цену.

В будке затренькал звонок. Мне показалось, что я расслышал шорох лифта в шахте. Открылась дверь, и в гараж вошла парочка молодоженов, которые держались за руки в гостиной. Девушка была в вечернем платье, а парень — в смокинге. Они стояли рядышком, как дети, которых застали за поцелуями. Сторож едва взглянул на них, отошел и вернулся уже в машине. Это был новый крайслер с откидным верхом. Парень помог девушке сесть, поддерживая ее так бережно, словно она уже была беременна. Сторож открыл дверцу, парень обошел вокруг машины, поблагодарил его и сел.

— Далеко отсюда до Стеклянного Зала? — застенчиво спросил он.

— Нет, сэр.— Сторож рассказал, как туда добраться.

Парень улыбнулся, поблагодарил его и достал из кармана доллар.

— Я мог бы подать машину и к входу, мистер Престон. Стоило только позвонить.

— Не стоит беспокоиться,— поспешно сказал парень и выехал из гаража. Крайслер медленно исчез из вида.

— Молодожены так трогательны! — заметил я.— Они очень не любят, когда на них обращают внимание.

Сторож стоял передо мной все с тем же тупым выражением лица.

— Но в вас ничего трогательного нет,— добавил я.

— Если ты фараон, покажи жестянку.

— Почему ты решил, что я фараон?

— Слишком уж ты любопытен.— Все это он произнес монотонным, тусклым голосом. Джонни Одна Нота.

— Это верно,— согласился я.— Я — частный сыщик. Прошлой ночью я здесь кое за кем следил. Ты сидел вон в том паккарде,— я ткнул пальцем.— Я подходил к машине и нюхнул травки. Я мог бы увести хоть четыре кадиллака. Ты ведь спал как убитый. Впрочем, это твое дело.

— Говорите о сегодняшнем дне,— сказал он.— О вчерашнем я не спорю.

— Митчелл уехал один?

Он кивнул.

— Без багажа?

— Девять штук. Я помог ему загрузиться. За гостиницу он расплатился. Довольны?

— Ты проверил в регистратуре?

— У него был счет. Подписанный и оплаченный.

— Понятно. Багаж ему вынести, конечно, помогал коридорный.

— Нет. Парнишка-лифтер. До половины восьмого коридорного не бывает.

— Кто такой этот лифтер?

— Мексиканец по имени Чико.

— А сам ты не мексиканец?

— Я — помесь китайца, гавайца, филиппинца и негра. Вам бы не понравилось быть таким, как я.

— Еще один вопрос. Как тебе удается не попасться? Я имею в виду травку.

Он огляделся по сторонам, прежде чем ответить.

— Я курю, только когда мне слишком худо. А вам-то что? И вообще — кому какое дело? Может, я попадусь и лишусь этой жалкой работенки. Может, я окажусь за решеткой. А если вся моя жизнь — тюрьма? Что тогда? — Он слишком много болтал, как все люди с паршивыми нервами. Такие или отвечают односложно, или разражаются потоками слов.

Низким усталым голосом он продолжал:

— Мне ничего ни от кого не надо. Живу себе, ем, иногда сплю. Загляните как-нибудь ко мне. Я живу в старом рассаднике блох на Полтонс-Лейн — это такая аллейка на задворках местной скобяной компании. Сортир во дворе. Моюсь в жестяном корыте на кухне, а сплю на продавленной кушетке. Вся рухлядь — двадцатилетней давности. Это город богачей. Загляните ко мне и посмотрите на собственность одного из них.

— В твоем рассказе про Митчелла недостает одной мелочи.

— Какой?

— Правды.

— Я поищу ее дома под кушеткой. Боюсь, что она немного запылилась.

В гараж с ревом въехала машина. Парень повернулся, вышел за дверь и вызвал лифт. Забавный тип, очень забавный. Даже интересный. И печальный. Печальный и потерянный.

Лифт, как всегда, пришлось ждать. И вскоре у меня появилась компания. Рядом со мной стоял симпатичный, пышущий здоровьем мужчина шести футов трех дюймов роста. Это был Кларк Брэндон. Одет он был в кожаную куртку, толстый голубой свитер с мягким воротником,

грубые кордовые штаны, на ногах — высокие башмаки со шнуровкой, какие обычно носят горные инженеры и маркшейдеры. Он походил на старшего мастера буровых работ. Я не сомневался, что через какой-нибудь час, переодевшись в вечерний костюм, он будет сидеть в Стеклянном Зале, где тоже будет выглядеть птицей достаточно важной как, возможно, и было на самом деле. Уйма денег, завидное здоровье и масса времени, чтобы заниматься и тем и другим. За что бы он ни брался, он везде будет выглядеть хозяином.

Когда пришел лифт, Брэндон пропустил меня вперед. Мальчик-лифтер почтительно приветствовал его. Брэндон кивнул в ответ.

Мы оба вышли в холле. Брэндон подошел к регистратуре, и клерк встретил его широкой улыбкой. Этого клерка я прежде не видел. Он протянул Брэндону пачку конвертов. Тот прислонился к стойке, принявшись одно за другим вскрывать письма и бросать их в урну. Там оказалась большая часть полученной корреспонденции. На стойке лежало несколько туристских проспектов. Я взял один из них, закурил и начал разглядывать.

Одно письмо заинтересовало Брэндона. Он прочел его несколько раз. Мне удалось заметить, что оно было коротким и оказалось написано от руки на листке гостиничной бумаги. Однако это было все, что я сумел разглядеть, не заглядывая Брэндону через плечо. Несколько секунд он постоял с письмом в руке, а потом наклонился и достал из урны конверт. Брэндон изучил его, спрятал письмо в карман и, подойдя к стойке, протянул конверт служащему.

— Это письмо пришло не по почте. Вы, случайно, не знаете, кто его передал? Мне автор письма не знаком.

Клерк взглянул на конверт и кивнул.

— Да, мистер Брэндон, это письмо передали вскоре после того, как я заступил. Его оставил полный человек средних лет, в очках. Одет он был в серый костюм и в серое пальто. На голове — серая фетровая шляпа. Приезжий. Малость потрепанный. Мелкота, одним словом.

— Он спрашивал обо мне?

— Нет, сэр. Он просто просил положить письмо в вашу ячейку. Что-нибудь не так, мистер Брэндон?

— Может, какой-нибудь кретин?

— Не похоже, сэр.

Брэндон фыркнул.

— Он хочет выудить из меня пятьдесят долларов. Наверно, чудак какой-нибудь.— Он взял со стойки конверт, спрятал его в карман и, прежде чем уйти, спросил: — Ларри Митчелл не появлялся?

— При мне — нет, мистер Брэндон. Но я заступил всего пару часов назад.

— Спасибо.

Брэндон, пройдя через холл, вызвал лифт. Лифтер улыбнулся во весь рот и что-то сказал Брэндону. Тот даже не взглянул на него. Когда лифтер закрывал дверь, мне показалось, что вид у него обиженный. Брэндон нахмурился.

Я положил проспект обратно и подошел к клерку. Тот взглянул на меня без особого интереса, явно давая понять, что я не вхожу в число клиентов гостиницы.

— Слушаю, сэр.

Несмотря на свою седину, он неплохо сохранился.

— Я хотел справиться о мистере Митчелле, но слышал ваш ответ.

— Внутренние телефоны вон там,— кивнул он.— Телефонистка вас соединит.

— Сомневаюсь.

— Почему?

Я распахнул пиджак, чтобы достать бумажник. Заметив круглую рукоять револьвера у меня под мышкой, служащий насторожился. Я расстегнул бумажник и достал из него лицензию.

— Если у вас в гостинице есть детектив, нельзя ли мне повидаться с ним?

Клерк изучил карточку и взглянул на меня.

— Посидите в гостиной, мистер Марлоу.

— Благодарю.

Не успел я повернуться к нему спиной, как он уже звонил кому-то по телефону. Я прошел под аркой и устроился у стены, откуда мог все хорошо видеть. Ждать пришлось не слишком долго.

У него была прямая, негнущаяся спина и длинное жесткое лицо, обтянутое бледной кожей, которая от загара только краснеет. Волосы светло-рыжие. Он стоял под аркой и неторопливо оглядывал гостиную. Мне он уделил столько же внимания, сколько и всем прочим. Потом подошел ко мне и опустился на соседний стул. Детектив был одет в коричневый костюм с желто-коричневым галстуком. И то и другое ему шло. Благород-

ную седину его волос оттеняли симпатичные вьющиеся бакенбарды.

— Моя фамилия Явонен,— не глядя на меня, представился он.— Вашу я знаю. Ваша карточка у меня в кармане. В чем дело?

— Я разыскиваю некоего Митчелла. Ларри Митчелла.

— Почему вы его разыскиваете?

— У меня к нему есть дело. А что, нельзя?

— Вовсе нет. Но сегодня рано утром он уехал из города.

— Это я уже слышал. И был заинтригован. Ведь он только вчера прибыл на вашингтонском поезде в Лос-Анджелес, а оттуда на машине приехал сюда. К тому же, он был на мели. Ему пришлось поднатужиться, чтобы раздобыть денег на ужин. Ужинал он в Стеклянном Зале, с девушкой, и здорово надрался, или просто прикидывался, чтобы не расплачиваться за ужин.

— Он мог выписать чек,— спокойно возразил Явонен, окидывая взглядом холл, словно ожидал, что кто-нибудь из игроков в канасту вот-вот выхватит пистолет и выпалит в партнера, или одна из пожилых дам, занятых головоломкой, начнет рвать на себе волосы.— Мистера Митчелла хорошо знают в Эсмеральде.

— Разумеется, но далеко не с лучшей стороны,— обронил я.

Явонен повернул голову и наградил меня равнодушным взглядом.

— Я здесь помощник управляющего, мистер Марлоу. Кроме того, я занимаюсь вопросами безопасности И не могу обсуждать с вами репутацию наших клиентов.

— В этом нет нужды. Она мне известна и без вас. Из разных источников. Вчера вечером я наблюдал Митчелла во всей красе. Он полез на рожон и повел себя так, что ему пришлось рвать когти. Как я слышал, вместе с багажом.

— И кто же поделился с вами этой информацией? — неприязненно спросил Явонен.

Я не ответил на вопрос и продолжал:

— Кроме того, насколько я ориентируюсь, нынешней ночью он не ночевал в гостинице. Это во-первых. Во-вторых, сегодня в регистратуру сообщили, что его номер свободен, а в-третьих, кто-то из вашей ночной смены не выйдет сегодня на дежурство. Митчелл не мог вынести свой багаж без посторонней помощи.

Явонен взглянул на меня, потом снова обшарил взглядом холл.

— Чем вы можете доказать, что вы — детектив? Карточку может отпечатать кто угодно.

Я достал бумажник, извлек из него небольшую фотокопию своей лицензии и подал ее Явонену. Тот взглянул на нее и вернул мне. Я убрал ее обратно.

— У нас есть своя служба, которая занимается теми, кто уехал, не расплатившись. Такое случается в любой гостинице. Мы не нуждаемся в вашей помощи. Кроме того, мы не любим, когда в наш отель приходят с оружием. Клерк видел у вас револьвер. Его может увидеть и еще кто-нибудь. Девять месяцев назад здесь была попытка налета. Одного из налетчиков застрелили. Это я его убил.

— Я что-то такое читал в газетах. Так испугался, что несколько дней не мог успокоиться.

— Вы прочитали не все. На следующей неделе мы понесли убытки примерно на пять тысяч долларов. Клиенты уезжали десятками. Вы меня понимаете?

— Я специально показал служащему револьвер. Я весь день расспрашиваю про Митчелла и не добился ничего, кроме отговорок. Если человек расплатился и уехал, почему не сказать об этом прямо? Можно было и не говорить, что он смылся, не заплатив.

— А кто говорит, что он смылся, не заплатив? Его счет был полностью оплачен, мистер Марлоу. Что вы скажете на это?

— Буду ломать голову, почему из его отъезда делают тайну.

Явонен окинул меня презрительным взглядом.

— Этого тоже никто не говорил. Вы плохо меня слушали. Я сказал, что он уехал из города. Я сказал, что его счет полностью оплачен. Я не говорил, сколько предметов багажа он взял с собой. Я не говорил, что он съехал окончательно. Я не говорил, что он прихватил с собой все свои вещи. Что вас еще интересует?

— Кто оплатил его счет?

Он покраснел.

— Послушай, приятель, я же сказал, что он расплатился! Вчера ночью, лично, полностью и даже за неделю вперед. Я был терпелив в разговоре с тобой. А теперь ты объясни мне кое-что. Что ты скажешь обо всем этом?

— Ничего. Вы меня убедили. Меня интересует, почему он расплатился за неделю вперед.

Явонен чуть заметно улыбнулся, словно его улыбка тоже стоила денег.

— Послушайте, Марлоу, я пять лет прослужил в военной разведке и вижу, кто чего стоит. К примеру, тот, о ком мы говорим. Он платит вперед, потому что нам так больше нравится. На него это действует успокаивающе.

— Когда-нибудь прежде он расплачивался вперед?

— Черт возьми...

— Погодите,— перебил я.— Вон того старичка с тростью заинтересовал наш разговор.

Явонен взглянул в другой конец зала, где в узком мягком кресле сидел сухощавый бледный старик, опустив подбородок на рукоятку трости, которую держал между коленями. Он не мигая смотрел в нашу сторону.

— Ах, этот... Вряд ли он нас видит. Ему уже восемьдесят.

Явонен встал и повернулся лицом ко мне.

— Не хотите — не разговаривайте,— спокойно сказал он.— Вы частный сыщик и выполняете инструкции клиента. Меня интересует только безопасность гостиницы. В следующий раз оставьте револьвер дома. Если возникнут какие-нибудь вопросы, приходите ко мне. Персонал расспрашивать не надо. Возникнут разговоры, а нам это ни к чему. Вряд ли местные фараоны отнесутся к вам с симпатией, если я намекну им на вашу назойливость.

— Могу я перед уходом выпить в вашем баре?

— Только не расстегивайте пиджак.

— Пять лет в военной разведке — это огромный опыт! — Я с восхищением взглянул на Явонена.

— Безусловно,— он коротко кивнул и ушел, распрямив спину и вздернув подбородок. Спокойный малый. Он вытянул из меня абсолютно все. Все, что было написано в карточке.

Тут я заметил, что старик в низком кресле приподнял голову и поманил меня пальцем. Я показал на себя и скорчил удивленную физиономию. Он кивнул, и я пошел к нему.

Хотя он и был стар, но еще довольно крепок и определенно не выжил из ума. Его седые волосы разделял прямой пробор, нос был длинным и острым, лицо прорезали морщины, взгляд голубых глаз сохранял свою живость, но веки то и дело устало опускались. В его ухе виднелась пластиковая пуговица слухового аппарата. Она была розовато-серой, как и само ухо. Замшевые

перчатки были застегнуты. Над блестящими черными башмаками виднелись короткие серые гетры.

— Присаживайтесь, молодой человек.— Голос его был тонким и сухим, как шелест бамбука.

Я сел рядом с ним. Старик присмотрелся ко мне и улыбнулся.

— Наш доблестный мистер Явонен пять лет прослужил в военной разведке, о чем, разумеется, не преминул вам сообщить.

— Да, сэр.

— К сожалению, не все сотрудники нашей армейской разведки блещут интеллектом. Стало быть, вас интересует, как мистер Митчелл оплатил свой счет?

Я пристально посмотрел на старика, потом перевел взгляд на пуговицу слухового аппарата. Старик похлопал по нагрудному карману.

— Я оглох задолго до того, как изобрели эту штуку. Моя лошадь не взяла препятствие. Впрочем, я сам виноват — слишком рано подстегнул ее тогда. Я был еще молод. Не мог представить себя с рожком в ухе и научился читать по губам. Для этого требуется определенная практика.

— А что же Митчелл, сэр?

— Не спешите, дойдем и до него.— Он взглянул куда-то поверх моей головы и кивнул.

— Добрый вечер, мистер Кларендон,— поздоровался кто-то. Мимо нас к бару торопливо прошел коридорный. Старик проводил его взглядом.

— Плюньте на него,— посоветовал он.— Митчелл — обычный мерзавец. Я провел очень много лет в холлах, гостиных, барах, на верандах, террасах и в самых изысканных садах всего мира. Я пережил всех своих родных. Теперь доживу остаток своей жизни бесполезным и любопытным до того самого дня, пока меня не отнесут в чистую и светлую угловую палату больницы. Мне будут прислуживать накрахмаленные белые драконы. Они станут застилать и разбирать постель, привозить подносы с безвкусной больничной едой. Мне будут постоянно измерять пульс и температуру, и обязательно тогда, когда я едва успею заснуть. А я буду лежать и слушать шорох накрахмаленных халатов и мягкие шаги, наблюдать, как врач за улыбкой пытается спрятать испуг... Потом мне дадут кислородную подушку, отгородят кровать белыми ширмами, и я, сам того не замечая, перенесусь в мир иной.

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня.

— Я, вероятно, слишком много говорю. Как вас зовут, сэр?

— Филипп Марлоу.

— А меня — Генри Кларендон Четвертый. Я принадлежу к тому классу, который некогда именовался высшим сословием. Гротон, Гарвард, Гейдельберг, Сорбонна. Я даже проучился год в Упсале. Не помню уж, почему я там оказался. Вероятно, затем, чтобы предаваться праздной жизни... Стало быть, вы — частный детектив. Как видите, иногда я говорю не только о себе.

— Да, сэр.

— Вам сразу следовало бы обратиться ко мне. Но вы, разумеется, не могли этого знать.

Я кивнул и закурил, предложив сигарету мистеру Генри Кларендону Четвертому тоже. Тот рассеянно отказался.

— Так или иначе, я могу вам кое-что сообщить, мистер Марлоу. В любой гостинице мира найдется полдюжины старых бездельников обоего пола, которые пялятся по сторонам, как филины. Они за всем наблюдают, все слушают, сравнивают и все обо всех знают. Им совершенно некуда себя девать, потому что нет ничего скучнее гостиниц. Я вам, конечно, уже чертовски надоел.

— Я бы, пожалуй, узнал что-нибудь про Митчелла, сэр. Хотелось бы сегодня, мистер Кларендон.

— Разумеется. Я эгоистичен, глуп и болтлив, как школьница. Вы обратили внимание на симпатичную темноволосую женщину, которая играет в канасту? У нее очки в массивной золотой оправе и явный избыток драгоценностей.

Он не стал показывать мне женщину и даже не взглянул в ее сторону. Однако я без труда нашел ее. Это была дама с пышными формами, но, кажется, довольно энергичная, что было заметно даже под слоем косметики и кучей бижутерии.

— Ее зовут Марго Уэст, она поменяла семь мужей. У нее прорва денег и относительно недурная внешность, однако удерживать возле себя мужчин она просто не умеет. Просто потому, что слишком откровенно пытается это сделать. И тем не менее, она не глупа. Такая женщина способна связаться с типом вроде Митчелла. Она будет давать ему деньги и оплачивать его счета, но никогда не выйдет за него замуж. Вчера вечером

они повздорили. Тем не менее, она могла оплатить его счет. Такое уже случалось.

— А я думал, что он каждый месяц получает чек от отца из Торонто. Но ему этого мало.

Губы Генри Кларендона Четвертого скривились.

— Голубчик, у Митчелла нет никакого отца в Торонто. Он не получает никаких ежемесячных чеков. Он живет за счет женщин. Именно потому он и остановился в этой гостинице. В фешенебельном отеле обязательно найдется богатая и одинокая женщина. Не всегда красивая или очень молодая, но есть ведь и другие прелести. Подцепить такую в Эсмеральде, да еще в межсезонье довольно трудно. В такое время года Митчелл привык путешествовать: если получится — на Майорку или в Швейцарию. На худой конец, если с деньгами туго — во Флориду или на один из островов в Карибском море. А в этом году ему вообще не подфартило. Насколько мне известно, он добрался лишь до Вашингтона...

Старик окинул меня взглядом, но я сидел с невозмутимым видом, играя роль вежливого и симпатичного, как ему казалось, молодого человека, который с радостью выслушивает сентенции старого говоруна.

— Ну, хорошо,— отозвался я наконец.— Допустим, счет его она оплатила. Но почему на неделю вперед?

Старик погладил свою перчатку, потом снова опустил голову на рукоятку трости и принялся разглядывать узор на ковре. Вдруг он щелкнул зубами, должно быть, поправляя челюсть, и снова выпрямился.

— Значит, это было выходное пособие,— сухо обронил он.— Окончательная и бесповоротная развязка романа. Миссис Уэст, как говорится, сыта им по горло. Кроме того, вчера Митчелл появился в компании рыженькой девушки. Волосы у нее с этаким каштановым оттенком... Что-то в их отношениях меня насторожило. Оба держались как-то напряженно, неестественно.

— Митчелл мог бы шантажировать женщину?

Старик фыркнул.

— Он способен шантажировать даже ребенка в колыбели. Альфонс всегда занимается шантажом женщин, даже если он называет это иначе. Кроме того, он их обязательно обворует, если сумеет добраться к деньгам. Митчелл дважды подделывал подпись Марго Уэст. Это оказалось последней каплей. Она несомненно узнала о чеках, но дальнейшего хода этому делу не даст.

— Простите великодушно, мистер Кларендон, но откуда вы все это знаете?

— Она сказала. Плакалась мне в жилетку.— Старик опять взглянул на красивую темноволосую женщину.— Глядя на нее, в мои слова трудно поверить. Но тем не менее это правда.

— А зачем вы все это говорите мне?

На его лице появилась безжизненная улыбка.

— Я совершенно лишен деликатности. Я бы и сам не прочь жениться на Марго Уэст. Во всяком случае, это было бы свежо. Человека в моем возрасте мало что занимает. Жужжание пчелы, необычный цветок. Почему на определенной стадии бутон разворачивается именно так, а не иначе? Почему это всегда происходит так медленно и в определенном неизменном порядке, а кончик бутона похож на птичий клюв, тогда как оранжево-голубые лепестки придают ему сходство с райской птицей? Какое божество создало столь сложный мир, хотя, вероятно, можно было создать простой? Всемогущ ли этот Бог? Как это возможно? В мире столько страданий, и почти всегда страдают невинные. Почему крольчиха-мать, попав в лапы хорьку, даст перегрызть себе горло, спасая крольчат? Почему? Ведь пройдет всего две недели, и она их просто не узнает в скопище других кроликов. Вы верите в Бога, молодой человек?

Я предчувствовал долгий разговор, но деваться мне было некуда.

— Если вы имеете в виду всеведущего и всемогущего демиурга, который предначертал всем и всему быть тем, чем оно и является, то нет.

— Но вы должны в него верить, мистер Марлоу. Это очень скрашивает жизнь. В конечном счете все мы приходим к этому, поскольку всем нам суждено умереть и обратиться в прах. Возможно, на этом все заканчивается, а возможно и нет. Есть определенные неясности с загробной жизнью. Вряд ли я с удовольствием воспринял бы рай, где мне пришлось бы делить кров с африканским пигмеем, китайским кули, ливанским купцом или даже голливудским продюсером. Я считаю себя снобом, и мне, быть может, недостает вкуса. Кроме того, я не могу представить себе рай в ведении благостного персонажа с длинной белой бородой, известного всем под именем Бог. Вся эта чушь годится лишь для недоумков. Но нельзя ставить под сомнение религиозные убеж-

дения, сколь бы глупыми они ни казались. Я, конечно, очень сомневаюсь, что попаду в рай. Откровенно говоря, это было бы довольно скучно. С другой стороны, как можно вообразить ад, в котором соседствуют некрещеный младенец, наемный убийца, комендант нацистского лагеря смерти и член политбюро? Как странно, что самые возвышенные устремления человека, даже если он — грязное животное, его лучшие поступки, его самозабвенный героизм и постоянное, повседневное мужество в суровом мире — все это гораздо выше его земной судьбы! Здесь непременно должен быть какой-то смысл. Только не говорите, что честь — не более чем продукт химической реакции, а человек, который жертвует жизнью ради других, всего лишь следует нормам поведения. Счастлив ли Бог, когда отравленный кот в конвульсиях умирает за доской для объявлений? Счастлив ли он оттого, что жизнь так жестока и выживают лишь самые приспособленные? Приспособленные к чему? Сомневаюсь. Если бы Бог был всеведущ и всемогущ в прямом смысле этих слов, он не стал бы создавать нашу Вселенную. Нельзя добиться успеха там, где не заложена вероятность неудачи. Нет искусства без преодоления сопротивления среды. Богохульно ли утверждение, что у Бога тоже бывали неудачные дни, когда все валится из рук, и что дни Бога очень и очень длинны?

— Вы мудрый человек, мистер Кларендон. Вы упоминали о чем-то новеньком.

Старик чуть заметно улыбнулся.

— Вы полагаете, что я потерял нить, увлекшись своими запутанными сентенциями? Нет, сэр, это не так. Женщины вроде миссис Уэст всегда кончают цепью браков с псевдоэлегантными охотниками за богатством, танцорами танго с красивыми баками, лыжными инструкторами атлетического сложения, потасканными французскими и итальянскими аристократами, дешевыми князьками со Среднего Востока. Причем каждый очередной в этой цепочке хуже предыдущего. В крайнем случае, она даже способна выйти замуж за человека типа Митчелла. Выйди она за меня, она стала бы женой старого зануды, но ее супруг, во всяком случае, был бы джентльменом.

— Да.

Он усмехнулся.

— Столь короткий ответ означает, что вы по горло сыты Генри Кларендоном Четвертым. Я на вас не сер-

жусь. Скажите-ка, мистер Марлоу, а почему вас так интересует Митчелл? Хотя вы, вероятно, не можете ответить на мой вопрос.

— Не могу, сэр. Мне хотелось бы знать, почему он уехал так внезапно? Кто оплатил его счет? Если это сделала миссис Уэст или какой-нибудь богатый приятель вроде Брэндона, почему они внесли плату за неделю вперед?

Редкие стариковские брови взметнулись вверх.

— Брэндон мог уладить это дело одним телефонным звонком. Миссис Уэст могла дать Митчеллу денег, чтобы он расплатился сам... Но за неделю вперед?.. Зачем Явонен сказал вам об этом? И какие соображения у вас самого на сей счет?

— Администрация гостиницы явно хочет скрыть нечто, относящееся к Митчеллу, чтобы сохранить свою репутацию.

— Что например?

— Самоубийство, убийство или что-то в этом духе. Хотя бы. Вы заметили, что названия фешенебельных гостиниц редко попадают на страницы газет, если кто-нибудь из посетителей выбросится из окна? Обычно предпочитают не уточнять, где именно произошел инцидент. И если это достаточно престижный отель, вы никогда не увидите в холле фараонов, что бы ни стряслось наверху.

Мистер Кларендон перевел взгляд, я посмотрел в ту же сторону. Игра в канасту подходила к концу. Разряженная и увешанная драгоценностями дама по имени Марго Уэст неторопливо направилась в бар с одним из мужчин. Сигарета торчала из ее мундштука, словно бушприт.

— Итак...

— Допустим,— сказал я,— что Митчелл оставил за собой номер...

— Четыреста восемнадцать,— спокойно вставил Кларендон.— С видом на океан. Четырнадцать долларов в день вне сезона, в сезон — восемнадцать.

— Недешево, если нет ни гроша за душой. Однако номер по-прежнему за Митчеллом. Что бы ни случилось, для всех окружающих он просто отлучился на несколько дней. Сегодня около семи утра он погрузил в машину багаж и уехал. Чертовски подходящее время для отъезда, если учесть, что Митчелл вчера вечером был пьян, как скотина.

Кларендон откинулся на спинку кресла и бессильно уронил руки в перчатках. Я видел, что он начал уставать.

— Если бы все произошло именно так, разве не удобней было бы администрации гостиницы убедить вас, что он уехал насовсем? Вы начали бы искать в другом месте. Конечно, если он вас действительно интересует.

Я перехватил его утомленный взгляд. Старик усмехнулся.

— Что-то я вас не слишком понимаю, мистер Марлоу. Я все говорю и говорю, но не только затем, чтобы слышать звук собственного голоса. Тем более что я его совсем не слышу. Разговор дает мне возможность изучать людей и не казаться при этом слишком навязчивым. Теперь я изучал вас. Интуиция, если можно так выразиться, подсказывает мне, что Митчеллом вы интересуетесь просто попутно. Иначе вы не говорили бы об этом столь открыто.

— Угу. Может быть.— Неплохой образчик яркой прозы. Надо было бы выдать еще что-нибудь, но мне больше ничего не лезло в голову.

— А теперь бегите,— сказал он.— Я устал. Поднимусь к себе и немного полежу. Рад был с вами познакомиться, мистер Марлоу.— Он медленно встал и оперся на трость. Это далось старику с трудом. Я тоже поднялся.

— Я никогда не пожимаю рук,— сказал он.— Мои руки безобразны и очень болят, и поэтому я ношу перчатки. Спокойной ночи. А если мы больше не увидимся, то и удачи.

Он ушел, тяжело ступая и высоко подняв голову. По двум ступенькам от гостиной до арки поднялся в два захода, с передышкой. Потом направился к лифту. Каждый шаг старика сопровождался глухим стуком трости. Генри Кларендон Четвертый был крепким парнем.

Я подошел к бару. Марго Уэст сидела в янтарном полумраке с одним из игроков в канасту. Я не обратил на них особого внимания, потому что чуть дальше в небольшой кабинке увидел свою знакомую. Она была одна. Официант принес миссис Уэст и ее знакомому напитки.

Одета Бетти была точно так же, только сняла с головы ленту и распустила волосы.

Я сел рядом с ней. К столику подошел официант, и я сделал заказ. Тихая музыка из проигрывателя располагала к доверительной беседе.

Девушка чуть заметно улыбнулась.

— Простите, что я не сдержалась и нагрубила вам.

— Забудем об этом. Я сам виноват.

— Вы меня искали?

— Не особенно.

— Вы... ах да, совсем забыла! — Она взяла сумочку и положила ее на колени. Порывшись в ней, протянула мне чековую книжку.— Я вам обещала.

— Не надо.

— Берите, идиот! Я не хочу, чтоб официант что-нибудь заметил!

Я спрятал ее. Потом достал из внутреннего кармана небольшую квитанционную книжку и написал на одном из бланков: «Получено мной от мисс Бетти Мэйфилд в гостинице «Каса дель Пониенте», Эсмеральда, Калифорния, пять тысяч долларов в чеках «Америкэн Экспресс» достоинством по сто долларов каждый и подписанных владельцем. Чеки остаются ее собственностью и будут возвращены ей по просьбе в любое время за вычетом установленного и полученного мною гонорара. Нижеподписавшийся...»

Я поставил свою подпись под этим вздором и показал девушке так, чтобы она смогла его прочесть.

— Распишитесь в левом нижнем углу.

Она взяла квитанционную книжку и внимательно ее просмотрела.

— Вы меня утомляете,— сказала наконец Бетти.— Что вы хотите этим доказать?

— Что я на уровне, и вы это понимаете.

Девушка взяла предложенную мной ручку, расписалась и вернула книжку. Я оторвал квитанцию и отдал ей, а книжку убрал в карман.

Подошел официант и поставил передо мной бокал. Он не стал ждать, пока я расплачусь. Бетти кивнула ему, и он ушел.

— Почему вы не спрашиваете, нашел ли я Ларри?

— Ну, хорошо, мистер Марлоу, вы нашли Ларри?

— Нет. Он смылся из гостиницы. У него был номер на четвертом этаже, с той же стороны, что и у вас, почти прямо под вами. Он загрузил в свой бьюик девять предметов багажа. Гостиничный сыщик по фамилии Явонен, который называет себя помощником управляющего по безопасности, довольствуется тем, что Митчелл оплатил свой номер на неделю вперед. Больше его ничего не волнует. Разумеется, я ему не нравлюсь.

— А кому вы вообще нравитесь?

— Вам... раз уж вы подкинули мне пять кусков.

— Дуралей! Вы думаете, что Митчелл вернется?

— Я сказал, что он заплатил за неделю вперед. Девушка невозмутимо отхлебнула виски.

— Сказали. Но мало ли что это может означать.

— Разумеется, я мог ляпнуть это только затем, чтобы вы поняли, что счет за Митчелла оплатил кто-то другой, потому что этому другому просто надо было выиграть время, например, для того, чтобы избавиться от трупа на вашем балконе. Конечно, если этот труп там был.

— Прекратите!

Она допила виски, потушила сигарету и оставила меня наедине со счетом. Я расплатился и, сам не знаю почему, вышел через холл. Возможно, у меня было какое-то предчувствие. Возле лифта я увидел Гобла. Он казался каким-то дерганым. Вроде бы он меня заметил, но не подал виду, что мы знакомы, а вошел в лифт и поехал наверх.

Я сел в машину и поехал на «Ранчо Десkансадо». В номере лег на кушетку и заснул. Возможно, отдохнув и прочистив мозги, я хоть как-то сориентируюсь в своих поступках.

18

Через час я остановил свою машину напротив скобяного магазина. Он не был единственным в Эсмеральде, однако выходил задами на аллею под названием Полтонс-Лейн. Пока я дошел до угла, то вдоль улицы насчитал семь магазинов с блестящими стеклянными витринами. На самом углу был магазин готовой одежды. В его витрине стояли манекены, были разложены шарфы, перчатки и дешевая бижутерия. Табличек с ценами не было. Я свернул за угол и зашагал дальше. Вдоль тротуаров росли толстые эвкалипты, ветви которых опускались почти до земли. Они совсем не походили на те высокие и хрупкие деревья, что растут вокруг Лос-Анджелеса. В дальнем конце Полтонс-Лейн было автомобильное агентство. Я шел вдоль его высокой голой стены, глядя на сломанные корзины, груды картонных коробок, мусорные баки — задворки роскоши. Я считал дома. Это было нетрудно. Можно был никого не спрашивать. В окошке небольшого барака горел свет. В него вело дере-

вянное крыльцо со сломанными перилами. Когда-то это можно было назвать жилищем. Похоже, что во времена оны его покрасили, но это осталось в далеком прошлом, еще до того, как его поглотили торговые лавки. Не исключено, что здесь даже был сад. Доски на крыше покоробились. Входная дверь была грязно-желтого цвета. Окна были плотно закрыты и определенно нуждались в мытье. На одном из них виднелось некое подобие жалюзи. Одна из двух ступеней крыльца была сломана. За бараком, недалеко от эстакады скобяного магазина, стояла пародия на сортир. Я заметил подведенную к нему канализационную трубу. Богатые нововведения в богатом доме. Трущоба на одного человека.

Я перешагнул через сломанную ступеньку и постучал в дверь. Звонка на ней не оказалось. Мне никто не ответил. Я дернул за ручку. Дверь была незаперта. Я распахнул ее и вошел. У меня было предчувствие, что сейчас я увижу нечто отвратительное. В гнутом торшере под рваным бумажным абажуром горела тусклая лампочка. На кушетке валялось грязное одеяло. Убогую обстановку дополняли плетеное кресло-качалка и покрытый замызганной клеенкой стол. На столе возле чашки с остатками кофе лежала развернутая «Эль Диарио», стояло блюдце с окурками, грязная тарелка. Из дешевого транзистора неслась громкая музыка. Вдруг она смолкла и мужской голос принялся сыпать коммерческими новостями на испанском языке. Я выключил приемник. Тишина упала на меня, как пуховая перина. Вдруг за приоткрытой дверью застрекотал будильник. Потом послышался какой-то треск, хлопанье крыльев и надтреснутый голос затараторил:

— Quien es? Quien es? [1]

За этим последовала яростная обезьянья трескотня, и снова стало тихо.

Из большой клетки в углу комнаты на меня смотрел круглый злой глаз попугая. Птица бочком передвигалась по жердочке от одного края клетки до другого.

— Amigo [2],— окликнул я попугая.

Он рассмеялся хриплым безумным смехом.

— Заткнись, приятель,— сказал я.

Попугай переполз на другой конец жердочки, сунул

---

[1] Кто там? Кто там? (исп.)
[2] Друг (исп.).

клюв в белую чашку и небрежно выпустил из него овсяное зернышко. Во второй чашке была вода. В ней плавали те же овсяные зерна.

— Держу пари, что ты даже не умеешь проситься по нужде,— сказал я попугаю.

Птица молча уставилась на меня и заерзала. Потом повернула голову и посмотрела на меня другим глазом. Потом наклонилась вперед, распустила хвост и подтвердила мою правоту.

— Necio! [1]— заорал попугай.— Fuera! [2]

Где-то из протекающего крана капала вода. Тикали часы. Попугай передразнил их тиканье, только оно было гораздо громче.

— Милашка Полли! — сказал я.

— Hijo de la chingado [3],— ответил мне попугай.

Я покосился на него и открыл дверь в так называемую кухню. Линолеум под раковиной сносился до самых досок. Кроме мойки в кухне была трехконфорочная газовая плита, полка с тарелками и будильником, а на подставке в углу — допотопный титан, который может рвануть в любую минуту, потому что у такой модели нет выпускного клапана. Окно было закрыто, как и какая-то узкая дверь с ключом в замке. С потолка, покрытого трещинами и пятнами от просочившейся влаги, свисала на шнуре голая лампочка. За моей спиной бесцельно егозил на жердочке попугай, время от времени издавая ленивые крики.

В оцинкованной раковине лежал небольшой кусок черного резинового шланга, а рядом с ним — стеклянный шприц. Там же валялись три пустых длинных ампулы и обломанные наконечники от них. Такие ампулы я уже видел.

Я открыл вторую дверь, вышел на улицу и направился к усовершенствованному нужнику. Из-за наклонной крыши высота его спереди была примерно восемь футов, а сзади — меньше шести. Дверь открывалась наружу, потому что сортир был слишком тесен. Она оказалась заперта изнутри, но крючок был стар и не мог противостоять мне слишком долго.

Мужчина почти касался пола потертыми носками

---

[1] Дурак! (исп.)
[2] Убирайся! (исп.)
[3] Недоделанный (исп.).

башмаков. Голова его скрывалась в полумраке в нескольких дюймах от потолка. Человек висел на черном кабеле, вероятно куске электропроводки. Казалось, будто он хочет встать на цыпочки. Обтерханные манжеты хлопчатобумажных брюк спускались ниже каблуков. Я потрогал его и понял, что снимать парня уже поздно.

Он здорово подстраховался. Сначала перетянул на кухне руку шлангом, сжал кулак, чтобы проступила вена и всадил в нее полный шприц сульфата морфина. Если в раковине валялись три пустых ампулы, то по крайней мере одна из них была до этого полной. Вряд ли он стал бы принимать меньше своей «нормы». Потом он бросил шприц и развязал шланг. При внутривенной инъекции морфин расходится в два счета. Затем он пошел в сортир, встал на очко и сунул голову в петлю из провода. К тому времени он, вероятно, уже поплыл. Наверно, он стоял там и ждал, когда под ним подогнутся ноги, а петля затянется под тяжестью тела. Но он этого уже не почувствовал. Он уснул.

Я закрыл дверь сортира. В дом больше не пошел. А когда направился к милой улочке Полтонс-Лейн, попугай в доме услышал мои шаги и заскрипел:

— Quien es? Quien es? Quien es?

Кто это? Никто, приятель. Просто ночной прохожий. Я зашагал прочь.

19

Шел я медленно и бесцельно, но знал, где рано или поздно окажусь. Как обычно. Это будет «Каса дель Понинте». На Гранд-стрит я сел в свою машину, покружил по городу и остановился на привычной уже стоянке возле входа в бар. Выбираясь из кабины, взглянул на соседний автомобиль. Это оказалась обшарпанная жестянка Гобла. Он был прилипчив, как пластырь.

В другое время я пораскинул бы мозгами, пытаясь додуматься, что он вынюхивает, но теперь меня занимала куда более сложная проблема. Надо было пойти в полицию и сообщить о висельнике. Но я не представлял, что я им скажу. Зачем я пошел к нему домой? Если он говорил правду, что видел, как Митчелл утром уехал. Почему это было важно? Потому что я сам разыскивал Митчелла. Я хотел поговорить с ним начистоту. О чем? В любом случае придется упомянуть о Бетти Мэйфилд:

кто она, откуда, почему сменила фамилию, из-за чего девушке пришлось бежать из Вашингтона, Вирджинии и Бог знает откуда еще.

У меня в кармане лежали ее чеки на пять тысяч долларов, а она даже формально не была моей клиенткой. Я влип, и весьма основательно.

Я подошел к краю скалы и прислушался к шуму прибоя. Трудно было разглядеть что-нибудь, кроме редких мерцающих волн, бившихся о подводные скалы за бухтой. В самой бухте волны медленно и лениво наползали на берег, чем-то напоминая вежливых дежурных администраторов магазинов. Небо было темным, луна еще не взошла.

Поблизости от меня стояла какая-то женщина. Похоже, ее занимали те же проблемы. Наверно, я смог бы ее узнать. Не бывает двух людей с совершенно одинаковой походкой, как нет двух идентичных отпечатков пальцев. Но она стояла неподвижно.

Я закурил, огонек зажигалки осветил лицо. Женщина подбежала ко мне.

— Может быть, хватит преследовать меня?

— Вы — моя клиентка. Я пытаюсь вас защитить. Надеюсь, что если мне удастся дожить до своего семидесятилетнего юбилея, кто-нибудь объяснит мне, чего ради я это делал.

— Я не просила вас защищать меня. Я вам не клиентка. Почему бы вам не пойти домой, если он у вас есть, и не прекратить надоедать другим?

— Вы моя клиентка... ценой в пять тысяч. Я должен их как-то отработать... Даже если для этого придется всего лишь отпустить усы.

— Вы невыносимы! Я заплатила вам, чтобы вы оставили меня в покое. Вы невыносимы! Вы самый несносный из всех, кого я встречала. А встречала я разных типов.

— А как же роскошный домик в Рио? Тот, где я собирался убивать время в шелковом халате, перебирая ваши прекрасные длинные волосы, в то время как ваш дворецкий с фальшивой улыбкой и деликатными жестами гримера-педераста, обхаживающего кинозвезду, будет расставлять серебряную посуду?

— Замолчите!

— Стало быть, вы пошутили? Обычная фантазия, а то и еще хуже? Неплохо придумано, чтобы вытащить меня

из постели и послать на поиски несуществующего трупа.

— Вам никогда не доставалось по носу!

— Частенько доставалось, но я всегда уворачивался.

Я обнял девушку. Она попыталась вырваться, но не царапалась. Я поцеловал ее. Бетти прижалась к моей груди и взглянула на меня.

— Ладно уж, если тебе так хочется, то можешь меня поцеловать. Полагаю, ты сделал бы это еще охотнее, будь поблизости хоть какая-нибудь кровать.

— Я же человек, а не скотина.

— Вы себе льстите. Вы низкий и грязный сыщик. Целуйте!

Поцеловав ее, я тихо сказал:

— Он повесился.

— Кто? — чуть слышно прошептала Бетти.

— Ночной сторож из гостиничного гаража. Ты могла его вообще не видеть. Он баловался мескалином и марихуаной. А сегодня принял полную дозу морфия и повесился в нужнике за своей конурой на Полтонс-Лейн. Есть такая аллейка на задворках Гранд-стрит.

Бетти вздрогнула. Она крепко вцепилась в меня, словно боялась упасть. Бетти пыталась что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

— Это он сказал мне, что Митчелл уехал сегодня утром с девятью чемоданами. Я не очень-то ему поверил. Он сказал, где живет, и вечером я пришел к нему потолковать. А теперь придется пойти к фараонам и все рассказать. А что я могу им сообщить, не упоминая Митчелла и вас, естественно, тоже?

— Пожалуйста... пожалуйста... не говорите обо мне ничего,— взмолилась Бетти.— Я заплачу вам еще. Я дам вам столько денег, сколько вы захотите!

— Черт возьми! Вы и так заплатили мне больше, чем я могу принять. Я попросту хочу знать, что я делаю и зачем. Возможно, ты слышала о профессиональной этике. Вообрази себе, что нечто такое не чуждо и мне. Ну как, нанимаешь ты меня или нет?

— Да. Сдаюсь. В конце концов все ваши клиенты отдают вам должное, верно?

— Если бы! Частенько мной помыкают как хотят.

Я достал из кармана чековую книжку, вырвал пять страничек и, свернув ее в трубочку, вернул девушке.

— Пятьсот долларов я оставляю себе. Это законно. А теперь коротенько изложи суть дела.

— Нет. Вы не обязаны сообщать в полицию о том человеке.

— Обязан. Мне уже пора идти. Я не в состоянии придумать такую историю, которую они не раскусили бы в три минуты. Забирайте ваши проклятые чеки, и если вы попытаетесь всучить мне их еще раз, я вас ударю.

Девушка схватила чековую книжку и метнулась в темноту. Я остался стоять на месте, чувствуя себя законченным идиотом. Я не знаю, сколько так проторчал, потом наконец сунул чеки в карман, доплелся до машины и поехал туда, где мне давно уже следовало быть.

20

Один тип по имени Фред Поуп как-то рассказал мне, что он думает об Эсмеральде. Сам он содержал мотель и был пожилым болтуном, каких всегда стоит слушать. Словечко-другое, которое мне сгодится, можно услышать от кого угодно.

— Я прожил здесь тридцать лет,— говорил он.— Когда я сюда приехал, у меня была сухая астма. Теперь она стала мокрой. Я помню времена, когда этот городок был настолько тихим, что посреди бульвара спали собаки, и чтобы проехать, приходилось притормаживать, если, конечно, у тебя была машина, и прогонять их. Эти твари еще огрызались. А по воскресеньям у меня возникало такое чувство, будто меня уже похоронили. Все заперто наглухо, как банковский сейф. Прогуливаться по Гранд-стрит мне было так же приятно, как бывать в морге. Пачку сигарет и ту негде было купить. Такая стояла тишина, что можно было услышать, как мышь в норке причесывает свои усы. Мы со старухой (она померла пятнадцать лет тому назад) частенько играли в картишки в нашей каморке на крайней от обрыва улице и все прислушивались, не случится ли чего-нибудь интересного. Например, не застучит ли тростью какой-нибудь старый хрен, который выполз из дому. Не знаю, может, старик Хеллвиг сделал наш городишко таким назло всем остальным. За те годы, что он здесь прожил. Он был крупной шишкой и поставлял оборудование для ферм.

— Скорее всего. У него хватило ума начать вкладывать деньги в Эсмеральду. Он знал, что со временем все это окупится сторицей.

— Возможно,— согласился Фред Поуп.— Так или

иначе, он основал город. А потом и сам здесь поселился. На холме, в оштукатуренном доме с черепичной крышей. Здорово модно. Он завел здесь садики с террасами, с большими зелеными лужайками, с обилием цветов и коваными железными воротами. Их, я слышал, привезли аж из Италии. Дорожки в саду были выложены аризонским камнем. Точнее, не в одном саду, а в целой дюжине. И земли вполне достаточно, чтобы не видеть и не слышать соседей. Я слыхал, что он был крепким парнем и глушил за день пару бутылок горькой. Была у него единственная дочь — мисс Патрисия Хеллвиг. Вот та уж принадлежала к настоящим сливкам общества, да и теперь еще принадлежит.

К тому времени, значит, в Эсмеральде начали селиться люди. Сначала это все были старухи со своими мужьями, и, надо признать, похоронные дела сразу пошли на лад. Старички начали помирать один за другим, а их любящие вдовы знай только успевали их хоронить. Чертовы бабы живут дольше. Хоть и не всегда.

Он отвернулся и помолчал, прежде чем продолжить рассказ.

— Потом сюда провели трамвайные рельсы из Сан-Диего, но город все еще был слишком тихим. Дети в нем почти не рождались. Слишком уж это считалось сексуальным — рожать детей. Но началась война, и все изменилось. У нас появились и потные ребята, и распущенные школьники в джинсах и грязных рубахах, художники, клубные пьяницы и ловкие торгаши, которые за восемь с половиной долларов продадут вам стакан виски, которого там кот наплакал. У нас есть и рестораны, и магазины, где продают спиртное, но бильярдных и всяческих заведений для автомобилистов пока еще нет. В прошлом году хотели поставить в парке платный телескоп. Послушали бы вы, какой визг поднялся в городском совете! Дело это зарубили, но городишко наш все равно уже кое-чего стоит. У нас тут есть такие же классные магазины, как на Беверли-Хиллс. А мисс Хеллвиг всю жизнь из кожи лезла, чтобы хоть что-нибудь сделать для города. Старый Хеллвиг преставился пять лет назад. Врачи сказали ему, что придется поставить крест на выпивке, иначе он не протянет и года. Старик послал их куда подальше и сказал, что если ему нельзя опрокинуть рюмочку, когда вздумается, значит, и впрямь дело швах. Он завязал пить и через год приказал долго жить

Доктора это как-то называли — у них всегда наготове всякие умные слова. Но мне думается, что у мисс Хеллвиг для самих лекарей тоже было подходящее название. Во всяком случае, из больницы их выпнули, и пришлось им убираться из Эсмеральды. Хотя лучше и не стало. Этих врачей в Эсмеральде не меньше шестидесяти. А Хеллвигов — хоть пруд пруди. И хотя некоторые из них носят теперь другие фамилии, все они из одной семьи. Кто-то из них побогаче, а кто и работает. Мисс Хеллвиг работает, наверное, больше всех. Ей сейчас восемьдесят шесть, но она здоровее быка. Она никогда не жевала табак, не пила, не курила, не сквернословила и не красилась. Она подарила городу больницу, частную школу, библиотеку, центр искусств, публичные теннисные корты и черт знает что еще. Она по-прежнему разъезжает в тридцатилетней давности роллс-ройсе, который, тем не менее, работает не громче швейцарских часов. Мэр города живет в двух шагах от Хеллвигов. Надо думать, что построила и передала муниципальный центр городу за символическое вознаграждение тоже мисс Хеллвиг. Такой уж она человек. Конечно, теперь у нас даже евреи появились, но позвольте мне кое-что сказать. Все думают, что еврей может облапошить любого. Все это туфта. Евреи любят торговать и заниматься делом, а неприступны они только внешне. В глубине души любой еврейский бизнесмен — человек мягкий. Он просто добр. Если хотите познакомиться с настоящими волками, то у нас в городе найдутся и такие, которые могут обобрать вас до нитки да еще потребуют платы за услуги. Они вырвут у вас последний доллар, а потом будут коситься, словно это вы их обокрали.

21

Полицейский участок занимал часть длинного здания в стиле модерн на углу Хеллвиг и Оркатт. Я оставил машину у входа и вошел внутрь, еще не решив, что говорить, хотя прекрасно понимал, что рассказывать придется.

Полицейский, сидевший за столом в небольшом, но очень опрятном приемном кабинете, был в безупречно чистой, словно только что отглаженной форме. Батарея из шести динамиков на стене выдавала доклады патрулей и шерифов со всего округа. Табличка на столе сооб-

щала, что фамилия дежурного — Гридделл. Он посмотрел на меня выжидающе, как смотрят они все.

— Чем могу помочь, сэр? — У него был приятный, сдержанный строгий голос, как у многих полицейских.

— Я должен сообщить о смерти. Возле развалюхи за скобяным магазином на Гранд-стрит в нужнике висит человек. Мертвый. Труп давно остыл.

— Назовите, пожалуйста, свою фамилию,— он уже нажимал на какие-то кнопки.

— Меня зовут Филипп Марлоу. Я частный детектив из Лос-Анджелеса.

— Вы запомнили номер дома?

— Я не видел на нем номера. Он стоит как раз за конторой городской скобяной компании.

— Скорую, быстро! — сказал он в микрофон.— Возможно самоубийство,— и сообщил координаты.— В сортире возле дома висит человек.

Полицейский взглянул на меня.

— Вы знаете, как его зовут?

Я отрицательно покачал головой.

— Он работал ночным сторожем в «Каса дель Пониенте».

Дежурный зашуршал страницами блокнота.

— Знаем такого. Его привлекали за марихуану. Понятия не имею, как он удерживался на работе. Но теперь освободил место, а желающие на него найдутся.

В кабинет вошел высокий сержант с бесстрастным лицом, быстро взглянул на меня и вышел.

Дежурный шелкнул переключателем на небольшом коммутаторе.

— Капитан, это Гридделл. Некий мистер Марлоу сообщил о смерти в Полтонс-Лейн. Скорая уже выехала. Туда же отправился сержант Грин. Там поблизости две патрульные машины.

Какое-то время он молча слушал, потом посмотрел на меня.

— С вами хочет поговорить капитан Алессандро, мистер Марлоу. Пройдите, пожалуйста, дальше по коридору, последняя дверь направо.

Не успел я выйти, как дежурный снова заговорил в микрофон.

На последней двери справа были написаны две фамилии: «Капитан Алессандро» и «Сержант Грин». Дверь была приоткрыта. Я постучал и вошел.

Человек за столом был так же безупречен, как дежурный. Он разглядывал в лупу какую-то карточку, а стоявший рядом магнитофон несчастным голосом рассказывал мрачную историю. Рост капитана был около шести футов и трех дюймов, у него были густые темные волосы и чистая оливковая кожа. На столе лежала форменная фуражка. Заметив меня, он выключил магнитофон, отложил в сторону лупу и карточку.

— Садитесь, мистер Марлоу.

Я сел. Некоторое время он молча разглядывал меня. Мягкий и спокойный взгляд карих глаз контрастировал с твердой линией рта.

— Насколько я понял, вы знакомы с майором Явоненом из «Каса дель Пониенте».

— Мы с ним встречались, но не подружились, капитан.

Он слегка улыбнулся.

— Вряд ли такое вообще возможно. Ему не нравится, когда частные детективы начинают задавать вопросы в его гостинице. Он служил в армейской разведке, и мы по-прежнему зовем его майором. Это самый добропорядочный городишко из всех, в которых мне доводилось бывать. Хоть мы и спокойные ребята, но все-таки — полицейские. А теперь я хотел бы послушать ваш рассказ о Сеферино Ченге.

— Вот, значит, как его звали... А я и не знал.

— Да, наш давний клиент. Можно полюбопытствовать, чем вы занимались в Эсмеральде?

— Меня нанял адвокат из Лос-Анджелеса по имени Клайд Амни. Я должен был встретить вашингтонский поезд и проследить за одним из пассажиров, пока тот не доберется до конечного пункта маршрута. Я не знал, зачем это нужно, однако мистер Амни сказал, что действует от имени солидной адвокатской конторы из Вашингтона и что ему самому ничего неизвестно. Я взялся за эту работу, поскольку в самой слежке за кем-нибудь нет ничего незаконного, если только не приставать к этому человеку. Объект приехал в Эсмеральду. Я вернулся в Лос-Анджелес и попытался выяснить, в чем дело. Это мне не удалось, и я довольствовался гонораром в 250 долларов. Мистер Амни остался не слишком мною доволен.

— Это не объясняет, почему вы оказались здесь и что общего имели с Сеферино Ченгом. А поскольку вы уже не работаете на мистера Амни, да, вероятно, и ни

на кого другого тоже, то у вас нет и преимущества.

— Дайте мне договорить, капитан. Я узнал, что человека, за которым я следил, шантажирует или пытался шантажировать некий Ларри Митчелл. Он живет или жил в «Каса». Я пытался его разыскать, но не выяснил ничего, кроме того, что узнал от Явонена и этого Сеферино Ченга. Явонен сообщил, что Митчелл расплатился за неделю вперед, а Ченг сказал, что он уехал сегодня в семь утра, прихватив с собой девять чемоданов. Ченг вел себя как-то странно, поэтому я хотел поговорить с ним еще раз.

— Откуда вы узнали, где он живет?

— От него самого. Он был очень ожесточен.

— Плоховато, Марлоу. Придумайте что-нибудь получше.

— Ладно, слушайте. Он развлекался травкой, а я прикинулся торговцем. В моем деле иногда приходится прикидываться кем-то другим.

— Теперь уже лучше. Но это еще не все... Как фамилия клиента... если он у вас есть?

— Я могу рассчитывать на вашу деликатность?

— Это зависит от обстоятельств. Мы никогда не раскрываем фамилий жертв шантажа, если дело не доходит до суда. Но если этот человек был судим, совершил какое-нибудь преступление или пересек границу штата, чтобы избежать наказания, то я по долгу службы обязан сообщить о ее теперешнем местонахождении и фамилии.

— Ее? Стало быть, вы уже знаете? Зачем тогда спрашивать у меня? Я не знаю, почему она сбежала. Она не говорит. Я только знаю, что она беспокоится и боится, что Митчелл каким-то образом пронюхал о ее тайне и ей придется ему платить.

Он достал из ящика стола сигарету, сунул ее в рот, не раскурив, и жестко взглянул на меня.

— Хорошо, Марлоу, на этом пока остановимся. Но если раскопаете что-нибудь еще, идите с этим к нам.

Я поднялся. Он тоже встал и протянул мне руку.

— Ребята мы не жесткие, просто такая у нас работа. С Явоненом не ссорьтесь. Хозяин его гостиницы — слишком важная персона.

— Спасибо, капитан. Постараюсь быть паинькой... Даже с Явоненом.

Я пошел обратно по коридору. За столом все еще сидел тот же самый дежурный. Он кивнул мне. Я вышел

на вечернюю улицу и сел в машину. Я сидел сцепив руки на руле. Для меня были в новинку фараоны, которые относились ко мне так, словно я имел право на существование. Так я просидел до тех пор, пока дежурный не высунул из-за двери голову и не крикнул, что капитан Алессандро снова хочет меня видеть. Когда я опять вошел в кабинет, капитан говорил по телефону.

Не переставая делать в блокноте пометки мелким почерком, какой часто бывает у репортеров, и не отрываясь от телефона, он кивнул мне, чтобы я садился.

— Большое спасибо,— сказал он в трубку немного погодя.— Будем поддерживать контакт.

Потом откинулся на спинку стула, побарабанил по столу и нахмурился.

— Докладывали из полицейского участка в Эскондидо. Нашли машину Митчелла... Пустую. Я думал, что вам это может показаться интересным.

— Спасибо, капитан. Где она была?

— Примерно в двадцати милях отсюда, на проселке, что ведет к шоссе номер 395, хотя обычно к шоссе ездят по другой дороге. Местечко это называется Каньон Лос-Пенаскитос. Я там бывал. Камни, бесплодная земля да русло пересохшей реки. Сегодня утром там проезжал ранчеро по фамилии Гейтс, который ездил за камнями для постройки стены. Он-то и приметил у обочины двухцветный бьюик. На машину Гейтс особого внимания не обратил, заметил только, что она была целая.

Около четырех Гейтс еще раз поехал за камнем. Бьюик стоял на том же месте. Теперь уж Гейтс остановился и осмотрел машину. Дверца была незаперта, но ключей в замке не оказалось. Записав номер автомобиля, Гейтс переписал с водительского удостоверения фамилию и адрес владельца. Вернувшись на ранчо, он позвонил в полицию. Разумеется, там знали, что такое Каньон Лос-Пенаскитос. Туда отправился помощник шерифа и осмотрел машину. Отличная штука! Парень сумел открыть багажник, но не нашел там ничего, кроме запасного колеса и кое-каких инструментов. Потом он вернулся в Эскондидо и позвонил сюда. Я только что говорил с ним.

Я закурил и предложил сигарету капитану Алессандро. Тот покачал головой.

— Что надумали, Марлоу?

— То же, что и вы.

— Тем не менее я вас с удовольствием послушаю.

— Если у Митчелла была причина исчезнуть и имелся бы особняк, о котором никто ничего не знает, он оставил бы машину в каком-нибудь гараже, чтоб не привлекать к себе внимания. Ничего примечательного в ней нет. А багаж можно перегрузить в машину приятеля.

— Ну и что?

— А то, что никакого приятеля не было. Значит, Митчелл исчез на пустынной дороге, по которой мало кто ездит, и его девять чемоданов — тоже.

— Уходите,— в голосе капитана появились резкие нотки. Я встал.

— Не надо меня пугать, капитан Алессандро. Я не совершил ничего плохого. До этого вы вели себя очень по-человечески. Не думайте, что я хоть как-то причастен к исчезновению Митчелла. Я не очень-то понимал, да и теперь не понимаю, почему он преследовал мою клиентку. Я только знаю, что она одинока, напугана и несчастна. Если мне удастся выяснить суть дела, я могу это оставить и при себе. Тогда можете меня прижать. Мне не впервой... Я не продаюсь. Даже хорошим полицейским.

— Будем надеяться, что этого не произойдет, Марлоу. Будем надеяться.

— Конечно, капитан. И спасибо вам за то, что вы так ко мне отнеслись.

Я опять прошел по коридору, кивнул дежурному за столом и сел в машину. Мне показалось, что я постарел на двадцать лет.

Я был уверен, что капитан знает о смерти Митчелла и ему наверняка известно, что его машину в Каньон Лос-Пенаскитос отогнал кто-то другой, а труп в это время лежал на заднем сиденье.

Этот вариант был единственно возможным. Есть факты, зафиксированные в протоколах или на магнитофонной пленке. А есть факты тайные, скрытые, на которых все держится и без которых все теряет смысл.

22

Это ощущение чем-то похоже на беззвучный ночной крик. Оно почти всегда возникает ночью, потому что темное время суток — самое опасное. Хотя со мной такое случалось и средь бела дня. Меня осеняло, и я вдруг понимал то, что от меня старались скрыть. Возможно, это как-то связано с долгими годами опасной работы,

но так или иначе возникала внезапная уверенность в чем-то. Тореадоры называют такое явление «моментом истины», а логически его не объяснишь.

Притормозив у въезда на «Ранчо Дескансадо», я выключил фары, заглушил мотор и проехал еще ярдов пятьдесят вниз по холму, а потом резко затормозил.

К домику, в котором была регистратура, прошел пешком. Над звонком горела небольшая лампочка, но дверь была заперта. Часы показывали половину одиннадцатого. Я обошел дом и пошел между деревьями. Там наткнулся на взятый напрокат «херц», анонимный, как медяк, и жалкую жестянку Гобла. Я нагнулся и прочитал номер «херца». Что касается колымаги Гобла, то еще совсем недавно она стояла у «Каса дель Пониенте», а теперь была здесь.

Я подошел к своему домику и остановился у окна. Кругом было тихо и темно. Я медленно поднялся по ступенькам крыльца и приложил ухо к двери. Некоторое время не слышал абсолютно ничего. Потом раздался приглушенный стон. Стонал мужчина. Кто-то негромко загоготал. Затем послышался звук удара и все стихло.

Я осторожно спустился с крыльца, достал монтировку и, стараясь не шуметь, вернулся к своему номеру. Снова прислушался. Тишина, пустота. Ночное безмолвие. Я достал фонарик, полоснул лучом света по стеклу и отпрянул. Ждать пришлось несколько минут. Затем дверь чуть-чуть приоткрылась.

Я ударил в нее плечом. Какой-то человек отшатнулся назад и рассмеялся. В его руке блеснул пистолет. Не теряя времени, я врезал ему по руке монтировкой. Человек закричал. Я ударил его по второй руке. Револьвер с грохотом упал на пол.

Я нашарил выключатель, зажег свет и ногой захлопнул дверь.

Это был рыжий мужчина с бледным лицом и мертвыми глазами. Ему было больно, но глаза все равно оставались мертвыми. Конечно, ему было очень больно, но он терпел.

— Недолго ты так протянешь, парень,— процедил он.

— Ты вообще нисколько не протянешь. Убирайся с дороги.

Он с трудом рассмеялся.

— Ноги у тебя покуда целы,— заметил я,— согни их в коленях и ложись лицом вниз... Разумеется, если тебе нужна твоя физиономия.

Он хотел в меня плюнуть, но не сумел. Тогда он опустился на колени, держа руки перед собой и постанывая. И вдруг рухнул лицом вниз. Все они чертовски выносливые парни, когда играют краплеными картами. А других карт они просто не знают.

На моей кровати лежал Гобл. Его лицо превратилось в кровавое месиво и было сплошь в синяках и ссадинах. Нос был сломан. Гобл лежал без сознания и тяжело дышал.

Рыжий еще не оклемался, его револьвер лежал на полу рядом с ним. Я снял с рыжего ремень и связал ему ноги. Потом перевернул и обшарил карманы. Там оказались бумажник, в котором было 670 долларов и водительское удостоверение на имя Ричарда Харвеста, а также адрес маленькой гостиницы в Сан-Диего. Кроме того, я нашел чеки, выписанные более чем на двадцать банков, набор кредитных карточек, а вот разрешения на ношение оружия не было.

Я оставил рыжего и пошел в контору. Нажав на кнопку звонка, я не отпускал ее до тех пор, пока из темноты не появилась человеческая фигура. Это был Джек в накинутом поверх пижамы халате. Я все еще держал в руке монтировку.

Джек удивился.

— Что-нибудь случилось, мистер Марлоу?

— Ничего особенного. Просто меня дожидался в номере наемный убийца. Кроме того, на моей кровати лежит избитый до полусмерти человек. Может, для здешних мест это в порядке вещей.

— Я позвоню в полицию.

— Это будет чертовски мило с вашей стороны, Джек. Я, как видите, все еще жив. Знаете, что вам надо сделать с этой гостиницей? Устройте здесь ветлечебницу.

Джек вошел в контору. Услышав, что он разговаривает по телефону, я вернулся к себе. У рыжего был характер. Он сумел доползти до стены и сесть. Глаза его попрежнему оставались мертвыми, а рот скривился в усмешке.

Я подошел к постели. Гобл открыл глаза.

— Оплошал,— прошептал он.— Не рассчитал малость. Вот и выбыл из лиги.

— Фараоны едут сюда. Как это случилось?

— Сам во всем виноват. Не жалуюсь. Этот парень — убийца. Мне еще повезло. Пока что дышу. Он заставил

меня приехать сюда, вырубил, связал, а сам куда-то вышел.

— Вероятно, его кто-то подвез. Рядом с вашей машиной стоит еще одна. Если бы она ждала рыжего в «Каса», то как бы он за ней вернулся?

Гобл медленно повернул голову и посмотрел на меня.

— Я считал себя ловким парнем. Но теперь поумнел. Единственное, чего я хочу — вернуться в Канзас-Сити. Малыши не могут бить больших ребят... никогда. Кажется, вы спасли мне жизнь.

В этот момент подъехала полиция.

Первыми появились двое фараонов из патрульной машины — уверенные в себе симпатичные и серьезные мужчины в безукоризненной, как всегда, форме и с невозмутимыми лицами. За ними вошел высокий крепкий сержант, назвавшийся Хольцмайндером. Он взглянул на рыжего и подошел к кровати.

— Позвоните в больницу,— бросил он через плечо.

Один из фараонов вышел. Сержант склонился над Гоблом.

— Хотите что-нибудь сказать?

— Рыжий меня избил. Отнял у меня деньги. В «Каса» пригрозил револьвером и заставил привезти его сюда. А потом избил.

— Почему?

Гобл тяжело вздохнул и уронил голову на подушку. То ли потерял сознание, то ли просто придуривался. Сержант выпрямился и повернулся ко мне.

— А вы что скажете?

— Мне нечего сказать, сержант. Человек, который лежит на кровати, ужинал сегодня вместе со мной. Мы встречались пару раз. Он назвался частным детективом из Канзас-Сити. Я не знаю, чем он здесь занимался.

— А этот? — Сержант небрежно указал на рыжего, на губах которого застыла дурацкая ухмылка.

— Его я никогда прежде не встречал и ничего о нем не знаю, кроме того, что он поджидал меня с револьвером.

— Это ваша монтировка?

— Да, сержант.

В комнату вошел второй полицейский и шагнул к сержанту.

— Едут.

— Значит, вы пришли с монтировкой,— холодно уточнил сержант.— Почему?

— Допустим, у меня было предчувствие, что меня здесь поджидают.

— А может, вы об этом просто знали? И не только это, но и многое другое.

— Не надо обвинять меня во лжи, пока не узнаете, в чем дело. Даже если вы сержант, это еще ничего не значит. Давайте выясним еще кое-что. Может, этот малый и убийца, однако у него сломаны обе кисти. Вы знаете, что это значит? Он никогда больше не сможет взять в руки оружие.

— Мы можем привлечь вас за нанесение увечий.

— Делайте что хотите.

Приехала скорая. Первым вынесли Гобла, потом врач наложил шины рыжему. Его развязали. Он посмотрел на меня и рассмеялся.

— В другой раз я придумаю что-нибудь пооригинальнее. Но ты был неплох. Ей-Богу!

Он вышел. Дверцы скорой хлопнули, и вскоре шум мотора стих вдали. Сержант снял фуражку и подсел к столу. Он вытирал вспотевший лоб.

— Попробуем еще раз,— спокойно сказал он.— С самого начала. Давайте попытаемся представить, что мы с вами ненавидим друг друга и пытаемся найти компромисс. Начнем?

— Начнем, сержант. Признателен, что вы дали мне шанс.

23

В конце концов я снова оказался в полицейском участке. Я подписал свои показания и оставил их сержанту Хольцмайндеру.

— Монтировка? — задумчиво повторил он.— Вы чертовски рисковали, сэр. Пока вы ей размахивали, он мог всадить в вас четыре пули.

— Сомневаюсь, сержант. Я хорошенько припечатал ему дверью. К тому же, я не делал полного замаха. Возможно, он и не собирался в меня стрелять. Сомневаюсь, что он занялся мной по собственной инициативе.

Мы побеседовали еще немного в том же духе, и меня отпустили. Было слишком поздно, и оставалось только завалиться спать. Для бесед время тоже было не слишком подходящее, однако я пошел к зданию телефонной компании, закрылся в одной из будок у входа и набрал номер «Каса дель Пониенте».

— Соедините с мисс Мэйфилд, пожалуйста. Мисс Бетти Мэйфилд, номер 1224.

— Я не могу беспокоить клиентов в такое время.

— Почему? У вас руки связаны, что ли? — В тот вечер я был в воинственном расположении духа.— Если я звоню так поздно, значит, у меня есть срочное дело.

Меня наконец соединили, и я услышал сонный голос Бетти.

— Это Марлоу. У меня неприятности. Мне приехать к вам или вы приедете ко мне?

— Мне надо одеться. Вы можете хотя бы немного подождать?

Я сел в машину и приехал к гостинице. Когда я курил третью сигарету и подумывал, что неплохо бы выпить, к машине быстрым бесшумным шагом подошла Бетти и села рядом со мной.

— Я ничего не понимаю,— начала она, но я не дал ей договорить.

— Сегодня вы мне наконец все расскажете. И не надо разыгрывать возмущение. Я на это больше не клюну.

Я завел мотор и поехал вниз по тихим улицам к «Ранчо Дескансадо». Машину поставил под деревьями. Бетти молча вышла. Я открыл дверь в номер и включил свет.

— Выпить хотите?

— Да.

— Наглотались?

— Если вы о снотворном, то сегодня нет. Мы с Кларком были в ресторане, и я выпила много шампанского. После него всегда спать хочется.

Я плеснул в стаканы виски и один подал Бетти. Потом сел и откинул голову на спинку стула.

— Извините,— начал я.— Малость устал. Хочется иногда отдохнуть. Я, конечно, стараюсь избавиться от этого недостатка, но я уже не тот, что прежде. Митчелл мертв.

Бетти поперхнулась, рука ее задрожала. Мне даже показалось, что она побледнела. Но, возможно, только показалось.

— Мертв? — прошептала она.— Ларри мертв?

— Хватит! Как сказал Линкольн, можно дурачить всех детективов некоторое время, можно дурачить некоторых детективов все время, но нельзя...

— Замолчите! Замолчите немедленно! Кем, черт возьми, вы себя считаете?!

— Человеком, который очень хочет вам помочь. Достаточно опытным и умным, чтобы понять, что вы угодили в переделку. Человеком, который хочет помочь вам выпутаться без всяких усилий с вашей стороны.

— Митчелл мертв,— повторила она тихим, пустым голосом.— Я не хотела вас обидеть. Где он?

— Вряд ли вы знаете место, где нашли его машину. Это безлюдная дорога. Примерно миль двадцать в глубь материка. А местечко называется Каньон Лос-Пенаскитос. Мертвая земля. В машине не было ни одного чемодана. Она стояла пустая у обочины дороги, по которой мало кто ездит.

Бетти изрядно отпила из своего стакана.

— Вы сказали, что он мертв.

— С тех пор, как вы явились ко мне и посулили райскую жизнь в Рио, если я помогу вам избавиться от трупа, прошло всего несколько часов, а мне кажется, что это было неделю назад.

— Но там же не было... Я хочу сказать... мне, наверно, приснилось...

— Вы пришли сюда в три утра почти в шоке. Рассказали, как Митчелл лежал поперек шезлонга на вашем балконе. Я поехал вместе с вами, поднялся по лестнице, вооружившись безграничным терпением, которое присуще людям нашей профессии. И не обнаружил никакого трупа, а вы в это время спокойно спали в своей кроватке, прижав к себе снотворные пилюли.

— Прекратите паясничать! — вспылила Бетти.— Я, конечно, понимаю, что вам это очень нравится. Почему же вы за мной не ухлестнули? Может, мне тогда и не понадобилось бы снотворное...

— Чуть позже, если не возражаете. Во-первых, когда вы пришли сюда, вы говорили правду. Митчелл лежал на вашем балконе. Он был мертв. Пока вы меня тут дурачили, труп кто-то убрал. Кто-то затащил Митчелла в его машину, потом собрал его чемоданы и спустил их вниз. На это нужно было время. И не только время. Плюс какие-то веские причины. Иначе кто бы взял на себя столько хлопот только из-за того, чтобы избавить вас от маленькой неприятности в виде покойника на балконе.

— Прекратите! — Бетти допила виски и отставила стакан в сторону.— Я устала! Не возражаете, если я прилягу на вашу постель?

— Нет, если разденетесь.

— Хорошо... Я разденусь. Ведь вы этого и добивались, верно?

— Моя постель может вам не понравиться. Нынче вечером на ней избили Гобла. Это сделал наемный убийца по имени Ричард Харвест. Отделали его как следует. Вы ведь помните Гобла? Толстяка на маленькой серой машине, который следил за нами вчера вечером в холмах?

— Не знаю я никакого Гобла. И никакого Ричарда Харвеста тоже. А вам-то откуда все это известно? Почему они оказались здесь, в вашем номере?

— Меня поджидал наемный убийца. После того как я узнал о машине Митчелла, у меня появилось предчувствие. Предчувствия бывают даже у генералов и прочих важных персон. Почему бы и мне их не иметь? Вся штука в том, чтобы знать, как на это предчувствие реагировать. Сегодня мне повезло... Точнее, это было вчера. Я действовал чисто инстинктивно. У него был револьвер, а у меня монтировка.

— Какой вы все-таки большой, сильный и непобедимый! — насмешливо заметила девушка.— Против постели я не возражаю. Раздеваться сейчас?

Я подошел к девушке, схватил ее за плечи, рывком поставил на ноги и встряхнул.

— Перестаньте молоть чепуху, Бетти! Если я захочу насладиться вашим великолепным телом, то это произойдет, когда вы перестанете быть моей клиенткой. Я хочу знать, чего вы боитесь. А если я не буду этого знать, то как, черт побери, я смогу вам помочь? Сказать мне об этом можете только вы.

Девушка всхлипнула в моих объятиях.

У женщин не очень-то много способов самозащиты, но и теми, которые у них есть, они прямо-таки творят чудеса.

Я крепко прижал ее к себе.

— Можете плакать и всхлипывать сколько угодно, Бетти. Я терпелив. Иначе... иначе, черт возьми...

Это все, чего я сумел добиться. Девушка, дрожа, прижалась ко мне. Потом подняла лицо, притянула мою голову к себе и заставила себя поцеловать.

— У тебя есть другая? — спросила она, едва оторвавшись от моих губ.

— Была.

— А по-настоящему?

— Очень давно и очень недолго.

— Возьми меня. Я твоя... вся твоя. Возьми меня!

24

Меня разбудил стук в дверь. Я ошарашенно раскрыл глаза. Бетти обнимала меня так крепко, что я с трудом мог пошевелиться. Я осторожно освободился и встал. Девушка даже не проснулась.

Я набросил халат, подошел к двери, но открывать не стал.

— В чем дело? Я сплю.

— Капитан Алессандро хочет немедленно видеть вас. Откройте.

— Простите, не могу. Я должен побриться, принять душ и все такое.

— Откройте, это сержант Грин.

— Простите, сержант, не могу. Но я выйду, как только буду готов.

— У вас дама?

— Такие вопросы задавать неприлично, сержант. Но я выйду.

Я услышал стихающие шаги, потом кто-то рассмеялся и сказал:

— А он парень не промах. Любопытно, что он поделывает в свободное время?

Полицейская машина уехала. Я пошел в ванную, принял душ, побрился и оделся. Бетти все еще спала. Я черкнул записку и бросил ее на подушку: «Меня вызвали фараоны. Я должен съездить в участок. Где моя машина — ты знаешь. Вот ключи».

Я тихо вышел из номера, закрыл за собой дверь и отыскал машину Харвеста. Я знал, что в ней будут ключи. Работнички вроде него обычно не забивают себе голову подобными мелочами. Ключей у них целая дюжина, от самых разных типов машин.

Капитан Алессандро выглядел точно так же, как и накануне. Он всегда будет выглядеть точно так же. Кроме него в кабинете был еще немолодой мужчина с мрачным выражением лица и неприятным взглядом.

Капитан Алессандро кивком указал на уже знакомый мне стул. В кабинет вошел полицейский в форме и поставил передо мной чашку чая. Направляясь к двери, он хитро ухмыльнулся мне.

— Мистер Марлоу, это господин Генри Кинсолвинг из Уэстфилда, штат Каролина. Северная Каролина. Не знаю, как он сюда добрался, но вот он здесь. Он утверждает, что Бетти Мэйфилд убила его сына.

Я молчал. Сказать мне было нечего. Я потягивал чай, который был слишком горячим, но во всех остальных отношениях оказался вполне приличным.

— Не просветите ли нас, мистер Кинсолвинг?

— Кто это? — спросил он. Голос его был таким же холодным, как и лицо.

— Частный детектив из Лос-Анджелеса Филипп Марлоу. Он здесь потому, что Бетти Мэйфилд — его клиентка. А у вас, как будто, иное мнение о мисс Мэйфилд? — спросил он у меня.

— Я не задумывался над этим, капитан. Просто мне нравится иногда провести с ней время. Это успокаивает мои нервы.

— Ваши нервы успокаивает общение с убийцей? — взвился Кинсолвинг.

— Я не знал, что она убийца, мистер Кинсолвинг. Для меня это новость. Не хотите ли объясниться?

— Женщина, называющая себя Бетти Мэйфилд (такова ее девичья фамилия), была женой моего сына, Ли Кинсолвинга. Я никогда не одобрял этого брака. Обычная глупость военного времени. Мой сын вернулся с фронта с переломом шеи и вынужден был пользоваться корсетом для защиты позвоночника. После этого он сильно запил, они с женой часто ссорились. Однажды вечером жена отобрала у сына корсет и разозлила его до того, что он набросился на нее. Ли споткнулся и ударился о кровать. Когда я вбежал в комнату, невестка пыталась надеть на него корсет, но Ли был уже мертв.

Я перевел взгляд на капитана Алессандро.

— Капитан, наш разговор записывается?

Он кивнул.

— Каждое слово.

— Ну, хорошо, мистер Кинсолвинг. Однако это, как я понимаю, еще не все.

— Разумеется. В Уэстфилде я весьма влиятельный человек. Я владею банком, ведущей газетой и многими предприятиями. У меня много друзей. Моя невестка была предана суду. Жюри признало ее виновной.

— Все члены жюри были из Уэстфилда, мистер Кинсолвинг?

— Да. Разве это незаконно?

— Не знаю, сэр. Похоже, что в вашем городе только один хозяин.

— Не дерзите, молодой человек. В нашем, как и в некоторых других штатах, есть один идиотский закон. Обычно защитник делает автоматический запрос об оправдании, который так же автоматически отклоняется. Но в нашем штате судья может не высказывать свое мнение, пока присяжные не вынесут приговор. Судья оказался старым маразматиком, он так и сделал. Жюри признало мою невестку виновной, но он в длинной речи заявил, что Ли в приступе пьяной ярости мог и сам сорвать корсет, чтобы напугать жену. Судья аннулировал приговор и освободил обвиняемую. Я пообещал ей, что не оставлю ее в покое и буду преследовать хоть на краю света как убийцу. Потому я здесь.

Я взглянул на капитана. Он молчал.

— Мистер Кинсолвинг,— заговорил я,— что бы вы ни думали на этот счет, но миссис Кинсолвинг, известная мне как Бетти Мэйфилд, была оправдана судом. Вы назвали ее убийцей. Это похоже на клевету.

Кинсолвинг презрительно рассмеялся.

— Эх, вы, ничтожество из захолустья! — он почти вопил.— В моем городе вас бы бросили за решетку как бродягу.

— Миллион с четвертью, и дело замято,— сказал я.— Я стою дешевле вашей невестки.

Кинсолвинг повернулся к капитану Алессандро.

— Что происходит? — взорвался он.— Все вы тут одна шайка!

— Вы разговариваете с сотрудником полиции, мистер Кинсолвинг.

— А мне плевать на то, кто вы такой! — с бешенством бросил Кинсолвинг.— В полиции полно жуликов!

— Прежде чем называть кого-то жуликом, неплохо бы это доказать,— небрежно заметил Алессандро. Потом он закурил, выпустил струйку дыма и улыбнулся.

— Успокойтесь, мистер Кинсолвинг. У вас больное сердце, и вам вредно волноваться. Когда-то я изучал медицину, а вот стал полицейским. Полагаю, что в этом виновата война.

Кинсолвинг встал. В горле у него забулькало.

— Вы еще об этом пожалеете! — пригрозил он.

Алессандро кивнул.

— Как ни забавно, но к таким угрозам я уже привык. Чего вы от меня хотите? Чтобы я арестовал человека, которого судили и оправдали? И все это я должен сделать только потому, что вы большая шишка у себя в Уэстфилде?

— Я поклялся, что не оставлю ее в покое! — не унимался Кинсолвинг.— Я достану ее на краю света! Я добьюсь, чтобы все узнали, кто она такая на самом деле!

— А кто она такая, мистер Кинсолвинг?

— Убийца моего сына, которую выпустил недоумок судья, вот кто она!

Капитан Алессандро встал, выпрямившись во весь рост.

— Убирайтесь отсюда вон,— сказал он спокойно.— Я уже устал. Мне приходилось видеть немало глупцов... Это, как правило, были выходцы из трущоб. Но я впервые столкнулся с влиятельным человеком, который ведет себя как мелкая шпана. Возможно, Уэстфилд и впрямь у вас в кармане, а может, вам так просто кажется. В Эсмеральде вы — самый обычный человек. Убирайтесь поскорее и не мешайте мне работать, пока я не приказал выставить вас отсюда.

Кинсолвинг метнулся к выходу и дернул за ручку, хотя дверь была распахнута. Капитан Алессандро молча наблюдал за ним.

— Очень уж резко вы говорили с ним, капитан.

— Мне и самому неприятно, но если хоть одно из моих слов заставит его задуматься...

— Только не его. Я могу идти?

— Да. Гобл не выдвигает никаких обвинений. Сегодня он отправляется обратно в Канзас-Сити. Мы наскребем кое-что на этого Харвеста, а толку что? Уберем на время его, но сколько других готовы взяться за ту же работу?

— А что мне делать с Бетти Мэйфилд?

— Мне почему-то кажется, что вы уже знаете ответ на свой вопрос,— невозмутимо заметил он.

— Ошибаетесь, капитан. Прежде всего я хотел бы знать, что произошло с Митчеллом,— отпарировал я.

— Я знаю только то, что он исчез. Этого недостаточно, чтобы в дело вмешалась полиция.

Я встал.

Мы понимающе переглянулись.

Я вышел.

Бетти спала тихо и безмятежно, как ребенок, и не проснулась, даже когда я вошел. Я долго смотрел на нее, потом закурил и вышел на кухню. Поставив кофе в дешевом алюминиевом кофейнике, который был не толще листа бумаги, я вернулся в комнату и сел на кровать. Оставленная мной записка и ключи по-прежнему лежали на подушке.

Я осторожно тронул Бетти за плечо. Она открыла глаза и заморгала.

— Который час? — спросила она и потянулась.— О Господи! Я спала как убитая!

— Пора одеваться. Кофе готов. Я побывал в полицейском участке... Меня туда пригласили. Ваш свекор в городе, миссис Кинсолвинг...

Она вздрогнула и уставилась на меня большими глазами, затаив дыхание.

— Капитан Алессандро устроил ему хорошую взбучку. Он ничего не сможет вам сделать. Вы ведь именно этого и боялись?

— Он сказал... что случилось в Уэстфилде?

— За этим он сюда и приехал. Жутко злился, чуть собственную глотку не перегрыз. Но ведь то, о чем он рассказал, неправда?

— Нет,— она взглянула на меня заблестевшими глазами.

— Теперь... это неважно... Но я мог бы сожалеть о прошлой ночи. А как Митчелл обо всем пронюхал?

— Он тогда был где-то в наших краях. О Господи! Газеты мусолили эту историю больше месяца... Он меня легко узнал. А здесь разве об этом не писали?

— Может, и писали. Дело-то не совсем обычное. Но я как-то пропустил. Кофе готов. Какой вы любите?

— Крепкий и без сахара, пожалуйста.

— Прекрасно. Ни сахару, ни сливок у меня все равно нет. Почему вы назвались Элинор Кинг? Хотя можете не отвечать. Я что-то поглупел. Старик Кинсолвинг, разумеется, знал вашу девичью фамилию?

Я сходил на кухню и налил две чашки кофе. Одну подал Бетти и устроился на стуле. Мы отчужденно взглянули друг на друга.

Бетти отставила чашку в сторону.

— Хороший кофе. Может, вы отвернетесь, пока я буду одеваться?

— Конечно.

Я взял со стола книжку и сделал вид, что читаю. Она была о частном детективе и обнаженном женском трупе со следами пыток, висевшем в душевой. Бетти ушла в ванную. Я вышвырнул книжку в мусорную корзину, поскольку ведра под рукой не оказалось. Потом принялся раздумывать о женщинах и пришел к выводу, что есть два типа дам, с которыми стоит заниматься любовью. Одни из них отдаются безоглядно и самозабвенно, забывая о своем теле, как Хелен Вермили. Но есть и такие застенчивые, что им всегда нужно какое-то оправдание. Я вспомнил девушку из рассказа Анатоля Франса, которая настаивала на том, что надо снять чулки. Иначе она чувствовала себя шлюхой. Она была права.

Когда Бетти вышла из ванной причесанная, накрашенная и с блестящими глазами, она походила на полураспустившуюся розочку.

— Вы отвезете меня в гостиницу? Мне надо поговорить с Кларком.

— Вы в него влюблены?

— Я считала, что влюблена в вас.

— Это был всего лишь крик в ночи,— возразил я.— Не будем преувеличивать. На кухне еще остался кофе.

— Спасибо, не надо. Я хочу есть. Вы никогда не любили? Так, чтобы вам хотелось быть с одной женщиной каждый день, месяц, год?

— Едем!

— Как можно быть таким жестким и в то же время добрым?

— Если бы я не был жестким, я бы не выжил. А если бы я хоть иногда не был добрым, то и жить не стоило бы.

Я помог ей надеть плащ и проводил к машине. Пока мы ехали, девушка не проронила ни слова. Я поставил машину на стоянку, достал из кармана пять сложенных чеков и протянул Бетти.

— Будем надеяться, что передаем их из рук в руки в последний раз. А то они уже начали протираться.

Девушка взглянула на чеки, но не взяла их.

— Я думала, что это ваш гонорар,— бросила она.

— Не спорьте со мной, Бетти. Вы отлично понимаете, что я не могу взять ваших денег.

— После этой ночи?

— Вовсе нет. Просто не могу, и все. Мне так и не удалось ничего для вас сделать. А что вы собираетесь

делать дальше? Куда поедете? Теперь вам ничто не угрожает.

— Не знаю. Придумаю что-нибудь.

— Вы любите Брэндона?

— Возможно. Еще не поняла.

— Он занимался рэкетом. Он же нанял громилу, чтобы запугать Гобла. Громила собирался меня прикончить. Неужто вы могли бы полюбить такого человека?

— Женщина любит мужчину не за то, чем он занимается. Кроме того, он, может, и не собирался вас убивать.

— Прощайте, Бетти. Я сделал все, что мог, но этого оказалось мало.

Она медленно протянула руку и взяла чеки.

— Наверно, вы сумасшедший. Таких, как вы, я еще не встречала.

Девушка выскользнула из машины и ушла своей обычной быстрой походкой.

26

Я подождал, пока она поднимется в номер, и только потом вошел в гостиницу и попросил соединить меня по внутреннему телефону с мистером Кларком Брэндоном. Появился Явонен, сурово взглянул на меня, но ничего не сказал.

Мужской голос по телефону сообщил, что слушает меня.

— Мы с вами не знакомы, хотя вчера утром вместе поднимались в лифте. Меня зовут Филипп Марлоу. Я — частный детектив из Лос-Анджелеса и, кроме того, знакомый мисс Мэйфилд. Если у вас найдется немного времени, я хотел бы с вами поговорить.

— Кажется, я о вас слышал, мистер Марлоу. Но, к сожалению, сейчас я должен уйти. Может быть, завтра вечером часов в шесть за бокалом коктейля?

— Я собираюсь вернуться в Лос-Анджелес, мистер Брэндон. Я не отниму у вас много времени.

— Ну, хорошо,— нехотя согласился он.— Поднимитесь ко мне.

Брэндон оказался высоким, крепким и мускулистым мужчиной. Открыв дверь, он не пытался пожать мне руку, а просто отошел в сторону, пропуская меня вперед.

— Вы здесь один, мистер Брэндон?

— Да, а что?

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще слышал наш разговор.

— Ну что ж, давайте поговорим и покончим с этим.

Он устроился на стуле и положил ноги на мягкую скамеечку. Потом щелкнул золотой зажигалкой и закурил сигарету с золотым ободком. Классная вещь!

— В первый раз я приехал сюда по заданию одного адвоката из Лос-Анджелеса, чтобы вести слежку за мисс Мэйфилд, узнать, где она остановится, и доложить. Причину слежки я не знал. Адвокат сказал мне, что она и ему не известна, а действует он по поручению некоей адвокатской конторы из Вашингтона в округе Колумбия.

— И вы за ней следили. Что дальше?

— Она встретилась с Ларри Митчеллом. А может, и он с ней. Девушка была у него на крючке.

— Как и многие другие женщины время от времени,— заметил Брэндон.— Он на этом специализировался.

— Но все в прошлом, не так ли?

Брэндон пристально взглянул на меня непроницаемым взглядом.

— Что вы хотите сказать?

— Он больше ничего не сделает. Его нет в живых.

— Я слышал, что он расплатился и уехал из гостиницы на своей машине. Но какое это имеет отношение ко мне?

— Вы не спросили, откуда я знаю, что он мертв.

— Послушайте, Марлоу,— он небрежным жестом стряхнул с сигареты пепел,— честно говоря, мне глубоко плевать на все. Говорите, зачем пришли, или уходите.

— Кроме того, я, так сказать, столкнулся с малым по фамилии Гобл, который назвался частным сыщиком из Канзас-Сити и показал мне карточку, которая вполне могла оказаться и фальшивкой. Гобл мне изрядно поднадоел. Он постоянно за мной таскался и выспрашивал про Митчелла. Я не мог понять, что ему нужно. И вот однажды в регистратуре отеля вы получили анонимное письмо. Я наблюдал за тем, как вы читали и перечитывали его и спросили у клерка, кто просил его передать. Тот ничего определенного не сказал. Вы даже достали пустой конверт из мусорной корзины. А когда вы поднимались в лифте, вид у вас был не слишком счастливый.

Теперь Брэндон уже выглядел не столь самоуверенным, как в начале разговора. Голос его стал резким.

— Вы становитесь чрезмерно любопытным, мистер частный сыщик. Вам не кажется?

— Отнюдь. Это моя профессия, этим я зарабатываю на жизнь.

— Убирайтесь-ка отсюда, пока целы!

Я рассмеялся ему в лицо. Брэндон разозлился, вскочил на ноги и подошел ко мне.

— Послушай, приятель, я кое-что значу в этом городе и не привык, чтоб надо мной издевались мелкие сошки вроде тебя. Вон отсюда!

— Вы не хотите дослушать до конца?

— Я сказал — вон!

Я встал.

— Жаль! А я хотел уладить все тихо-мирно. Не думайте, что я собираюсь вас подоить. Как Гобл. Это не в моих привычках. Но если вы меня не захотите выслушать, мне придется пойти к капитану Алессандро. Он меня поймет.

Брэндон с трудом сдерживал ярость. Потом он нехорошо ухмыльнулся.

— Стало быть, он вас поймет? Ну и что с того? Один мой телефонный звонок, и вашего капитана переведут на другое место.

— Только не капитана Алессандро. Этот орешек вам не по зубам. Сегодня утром он не испугался Генри Кинсолвинга. А Генри Кинсолвинг не из тех, кто позволяет себе перечить. Старик чуть не лопнул от злости. И вы думаете, что сможете совладать с таким человеком? Ну что ж, попытайтесь!

— Боже мой! — вздохнул Брэндон, все еще улыбаясь.— Я уж и забыл, что типы вроде тебя существуют на белом свете. Давненько мне не доводилось иметь с ними дела! Ладно, выкладывай!

Он вернулся к стулу, взял сигарету и закурил.

— Хотите такую?

— Нет, спасибо. Зря вы связались с этим Харвестом. Он был не слишком хорош.

— Совсем плох, Марлоу. Он ни к черту не годился. Дешевый садист. Я и сам жалею. Он мог хорошенько припугнуть Гобла, не тронув его и пальцем. А потом спокойно привезти его в вашу гостиницу. Смешно! Он работал как дилетант! А на что он теперь годится? Будет торговать карандашами... Выпить хотите?

— Мы не столь близки с вами, чтобы пить вместе, мистер Брэндон. Давайте лучше закончим нашу беседу. Так вот, после того как вы турнули Митчелла из Стек-

лянного Зала, и, надо сказать, очень по делу, а я переговорил с Бетти Мэйфилд, она посреди ночи пришла ко мне в номер на «Ранчо Десканседо». И сказала, что у нее на балконе в шезлонге лежит труп Митчелла. Посулила мне золотые горы, если я помогу ей от него избавиться. Я приехал с ней сюда, но никакого трупа не обнаружил. На другое утро в гараже мне сказали, что Митчелл, уплатив за неделю вперед, уехал на своей машине, прихватив с собой девять чемоданов. В тот же день его машину нашли в Каньоне Лос-Пенаскитос. В ней не оказалось ни багажа, ни Митчелла.

Брэндон пристально взглянул на меня, но промолчал.

— Чего боялась Бетти Мэйфилд? Обвинения в убийстве, которое ей предъявили в Уэстфилде? Но судья признал его незаконным. Однако тесть поклялся отомстить ей, а тут она обнаруживает на своем балконе мертвого Митчелла. Если полиция начнет расследование, вся история попадет в газеты. Бетти испугана и растерянна. Она не верит, что ей может повезти дважды. Ведь один раз жюри все-таки признало ее виновной...

— Митчелл сломал себе шею,— мягко сказал Брэндон.— Но Бетти здесь ни при чем. Он упал и ударился о боковую стенку моего балкона. Идемте, я покажу.

Мы вышли. Брэндон подошел к боковой стене, я перегнулся вниз и прямо под собой увидел шезлонг на балконе Бетти Мэйфилд.

— Не очень-то здесь высоко.

— Согласен,— произнес Брэндон.— Теперь предположим, что он стоял вот здесь.— Брэндон подошел к стене, которая не доходила ему даже до пояса. Митчелл тоже был довольно высок.— Бетти подходит к нему, и Митчелл лезет обниматься. Девушка отталкивает его, он вываливается и сворачивает себе шею. Практически так же погиб и ее муж. Понятно, почему она испугалась. Можно ли ее в этом упрекать?

— Я никого ни в чем не упрекаю, Брэндон. Даже вас.

Он обернулся, взглянул на океан, помолчал, а потом повернулся ко мне.

— Ни в чем,— продолжал я.— Кроме того, что вы убрали труп Митчелла.

— И как же, по-вашему, я мог это сделать?

— Кроме всего прочего вы увлекаетесь еще и рыбной ловлей. Готов побиться об заклад, что в вашем номере есть длинный прочный трос. Вы человек сильный. Вы могли

спуститься на балкон к Бетти, обвязать этим тросом Митчелла под мышками, а потом спустить его на землю как раз за кустами. Потом, найдя у него ключ от номера, вы вошли туда, собрали вещи и спустили их в лифте или по лестнице. На это понадобилось три ходки, но для вас это пустяки. Потом вы вывели из гаража его машину. Должно быть, вы знали, что ночной сторож балуется наркотиками и будет держать язык за зубами. Это было рано утром. А сторож мне наврал. Потом вы подогнали машину к кустам, погрузили в нее труп и отвезли его в Каньон Лос-Пенаскитос.

Брэндон невесело усмехнулся.

— Ну вот, я в Каньоне Лос-Пенаскитос с машиной, покойником и девятью чемоданами. Как я оттуда выберусь?

— На вертолете!

— А кто его поведет?

— Вы сами. Пока что вертолеты не очень проверяют, но скоро начнут, потому что их становится все больше и больше. Вы могли по телефону вызвать вертолет в Каньон Лос-Пенаскитос и организовать вывоз оттуда летчика. Человек с вашим положением может добиться почти всего, Брэндон.

— И что потом?

— Вы загрузили труп и багаж Митчелла в вертолет, вылетели в открытый океан, зависли низко над водой, сбросили свой груз и улетели обратно. Чисто сработано!

Брэндон хрипло и вымученно рассмеялся.

— Неужто вы принимаете меня за идиота? Стоит ли это делать ради девушки, с которой едва знаком?

— Нет, Брэндон. Вы сделали это ради себя. Вы забыли про Гобла. Они приехал из Канзас-Сити. А вы откуда?

— Если даже и оттуда, что с того?

— Ничего. Конец строки. Но Гобл приехал сюда отнюдь не для отдыха. И не стал бы разыскивать Митчелла, если бы не был с ним знаком. Они оба решили, что напали на золотую жилу. И эта золотая жила — вы! Митчелл погиб. Но Гобл попытался провернуть дело в одиночку и оказался в положении мыши, бросившей вызов тигру. А стоит ли вам признаваться, что Митчелл упал с вашего балкона? Хотите ли вы, чтоб кто-то копался в вашем прошлом? Полиция может решить, что это вы столкнули Митчелла. Но даже если им ничего не удастся доказать, в Эсмеральде ваша песенка будет спета!

Брэндон прошелся по балкону из конца в конец и остановился передо мной.

— Я мог бы убрать вас, Марлоу. Но прожив здесь столько лет, я несколько изменился. Сам не знаю почему. Я вас не понимаю, и мне не остается ничего другого, как, защищая себя, убить вас. Митчелл был большой сволочью — он шантажировал женщин. Допустим, все так и есть, как вы говорите, но я ни о чем не жалею. Возможно, я даже всерьез заинтересовался Бетти Мэйфилд. Я не собираюсь вас ни в чем убеждать, но тем не менее. А теперь перейдем к делу. Сколько?

— За что?

— За то, что вы не пойдете в полицию.

— Я уже сказал. Ничего. Я просто хотел знать, что случилось. В общих деталях я не ошибся?

— Еще как не ошиблись, Марлоу. Прямо не в бровь, а в глаз. Меня за это и прижать могут.

— Возможно. А теперь я уберусь. Я ведь вам сказал, что возвращаюсь в Лос-Анджелес. Авось, кто-нибудь подкинет мне дешевую работенку. Ведь надо же на что-то жить, верно?

— Вы пожмете мне руку на прощанье?

— Нет. Потому что вы наняли убийцу. Таким людям я руки не подаю. Если б не моя интуиция, лежать бы мне в покойницкой.

— Я не хотел, чтоб он кого-то убивал.

— Вы его наняли. Прощайте.

27

Я вышел из лифта. Похоже, Явонен меня поджидал.

— Заглянем в бар,— предложил он.— Я хочу с вами поговорить.

В баре в этот час было тихо. Мы устроились за угловым столиком.

— Вы считаете меня мерзавцем, верно? — спокойно спросил Явонен.

— Отнюдь. У вас своя работа, у меня своя. Моя работа вам не понравилась. Если вы мне не доверяли, это еще не значит, что вы подлец.

— Я защищаю интересы гостиницы. А вы кого пытаетесь защитить?

— Этого я и сам не знаю. Но даже если иногда знаю, кого надо защищать, то не знаю, как это делается. Окола-

чиваюсь где попало и всем мешаю. Частенько накалываюсь.

— Это я слышал... от капитана Алессандро. Сколько вы зарабатываете, простите за нескромность?

— Это дело было не совсем обычным, майор. Честно говоря, я не заработал ничего.

— Администрация заплатит вам пять тысяч за то, что вы защитили репутацию нашего отеля.

— Под администрацией имеется в виду Кларк Брэндон?

— Вероятно. Он босс.

— Пять тысяч — звучит прекрасно. Я буду наслаждаться этим звуком по дороге в Лос-Анджелес.

Я встал.

— Куда выслать чек, Марлоу?

— В Фонд помощи полиции. У полицейских заработки невелики. И если они попадают в беду, им приходится занимать из фонда. Да, пожалуй, Фонд помощи полиции будет вам очень признателен.

— А вы как же?

— Вы служили в военной разведке, Явонен. Наверняка у вас была масса возможностей брать взятки. Тем не менее вы все еще работаете. Ну, я пойду, пожалуй.

— Не валяйте дурака, Марлоу. Я хотел вам сказать...

— Скажите себе, майор. Вас выслушают с большим вниманием. Желаю удачи!

Я вышел из бара, сел в машину и поехал на «Ранчо». Там собрал вещи и заглянул в контору, чтобы расплатиться. Джек и Люсиль были на своих местах. Девушка улыбнулась мне.

— Вы нам ничего не должны, мистер Марлоу,— сказал Джек.— Такое я получил распоряжение. И мы приносим вам извинения за минувшую ночь. Хотя они, конечно, мало чего стоят.

— А сколько составил бы мой счет?

— Немного. Примерно двенадцать пятьдесят.

Я положил деньги на стойку. Джек взглянул на меня и нахмурился.

— Я сказал, что вы ничего не должны, мистер Марлоу.

— Почему? Я же снимал у вас номер.

— Мистер Брэндон...

— Некоторым людям никакая наука не идет впрок,

верно? Рад был познакомиться с вами обоими. Я хотел бы получить квитанцию. В качестве сувенира.

28

В Лос-Анджелес я ехал со скоростью не больше девяноста миль в час, хотя, возможно, раза два и выжал до сотни. Добравшись до авеню Юкка, я поставил машину в гараж и заглянул в почтовый ящик. Как всегда пусто. Я поднялся по бесконечным ступеням и открыл дверь. Все как обычно. Душная и унылая комната. Я открыл дверь и сделал себе коктейль. Потом опустился на кушетку и уставился в стену. Куда бы я ни уходил, чем бы ни занимался, я всегда возвращался к этому: к пустой стене и опостылевшей комнате в надоевшем доме.

Я поставил на столик бокал с коктейлем, так и не прикоснувшись к нему. При моей болезни алкоголь не поможет. От нее нет лекарства, кроме другого сердца, которое ничего не просит для себя.

Зазвонил телефон. Я взял трубку.

— Слушаю.

— Мистер Филипп Марлоу?

— Да.

— Вам несколько раз звонили из Парижа. Перезвонят чуть позже...

Я медленно опустил трубку. Рука моя слегка дрожала. То ли от слишком быстрой езды, то ли от бессонницы.

Телефон зазвонил через четверть часа.

— Париж на линии, сэр. Если что-нибудь будет не так, дайте знать оператору.

— Это Линда. Линда Лоринг. Ты помнишь меня, дорогой?

— Как я мог забыть?

— Ну как ты там?

— Устал... как всегда. Только что закончил одно очень непростое дело. А как ты?

— Тоскую. Тоскую по тебе. Я пыталась все забыть. Ничего не получилось. Мне было так хорошо с тобой...

— Это было полтора года назад и всего один раз.

— Все это время я была тебе верна. Сама не знаю почему... Вокруг столько мужчин... Но я тебе не изменяла...

— Я изменял тебе, Линда. Я не думал, что мы еще когда-нибудь встретимся. Я не знал, что ты ждала от меня верности.

— Я не ждала. И не жду. Я просто хочу сказать, что люблю тебя. Я хочу, чтобы ты на мне женился. Ты говорил, что мы не проживем вместе и полгода. Но почему бы не попытать счастья? Кто знает, а вдруг это будет длиться вечно? Умоляю тебя! Что должна сделать женщина, чтобы добиться мужчины, которого она любит?

— Не знаю. Возможно, ей только кажется, что она его любит. Мы живем в разных мирах. Ты богата и привыкла, что тебя все балуют. А я — усталая ломовая кляча с сомнительным будущим. Вряд ли я понравлюсь твоему папаше.

— Отец тут ни при чем. Ты просто боишься жениться. Мой отец неплохо разбирается в людях. Давай поженимся, Фил! Ну пожалуйста! Я живу в «Рице»... Я сейчас же пошлю тебе билет на самолет!

Я рассмеялся.

— Пошлешь билет на самолет? За кого ты меня принимаешь? Билет тебе пошлю я. За это время ты можешь передумать.

— Не надо посылать мне билет, милый! У меня есть...

— Разумеется, у тебя есть деньги на пятьсот билетов. Но это будет м о й билет. Или воспользуйся им, или не прилетай.

— Я прилечу, дорогой! Обязательно прилечу! Обними меня. Крепко обними. Я не хочу сделать тебя своей собственностью. Я просто хочу любить тебя.

— Я буду здесь. Я всегда буду здесь!

— Обними меня!

В трубке что-то щелкнуло, зажужжало, и все смолкло.

Я потянулся к бокалу и обвел взглядом комнату, которая уже не казалась мне пустой. Я слышал голос и видел высокую, стройную и очень красивую женщину. Представил ее в своей спальне с рассыпавшимися по подушке темными волосами, ощутил мягкий и нежный аромат кожи, тепло прильнувшего ко мне тела, мягкие и податливые губы, увидел полуопущенные веки...

Снова зазвонил телефон.

— Да? — сказал я в трубку.

— Это адвокат Клайд Амни. Я до сих пор не получил от вас никакого сколько-нибудь вразумительного отчета. Я хочу знать до мельчайших подробностей, что вы делали по возвращении в Эсмеральду.

— Малость поразвлекся... за свой счет.

— Я требую от вас полного отчета! — закудахтал

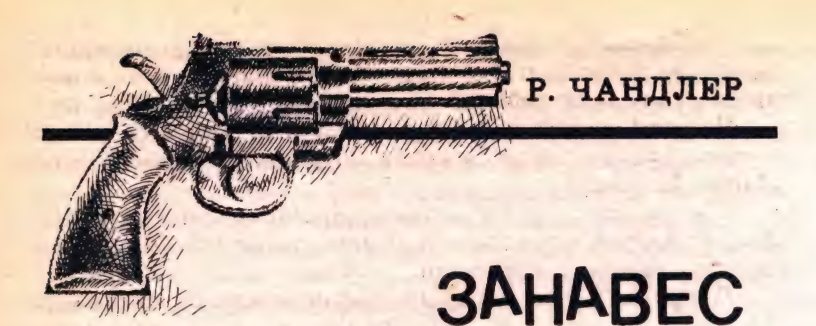
он.— Немедленно! Иначе я добьюсь, чтобы у вас отобрали лицензию.

— Я хочу вам кое-что предложить, мистер Амни. Катитесь-ка вы к чертовой матери!

Вешая трубку, я услышал, как он рвет и мечет. Почти тотчас же телефон зазвонил опять.

Я не обращал на него внимания. В воздухе звучала музыка.

Перевод с английского *С. Тулякова.*

Р. ЧАНДЛЕР

ЗАНАВЕС

1

Впервые я увидел Ларри Бетзелла рядом с подержанным роллс-ройсом у ресторана Сарди. За рулем сидела высокая блондинка с умопомрачительными глазами. Я убедил Ларри вылезти из-под колеса, чтобы блондинка могла уехать.

Когда я встретил Бетзелла снова, у него уже не было ни роллс-ройса, ни блондинки, ни работы в кино. Остались только нервная дрожь и неглаженый костюм. Ларри меня помнил. Такой вот особенный был пьяница.

Я угостил его достаточным количеством спиртного, чтобы он малость оклемался, и отдал ему половину своих сигарет. Время от времени мы встречались «между фильмами». Я давал ему взаймы. Он был высоким красивым парнем с невинным и честным взглядом коровьих глаз. Человеку моей профессии нечасто приходится встречать таких.

Самое забавное, что до сухого закона он промышлял контрабандой спиртного в довольно крутой шайке. В кино он ничего не добился, и потом я перестал его встречать.

Однажды совсем неожиданно я получил от него чек на всю сумму долга и записку, что он работает у столов, но не обеденных, а игорных, в клубе «Дарданеллы». Ларри приглашал меня заглянуть к нему. Я понял, что он снова взялся за свое.

Заглядывать к нему я не стал, но выяснил, что владельцем клуба был некий Джо Мезарви, муж той самой блондинки, которая сидела тогда в роллс-ройсе Бетзелла. И тем не менее я туда не поехал.

Однажды ранним утром между моей постелью и окном замаячил чей-то силуэт. Шторы были опущены. Это меня и разбудило. В руке у верзилы был пистолет.

Я приподнялся и протер глаза.

— Слушай,— сказал я,— у меня в карманах наберется долларов двенадцать, а часы стоят двадцать семь с полтиной. Невелика добыча!

Человек подошел к окну, отодвинул краешек шторы и выглянул на улицу, а когда обернулся, я узнал в нем Ларри Бетзелла.

У него было давно небритое, изможденное лицо. Он был в вечернем костюме и темном двубортном плаще с маленькой розой в петлице.

Ларри сел, подержал на колене пистолет, потом недоуменно взглянул на него, словно не понимая, откуда у него взялось оружие, и спрятал его в карман.

— Отвези меня в Берду,— попросил он.— Мне надо смыться из города. Меня взяли на мушку.

— Конечно,— ответил я.— Расскажи-ка поподробнее.

Я сел, опустил босые ноги на ковер и закурил. Было чуть больше половины шестого.

— Я расправился с твоим замком кусочком целлулоида. Время от времени не мешает пользоваться задвижкой. Я не знал точно, которая ночлежка твоя, и не хотел поднимать на ноги весь дом.

— В следующий раз попытайся через почтовые ящики. Давай дальше. Ты ведь сегодня еще не пил?

— Выпить не откажусь, но сначала надо выбраться из города. Загремел я. Теперь я уже не тот, что раньше. Ты, конечно, читал об исчезновении О'Мары?

— Да.

— Все равно послушай. Мне надо выговориться. Не думаю, что они проследили за мной до твоего дома.

— По стаканчику не повредит. Виски там, на столе.

Он быстренько наполнил два стакана и один протянул мне. Я надел халат и тапочки. Ларри выпил, стуча зубами по стеклу.

Потом поставил пустой стакан на стол и положил перед собой крепко сжатые кулаки.

— Я неплохо знал Дада О'Мару. Мы вместе возили водицу с мыса Уэнеме. В свое время мы даже приударяли за одной девчонкой. Теперь она замужем за Джо Мезарви. А Дад женился на пяти миллионах. Его жена — донельзя испорченная дочь генерала Дейда Уинслоу, разводилась без счету раз.

— Знаю.

— Слушай дальше. Она подобрала его в забегаловке, как я подбираю подносы в кафетерии. Ему такая жизнь

не приглянулась. Думаю, он продолжал встречаться с Моной. Он узнал, что Джо Мезарви и Лэш Йигер сбывают краденые машины. Они его убрали.

— Само собой. Выпей еще.

— Нет. Я вначале расскажу. В ту ночь, когда над О'Марой опустился занавес, вернее, в ту ночь, когда об этом пронюхали газеты, исчезла и Мона Мезарви. Но на самом деле она вовсе не исчезла. Ее спрятали в одной развалюхе в нескольких милях от Реалито, за апельсиновым поясом. Рядом с гаражом, который принадлежит некоему Арту Хаку. Тот тоже занимается ворованными автомобилями. Я выследил Джо, когда он поехал туда.

— А тебе-то что за дело до всего этого?

— Она мне все еще нравится. А тебе я говорю все это потому, что ты — мировой парень. Можешь как-нибудь использовать эту информацию, когда я слиняю. Мону спрятали затем, чтобы все думали, будто Дад смылся вместе с ней. Конечно, фараоны оказались не настолько тупы и потом наведались к Джо, но Мону не нашли. У них есть определенная схема поиска пропавших без вести. Этот шаблон им и помешал.

Он встал, подошел к окну и осторожно выглянул за штору.

— Кажется, я уже где-то видел эту голубую машину,— сказал он.— А может, и нет. Развелось их теперь...

Бетзелл снова сел. Я молчал.

— Этот домишко за Реалито стоит за первым поворотом к северу от бульвара Футхилл. Мимо никак не проедешь. Рядом стоят гараж и дом. А прямо за ними — завод по производству цианидов. Я говорю тебе это...

— Это все первый момент. А второй?

— Парнишка, что возил Лэша Йигера, недели две назад собрал манатки и подался на восток. Я одолжил ему полсотни долларов на дорогу, он был на мели. Он мне сказал, что в тот вечер, когда исчез Дад О'Мара, Йигер побывал в доме Уинслоу.

Я уставился на Ларри.

— Это любопытно, конечно, но не настолько, чтобы заняться делом всерьез. В конце концов, у нас есть и полиция.

— Добавь к этому, что вчера вечером я надрался и выложил Йигеру все, что знал. Потом я завязал с работой в клубе. А когда подходил к своему дому, в меня

стреляли. С тех пор я в бегах. Ну что, отвезешь меня в Берду?

Я встал. Был май, но я все равно мерз. Ларри Бетзелла, несмотря на его плащ, тоже пробирала дрожь.

— Конечно, отвезу, успокойся. Но попозже. Так будет безопаснее. Выпей еще. Ты же не знаешь наверняка, что они убрали О'Мару.

— Если он прознал об афере с крадеными машинами, когда Мона была женой Джо Мезарви, им пришлось его убрать. Другого выхода у них не было.

Я встал и пошел в ванную. Ларри снова подошел к окну.

— Все еще стоит,— бросил он через плечо.— Если ты меня повезешь, тебе может не поздоровиться.

— Учту.

— Ты хороший парень, Кармади. Дождь будет. Чертовски не хочется, чтоб меня хоронили под дождем. А тебе?

— Ты слишком много говоришь,— ответил я и зашел в ванную.

Этот наш разговор был последним.

2

Пока я брился, то слышал его шаги, а потом зашумел душ и заглушил все остальные звуки. Когда я вышел из ванной, Ларри уже не было. Я заглянул на кухню — тоже пусто. Тогда я завернулся в халат и выглянул в коридор. Там был только молочник, который как раз собирался спуститься через черный ход с пустыми бутылками в корзине. Под дверями квартир лежали свежие газеты.

— Эй,— крикнул я молочнику,— вы не видели человека, который только что вышел отсюда?

Молочник обернулся и открыл рот, собираясь ответить. Это был симпатичный парень с большими и красивыми белыми зубами. Я запомнил эти зубы только потому, что в тот момент, когда я взглянул на них, раздались выстрелы.

Стреляли где-то недалеко. Мне показалось, что или за домом, возле гаражей, или в аллее. Сначала два отдельных выстрела, а потом короткая серия — будто на несколько секунд включили клепальную машину — работал хороший профессионал. И — шум отъехавшего автомобиля.

Молочник закрыл рот так, словно делал это с помощью лебедки. Его огромные и пустые глаза смотрели на меня. Потом он очень осторожно поставил корзину на верхнюю ступеньку и прислонился к стене.

— Кажется, стреляли,— сказал он.

Все это длилось не более двух секунд, но мне показалось, что прошло по крайней мере полчаса. Я вернулся в квартиру, оделся, собрал со стола мелочь и снова выскочил в коридор. Там по-прежнему никого не было. Молочник тоже ушел. Где-то рядом не умолкала сирена. В коридор высунулся лысый тип с похмельной рожей и что-то загундосил.

Я спустился вниз по лестнице.

В нижнем холле стояли несколько человек. Я вышел на улицу. Два ряда гаражей стояли друг против друга, а дальше еще два, так что оставалось немного места, чтоб въехать в аллею. Двое пацанов напротив форсировали забор.

Ларри Бетзелл лежал ничком. Шляпа слетела у него с головы, правая рука была вытянута, рядом с ней лежал большой черный автоматический пистолет. Казалось, что перед тем как упасть, он хотел оглянуться. Светлые волосы Ларри слиплись от крови, она стекала по щеке и по шее. По бетону двора расползалась красная лужа.

Рядом с трупом стояли двое полицейских из патрульной машины, молочник и человек в коричневом свитере под спецовкой. Это был наш сторож.

Я подошел к ним как раз, когда двое пацанов спрыгнули с забора во двор. Молочник посмотрел на меня страдальческим взглядом. Один из полицейских выпрямился и спросил:

— Кто-нибудь его знает? Одна половина лица все-таки уцелела.

На меня он не взглянул. Молочник отрицательно покачал головой и продолжал следить за мной краем глаза.

— Это не наш жилец,— отозвался сторож.— Он мог к кому-нибудь прийти. Хотя для визитов, пожалуй, слишком рано.

— На нем вечерний костюм. Вы знаете свою ночлежку лучше меня,— бросил полицейский. Он достал из кармана блокнот.

Второй полицейский тоже выпрямился, покачал головой и направился к дому вместе со сторожем.

Фараон с блокнотом ткнул в меня пальцем и хрипло спросил:

— Может, вы что-нибудь знаете?

Я посмотрел на молочника. Ларри Бетзеллу было уже все равно, а я должен как-то зарабатывать на жизнь.

Во всяком случае, это была история не для ребят из патрульной машины.

— Я просто услышал, что стреляют, и вышел посмотреть.

Фараона, похоже, мой ответ устроил. Молочник разглядывал серое небо и молчал.

Немного погодя я вернулся домой и оделся как следует. Забирая со стола шляпу, я заметил возле бутылки с виски маленький розовый бутон, лежавший на клочке бумаги.

На бумаге было нацарапано: «Ты хороший парень, но я, пожалуй, пойду один. Если сможешь, передай эту розу Моне. Ларри».

Я положил цветок в бумажник и выпил.

3

Около трех часов дня я стоял в холле особняка Уинслоу и ждал, когда вернется дворецкий. Большую часть времени я занимался тем, что держался подальше от дома и конторы, стараясь не попадаться на глаза полиции. Конечно, рано или поздно меня все равно найдут, но вначале я хотел встретиться с генералом Дейдом Уинслоу. А это было непросто.

Холл был увешан холстами, по большей части писанными маслом. На пьедестале из темного дерева стояли две статуи и несколько комплектов потускневших от времени доспехов. Высоко над огромным мраморным камином за стеклянной витриной стояли два скрещенных кавалерийских знамени, простреленных пулями, а может и проеденных молью. Под ними был портрет худощавого подтянутого человека с черной бородой и усами. Он был при полных регалиях периода мексиканской войны. Это мог быть отец генерала Дейда Уинслоу. Несмотря на свой преклонный возраст, вряд ли это был сам генерал.

Наконец вернулся лакей и сообщил, что генерал ждет меня, и пригласил пройти в оранжерею.

Мы вышли из дома через высокую стеклянную дверь в задней его части и по газону направились к большому

стеклянному павильону за гаражами. Дворецкий открыл дверь, и я вошел в некое подобие вестибюля. Там было жарко. Но когда лакей открыл еще одну дверь, я понял, что такое настоящая жара.

Воздух был влажный. Со стен и потолка оранжереи стекали капли воды. Огромные тропические растения выбрасывали во все стороны цветы и ветви, полумрак помещения был насыщен резким дурманящим запахом, похожим на винные пары.

Дворецкий, худой старик с очень прямой спиной и седыми волосами, придерживал ветки, позволяя мне пройти. Мы вышли на открытое место в центре оранжереи. На выложенном шестиугольными плитами полу был расстелен большой турецкий ковер. В центре ковра сидел в кресле на колесиках глубокий старик. Он смотрел на нас, закутавшись в плед.

На его лице жили одни глаза. Они были черными, блестящими, глубоко посаженными и смотрели проницательно. Само же лицо с запавшими висками, заострившимся носом, оттопыренными ушами и тонким ртом казалось деревянной маской смерти. Старик был одет в красный поношенный халат. На его голове еще сохранилось несколько редких кустиков волос.

— Генерал, это мистер Кармади,— представил меня дворецкий.

Старик уставился на меня и резко приказал:

— Подайте мистеру Кармади стул!

Дворецкий выполнил приказание, я сел и положил шляпу на пол. Лакей ее поднял.

— Бренди,— велел генерал.— В каком виде вы его пьете, сэр?

— В любом.

Старик хмыкнул. Дворецкий вышел. Генерал смотрел на меня не мигая. Потом снова хмыкнул.

— А я всегда пью его с шампанским. Треть бокала бренди, а сверху две трети шампанского, холодного, как долина Фордж. А если можно, то еще холоднее.

Он издал звук, отдаленно напоминающий смех.

— Это не значит, что я бывал в долине Фордж. Не так уж я плох. Можете курить, сэр.

Я поблагодарил его и сказал, что накурился вдоволь. Достал носовой платок и вытер лицо.

— Снимите плащ, сэр. Дад всегда раздевался. Орхидеям необходима жара, сэр, как и больным старикам.

Я снял плащ, который прихватил с собой, опасаясь дождя. Ларри Бетзелл сказал, что будет дождь.

— Дад — это мой зять. Дадли О'Мара. Мне показалось, что вы пришли поговорить о нем.

— Я собирался поговорить об одном деле, но не хотел бы заниматься им без вашего согласия.

Старик уставился на меня взглядом василиска.

— Вы — частный детектив. Я полагаю, что ваши услуги стоят денег.

— Не без этого. Но это не значит, что надо оплачивать каждый мой вздох. Просто я кое-что слышал. Возможно, вы сами захотите сообщить об этом в отдел розыска пропавших.

— Ясно,— спокойно сказал старик.— Какой-нибудь скандал.

Дворецкий вернулся раньше, чем я успел ответить. Он провез сквозь джунгли столик на колесиках, поставил его рядом со мной, налил мне бренди с содовой и опять ушел.

Я отпил из бокала.

— Кажется, у него была девушка,— сказал я.— О'Мара встречался с ней до знакомства с вашей дочерью. Теперь она замужем за махинатором...

— Я слышал. Но мне на это наплевать. Я просто хочу знать, где он и все ли с ним в порядке. Счастлив ли он.

Я изумленно уставился на него и, помолчав, ответил:

— Возможно, мне удастся найти девушку, но этим могут заняться и ребята из полиции, если я им кое-что сообщу.

Старик потеребил край пледа и поднял голову. Мне показалось, что он кивнул. Потом медленно произнес:

— Может быть, я слишком много говорю, а это мне отнюдь не на пользу, но я хочу кое-что выяснить. Я калека. У меня парализованы ноги и низ живота. Я мало ем и мало сплю. Я надоел сам себе и чертовски утомил других. Мне недостает Дада. Он проводил со мной уйму времени. Одному Богу известно, почему он это делал.

— Я...

— Помолчите. Вы моложе меня, и я имею право с вами так говорить. Дад уехал, не попрощавшись со мной. Это было на него не похоже. Однажды он уехал на своей машине, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. Если он устал от моей глупой дочери или от ее щенка, я могу это понять! Но он сорвался и уехал, не сказав мне ни

слова, а теперь, быть может, об этом жалеет. Потому и молчит. Найдите его и передайте, что я на него не в обиде. Вот и все. Разве что ему понадобятся деньги. Тогда он получит их столько, сколько захочет.

Серые щеки старика слегка порозовели. Глаза его, казалось, вспыхнули еще ярче. Генерал медленно откинулся на спинку кресла и опустил веки.

Я почти допил свое виски.

— Допустим, он угодил в переделку. Скажем, в этом замешан муж девушки. Его зовут Джо Мезарви.

— Только не О'Мара.— Старик открыл глаза и подмигнул.— В переделку попал бы тот, второй.

— Значит, я должен сообщить в полицию, где можно найти девушку?

— Нет, конечно. Полиция пока что не ударила палец о палец. И пусть продолжает в том же духе. Отыщите его сами. Я заплачу вам тысячу долларов, даже если для этого вам придется всего лишь перейти улицу. Скажите ему, что у нас все в порядке. Старик здоров и передает ему привет. Это все.

Я не мог ничего ему сказать. Не мог повторить ему то, что узнал от Бетзелла, не мог вообще упомянуть Ларри. Я допил свой бокал, встал и надел плащ.

— Вы предлагаете слишком много за такую работу, генерал. Мы еще вернемся к этому вопросу. Вы разрешите мне представлять ваши интересы и действовать так, как я сочту необходимым?

Старик нажал кнопку на подлокотнике кресла-коляски.

— Передайте ему... я только хочу знать, что с ним все в порядке, и чтобы он знал, что со мной тоже все нормально. Больше ничего... если ему не нужны деньги... А теперь простите, я устал.

Он закрыл глаза. Я продрался сквозь заросли. У дверей меня дожидался лакей с моей шляпой.

Я набрал полную грудь прохладного воздуха и сказал:

— Генерал захотел, чтобы я встретился с миссис О'Мара.

4

Весь пол комнаты покрывал огромный белый ковер. Неимоверно длинные шторы цвета слоновой кости ниспадали на него, закрывая множество окон. За окнами видне-

лись темные холмы, да и сам воздух снаружи тоже казался темным. Надвигался дождь.

На белом шезлонге возлежала миссис О'Мара без туфель и в ажурных, давно вышедших из моды чулках. Это была высокая темноволосая женщина с тонковатой линией рта. Довольно привлекательная, хотя и не красавица.

— Что вам от меня нужно? — спросила она.— Все давно и хорошо известно. Кроме того, мы с вами не знакомы, не правда ли?

— Пожалуй,— согласился я.— Я мелкий частный сыщик.

Она потянулась к бокалу, которого я прежде не заметил, хотя должен был, обратив внимание на ее поведение и манеру разговаривать. Женщина томным жестом взяла бокал, сверкнув при этом кольцом.

— Я познакомилась с ним в одной забегаловке,— сказала она с коротким смешком.— Это был очень симпатичный делец, он занимался контрабандой спиртного, у него были густые курчавые волосы и ирландская физиономия. Потом я вышла за него замуж. От скуки. Что касается его, то уже тогда пьяный бизнес был довольно ненадежным занятием, если промышлять больше было нечем.

Она ждала, что я начну возражать, но ждала без особого нетерпения. А я вместо этого спросил:

— Вы видели его в тот день, когда он исчез?

— Нет. Я редко видела, когда он приезжал или уезжал. Такое уже бывало.— Она снова выпила.

— Угу,— пробормотал я.— Вы, разумеется, с ним не ссорились.

— Ссориться можно по-разному, мистер Кармади.

— Конечно. Хорошо, что вы это сказали. О девушке вам тоже было известно?

— Я рада быть предельно откровенной со старым добрым семейным детективом.— Женщина поправила прядь иссиня-черных волос.

— Вы знали о ней до исчезновения вашего мужа? — вежливо поинтересовался я.

— Конечно.

— Откуда?

— А вы весьма настойчивы. Связи. Я старая любительница питейных заведений. Или вы не в курсе?

— А знавали вы компашку в «Дарданеллах»?

— Я там бывала.— Казалось, мой вопрос не то удивил, не то испугал женщину.— Я даже прожила там как-то целую неделю. Там я и повстречала Дадли О'Мару.

— Так... Ваш отец поздно женился, верно?

Я заметил, что она бледнеет. Я хотел, чтобы она взорвалась, но ничего не добился. Женщина улыбнулась, щеки ее снова порозовели. Она позвонила в сонетку, затерянную в подушках из лебяжьего пуха.

— Очень поздно, но вам-то какое до этого дело?

— Никакого.

В комнату вошла застенчивая на вид горничная и приготовила два коктейля. Один бокал она подала миссис О'Мара, второй поставила возле меня и вышла, продемонстрировав под короткой юбкой вполне приличные ноги.

Миссис О'Мара дождалась, когда закроется дверь, и сказала:

— После всего этого отец не в духе. Хоть бы Дад позвонил или написал!

— Ваш отец стар, очень стар,— заметил я,— и болен. Жизнь едва теплится в нем. С этой жизнью его связывала единственная тонкая нить. Теперь она оборвалась, но никому нет до этого дела. Он даже пытается делать вид, что ему и самому наплевать. Я бы не сказал, что он не в духе. Напротив, он очень стойкий человек.

— Очень любезно с вашей стороны,— заметила она.— Но вы совсем не пьете.

— Мне надо идти. Но все равно спасибо.

Женщина протянула мне тонкую розовую руку, я подошел поближе и прикоснулся к ней. Вдруг за холмами зарокотал гром. Женщина вздрогнула. В окна ударил порыв ветра.

Я спустился в холл по выложенной кафелем лестнице. Откуда-то из тени возник слуга и открыл мне дверь.

Я смотрел на террасы, обсаженные цветами и завезенными отовсюду деревьями. В самом низу виднелась живая изгородь футов в шесть высотой, обнесенная кованой металлической оградой. Дорога вела к воротам, у которых стояла будка сторожа.

С вершины холма был виден город и старые нефтяные скважины Ла-Бреа. Теперь часть этих земель была занята парком, а часть просто пустовала. Там все еще торчали несколько старых буровых вышек. Они принесли

богатство семейству Уинслоу, а те потом сбежали от скважин достаточно далеко, чтобы не слышать запаха отстойников, но настолько близко, чтобы из окон своего особняка можно было наблюдать за источником своих миллионов.

Я пошел вниз по дорожке между лужайками. На одном из газонов бледный темноволосый парнишка лет десяти бросал стрелки в прикрепленную к дереву мишень. Я подошел к мальчику.

— О'Мара-младший? — спросил я.

Парнишка прислонился к каменной скамье, сжимая в руке четыре стрелки и глядя на меня серо-голубыми, холодными стариковскими глазами.

— Меня зовут Дейд Уинслоу-Тревиллиан,— хмуро ответил он.

— Так. Значит, Дадли О'Мара тебе не отец.

— Конечно, нет,— в голосе его было презрение.— Кто вы?

— Детектив. Я хочу отыскать твоего... я хотел сказать, О'Мару.

То, что я был детективом, нас ничуть не сблизило. Мальчика детективы нисколько не интересовали. В холмах снова загремел гром, похожий на стадо слонов, трубящих хором. Я решил подойти к делу с другой стороны.

— Могу поспорить, что ты не попадешь в «яблочко» четырьмя стрелками с расстояния в тридцать футов.

Мальчишка тотчас оживился.

— Этими?

— Угу.

— На сколько поспорите? — насторожился парень.

— На доллар.

Мальчишка сбегал к мишени, выдернул из нее стрелки, вернулся и занял позицию возле скамьи.

— Здесь нет тридцати футов.

Он покосился на меня и отошел еще на несколько шагов. Я улыбнулся, но улыбка почти мигом сошла с моего лица.

Его маленькая рука метала стрелки с такой скоростью, что я с трудом мог за ней уследить. Пять стрелок вонзились в золотую середину мишени меньше чем за пять секунд. Мальчик торжествующе взглянул на меня.

— Здорово! Ты молодчина, мистер Тревиллиан,— буркнул я и вытащил доллар.

Маленькая рука схватила его стремительно, как форель муху, и молниеносно исчезла из виду.

— Это все чепуха! — фыркнул мальчишка.— Посмотрели бы вы, как я стреляю вон в том тире за гаражами. Хотите пойти туда и поспорить еще?

Я оглянулся и увидел за холмом часть низкого белого строения, прилепившегося к насыпи.

— Не сегодня. Может, как-нибудь в другой раз. Стало быть, Дад О'Мара не твой отец. Но если я его все равно найду, как ты на это посмотришь?

Мальчик пожал острыми худыми плечами в темно-бордовом свитере.

— Нормально. Но разве вы можете сделать что-то такое, что не под силу полиции?

— Это мысль,— заметил я и ушел.

Я спустился вдоль кирпичной стены вниз и пошел вдоль живой изгороди к воротам. Сквозь ветви кустов просматривались фрагменты улицы. На полпути к будке сторожа я приметил голубую машину. Маленькую опрятную машинку с низкой посадкой, очень чистую, полегче полицейской, но примерно таких же размеров. Чуть дальше, возле перечного куста, стоял мой автомобиль.

Я остановился и рассмотрел голубую машину повнимательнее, не выходя из-за кустов. Изнутри по стеклу растекался сигаретный дымок. Я повернулся спиной к будке и взглянул на вершину холма. Тревиллиан куда-то исчез. Может, пошел прятать в кубышку свою добычу. Хотя что для него значит один доллар?

Я нагнулся, достал из кобуры люгер калибра 7,65, который в тот день прихватил с собой, и засунул его в левый носок. Он даже не очень мешал ходить. Потом я подошел к воротам.

Обычно они были закрыты и никто не мог войти внутрь, если того не хотели хозяева. Мне навстречу вышел сторож — здоровенный детина с подплечной кобурой — и пропустил меня в маленькую дверцу в стороне от ворот. Я немного поговорил с ним через решетку, краем глаза следя за голубой машиной.

Выглядела она вполне безобидно. Похоже, в салоне сидели двое. Меня отделяло от машины около сотни футов. Она стояла в тени высокой стены на противоположной стороне узкой, без тротуаров, улочки. Моя машина стояла совсем рядом.

Держась начеку, я добрался до нее, сел в кабину,

вытащил из кармашка в передней части сиденья полицейский кольт и засунул его в кобуру, и только потом включил двигатель.

Я отпустил педаль тормоза и резко рванул с места. Вдруг хлынул сильный ливень, все вокруг потемнело, но я все-таки успел заметить, что голубая машина поехала следом за мной.

Я включил дворники и увеличил скорость до сорока миль в час. Проехав кварталов восемь, я услышал вой сирены, это меня и подвело. На улочке, по которой мы ехали, было тихо, как в морге. Я притормозил и подрулил к обочине. Голубая машина подъехала поближе, и с заднего сиденья на меня уставилось черное рыло автомата.

Потом я разглядел узкое лицо с покрасневшими глазами и решительным ртом. Чей-то голос, перекрывая шум дождя и двух работающих моторов, приказал:

— Давай-ка сюда к нам! И будь паинькой.

Это были не фараоны, но теперь это уже не имело значения.

Я заглушил мотор, бросил ключи под ноги и выбрался наружу. Водитель голубой машины даже не взглянул на меня, а второй тип, сидевший сзади, пинком распахнул дверцу и нырнул обратно в салон, не переставая держать меня на мушке.

Я пересел к ним.

— Порядок, Луи! Проверь.

Водитель обыскал меня, вытащил из кобуры кольт и проверил, нет ли оружия в карманах брюк и за поясом.

— Чисто! — бросил он и вернулся за баранку.

Его напарник левой рукой взял у него мой кольт и положил автомат на пол, под коврик. Потом устроился в углу, откинулся на спинку сиденья, расслабился и положил кольт на колено.

— Порядок, Луи. Поехали.

5

Ехали мы неторопливо, с ленцой; дождь барабанил по крыше салона и струями стекал по стеклам. Машина петляла по извилистым улочкам среди холмов, огороженных частных владений и скоплений мокрых фасадов за размазанной полосой деревьев.

В нос мне ударил резкий запах табака, и красноглазый спросил:

— Что он тебе сообщил?

— Очень мало. То, что Мона исчезла из города в ту ночь, когда вся история попала в газеты. Старый Уинслоу об этом уже знал.

— Для этого глубоко копать не надо было,— заметил красноглазый.— Вот фараоны и не копали. Что еще?

— Он сказал, что в него стреляли. Хотел, чтобы я увез его из города, но в последний момент предпочел уйти один. Почему — я не знаю.

— Развязывай язык, ищейка! — сухо бросил красноглазый.— Для тебя это единственный шанс.

— Это все,— сказал я, глядя на дождь за стеклом.

— Ты взялся за дело? Старик тебе платит?

— Нет, он жмется.

Красноглазый рассмеялся. Револьвер в левом башмаке напоминал о себе своей тяжестью, но был пока что недостижим.

— Больше об О'Маре я ничего не знаю,— заявил я.

Водитель обернулся и бросил:

— Где, говоришь, эта улица?

— Выше Беверли-Глен, дурень. Малхолланд-Драйв.

— Черт возьми! Она же немощеная!

— Не беда! Сыщик вымостит.

Дома стали попадаться реже, вдоль дороги потянулась редкая дубовая рощица.

— Ты неплохой парень,— сказал красноглазый.— Только скуповат, как и старик. Ты меня слышал? Мы хотим знать все, что сказал тебе твой дружок. Чтобы решить, убрать тебя или нет.

— Иди к черту! Ты мне все равно не поверишь.

— Попробуй убедить. Мы просто делаем свою работу. А твои слова передадим кому надо.

— Неплохая, надо думать, работенка. Пока она есть.

— А ты шутник, как я погляжу!

— Возможно... Я уже был таким, когда ты торчал в тюрьме для малолетних преступников. За это меня многие не любят.

Красноглазый опять рассмеялся. Он вообще не слишком походил на серьезного противника.

— Насколько мы знаем, с фараонами ты в ладах. Нынче утром глупостей ты не делал. Верно?

— Если я скажу «да», можете разделаться со мной прямо сейчас. Дальше.

— Как насчет кругленькой суммы, если ты обо всем забудешь?

— В это вы тоже не поверите.

— Увидим. Наши условия ты знаешь. Закончим это дело и займемся другим. Наша фирма работает без осечки. А ты здешний, у тебя тут и репутация, и бизнес. Тебе нет смысла пытаться нас надуть.

— Не исключено.

— Мы никогда не убиваем сыщиков,— мягко сказал красноглазый.— Это вредит делу.

Он откинулся на спинку, положил револьвер на правое колено, достал из внутреннего кармана большой коричневый бумажник, выудил из него две банкноты, положил их на сиденье и спрятал бумажник обратно.

— Это твое,— серьезно сказал он.— А будешь болтать — не протянешь и суток.

Банкноты оказались по пять сотен. Я взял их и положил в карман.

— Понятно. Я больше не буду сыщиком.

— Подумай об этом.

Мы улыбнулись друг другу, как добрые старые приятели. Потом красноглазый сказал водителю:

— Порядок, Луи. Малхолланд отпадает. Притормози-ка!

Машина подъезжала к склону холма. Сплошная пелена дождя застилала небо и землю. Видимость была примерно в четверть мили. Кругом не было ни души.

Водитель съехал на обочину и заглушил мотор. Он закурил и небрежно положил руку на спинку сиденья.

Потом улыбнулся мне по-дружески. Его улыбка походила на оскал аллигатора.

— Выпьем,— предложил красноглазый.— Вот бы мне так просто заработать кусок! Только и дела, что пасть не разевать!

Он положил кольт на сиденье и достал из бокового кармана плоскую бутылку с зеленой этикеткой. Сразу видно — фирменная штучка. Красноглазый зубами отвинтил пробку, понюхал и причмокнул.

— Никакой туфты! Пальчики оближешь. Глотни-ка!

Он протянул мне бутылку. Я мог бы перехватить его руку, если б не Луи, а револьвер был слишком далеко.

Я глубоко вздохнул, поднес бутылку к губам и осторожно принюхался. К запаху бурбона примешивался слабый аромат миндаля, на который при других обстоя-

тельствах я не обратил бы ни малейшего внимания. В памяти вдруг всплыли слова Ларри: «К востоку от Реалито, около старого цианидного завода...» Цианид! От него этот запах миндаля...

В висках у меня застучало, по коже поползли мурашки. Я сделал вид, что хлебнул от души, постарался, чтоб булькнуло. В рот мне попала примерно чайная ложка жидкости, но и это я тут же выплюнул.

Я закашлялся и притворился, что меня тошнит. Красноглазый расхохотался.

— Только не говори, что тебя выворачивает с одного глотка, парень!

Я уронил бутылку и продолжал в том же духе, согнувшись в три погибели. Я сделал вид, что теряю равновесие. Ноги поехали влево, руки бессильно повисли... Револьвер был у меня.

Я выстрелил из-под левой руки, почти не глядя. Красноглазый, так и не успев схватить кольт, уронил его на пол. Полдела было сделано. Потом я выстрелил вперед и вверх, стараясь попасть в Луи.

Но Луи там не было. Он притаился на полу за передним сиденьем. В машине царила мертвая тишина. На мгновение мне показалось, что даже дождь перестал барабанить по крыше.

Мне некогда было смотреть на красноглазого, но он не шевелился. Я бросил люгер, выхватил из-под коврика автомат и поднял его. Луи сидел тихо.

— Послушай, Луи, автомат у меня. Что ты на это скажешь?

Он выстрелил наобум. По непробиваемой перегородке зазмеились трещины. Опять стало тихо. Наконец Луи хрипло сказал:

— А у меня есть лимонка. Угостить?

— Ее хватит на нас обоих. Вытащи чеку и жди.

— Проклятье! — зло бросил Луи.— А он что, крякнул? Нет у меня никакой лимонки.

Я взглянул на красноглазого. Похоже, сидеть ему было очень удобно. Теперь у него стало три глаза. Третий был краснее двух других. Если учесть, что стрелял я не глядя, то результат был просто превосходен. Повезло, одним словом.

— Да, Луи, накрылся твой приятель. Как разойдемся?

Теперь я услышал его тяжелое дыхание, и дождь снова застучал в стекла.

— Выметайся из машины! — заявил он.— Я смоюсь!

— Выметешься ты, Луи. А смоюсь я.

— Черт возьми! Не могу же я тащиться пешком до самого дома, парень!

— Не волнуйся, Луи. Я пришлю за тобой машину.

— Но я не виноват! Я только сидел за рулем!

— Тогда тебя обвинят в превышении скорости. Твои хозяева могут это устроить. Вылезай, пока я не распечатал этот пугач!

Щелкнул замок, потом по мокрому асфальту зашлепали тяжелые шаги. Я резко выпрямился, не выпуская из рук автомата. Луи стоял на дороге под дождем с пустыми руками и по-крокодильи ухмылялся.

Я пробрался мимо убитого, поднял с пола кольт и люгер, положил тяжелый автомат и вытащил из кармана брюк наручники. Потом подал знак Луи, тот нехотя повернулся и заложил руки за спину.

— У тебя нет против меня никаких доказательств,— хорохорился он.— За меня вступятся!

Я надел на него наручники и обыскал, но получше, чем он меня. У него оказался еще один пистолет.

Я выволок из машины красноглазого и положил его на мокрую дорогу. Из раны еще сочилась кровь, но он был уже мертв. Луи с горечью смотрел на своего напарника.

— Ловкий был малый,— констатировал он.— Не как другие. Любил ловкие трюки. Прощай, приятель...

Я освободил одну руку Луи и пристегнул второй браслет к запястью убитого.

Глаза Луи расширились от ужаса, а улыбка сползла с его лица.

— Боже правый! — простонал он.— Нет, парень, ты не можешь меня так оставить!

— Прощай, Луи. Сегодня утром вы убили моего друга.

— Я здесь ни при чем! — завыл Луи.

Я сел за руль, проехал немного вперед, развернулся и снова подъехал к Луи. Он стоял бледный, как мел, стараясь держаться подальше от трупа. В глазах его плескался страх.

Я оставил Луи под дождем.

В это время года темнело довольно рано. Я оставил их машину квартала за два от своей, закрыл ее и бросил ключи в бензобак. Потом пересел в свою и поехал на ней в центр.

Я позвонил по таксофону в отдел по расследованию убийств и попросил позвать к телефону некоего Гриннелла. В двух словах рассказал ему о случившемся и объяснил, где искать Луи и машину. Поделившись с Гриннеллом своими подозрениями о том, что именно эти двое подонков пристрелили из автомата Ларри Бетзелла, я ни словом не обмолвился о Даде О'Мара.

— Хорошая работа,— похвалил Гриннелл.— Ты бы лучше приехал. Тут час назад позвонил один молочник, вот тебя и ищут.

— Понял. Но мне надо перекусить. Не волнуйтесь, я скоро буду.

— Лучше бы тебе поторопиться. Извини, но без этого не обойтись.

— Хорошо.

Я повесил трубку и поскорее смылся из этого места. Время было дорого. Надо заняться делом, пока не занялись мной.

Я перекусил возле Плазы и поехал в Реалито.

6

Около восьми вечера сквозь пелену дождя я увидел две тусклые лампы и в их желтом свете — щит с надписью: «Добро пожаловать в Реалито».

Вначале за окнами машины появились развалюхи, потом — неожиданная в такой дыре кучка магазинов, на одном перекрестке — бар с матовыми стеклами, вереница автомобилей перед маленьким кинотеатром, банк на другом углу, перед которым, несмотря на дождь, толпились люди... Все это и называлось Реалито. Я, не останавливаясь, поехал дальше. Снова начались пустые поля.

За апельсиновым поясом потянулись мокрые голые холмы. Дождь все лил и лил.

До слабо освещенного перекрестка пришлось ехать целых три мили. Свет, казалось, проникал из зашторенных окон дома. Вдруг левое переднее колесо зло зашипело. Здорово, ничего не скажешь! Потом точно так же зашипело правое заднее колесо.

Я остановился почти на самом перекрестке. Ей-Богу, здорово! Я вылез из машины, поднял воротник плаща, включил фонарик и увидел кучу солидных гвоздей с большими, как монеты, шляпками. Один торчал из шины.

Два прокола и одна запаска. Я поднял воротник повыше и пошел прямо на свет. Это было именно то место, которое я искал. Скоро я увидел гараж с застекленной крышей. Большая двустворчатая дверь была закрыта, но сквозь щель пробивалась яркая полоска света. Я зажег фонарик и вверху увидел надпись: «Арт Хак. Ремонт и покраска автомобилей».

В стороне от грязной дороги за деревьями стоял дом. В окнах его горел свет, а у крыльца стояла маленькая двухместная машина с выключенным мотором.

В первую очередь меня интересовали колеса. Меня здесь никто не знал, а надо было как-то выкручиваться. Погода к пешим прогулкам не располагала.

Я выключил фонарик и постучал им в дверь. Свет в гараже погас. Я стоял, машинально слизывая с верхней губы капли дождя. Фонарик я держал в левой руке, а правую опустил в карман плаща. Люгер снова был у меня под мышкой.

— Чего надо? — раздался изнутри чей-то недовольный голос.— Кого там принесло?

— Откройте. Мне нужна помощь. Я продырявил два колеса, а запаска у меня всего одна.

— Мы никого не обслуживаем. Попытайте счастья в Реалито. Это всего миля к западу отсюда.

Я принялся стучать в дверь ногой. Внутри выругались, потом второй голос добродушно заметил:

— Настырный малый! Открой, Арт.

Заскрипел засов, и одна створка двери приоткрылась внутрь. Я снова включил фонарик и осветил чье-то сухощавое лицо. Но он кому-то помешал, и его выбили из моей руки. На меня уставилось дуло револьвера.

Я наклонился, пытаясь найти фонарик, но оружие вытаскивать не стал.

— Не дергайся, приятель. Так можно заработать синяк под глазом.

Фонарик горел в грязи. Я выключил его и встал. На пороге гаража виднелся силуэт высокого человека в комбинезоне. Он сделал шаг назад, не опуская оружия.

— Входи и закрой дверь.

Я сделал, как он велел.

— По всей дороге рассыпаны гвозди,— сказал я ему.— Я решил, что таким образом вы поставляете себе клиентов.

— Ты что, свихнулся? Нынче вечером в Реалито грабанули банк.

— Я тут проездом,— ответил я, вспомнив толпу перед банком.

— Ладно, какие-то придурки обчистили банк и разбежались по холмам. А ты, значит, собрал гвозди?

— Похоже,— я взглянул на второго.

Он был невысокий, но плотный, с равнодушным коричневым лицом и холодными карими глазами. Одет он был в кожаный коричневый приталенный плащ. Его совершенно сухая коричневая шляпа была надвинута на лоб, руки он держал в карманах, и вообще, вид у него был скучающий.

Воздух был насыщен сладковатым запахом пироксилиновой краски. На бампере большого автомобиля в углу гаража лежал распылитель. Но бьюик был почти новый и, на мой взгляд, не нуждался в покраске.

Человек в комбинезоне убрал револьвер в боковой карман, взглянул на человека в коричневом, а тот посмотрел на меня и негромко спросил:

— Откуда ты, парень?

— Из Сиэтла.

— Едешь на запад, в большой город? — Голос его был тихим и сухим, как шорох хорошо выделанной кожи.

— Да. Далеко еще?

— Миль сорок. Но в такую погоду дорога кажется длиннее. Издалека едешь, значит? Через Тахо и Лоун-Пайн?

— Нет, через Рино и Карсон-Сити.

— Все равно далеко.— По его коричневым губам скользнула улыбка.

— Возьми-ка домкрат, инструменты и принеси его покрышки, Арт.

— Послушай, Лэш...— начал было человек в комбинезоне, но не договорил и осекся так резко, будто ему перерезали глотку.

Могу поклясться, что он вздрогнул. Воцарилась мертвая тишина. Коричневый остался совершенно невозмутим. Казалось, что-то промелькнуло в его глазах, но он быстро опустил взгляд, словно боясь себя выдать. Голос его был все так же тих.

— Возьми пару домкратов, Арт. У него два прокола.

Худой пошел в угол, надел плащ с капюшоном, при-

хватил ручной домкрат, гаечный ключ и тележку для перевозки деталей.

— На шоссе? — спросил он меня почти любезно.

— Да. Если вы заняты, можете взять только одну запаску.

— Он не занят,— возразил коричневый и принялся изучать свои ногти.

Арт вышел, закрыв за собой дверь. Я взглянул на бьюик. На Лэша Йигера я старался не смотреть, хотя был уверен, что это он. Не могли же в этом гараже бывать два разных Лэша. Я не смотрел на него, чтобы он не заметил в моих глазах отражения скрюченного тела Ларри Бетзелла. Я боялся себя выдать.

Йигер тоже взглянул на бьюик.

— Обычная покраска,— сказал он.— У хозяина машины водятся денежки, а водитель решил подзаработать несколько долларов. Вы ведь понимаете в таких делах.

— Конечно.

Минуты тянулись медленно и лениво. Наконец снаружи послышались шаги и дверь распахнулась. В лучах света струи дождя казались серебряными. Арт хмуро закатил в гараж две грязных покрышки и пинком закрыл дверь. Дождь и свежий ветер вернули ему присутствие духа. Он свирепо зыркнул на меня и зло бросил:

— Сиэтл! Как бы не так!

Коричневый закурил сигарету, делая вид, что ничего не слышал. Арт снял плащ, в одно мгновение бросил шину на станок и, яростно орудуя инструментами, извлек из нее камеру. Потом он напустил в нее шлангом немного воздуха и утопил в раковине с водой.

Конечно, мне бы раньше надо догадаться, что к чему, но эти ребята понимали друг друга великолепно, и с тех пор как Арт вернулся, они с Лэшем даже не переглянулись ни разу.

Арт отпустил покрышку, взял воздушный шланг, мрачно осмотрел его и вдруг перебросил его куда-то мне за спину. В следующее мгновение Арт одним прыжком оказался позади меня, а резиновый шланг кольцом обхватил мои плечи и грудь. Я еще мог пошевелить руками, но револьвер был уже недосягаем.

Коричневый вытащил из кармана правую руку и, подбрасывая на ладони набитый монетами узкий мешочек в виде цилиндра, шагнул ко мне. В это время Арт внезапно опустил шланг и пнул меня коленом под зад.

Я шлепнулся на пол, но плохо это помню. Кулак с грузиком настиг меня на лету. Самый подходящий для этого момент. Вес моего тела и сила удара довершили дело.

Я рассыпался, как кучка пыли от дуновения ветра.

7

В комнате, похоже, сидела женщина. Свет бил мне в глаза. Я прикрыл их и начал смотреть на нее из-под полуопущенных ресниц. Волосы ее отливали серебром, отчего голова казалась похожей на большую фруктовую вазу.

На женщине было зеленое дорожное платье строгого покроя с белым воротником и отворотами. У ног ее стояла прямоугольная блестящая сумка, а рядом на столике — высокий бокал с прозрачной жидкостью. Женщина курила.

Я открыл глаза и сказал:

— Привет!

Взгляд этих глаз был мне знаком. Они смотрели на меня у ресторана Сарди из подержанного роллс-ройса. Они были ярко-голубыми, нежными и очень красивыми. В них не было той наглости, какая обычно есть у девиц, охотящихся за удачливыми парнями.

— Как вы себя чувствуете? — Голос женщины был под стать ее взгляду.

— Вроде ничего. Если не считать вывернутой скулы.

— А вы ожидали, мистер Кармади, что вам станут дарить цветы?

— Значит, вы знаете, как меня зовут?

— Вы очень крепко спали, и у них было достаточно времени, чтобы проверить ваши карманы. В вас закачали столько разных снадобий, что я начала опасаться, как бы вас не забальзамировали.

— Могло быть и такое,— согласился я.

Я почти не мог пошевелиться. Руки мои были скованы за спиной наручниками, а ноги связаны веревкой, один конец которой был прикреплен к браслетам, а второй уходил куда-то в сторону. Я был совершенно беспомощен.

— Который час?

Девушка мельком взглянула на часы сквозь струйку сигаретного дыма.

— Семнадцать минут двенадцатого. На свидание спешите?

— Это дом возле гаража? А где парни? Копают могилу?

— Не беспокойтесь, Кармади, они вернутся.

— Если у вас нет ключа к моим браслетам, тогда дайте мне сами немного выпить.

Женщина грациозно поднялась и подошла ко мне, держа в руке высокий золотистый бокал. Когда она склонилась надо мной, я ощутил ее нежное дыхание и отхлебнул из бокала, едва не свихнув себе шею.

— Надеюсь, они не очень сильно вас избили,— тихо сказала она.— Ненавижу, когда убивают.

— И это говорит жена Джо Мезарви? Позор! Дайте-ка еще выпить.

Она выполнила просьбу. Кровь в моих жилах побежала быстрее.

— А вы мне, пожалуй, даже нравитесь,— заметила женщина.— Хотя на вашей физиономии как будто черти горох молотили.

— Полюбуйтесь на нее как следует. В таком виде она сохранится надолго.

Вдруг она резко обернулась и прислушалась. Потом взглянула на приоткрытую дверь и, кажется, побледнела. Однако снаружи доносился только шум дождя. Девушка снова села к лампе.

— Зачем вы сюда сунулись? — спросила она, уставившись в пол.

На полу лежал ковер с узором красных и коричневых квадратов, на стенах были нарисованы стройные зеленые сосны, а на окнах висели голубые шторы. А мебель была из числа той, рекламу которой обычно помещают в салонах автобусов.

— Я хотел передать вам розу от Ларри Бетзелла.

— Я ее уже получила,— ответила девушка и, взяв цветок со стола, начала медленно перебирать лепестки пальцами.— С ней была еще какая-то записка, но мне ее не показали. Она предназначалась для меня?

— Нет. Он перед уходом оставил ее на столе. А потом его застрелили.

Рот девушки приоткрылся в беззвучном крике, глаза смотрели на меня с ужасом, но она сдержалась, и вскоре ее лицо снова стало спокойным и красивым.

— Они мне этого не сказали,— тихо проговорила она.

— Его убили потому, что он узнал о судьбе О'Мары, с которым расправились Йигер и Джо.— Я тщательно выговаривал каждое слово.— Ларри убрали.

— Джо ничего не сделал О'Маре,— спокойно возразила девушка.— Газеты наврали, что я встречалась с Дадом. Я не виделась с ним два года.

— Об этом газеты не писали.

— Все равно вранье. Джо улетел в Чикаго по делам. Если сделка пройдет успешно, мы с Лэшем присоединимся к нему. Джо не убийца.

Я пристально взглянул на девушку.

В ее глазах затаился страх.

— Ларри... он...

— Он мертв. Работали профессионалы с автоматом. Я не сказал, что Джо и Лэш сами убили Бетзелла.

Девушка молчала. Я слышал ее медленное тяжелое дыхание. Она раздавила в пепельнице окурок и встала.

— Джо этого не делал! — взорвалась она наконец.— Я точно знаю, что не делал. Он...— Девушка замерла, не сводя с меня взгляда, потом провела рукой по волосам... Парик остался у нее в руке, а настоящие волосы оказались короткими, как у мальчишки, темно-каштановыми, но это ее ничуть не портило.

— Значит, вы всего-навсего приехали сюда на линьку, Серебряный Парик? А я-то думал, что вас прятали здесь для того, чтобы все думали, будто вы смылись вместе с Дадом О'Марой.

Девушка продолжала смотреть на меня, словно не слыша моих слов. Потом подошла к зеркалу, надела парик, поправила его и опять повернулась ко мне.

— Джо никого не убивал,— тихо, но решительно повторила она.— Конечно, он мерзавец, но совсем другого сорта. Он знает, что О'Мара исчез, но не более того. А я и вообще ничего не знаю.

— Ему просто наскучила богатая жена, и он дал от нее деру,— хмуро заметил я.

Девушка стояла рядом со мной, опустив руки. Пальцы ее в свете лампы казались неестественно белыми, а лицо скрывалось в тени. По стеклу барабанил дождь, челюсть у меня распухла и вся горела, а ушибленная скула ныла не переставая.

— Здесь была только машина Лэша,— тихо сказала девушка.— Вы сумеете добраться до Реалито пешком, если я вас развяжу?

— Конечно. А почему вы это хотите сделать?

— Я никогда не была замешана в убийстве. И сейчас тоже не хочу в нем участвовать... И вообще никогда!

Она быстро вышла из комнаты, вернулась с большим кухонным ножом и перерезала веревку, которой были связаны мои ноги. Один раз она замерла и прислушалась, но только дождь шумел за окном.

Я повернулся на бок и попытался встать. Хотя ноги у меня затекли, но я знал, что это скоро пройдет. Я мог не только идти шагом, но даже бежать, если понадобится.

— Ключ от наручников у Лэша,— хмуро сказала она.

— Идемте. Оружие у вас есть?

— Я никуда не пойду. Торопитесь. Он может вернуться в любую минуту. Они вывозили барахло из гаража.

Я подошел к девушке.

— Вы хотите остаться здесь после того, как освободили меня? Лэш вас убьет на месте. Вы сошли с ума! Собирайтесь, Серебряный Парик, вы идете со мной!

— Нет.

— Допустим, что он все же убил О'Мару. Значит, он же прикончил и Ларри. События могли развиваться только так.

— Джо никого никогда не убивал! — она почти кричала.

— Ну, хорошо, допустим, что убил Йигер.

— Вы лжете, чтобы меня напугать, Кармади! Уходите! Я не боюсь Лэша Йигера! Я жена его босса!

— Джо Мезарви — слизняк! — взорвался я.— Если девушка вроде вас свяжется с каким-нибудь проходимцем, он обязательно окажется слизняком! Сматываемся!

— Убирайтесь! — хрипло крикнула она.

— Ладно,— я повернулся к ней спиной и вышел. Она почти бегом бросилась в холл, открыла входную дверь и выглянула в сырую темноту, а потом дала мне знак, что можно выйти.

— Прощайте,— шепнула девушка.— Надеюсь, что вам удастся отыскать Дада. Может, вы найдете и убийцу Ларри. Но это сделал не Джо.

Я шагнул к ней, подойдя почти вплотную, и сказал:

— Вы сошли с ума, Серебряный Парик! Прощайте!

Она взяла мое лицо в свои ладони. Они были хо-

лодны как лед. Потом Мона мягко поцеловала меня прохладными губами.

— Уходи скорей! Встретимся еще... Может, в раю...

Я спустился по мокрым и скользким деревянным ступенькам и по гравию зашагал к газону с группкой чахлых деревьев. Добравшись до шоссе, я свернул к бульвару Футхилл. Ледяные струи дождя били меня по лицу, но пальцы девушки были холоднее.

Машина стояла там, где я ее оставил, на обочине шоссе. Запаска валялась в канаве.

Машину наверняка обшарили, но я еще на что-то надеялся. Открыв дверцу, я нагнулся к рулю и скованными пальцами нашарил тайник, где обычно прятал оружие. Револьвер был на месте.

Я достал его, выбрался из машины и проверил на ощупь. Потом покрепче прижал к спине, чтобы как можно лучше защитить от дождя, и побрел обратно к дому.

8

Когда я был на полпути к дому, мимо меня проехала машина Лэша. Чтобы уйти от света фар, я метнулся в канаву, уткнулся лицом в грязь и принялся молиться.

Лэш меня не заметил. Я слышал шорох шин по влажному гравию, когда автомобиль затормозил перед домом. Я не слышал, как открылась входная дверь, но по слабому отсвету между деревьями понял, что Йигер вошел внутрь.

Поднявшись на ноги, я пошел дальше. Машина Лэша оказалась довольно старой. Револьвер я держал у бока, вывернув руки, насколько позволяли браслеты.

Салон был пуст. В радиаторе булькала вода. Я прислушался, но из дома не доносилось ни звука. Ни громких голосов, ни шума ссоры. Только тяжелые дождевые капли барабанили по моим локтям и водостокам.

Йигер был в доме. Мона освободила меня, а теперь осталась один на один с Лэшем. Скорее всего, она ничего не скажет, а просто будет молча смотреть на него. Ведь она — жена его босса. Но едва ли это остановит Йигера.

Долго он там не задержится. Девушку он в доме оставить не может ни живой, ни мертвой. Он ее прихватит с собой. А уж потом решит, что с ней делать.

Я переложил револьвер в левую руку, наклонился и правой взял несколько камешков. Потом бросил всю горсть в окно. Зря старался. Недолет.

Я вернулся к машине, открыл дверцу и увидел, что ключ зажигания торчал в замке. Я осторожно спустился обратно на подножку.

Свет в доме погас. По-прежнему было тихо. Йигер оказался очень осторожен.

Я нащупал ногой стартер, вытянул назад руку и нашарил ключ зажигания. Горячий мотор мгновенно завелся и мягко заработал под перестук дождевых капель.

Я выскочил из машины и спрятался за ней.

На шум мотора Йигер среагировал. Без машины он остаться не мог.

Темное окно слегка приоткрылось, ночную тьму прорезали три яркие вспышки. Прогремело три выстрела подряд. Стекла машины разлетелись вдребезги.

Я отчаянно завопил, потом крик перешел в булькающий стон: я в этом деле уже изрядно поднаторел. Стон завершился сдавленным вздохом. Всё. Конец. Он меня прикончил. Ты отлично стреляешь, Йигер.

Лэш торжествующе рассмеялся и умолк. Опять стали слышны только шум дождя и работа двигателя.

Дверь распахнулась, и в проеме возникла человеческая фигура. Она нерешительно вышла на крыльцо. В темноте белым пятном мелькнули воротничок и светлый парик Моны. Она спускалась по ступенькам, как деревянная кукла. За ее спиной я заметил пригнувшегося Йигера.

Выйдя на дорожку, девушка медленно и равнодушно сказала:

— Я ничего не вижу, Лэш. Все стекла запотели.

Потом вздрогнула, словно ее ткнули дулом пистолета в спину, и сделала еще шаг вперед. Йигер молчал. Теперь я хорошо видел за плечом девушки шляпу и часть его лица. Но не настолько хорошо, чтобы стрелять наверняка со скованными за спиной руками.

Девушка снова остановилась и в отчаянии крикнула:

— Вот он! Он лежит за рулем!

Йигер клюнул. Оттолкнув Мону в сторону, он опять принялся палить по машине. Снова брызгами полетело стекло. Одна пуля вонзилась в дерево совсем рядом со мной. Где-то стрекотал сверчок. Двигатель по-прежнему работал.

Лэш низко согнулся в темноте, из которой после вспышек выстрелов проступало бесформенное серое пятно его лица. На мгновение выстрелы ослепили его самого. Мне этого вполне хватило.

Я выстрелил четыре раза подряд, ребрами чувствуя отдачу кольта.

Лэш хотел повернуться, но пистолет выпал из его руки. Он хотел поймать оружие на лету, но тут же схватился обеими руками за живот и сел на мокрый гравий. Мне показалось, что его тяжелое дыхание заглушает все остальные звуки ненастной ночи.

Я смотрел, как Лэш медленно валится на бок, продолжая держаться руками за живот. Потом он перестал хрипеть.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем раздался крик Моны. Она стояла рядом, вцепившись в мою руку.

— Заглушите мотор! — велел я.— И достаньте у него из кармана ключ от этих проклятых наручников.

— В-вы, ид-диот проклятый! — заикаясь, бормотала она.— З-зачем в-вы вернулись?!

9

Капитан Эл Руф из отдела розыска пропавших, развалясь на стуле, смотрел в освещенное солнцем окно. Был новый день, и дождь давно перестал.

— Ты совершаешь ошибку за ошибкой, приятель,— резко бросил он.— Дад О'Мара просто опустил занавес. Никто из этих парней его не убирал. Убийство Бетзелла — уже совсем другая история. Мезарви проверили в Чикаго. Он чист. Сопляк, которого ты приковал к покойнику, даже не знает, на кого работал. Наши ребята достаточно долго занимались им, чтобы в этом убедиться.

— Ничуть не сомневаюсь. Я тоже всю ночь провел в каталажке, но сказать мне им было нечего.

Капитан посмотрел на меня долгим взглядом своих больших, выцветших и усталых глаз.

— Я не обвиняю вас ни в убийстве Йигера, ни в смерти наемника. Вы действовали в целях самозащиты. К тому же я не занимаюсь убийствами, а во всем происшедшем не вижу никаких связей с О'Марой... Разве что вы мне поможете что-то понять.

Я мог бы это сделать, но не хотел. Пока не хотел.

— Нет,— ответил я.— Вряд ли смогу быть вам чем-нибудь полезен.

Я набил трубку и раскурил ее. После бессонной ночи табачный дым казался мне горьковатым.

— Что вас интересует?

— Меня интересует, почему вы не нашли в Реалито девчонку. Вряд ли это было для вас так трудно...

— Не нашли, и всё тут. Я согласен, что мы были обязаны это сделать, но вот не сделали. Еще вопросы есть?

Я выпустил струйку дыма.

— О'Мару я ищу потому, что меня просил об этом генерал. С моей стороны бессмысленно было говорить ему, что вы сделали все возможное. Он мог себе позволить нанять человека, который займется только поисками. Надеюсь, у вас нет ко мне претензий?

У капитана, тем не менее, вид был не слишком довольный.

— Если он хочет выбросить деньги на ветер, это его дело. А что касается претензий, они есть у сотрудников из отдела по расследованию убийств. У О'Мары было при себе пятнадцать кусков. Деньги немалые, но не для таких, как он. Ему бы их ненадолго хватило. Конечно, он мог похвалиться ими перед старыми дружками. Жена уверяет, что у него при себе была такая сумма. Другой давно бы уже смылся, имея в кармане такой капиталец. Но только не контрабандист спиртным. О'Мара был привычен к большим деньгам.

Капитан откусил кончик сигары и поднес к ней спичку. Потом погрозил мне огромным пальцем.

— Ясно?

Я утвердительно кивнул.

— Ну вот и отлично. У О'Мары было при себе пятнадцать кусков, а если кто-то опускает занавес, то лишь до тех пор, пока водятся деньжата. Сумма кругленькая. Будь у меня столько, я бы сам с удовольствием смылся. Как только деньги кончатся, мы его и прихватим. Он подаст к оплате чек, заплатит маркеру, остановится в гостинице, одолжит где-нибудь, напишет или получит письмо. Он будет жить под чужим именем в другом городе, но аппетиты у него останутся прежними. Так или иначе, он все равно столкнется с властями. Даже если у тебя везде полно друзей, они не станут вечно держать язык за зубами, точно?

— Может быть.

— О'Мара уехал,— продолжал Руф,— но у него не было ни багажа, ни заказанных билетов на корабль, поезд или самолет, ни такси, ни частной машины, которая вывезла бы его из города. Одни наличные. Мы все проверили. Его собственный автомобиль обнаружен в двенадцати кварталах от резиденции Уинслоу. Но это еще ничего не значит. Его мог отвезти за несколько сот миль кто-нибудь из знакомых, который не заложит О'Мару даже за вознаграждение. Но на такое способны лишь старые и верные друзья, которые здесь и живут.

— Но вы его найдете.

— Когда его основательно прижмет.

— Это может случиться не так скоро,— заметил я,— а генерал Уинслоу, возможно, и года не протянет. Подумайте об этом, а не о том, какая у вас будет репутация, когда вы пойдете в отставку.

— Ты взываешь к моим чувствам, приятель? — Он взглянул на меня, шевельнув густыми рыжими бровями. Я ему не очень-то нравился. Как, впрочем, и многим фараонам в тот день.

— Пытаюсь,— ответил я, вставая.— Во всяком случае я постараюсь сделать все, что смогу.

— Конечно,— согласился Руф.— Генерал Уинслоу — крупная фигура. Если нужна будет помощь, обращайтесь.

— Вы можете узнать, кто приказал убрать Ларри Бетзелла,— сказал я.— Даже если это никак не связано с исчезновением О'Мары.

— Это мы сделаем с удовольствием,— он коротко рассмеялся и стряхнул пепел на стол.— Ты будешь убирать тех, кто хоть что-то знает, а мы возьмем на себя все остальное. Такая работа нам нравится.

— Это была самооборона,— буркнул я.— Другого выхода у меня не было.

— Конечно. А теперь иди отсюда, приятель. Я занят.

Когда я выходил из кабинета, Руф подмигнул мне большим холодным глазом.

10

Утреннее солнце сияло в голубом небе, словно отмытом дождем. В саду вокруг особняка Уинслоу на разные голоса заливались птицы.

Охранник пропустил меня в ворота, и я пошел по

дорожке к высокой резной двери в романском стиле. Прежде чем позвонить, я взглянул вниз и увидел сидевшего на скамье маленького Тревиллиана. Подперев руками подбородок, он уставился в одну точку.

Я спустился к нему по вымощенной кирпичом дорожке.

— Сегодня стрелками не балуешься, сынок?

Он равнодушно взглянул на меня серо-голубыми, глубоко посаженными глазами.

— Нет. Вы его нашли?

— Твоего отца? Нет, пока не нашел.

Мальчик тряхнул головой, сердито раздувая ноздри.

— Я уже сказал вам, что он мне не отец. Похоже, вы считаете меня совсем маленьким! Мой отец далеко отсюда... кажется, во Флориде.

— Кем бы он ни был, я его не нашел.

— А кто вам врезал по челюсти? — спросил Тревиллиан, в упор глядя на меня.

— Один нумизмат. Он хранил свою коллекцию в цилиндрике.

— В цилиндрике?

— Да. Это не хуже кастета. Можешь когда-нибудь испробовать, но только не на мне,— ухмыльнулся я.

— Моего отчима вам не найти,— спокойно заметил мальчик.

— Готов биться об заклад, что найду.

— На сколько?

— У тебя таких денег нет.

Мальчик сердито пнул бордюр кирпичной дорожки. Говорил он по-прежнему угрюмо, но уже гораздо спокойнее. Глаза у него были смышленые.

— Хотите поспорить о чем-нибудь другом? Тогда идемте в тир. Ставлю доллар, что десятью выстрелами собью восемь трубок из десятка.

Я оглянулся и посмотрел на дом. Вряд ли кто-нибудь там горел желанием меня видеть.

— Ладно,— согласился я,— идем, только побыстрее.

Мы прошли под окнами дома. Далеко в зарослях виднелась крыша оранжереи. Человек в аккуратной спецовке мыл серебристый автомобиль. Мы прошли мимо него и направились к низенькой белой постройке у самой насыпи.

Мальчик достал ключ, открыл дверь, мы вошли внутрь, и в нос сразу ударил запах пороховой гари.

— Чур я первый! — крикнул Тревиллиан.

Помещение походило на маленький тир, какие обычно бывают на пляже. На стойке лежали автоматическая винтовка 22-го калибра и длинный тонкий спортивный пистолет. Они были как следует смазаны, но изрядно запылились. Помещение перегораживал невысокий барьер, а у противоположной стены стояли две мишени, изрешеченные пулями.

На барьере ровным рядком стояли глиняные трубки. В задней части помещения я разглядел большое слуховое окно и несколько ламп в металлических отражателях.

Мальчик потянул за шнур и задернул окно плотной брезентовой шторой. Потом включил свет, и помещение действительно стало похоже на пляжный тир.

Он взял винтовку и зарядил ее патронами из коробки.

— Поспорим на доллар, что я выбью восемь из десяти?

— Пали,— согласился я и положил деньги на стойку.

Целился он довольно небрежно, а стрелял очень быстро, явно рисуясь. Тревиллиан выбил семь трубок. Для его лет — совсем неплохо. Потом, бросив винтовку на стойку, сказал:

— Это не в счет! Я не был готов. Поставьте-ка еще трубок!

— Не любишь проигрывать, сынок? Ставь сам, это твой тир.

Узкое лицо мальчика стало злым, а голос — пронзительным.

— Нет! Ставьте вы! Мне надо отдохнуть! Я устал!

Я пожал плечами, вдоль побеленной стены протиснулся за барьер и оказался за перегородкой. Тревиллиан за моей спиной щелкнул затвором винтовки.

— Брось винтовку! — крикнул я.— И никогда не хватайся за оружие, если перед тобой человек!

Парень нехотя повиновался.

Я наклонился, взял из ящика с опилками несколько глиняных трубок и медленно начал подниматься. Нюх меня не подвел. Едва тулья моей шляпы показалась над барьером, как грянул винтовочный выстрел и пуля вонзилась в мишень у меня за спиной. Шляпа лениво шевельнулась, как будто на нее села птица.

Милый ребенок. Такой же любитель разных трюков,

как красноглазый. Я бросил трубки и приподнял шляпу на несколько дюймов над головой. Грохнул еще один выстрел, и вторая пуля впилась в мишень.

Я тяжело рухнул на деревянный пол.

Хлопнула дверь, и всё стихло. Резкий свет лампы бил мне прямо в глаза, а из-за края шторы выглядывало солнце. На одной из мишеней появились две свежие отметины, а на моей шляпе виднелись четыре дырки — по две с каждой стороны.

Я подполз к перегородке и осторожно выглянул из-за нее. Мальчишка убежал. Со стойки на меня смотрели два черных дула.

Я встал, по пути к выходу выключил свет и снял с предохранителя замок. Генеральский шофер полировал у гаража очередную машину и насвистывал.

Смяв шляпу в руке, я шел мимо дома, поглядывая по сторонам в поисках мальчишки. Его нигде не было.

Я позвонил в дверь, сказал лакею, что хотел бы видеть миссис О'Мара, и не отдал ему шляпу.

11

Она была в каком-то перламутровом наряде, отороченном по рукавам, вороту и подолу белым мехом. Рядом с креслом стоял столик на колесиках, а женщина небрежно стряхивала пепел на столовое серебро.

В комнату вошла застенчивая горничная со стройными ногами, выкатила столик и закрыла за собой высокую белую дверь. Я сел.

Миссис О'Мара откинула голову на спинку кресла. Она казалась очень усталой. Потом окинула меня холодным, неприязненным взглядом.

— Вчера вы показались мне порядочным человеком,— заговорила она наконец.— Но теперь я вижу, что вы такая же скотина, как все прочие. Тупица и наглец, как остальные фараоны.

— Я пришел к вам, чтобы спросить о Лэше Йигере.

Она даже не стала притворяться удивленной.

— А почему вы пришли с этим ко мне?

— Ну... вы же целую неделю прожили в клубе «Дарданеллы»...— Я взмахнул мятой шляпой.

Женщина внимательно разглядывала свою сигарету.

— Что вам сказать... Кажется, я его там встречала. Имя у него довольно необычное, вот и врезалось в память.

— У этих подонков все имена на один манер,— ответил я.— Возможно, вы читали в газетах о Ларри Бетзелле. Вчера я о нем не упомянул, и, возможно, зря. Похоже, одно время он был приятелем О'Мары.

Женщина тихо сказала:

— Если вы будете так назойливы, мне придется выставить вас за дверь.

— Не раньше, чем я договорю. Шофер мистера Йигера (а у таких типов бывают и личные шоферы) сказал Ларри Бетзеллу, что его хозяин в ту ночь, когда исчез О'Мара, наведался в здешние края.

Женщина ничем не выдала себя. Она даже не шелохнулась. Недаром в ее жилах текла кровь многих поколений воителей.

Я встал, взял из ее неподвижных пальцев сигарету и раздавил в нефритовой пепельнице, а потом аккуратно положил шляпу на белое атласное колено и снова сел.

Женщина опустила взгляд и посмотрела на шляпу. На скулах миссис О'Мара медленно проступили два ярких красных пятна. Она с трудом облизнула пересохшие губы.

— Я понимаю, что это не самая красивая шляпа, и не собираюсь ее вам дарить. Я просто хочу, чтобы вы посмотрели на дырки от пуль.

Миссис О'Мара быстро схватила шляпу и испуганно взглянула на нее. Потом расправила тулью и вздрогнула.

— Йигер? — чуть слышно спросила она.

— Йигер не стал бы стрелять из винтовки 22-го калибра, миссис О'Мара,— медленно возразил я.

Взгляд ее стал безучастным.

— Стрелял ваш сын,— продолжал я.—Что вы скажете теперь?

— Господи! Дейд... Неужели он... пытался вас... застрелить?

— Он выпустил в меня две пули.

— Но почему, почему?

— Вы считаете меня ловкачом, миссис О'Мара. Сильным и ловким врагом. К сожалению, вы ошибаетесь. Вы очень хотите знать, почему ваш сын в меня стрелял?

Женщина, помолчав, кивнула. Ее лицо стало напряженным.

— Я просто думаю, что он ничего не может с собой поделать,— ответил я.— Во-первых, он очень не хочет, чтобы я нашел его отчима. Во-вторых, этот маленький

мальчуган очень любит деньги. Это кажется мелочами лишь на первый взгляд. Нынче в тире он чуть не проспорил мне доллар. Это вроде бы тоже мелочь, но он живет в маленьком мирке. Однако самое главное в том, что ваш сын просто маленький садист, которого так и тянет спустить курок.

— Как вы смеете! — попыталась возмутиться миссис О'Мара, но почти тотчас утихла.

— Как я смею? Очень просто. Давайте оставим в стороне вопрос, почему он стрелял в меня. Ручаюсь, что и не в меня первого, верно? Если бы вы не поняли, к чему я клоню, вы отнеслись бы ко всему иначе.

Женщина молчала. Я вздохнул и предложил:

— Потолкуем о том, почему он застрелил О'Мару.

Было бы наивно ожидать, что она, к примеру, закричит. Старик, коротавший свой век в оранжерее, кроме темных волос и дерзкого взгляда передал ей по наследству нечто большее.

На какой-то миг миссис О'Мара показалась мне похожей на испуганную девочку. Она еще раз облизнула сухие губы, скулы ее вдруг заострились, а рука судорожно сжала меховую оторочку ворота так, что побелели костяшки пальцев. Она молча смотрела на меня, не отрывая взгляда.

Шляпа медленно сползла с ее колена, но мне показалось, что она упала на пол с грохотом.

— Деньги...— прохрипела она.— Вам нужны деньги...

— Сколько вы хотите мне предложить?

— Пятнадцать тысяч.

— Ну что ж... Это размер обычного гонорара. Примерно столько же было в карманах О'Мары, и столько вы заплатили Йигеру за то, что он убрал труп.

— Вы получите не меньше, черт бы вас побрал! — с ненавистью бросила она.— Я бы с удовольствием убила вас собственными руками!

Я криво улыбнулся.

— Разумеется. Потому что я вам не сочувствую. Всё произошло примерно так: мальчишка застрелил О'Мару, как пытался убить и меня. Не думаю, что он задумал это заранее. Он просто ненавидел отчима.

— Он терпеть не мог Дада.

— Парень оставил труп за перегородкой, выбежал из тира, закрыл дверь на ключ и удрал. Стрелял он в голову пулей небольшого калибра, потому и крови было

немного. На выстрелы никто не обратил внимания. Но рано или поздно придется кому-то признаться. Вот он и пошел к вам. Вы — самый близкий ему человек...

— Да...— выдохнула женщина.— Так оно и было...— Она смотрела на меня уже без ненависти.

— Всё можно было бы преподнести как несчастный случай, если бы не одна мелочь — мальчик психически ненормален, и это известно всем — вам, генералу, слугам... Может быть, кому-то еще. А правосудие, несмотря на все свои недостатки, находит управу и на умалишенных. Их теперь столько развелось... Мальчишка все равно проболтался бы. Может, даже из хвастовства.

— Продолжайте,— сказала женщина.

— Вы не хотели рисковать. Из-за сына и больного старика в оранжерее. Для этого вы были готовы на все. Вы знали Йигера и наняли его, чтобы избавиться от трупа. Вот, пожалуй, и всё... Если не считать похищения Моны Мезарви, чтобы выдать убийство за любовную интрижку.

— Йигер ночью вывез тело Дада на его собственной машине,— безучастно сказала женщина.

Я нагнулся и подобрал с пола шляпу.

— А что же слуги?

— Норрис все знает. Это наш дворецкий. Но он скорее умрет, чем проговорится.

— Возможно. Теперь вы знаете, почему убрали Ларри Бетзелла, а меня решили прокатить в машине.

— Я ждала, что Лэш будет меня шантажировать. Он знал, что я заплачу любую сумму.

— Он спокойно мог бы заломить и четверть миллиона. Вряд ли Джо Мезарви был в курсе. Во всяком случае, его жена вообще ничего не знала.

Миссис О'Мара молча смотрела на меня.

— Черт возьми, но почему вы не отняли у него оружие? — спросил я.

— Он хуже, чем вы думаете. Дейд наверняка сотворил бы еще что-нибудь ужасное. Временами я сама боюсь его.

— Увезите его отсюда. Уберите его от старика. Он еще достаточно мал, возможно, его даже можно вылечить, если правильно за это взяться. Увезите его в Европу. Подальше отсюда. Немедленно. Если генерал узнает правду, это его доконает.

Женщина встала, пошатнулась, неверными шагами

подошла к окну и остановилась. Руки ее бессильно свисали вдоль тела. Постояв немного, она пошла обратно. Вдруг я услышал короткий всхлип.

— Я понимаю, что это все мерзко, гнусно, но я не могла иначе. Конечно, отец вызвал бы полицию. Вы правы, он бы этого не пережил...

— Увезите отсюда мальчишку,— повторил я.— Он думает, что убил меня, и где-то прячется. Найдите его. Ведь он не виноват в своей болезни.

— Я предложила вам деньги...— продолжала она, стоя за моей спиной.— Все это отвратительно... Я никогда не любила Дадли О'Мару. И это тоже ужасно... Я ничем не смогу вас отблагодарить. И слов у меня нужных нет...

— Это не страшно. Я просто старый рабочий мул. Займитесь лучше сыном.

— Я обещаю... Прощайте, мистер Кармади.

Мы не подали друг другу руки. Я пошел к выходу. У двери стоял неизменно вежливый дворецкий.

— Не хотите ли увидеться с генералом?

— Не нынче, Норрис.

Мальчишки я нигде не приметил. Выйдя из ворот, я сел во взятый напрокат форд и поехал вниз по склону мимо старых нефтяных скважин.

Во многих местах еще сохранились невидимые с дороги отстойники, в которых поверх отработанной воды плавала нефтяная пленка.

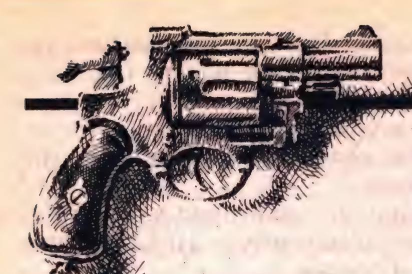
Глубина их — десять-двенадцать футов, а то и больше. И какой только дряни там нет. А возможно, в одном из них...

Я был доволен, что прикончил Йигера.

По дороге к центру я остановился в баре и пропустил пару стаканчиков. Но легче мне не стало.

Наоборот, я вспомнил о Моне. Больше я ее никогда не видел.

Перевод с английского *С. Тулякова.*

Р. ЧАНДЛЕР

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

В тот день я не работал, а просто убивал время в своем кабинете. В окна бился теплый порывистый ветер; частицы сажи из котельной гостиницы «Мэншен Хаус», располагавшейся на противоположной стороне улицы, порхали над стеклянной поверхностью стола, как пыльца над лугом.

Я как раз подумывал о том, что надо бы позавтракать, когда пришла Кэйти Хорн.

Кэйти были высокой блондинкой с печальными глазами и потертой внешностью. Когда-то она работала в полиции; оттуда ее выгнали после того, как она вышла замуж за мелкого жулика по имени Джонни Хорн. Он подделывал чеки, Кэйти надеялась его перевоспитать. Ей это не удалось, и теперь Кэйти ждала, когда он выйдет из тюрьмы, чтобы попытать счастья еще раз. А пока Кэйти содержала табачную лавку в «Мэншен Хаус» и водила знакомство с подозрительными типами, время от времени подбрасывая кому-нибудь из них с десяток долларов на то, чтобы он мог смыться из города. Такое уж у нее было доброе сердце.

Она опустилась в кресло, достала из своей большой блестящей сумки пачку сигарет, закурила от моей настольной зажигалки, выпустила струйку дыма и сморщила нос.

— Ты когда-нибудь слышал о жемчужинах Линдера? Ну и костюмчик у тебя! Судя по одежде, у тебя водятся деньжата.

— Нет. Я никогда не слышал о жемчужинах Линдера, и счета в банке у меня тоже нет.

— Тогда ты, может быть, захочешь заработать долю от двадцати пяти кусков [1]?

---

[1] Кусок — тысяча (жарг.).

Я закурил одну из ее сигарет. Она встала и закрыла окно.

— Гостиничным запахом я надышалась на работе.— Она села в кресло и продолжала: — Все началось девятнадцать лет назад. Один малый отсидел в Ливенворте пятнадцать лет и вышел четыре года назад. Сол Линдер — крупный торговец древесиной с севера — купил их своей жене. Две штуки. Он выложил за них двести кусков.

— Должно быть, их везли на тачке.

— Я вижу, ты ни черта не разбираешься в жемчуге. Дело не в размерах. Во всяком случае, сегодня они стоят еще больше, а обещанные страховым обществом «Рилайенс» двадцать пять кусков еще не выплачены.

— Понял: их кто-то спер.

— Молодец, начал соображать.— Она бросила окурок к пепельницу и не погасила его, как всегда делают женщины. Я погасил его за нее.

— Вот за это тот малый и сидел в Ливенворте, хотя никто не доказал, что жемчужины у него. Он совершил нападение на почтовый вагон. Спрятался в вагоне, где-то в Вайоминге застрелил сопровождающего, прихватил ценные посылки и был таков. Взяли его лишь в британской Колумбии. Одного, без добычи. Ему дали пожизненное.

— Если это длинная история, предлагаю выпить.

— Я никогда не пью до захода солнца. Иначе и спиться недолго.

— Бедняги эскимосы. Каково им приходится, особенно летом.

Она посмотрела, как я достаю маленькую плоскую бутылку, а потом продолжила:

— Его звали Сайп, Уолли Сайп. Он работал один. О добыче он ни словом не обмолвился. Через пятнадцать лет его обещали помиловать, если он сдаст награбленное. Он отдал все, кроме жемчужин.

— И где он все это прятал? В шляпе?

— Я тебе здесь не шутки шучу. Я кое-что узнала о шариках.

Я закрыл рот и придал лицу серьезный вид.

— Он сказал, что никогда не видел жемчуга, и ему, похоже, поверили, раз уж выпустили его. Однако жемчужины были в вагоне, и с тех пор их никто не видел.

У меня пересохло во рту. Я молчал. Кэйти продолжала:

— Всего один раз за все эти годы в Ливенворте Сайп добрался до спиртного и упился, как губка. В одной камере с ним сидел некий Пилер Мардо. Ему дали двадцать семь месяцев за выпуск фальшивых двадцаток. Сайп проболтался, что припрятал жемчужины где-то в Айдахо.

Я немного подался вперед.

— Что, проняло? Слушай дальше. Пилер Мардо снимает у меня комнату и говорит во сне, поскольку балуется кокаином.

Я откинулся на спинку стула.

— Экая жалость. А я-то уже раздумывал, как потратить свою долю.

Кэйти холодно посмотрела на меня. Затем лицо ее смягчилось.

— Ну, хорошо,— в голосе Кэйти слышались нотки обреченности,— я знаю, в это трудно поверить. Прошло столько лет, и никто ничего не нашел: ни фараоны, ни почтовики, ни частные агентства — никто. И вдруг какой-то наркоман раскалывает этот орешек. Но он — славный малый, и я ему верю. Он знает, где Сайп.

— Все это он выболтал во сне?

— Нет, конечно. Ты же меня знаешь: старая полицейская волчица. Может быть, я сую нос не в свое дело, но я догадалась, что он сидел, и мне не понравилось, что он потребляет столько этой гадости. Сейчас он мой единственный жилец, и я подслушала у двери, как он говорил сам с собой. Этого было достаточно, чтобы прижать его, и он выложил все остальное. Ему нужен помощник.

— Где Сайп? — Я снова подался вперед. Кэйти улыбнулась и покачала головой.

— Этого он не сказал, как не назвал и теперешнюю фамилию Сайпа. Он живет где-то на севере, в штате Вашингтон, город Олимпия или где-то около. Пилер его там видел и все о нем узнал. Он говорит, что Сайп его не видел.

— А что Пилер делает здесь?

— Отсюда его посадили в Ливенворт. Ты же знаешь, что преступник всегда возвращается туда, где он споткнулся. Но никого из его дружков здесь уже нет.

Я выпил и снова закурил.

— Ты говоришь, Сайпа выпустили четыре года назад. Пилер сидел двадцать семь месяцев. Чего же он ждал все остальное время?

Кэйти широко раскрыла свои голубые глаза и с сожалением посмотрела на меня.

— Разве у нас мало других тюрем?

— Ну, хорошо, он будет со мной говорить? Очевидно, ему нужен человек для страхового агентства на случай, если жемчужины действительно существуют. Сайп отдаст их Пилеру, и так далее. Я не ошибся?

Кэйти вздохнула:

— Да, он с тобой поговорит. Он чего-то боится. Ты можешь пойти сейчас, пока он еще не нанюхался?

— Хорошо, если ты так хочешь...

Она достала из сумки плоский ключ и написала адрес на листке из моего блокнота. Потом она медленно поднялась.

— Дом состоит из двух половин, в каждую есть отдельный вход. Внутри дверь, закрытая на ключ с моей стороны. Это на случай, если он не откроет.

— Хорошо,— я выпустил дым в потолок и посмотрел на Кэйти. Она подошла к двери, постояла, вернулась и сказала, глядя в пол:

— Мое участие, конечно, незначительно, если можно вообще о нем говорить. Но если бы у меня была тысчонка-другая к тому времени, как Джонни освободится...

— То тебе, может быть, удалось бы сделать из него человека. Это несбыточная мечта, Кэйти, всего лишь мечта. Но если осуществится, ты получишь ровно одну треть.

Она глубоко вздохнула и с благодарностью посмотрела на меня, затем подошла к двери, постояла возле нее и опять вернулась.

— Вот еще что... Я о Сайпе. Он ведь отсидел пятнадцать лет и за все расплатился. Тяжело расплатился. Тебе не кажется, что мы поступаем по отношению к нему слишком подло?

Я покачал головой:

— Он ведь их украл, так? Убил человека. На что он живет?

— У него состоятельная жена, а он забавляется золотыми рыбками.

— Золотыми рыбками? Черт бы его взял!

Кэйти вышла.

В последний раз, когда я был в окрестностях Серого озера, я помогал Берни Олсу — сотруднику окружной прокуратуры — прикончить гангстера по имени Поук Эндрюс. Но это было выше и дальше от озера. Дом Кэйти располагался ближе к подножию холма, возле дороги, кольцом огибавшей его. От дороги его отделяла потрескавшаяся стена. За домом было несколько незастроенных участков.

Когда-то дом принадлежал двум хозяевам, поэтому он имел две входные двери и два крыльца. На одной из дверей висела табличка: «Звоните в 1438».

Я оставил машину, поднялся по ступенькам между двумя рядами гвоздик и, одолев еще один подъем, остановился перед дверью с табличкой. Очевидно, это был вход для жильцов. Я позвонил. Никто не ответил, и я пошел к другой двери. Там тоже никто не ответил.

Пока я стоял у двери, из-за поворота выехал серый додж, а сидевшая в нем стройная девушка в голубом окинула меня взглядом. Кроме нее, я не заметил в машине никого. Не обратил внимания. Не думал, что это может быть важно.

Я воспользовался ключом Кэйти и вскоре уже вдыхал аромат кедрового масла в ее гостиной. В ней была весьма скромная мебель, чистые занавески и полоса света на полу. Квартира состояла из небольшой столовой, кухни, спальни Кэйти, ванной и еще одной спальни в передней части дома, которую использовали как гардероб. Здесь я и нашел дверь, ведущую в другую половину дома.

Открыв эту дверь, я оказался как бы по другую сторону зеркала. Все, кроме мебели, располагалось здесь в обратном порядке. В этой половине дома гостиная была переделана в спальню, но вид у нее был какой-то нежилой.

Я прошел в глубь дома, мимо ванной, и постучал в дверь комнаты, расположенной аналогично спальне Кэйти в ее квартире.

Никто не ответил. Я повернул дверную ручку и вошел. Лежавший на кровати маленький мужчина и был, очевидно, Пилером Мардо. Прежде всего я увидел его пятки, свисавшие с кровати и голые, хотя Мардо был в брюках и рубашке. Его ноги были связаны в щиколотках.

Пятки были сожжены до самого мяса. Несмотря на открытое окно, в комнате жутко воняло горелым мясом.

Стоявший на столе утюг был включен. Я нагнулся и выключил его.

Затем я вернулся в кухню Кэйти, отыскал в холодильнике бутылку «Бруклин Скотч», изрядно к ней приложился и несколько секунд глубоко дышал, глядя в окно. За домом была узкая бетонная дорожка и зеленые деревянные ступени, спускавшиеся к улице.

Я вернулся в комнату Мардо. На спинке стула висел коричневый, в красную полоску, пиджак. Карманы были вывернуты, а их содержимое валялось на полу.

На Мардо были брюки от костюма, карманы были вывернуты тоже. На кровати валялись ключи, носовой платок, немного мелочи, рядом лежала металлическая коробочка, похожая на пудреницу, из которой высыпалось немного белого блестящего порошка. Кокаин.

Пилер был невысок — не более пяти футов четырех дюймов, с жидкими каштановыми волосами и большими ушами. Глаза у него были какого-то неопределенного цвета, очень широко раскрытые и абсолютно мертвые. Широко раскинутые руки были связаны в запястьях веревкой, пропущенной под кроватью.

Я осмотрел его, но не нашел никаких следов насилия, помимо сожженных пяток. Ни единой царапины. Причина смерти — шок или слабое сердце, а может быть, и то и другое. Труп еще не остыл. Кляп во рту был теплым и влажным.

Я вытер все, к чему прикасался, и посмотрел в окно, прежде чем выходить из дома.

В половине четвертого я вошел в холл гостиницы «Мэншен Хаус», подошел к табачному киоску в углу и попросил пачку «Кэмела».

Кэйти Хорн бросила мне пачку, опустила сдачу в нагрудный карман моего пиджака и одарила меня своей профессиональной улыбкой.

— Ну как? Что-то ты быстро,— она покосилась на пьяницу, тщетно пытавшегося прикурить от старой кремниевой зажигалки.

— Соберись с духом. У меня плохие новости.

Кэйти повернулась и бросила алкашу коробку спичек. Он неуклюже взял коробку, уронил ее вместе с сигарой, подобрал и отошел от прилавка, затравленно оглядываясь и как будто ожидая пинка под зад.

Холодный и пустой взгляд Кэйти был направлен мимо меня.

— Я готова,— прошептала она.

— Тебе достанется половина. Пилер выбыл. Его прикончили в собственной постели.

Она закрыла глаза. Рука, лежавшая на прилавке, сжалась в кулак; вокруг рта появилась белая полоска. Больше никакой реакции.

— Слушай и ничего не говори, пока я не закончу. Он умер от шока. Кто-то прижигал ему ноги электрическим утюгом. Не твоим, я проверил. Думаю, что он умер довольно быстро и ничего не сказал. У него во рту был кляп. Когда я туда шел, честно говоря, считал все это чепухой. Теперь я в этом вовсе не уверен. Если он успел что-то сказать, то проиграли и мы и Сайп, если я не сумею найти его быстрее, чем они. Эти мерзавцы не остановятся ни перед чем. А если Пилер не проболтался, у нас еще есть время.

Она повернула голову и принялась сосредоточенно разглядывать дверь-вертушку. На ее щеках появились белые пятна.

— А что же делать мне? — прошептала она.

Я открыл коробку с сигаретами и бросил туда ключ от дома. Кэйти ловко подхватила его и зажала в руке.

— Ты вернешься домой и обнаружишь труп. Ты ничего не знаешь. О жемчугах и обо мне не упоминай. По отпечаткам пальцев полиция узнает, что он сидел, и решит, что кто-то свел с ним старые счеты.

Я распечатал пачку, закурил сигарету и посмотрел на Кэйти. Она не шелохнулась.

— Сумеешь сыграть? Если нет, скажи сразу.

— Конечно, сумею,— ее брови взметнулись.— Разве я похожа на человека, способного пытать?

— Ты замужем за жуликом,— безжалостно проронил я.

Она покраснела. Этого я и добивался.

— Он не жулик, а просто дурак. В таком деле меня не заподозрят даже наши фараоны.

— Хорошо, пусть так. В конце концов, убийство нас не касается. А если мы проболтаемся, то можно будет распрощаться с нашими денежками.

— Это уж как пить дать. Бедняга Пилер,— она едва не расплакалась.

Я похлопал ее по плечу, ободряюще улыбнулся и вышел.

Страховое общество «Рилайенс» занимало три небольших невзрачных комнаты в здании Грасса. Эта фирма была уже достаточно солидной, чтобы заботиться о своей рекламе. Директором отделения был некто Лутин, лысоватый мужчина средних лет со спокойным взглядом и тонкими пальцами, в которых он держал пятнистую сигару. Он сидел за большим столом и приветливо разглядывал мой подбородок.

— Кармади? Я о вас слышал,— он коснулся моей визитной карточки своим блестящим ногтем.— Что вас сюда привело?

Я размял сигару и понизил голос.

— Вы помните жемчужины Линдера?

Он медленно и чуть-чуть устало улыбнулся.

— Вряд ли такое забудешь. Они обошлись нашей фирме в сто пятьдесят тысяч долларов. Тогда я еще был дерзким и молодым сопляком.

— У меня есть одна мыслишка. Может быть, она не стоит выеденного яйца. Скорее всего. Однако я хочу рискнуть. Вы все еще готовы заплатить за жемчужины двадцать пять кусков?

В ответ он фыркнул:

— Двадцать кусков, Кармади. Остальное мы потратили сами. Вы зря теряете время.

— Это мое время. Значит, двадцать. Я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Какого рода?

— Вы можете дать мне рекомендательное письмо в другие ваши отделения? На случай, если придется выехать за пределы штата и там потребуется помощь местных властей.

— Куда за пределы штата?

Я улыбнулся. Он постучал сигарой по краю пепельницы и улыбнулся мне в ответ. Никто из нас не улыбался искренне.

— Я не могу дать вам такого письма. Нью-Йорк будет против. Мы сами по себе. Но вы можете рассчитывать на неофициальную помощь. И на двадцать кусков, если что-то получится. Конечно, этого не будет.

Я закурил сигару, откинулся в кресле и пустил дым в потолок.

— Нет? Почему вы так считаете? Вы ведь так и не нашли эти шарики. Но они ведь были. Или нет?

— Еще как были! И если они еще существуют, то

принадлежат нам. Однако двести кусков не проваливаются на двадцать лет сквозь землю, чтобы потом появиться опять.

— Но я же трачу свое время.

Он стряхнул с сигары пепел и искоса посмотрел на меня.

— Мне нравится ваша наглость, даже если у вас не все дома. Но у нас серьезная организация. Допустим, я организую за вами слежку, что тогда?

— Тогда я проиграю. Я узнаю, что за мной следят. Я не новичок и быстро это обнаружу. Я все брошу, выложу все полиции и пойду домой.

— Почему?

Я наклонился к нему.

— Потому,— медленно проговорил я,— что человека, который что-то знал, убрали сегодня утром.

— Вот как! — Лутин почесал нос.

— Его убрал не я.

Некоторое время мы оба молчали, потом Лутин сказал:

— Вам ни к чему это письмо, вы бы все равно не стали носить его при себе. А после того, что вы мне рассказали, я тем более не мог бы вам его дать.

Я встал, широко улыбнулся и направился к двери. Лутин очень быстро вскочил, обежал вокруг стола и положил мне на плечо свою маленькую руку.

— Я понимаю, что это безумие, но если у вас что-то получится, действуйте от нашего имени. Нам нужна реклама.

— А мне что с того?

— Двадцать пять кусков.

— Я думал, что двадцать.

— Двадцать пять. И все равно вы сумасшедший. У Сайпа вообще не было этих жемчужин. Если бы они у него были, он бы уже давно попробовал с нами сторговаться.

— Ну, хорошо, у вас было достаточно времени на раздумья.

Мы пожали руки, улыбаясь при этом как два мошенника, которые знают, что не сумеют друг друга надуть, но тем не менее пытаются это сделать.

Без четверти пять я вернулся в свое бюро, выпил пару рюмок, набил трубку и решил пораскинуть мозгами. В этот момент зазвонил телефон.

— Кармади? — спросил женский голос. Он был уверенным и холодным. Я его не знал.

— Да.

— Советую навестить Раша Мэддера. Знаешь такого?

— Нет,— соврал я.— С какой стати я должен его навещать?

В ответ я услышал ледяной смех.

— По поводу человека с больными ногами.

В трубке щелкнуло. Я положил ее, зажег спичку и разглядывал стену, пока огонь не обжег мне пальцы.

Раш Мэддер был адвокатом с сомнительной репутацией, он работал в здании Куорна.

Он навязывал свои услуги пострадавшим от несчастных случаев, организовывал липовые алиби — в общем, проворачивал делишки с запашком за очень небольшие деньги. Однако я не слышал, чтобы он занимался более серьезными делами, например прижиганием ног.

На Спринг-стрит было заметно приближение конца рабочего дня. Вдоль тротуаров выстраивались пустые такси; секретарши потихоньку собирались домой; один за другим гремели трамваи, а полицейские не давали водителям сделать законный левый поворот.

Узкий фасад здания Куорна был какого-то горчичного цвета, возле дверей стояла коробка, заваленная искусственными зубами. В списке я нашел несколько дантистов, специалистов по обучению курьерской профессии, несколько фамилий без обозначения профессий и несколько номеров без фамилий. Адвокат Раш Мэддер занимал 619-й кабинет.

Я вышел из разболтанной кабины лифта, посмотрел на грязную плевательницу на грязном резиновом коврике, прошел по коридору, пропитанному запахом окурков, и дернул ручку застекленной двери с номером 619. Дверь была закрыта. Я постучал.

На матовое дверное стекло упала чья-то тень, затем дверь со скрипом открылась. Передо мной стоял плотный мужчина с круглым и мягким подбородком, густыми черными бровями, жирной кожей и усиками а-ля Чарли Чэн, с которыми его лицо казалось еще больше и шире.

Он протянул для пожатия два желтых от никотина пальца.

— Так-так, знаменитый детектив собственной персо-

ной. Всевидящее око. Мистер Кармади, если не ошибаюсь.

Я вошел в кабинет и ждал, когда закроется дверь. Голые стены, бурый линолеум вместо ковра, плоский стол и еще один стол под прямым углом к первому, зеленый сейф, не более огнеупорный, чем бумажная сумка для продуктов, два ящика для документов, стенной шкаф и умывальник в углу у двери.

— Так-так, садитесь,— сказал Мэддер,— рад вас видеть.— Он суетливо обошел вокруг стола, поправил на стуле подушку и сел на нее.— Молодчина, что зашли. У вас ко мне какое-то дело?

Я сел, засунул в рот сигарету и принялся, ни слова не говоря, разглядывать Мэддера. Он начал потеть, потом схватил карандаш и начал что-то писать в блокноте, затем украдкой взглянул на меня и снова уставился в блокнот. Наконец он проронил, не отрывая взгляда от блокнота:

— Вы что-то хотели сказать?

— О чем?

— О нашем возможном сотрудничестве. Например, в ювелирной области,— он не смотрел на меня.

— Что это была за девица?

— Что? Какая девица? — Он по-прежнему не смотрел на меня.

— Которая мне звонила.

— Вам кто-то звонил?

Я потянулся к его старомодному телефону с висячей трубкой, снял ее с крюка и очень медленно стал набирать номер полиции. Я знал, что он знает этот номер, как свою шляпу.

Мэддер протянул руку и опустил ее на рычаг.

— Послушайте,— плаксиво сказал он.— К чему вся эта спешка? Зачем вызывать фараонов?

— Они были бы не прочь с вами побеседовать,— медленно проговорил я.— Поскольку вы знаете девчонку, которая знает человека с больными ногами.

— Неужели нельзя иначе? — Его воротник вдруг стал ему очень тесен. Мэддер рванул его пальцами.

— Можно, только не надо думать, что я буду сидеть здесь и выносить ваши психологические тесты.

Мэддер открыл плоскую коробку с сигаретами и засунул одну из них в рот с таким звуком, словно откусил при этом палец. Его рука дрожала.

— Хорошо,— хрипловато сказал он.— Хорошо. Не стоит горячиться.

— Хватит морочить голову,— рявкнул я.— К делу. Если вы собираетесь предложить мне работу, то она наверняка слишком воняет, чтобы я захотел об нее пачкаться. Но я, во всяком случае, послушаю.

Мэддер кивнул. Он успокоился, поняв, что я блефую. Выпустив струйку дыма, Мэддер смотрел, как она поднимается вверх.

— Хорошо,— спокойно сказал он.— Я тоже иногда ломаю дурака. Но мы не идиоты. Кэрол видела, как вы вошли в дом, а потом вышли. Полиция не появилась.

— Кэрол?

— Кэрол Донован, моя знакомая. Это она вам звонила.

Я кивнул:

— Продолжайте.

Он молчал. Просто сидел в своем кресле и глуповато таращился на меня.

Я с улыбкой наклонился к нему.

— Вот что вас беспокоит,— сказал я.— Вы не знаете, зачем я туда приехал и почему не настучал потом в полицию. Очень просто: я думал, что это секрет.

— Мы здесь играем в кошки-мышки,— кисло заявил он.

— Согласен. Поговорим о жемчужинах. Это вас больше устроит?

Глаза Мэддера сверкнули. Он хотел было придать себе возбужденный вид, но раздумал. Понизив голос, он холодно проронил:

— Кэрол как-то сняла этого малого. Чокнутый субъект. Нажрался порошка. Он постоянно возвращался к одной теме. Болтал о жемчужинах, о каком-то старом типе на северо-западе Канады, который давным-давно свистнул их и все еще где-то прячет. Он только не хотел сказать, как зовут этого типа и где он живет. Избегал этой темы. Сам не знаю почему.

— Может быть, он хотел, чтобы ему прижгли ноги.

Губы Мэддера задрожали, на его лбу снова проступила испарина.

— Я этого не делал,— хрипло выдавил он.

— Вы или Кэрол — какая разница? Он мертв. Из этого можно сделать дело об убийстве. Вы не узнали, что хотели. Поэтому я здесь. Вы думаете, что я располагаю

информацией, какую вам не удалось узнать. Чепуха. Если бы я знал, меня бы здесь не было; а если бы вы это знали, то вы бы не звали меня. Верно?

Он улыбнулся очень медленно, словно это причиняло ему боль, затем с усилием выпрямился, выдвинул нижний ящик стола и достал симпатичную бурую бутылку и два полосатых стакана.

— Нас двое,— прошептал он,— вы и я. Кэрол я исключаю. Черт возьми, Кармади, она слишком твердая. Немало я повидал твердых дамочек, но у этой просто нет сердца. И кто бы мог такое подумать, глядя на нее. Вы со мной согласны?

— А я ее видел?

— Кажется, да. Она говорит, что да.

— Ах, это та девчонка из доджа.

Он утвердительно кивнул, наполнил оба стакана, поставил бутылку на стол и поднялся.

— Я пью с водой, а вы?

— Я нет. На что я вам нужен? Я не знаю ничего сверх того, что здесь слышал. Или чуть-чуть больше. Наверняка вам известно больше, раз уж вы решились так далеко зайти.

Он искоса посмотрел на меня поверх стаканов.

— Я знаю место, где за жемчужины Линдера можно получить пятьдесят кусков: вдвое больше, чем вам пообещали. Если их поделить, каждый получит свое. Мне нужно прикрытие, чтобы работать открыто. Кто-то вроде вас. Ну так что, вам с водой или без?

— Без.

Он подошел к умывальнику, включил кран и вернулся с наполовину наполненным стаканом. Затем Мэддер сел и с улыбкой поднял его. Мы выпили.

До того момента я совершил четыре ошибки. Первая заключалась в том, что я вообще впутался в это дело, даже если и сделал это ради Кэйти Хорн. Вторая была в том, что я не вышел из игры после обнаружения трупа Пилера Мардо. Третья состояла в том, что я позволил Мэддеру сориентироваться, что знаю, о чем он говорит. Четвертой, самой грубой ошибкой, был виски.

Глотая, я ощутил странный привкус. Затем наступил момент прояснения, когда я понял — так отчетливо, словно видел это собственными глазами,— что он поменял

свой стакан на спрятанный в шкафу, другой, с чем-то безвредным.

Некоторое время я сидел неподвижно, сжимая в пальцах пустой стакан и собираясь с силами. Лицо Мэддера стало большим, луноподобным и расплывчатым. Он наблюдал за мной; на губах, под усиками а-ля Чарли Чэн, то появлялась, то исчезала улыбка.

Я сунул руку в задний карман брюк и достал оттуда небрежно свернутый носовой платок. Мне казалось, что завернутый в него грузик не виден. Мэддер, во всяком случае, не двигался, хотя сначала потянулся было рукой под пиджак.

Я встал со стула, бессильно качнулся вперед и вмазал Мэддеру по темечку. Он разинул рот и попытался встать. Я добавил ему по челюсти. Под ним подогнулись ноги. Его рука неловко высунулась из-под пиджака и перевернула стоявший на столе стакан. Я поставил стакан на место и некоторое время молча прислушивался, борясь с охватившей меня волной тошноты.

Я подошел к двери в соседнюю комнату и попробовал ее открыть. Дверь не поддавалась. Я уже шатался из стороны в сторону, но сумел подтащить к входной двери стул и заблокировал его спинкой дверную ручку. Затем я прислонился к двери, тяжело при этом дыша, стиснув зубы и проклиная самого себя. Потом я достал наручники и двинулся к Мэддеру.

Из одежного шкафа вышла очень красивая черноволосая девушка с серыми глазами и направила на меня револьвер 32-го калибра. Она была одета в элегантный голубой костюм. Из-под надвинутой на брови шляпы блюдцем торчали блестящие черные волосы. Взгляд темно-серых глаз был холодным и в то же время каким-то беспечным. Лицо ее было свежим, молодым, но выражение его при этом — твердое как камень.

— Молодец, Кармади. Ляг и проспись. Ты проиграл.

Я сделал к ней неуверенный шаг, взмахнув утяжеленным платком. Она покачала головой. Мне показалось, что от этого движения ее лицо увеличилось. Его контуры колебались и расплывались. Дуло походило то на темный круг тоннеля, то на зубочистку.

— Не дури, Кармади. Проспись несколько часов, а мы выиграем время. Не вынуждай меня стрелять. Я могу.

— Черт возьми,— пробормотал я.— Я в этом не сомневаюсь.

— Ну и правильно, котик. Я из тех дам, что умеют настоять на своем. Молодец. Садись.

Пол резко подпрыгнул и ударил меня под зад. Я сидел на нем, как на плоту, плывущем по бурному морю. Я пытался оттолкнуться от пола, но почти не чувствовал его. Мои ладони онемели, все мое тело онемело.

Я попытался смерить девушку взглядом.

— Ха-ха,— хохотнул я.— Убийца в юбке.

Она холодно рассмеялась, но ее голос почти не доходил до меня. У меня в голове били барабаны, боевые тамтамы далеких джунглей. Я видел движущиеся полосы света и теней и слышал шепот, похожий на тот, что издают вершины деревьев под порывами ветра. Я не хотел ложиться. Но лег. Откуда-то издалека до меня доносился тонкий голос девушки:

— Значит, вас двое? Ему не нравятся мои методы. Господи, благослови его большое и доброе сердце!

Погружаясь в забытье, я отчетливо услышал какой-то глухой звук, возможно, это был выстрел. Я с радостью подумал: вдруг она застрелила Мэддера, но ошибся. Она просто помогла мне отключиться — при помощи моего же грузика.

Когда я оклемался, был уже вечер. Я услышал над собой какой-то треск. В открытом окне появился сноп желтого света. Треск повторился, и свет погас. Должно быть, это была неоновая реклама на крыше.

Я отодрался от пола, словно вылез из вязкого болота. Добравшись до умывальника, я ополоснул лицо водой, потрогал темя и скривился от боли. Потом я дотащился до двери и нащупал выключатель.

Вокруг стола были разбросаны бумаги, сломанные карандаши, конверты, пустая бутылка из-под виски, окурки сигарет и пепел. Короче говоря, мусор от быстро опорожняемых ящиков. Я не удосужился их перетряхнуть.

Я вышел из кабинета, спустился вниз на дребезжащем лифте и выпил в уличном баре рюмочку бренди. Потом я нашел свою машину и поехал домой.

Дома я переоделся, выпил немного виски и поднял трубку зазвонившего телефона. Была половина десятого.

— Значит, ты еще не уехал,— услышал я голос Кэйти Хорн.— Я не зря надеялась тебя застать.

— Ты одна? — хрипло спросил я.

— Да, но совсем с недавних пор. Несколько часов здесь кишмя кишело фараонами. Они даже были весьма милы: отнеслись с пониманием. Они считают, что это какие-то старые счеты.

— А теперь наверняка подслушивают твой телефон,— проворчал я.— А куда я, по-твоему, собирался ехать?

— Ну... ты же знаешь. Мне сказала твоя девушка.

— Невысокая брюнетка? Очень уравновешенная. Ее имя Кэрол Донован?

— У нее была твоя визитная карточка. Значит, это была не...

— У меня нет никакой девушки. Держу пари, что во время разговора ты невольно упомянула название одного города на севере, так?

— Да,— неуверенно протянула Кэйти.

Ночным самолетом я улетел на север.

Полет был бы вполне приятным, если бы у меня не болела голова и я не мечтал бы всю дорогу о ледяной воде.

Гостиница «Снокуолми» в Олимпии стояла на Кэпитол-Уэй и выходила фасадом на городской парк, занимавший целый квартал. Я вышел на улицу через дверь кафе и спустился вниз по холму до того места, где наиболее вдающаяся в сушу часть залива Пьюджет-Саунд разбивалась о ряд заброшенных причалов. Все окрестности были забиты аккуратно сложенными дровами, какие-то старики бесцельно слонялись среди поленниц или курили трубки, сидя на ящиках под табличками с надписью: «Дрова и щепки для растопки. Доставка бесплатно».

За их спинами возвышалась невысокая скала, на фоне серо-голубого неба маячили огромные северные сосны.

На двух ящиках, ярдах в двадцати друг от друга, сидели два старика и делали вид, что не замечают друг друга. Я неторопливо подошел к одному из них. Он был одет в вельветовые штаны и нечто, бывшее когда-то красно-черной шерстяной курткой, на его голове была старая фетровая шляпа, такая грязная, словно ее носили уже лет двадцать. В одной руке он сжимал короткую черную трубку; грязные пальцы другой руки медленно,

с осторожным самозабвением пытались вырвать торчавший из его носа длинный волос.

Я поставил один из ящиков на попа, сел, набил трубку табаком, закурил и выдохнул струю дыма.

— Кто бы мог подумать, что нечто такое связано с Тихим океаном,— сказал я, небрежным жестом указав на воду.

Старик посмотрел на меня.

— Тупик... спокойный и сонный, похожий на ваш городок,— продолжал я.— Люблю такие городки.

Он продолжал молча разглядывать меня.

— Я бы мог поспорить, что здешние старожилы знают всех жителей города и его окрестностей.

— На сколько поспорить?

Я достал из кармана серебряный доллар. Некоторое их количество еще было в обращении. Старик разглядел доллар, кивнул, резким движением вырвал из носа длинный волос и принялся рассматривать его на свету.

— Проиграли бы,— сказал он.

Я положил монету на колено.

— Знаете кого-нибудь, у кого есть много золотых рыбок?

Старикан уставился на монету. Сидевший неподалеку второй дед, в комбинезоне и башмаках без шнурков, тоже уставился на монету. Они оба одновременно сплюнули.

Первый старикан повернул голову и гаркнул что было мочи:

— Знаешь кого-нибудь, кто разводит золотых рыбок?

Второй старикан подпрыгнул, схватил топор, поставил колоду на попа и тяпнул по ней, расколов точно пополам. Взглянув на первого старикана с торжеством, крикнул:

— Нет!

— Малость глуховат,— сказал первый старик, медленно встал и направился к бараку, сколоченному из старых досок разной длины. Он вошел в барак и громко хлопнул дверью.

Второй старик обиженно бросил топор, плюнул в сторону закрытой двери и отошел к штабелям дров.

Дверь барака приоткрылась, и старик в шерстяной куртке высунул в нее голову.

— Только вонючие крабы,— сказал он и снова хлопнул дверью.

Я спрятал доллар в карман и пошел обратно. Обучение их языку заняло бы слишком много времени.

Кэпитол-Уэй тянулась с севера на юг. Мимо проехал темно-зеленый трамвай, направляющийся к станции под названием Тамуотер.

Вдалеке виднелись здания правительства штата. Направляясь на север, я миновал две гостиницы и несколько магазинов и дошел до развилки. Правая дорога вела в Такому и Сиэтл, а левая через мост далеко за город, на полуостров Олимпик.

Сразу за этим перекрестком улица стала неожиданно старой и неухоженной. Шагая по растрескавшемуся асфальту, я прошел мимо китайского ресторана, забитого досками кинотеатра и в конце концов добрался до висевшего над замусоренным тротуаром объявления: «Табаки». Чуть ниже, как будто надеясь, что никто не заметит, кто-то написал: «Бильярд».

Я вошел в лавку мимо полки с броскими журналами и витрины с сигарами, в которой летали мухи.

Слева располагалась длинная деревянная стойка, несколько игорных автоматов и бильярдный стол. У автоматов вертелись трое ребятишек. Высокий и худой мужчина с длинным носом и почти без подбородка играл в бильярд сам с собой; к его губе прилипла потухшая сигарета.

Я устроился перед стойкой, лысый продавец с неприятным взглядом встал со стула, вытер руки о толстый шерстяной фартук и продемонстрировал в улыбке золотой зуб.

— Виски,— сказал я.— Вы знаете кого-нибудь, кто разводит золотых рыбок?

— Да,— сказал он.— Нет.

Он налил что-то за стойкой в стакан и толкнул его мне.

— Двадцать пять центов.

Я понюхал содержимое стакана и поморщился.

— «Да» относится к виски?

Лысый достал из-под стойки большую бутылку с этикеткой, на которой было написано, что «это лучшее виски с юга — произведено по меньшей мере за четыре месяца до продажи».

— О'кей,— сказал я,— вижу, что она здесь недавно.

Я добавил в стакан немного воды и выпил. Если судить по вкусу, то это вполне могла быть разведен-

ная водой культура холеры. Я положил на прилавок двадцатипятицентовую монету. Бармен продемонстрировал золотой зуб с другой стороны рта, схватился за стойку обеими руками и выпятил в мою сторону подбородок.

— Вы что-то спросили? — тихо поинтересовался он.

— Я здесь недавно. Ищу золотых рыбок для витрины. Золотые рыбки.

— Разве я похож на человека, у которого могут быть знакомые с золотыми рыбками? — очень медленно проговорил продавец. Его лицо несколько побледнело.

Длинноносый, игравший сам с собой в бильярд, положил кий на полку, быстро подошел к стойке, устроился рядом со мной и бросил на стойку пятицентовую монету.

— Налей-ка мне выпить, пока не помочился в штаны,— бросил он продавцу.

Тот с заметным усилием оторвался от стойки. Я посмотрел, не оставили ли его пальцы вмятин на деревянной поверхности стойки. Он налил в стакан кока-колу, помешал ее палочкой, глубоко вдохнул воздух и выпустил его через нос, потом что-то пробурчал и поспешил к двери с надписью: «Туалет».

Длинноносый поднес стакан ко рту, не отрывая глаз от висящего на стене грязного зеркала. Левая сторона его рта чуть заметно пошевелилась. Я услышал бархатный голос:

— Как там Пилер?

Я потер указательный палец о большой, поднес их к носу, понюхал и грустно покачал головой.

— Все еще нюхает?

— Да. Не расслышал вашего имени...

— Зови меня Сансет [1]. Я все время двигаюсь на запад. Ты думаешь, он не проболтается?

— Не проболтается.

— Как тебя кличут?

— Додж Уиллис. Из Эль-Пасо.

— У тебя здесь есть какой-нибудь угол?

— Номер в гостинице.

Он поставил пустой стакан.

— Пошли, поболтаем.

---

[1] Сансет — закат солнца (англ.).

Мы поднялись ко мне в номер, сели и принялись разглядывать друг друга через стаканы с виски и имбирным элем. Сансет изучал меня взглядом, лишенным какого бы то ни было выражения, постепенно оценивая меня и делая какие-то выводы.

Я потягивал из стакана и ждал. Затем он проронил по-тюремному, не разжимая губ:

— Чего Пилер сам не приехал?

— По той причине, по которой не остался здесь в прошлый раз.

— То есть?

— Догадайся сам.

Он кивнул, как будто мои слова действительно имели какой-то смысл. И добавил:

— Какова окончательная цена?

— Двадцать пять кусков.

— Чушь,— твердо, даже грубовато бросил Сансет.

Я откинулся на спинку стула и закурил сигарету. Выпустив дым в открытое окно, я смотрел, как его подхватывает ветер и разрывает на куски.

— Послушай,— недовольно сказал Сансет.— Я тебя никогда и в глаза не видел. Может быть, ты и свой малый, а мне-то откуда это знать?

— Так чего же ты меня подобрал?

— Но ты же сказал пароль, так?

Тут я ухмыльнулся и пошел ва-банк:

— Да, пароль «золотые рыбки». Место встречи — табачная лавка.

Отсутствие реакции Сансета подсказало мне, что я был прав. Это было одно из тех попаданий, о которых не мечтаешь даже во сне. Но даже и во сне их не используешь как следует.

— Ну и что дальше? — вторя моим мыслям, спросил Сансет. Он выудил из стакана кусочек льда и принялся его сосать.

— Ну ладно, Сансет,— я рассмеялся.— Я понял, что ты осторожничаешь. Так можно тянуть неделями. Карты на стол. Где старик?

Сансет поджал губы, облизал их и снова поджал. Он очень медленно поставил стакан, и его правая рука свободно повисла вдоль бедра. Я понял, что совершил ошибку — Пилер совершенно точно знал местонахождение Сайпа. Следовательно, я тоже должен был его знать.

Ничто в голосе Сансета не выдало, что я ошибся.

— Ты хочешь, чтобы я выложил карты на стол, а ты бы их хорошенько разглядел,— зло бросил он,— черта с два!

— Тогда начнем иначе,— рявкнул я.— Пилер мертв.

У него дрогнула одна бровь и уголок рта. Глаза его стали еще более пустыми, совершенно отсутствующий взгляд. Его голос напомнил шуршание пальца по сухой коже:

— Как это случилось?

— Конкуренция, о которой вы оба не знали,— я откинулся и улыбнулся.

В руке Сансета мягким металлическим блеском сверкнул револьвер. Я не заметил, откуда он взялся. На меня смотрело круглое, темное и пустое дуло.

— Не на того напал,— безжизненным голосом проронил Сансет.— Я не подстилка для шантажистов.

Я скрестил руки на груди, обратив особое внимание на то, чтобы он хорошо видел мою правую руку.

— Верно, если бы я тебя дурачил. Но это не так. Пилер спутался с одной девчонкой, и она кое-что из него выудила, но не до конца. Он не сказал ей, где искать старика. Тогда она навестила Пилера на его квартире вместе со своим приятелем. К его ступням прикладывали горячий утюг. Пилер умер от шока.

На Сансета мои слова как будто не произвели никакого впечатления.

— Я могу много чего выслушать,— проронил он.

— Я тоже,— рявкнул я снова, изображая ярость.— Ты ведь еще ни черта не сказал, помимо того, что знаешь Пилера.

Он крутанул револьвер вокруг указательного пальца и посмотрел, как он вертится.

— Сайп в Уэстпорте,— спокойно сказал он.— Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Да. Шарики при нем?

— А я откуда знаю, черт возьми? — Он перестал крутить револьвер, опустил его. Теперь оружие уже не было направлено в мою сторону.

— А где конкуренция, о которой ты говорил?

— Надеюсь, что сумел от них оторваться. Хотя не уверен. Я могу опустить руки и выпить?

— Да. Рассказывай дальше. Откуда ты взялся?

— Пилер снимал комнату у жены моего приятеля, который сидит. Это честная женщина, ей можно дове-

рять. Он взял ее в долю, а она привлекла меня, уже после его смерти.

— После того, как его убрали? Как вы собираетесь делиться? Делитесь как хотите, но половина моя.

Я допил виски и поставил на стол пустой стакан.

— Черта с два!

Револьвер в его руке подпрыгнул, но тут же снова опустился.

— Сколько всего человек? — недовольно спросил он.

— Трое, после того как выбыл Пилер. Если справимся с конкуренцией.

— С этими прижигателями пяток? Как они выглядят?

— Мужчину зовут Раш Мэддер, он адвокат с сомнительной репутацией, ему около пятидесяти лет, полный, с закрученными усиками, рост пять футов девять дюймов, вес около ста восьмидесяти фунтов, слабак. Девчонку зовут Кэрол Донован, у нее длинные черные волосы, серые глаза и тонкие черты лица. Она довольно симпатичная, возраст лет двадцать пять — двадцать восемь, рост пять футов два дюйма, вес сто двадцать фунтов. Когда я ее видел в последний раз, она была в голубом. Твердая, как скала. Она за главного.

Сансет безразлично кивнул и убрал револьвер.

— Если будет высовываться, я ее обломаю. У меня дома стоит моя колымага. Поедем в сторону Уэстпорта и там осмотримся. Может, ты сумеешь подкатить к нему с рыбками. Говорят, он на них свихнулся. Я буду держаться в тени. Он долго сидел и раскусит меня в два счета. По запаху параши.

— Отлично,— с энтузиазмом заявил я.— Я тоже большой любитель золотых рыбок.

Сансет взял бутылку, плеснул себе в стакан виски и залпом выпил. Затем он встал и поправил воротничок.

— Только не ошибись, парень. Тебе придется туго. Надо будет выдавить из него всю правду. Если придется, стянуть...

— Порядок, за нами страховая компания.

Сансет одернул полы пиджака и почесал тощую шею. Я надел шляпу, спрятал виски в сумку, стоявшую возле моего стула, подошел к окну и закрыл его.

Мы двинулись к двери, но едва я взялся за ручку, как раздался стук. Я жестом приказал Сансету, чтобы он отступил к стене. Я разглядывал дверь в течение нескольких секунд, потом открыл ее.

На меня смотрели два револьвера: маленький, 32-го калибра, и большой — «смит-вессон». Те, кто их держал, не могли протиснуться в дверь одновременно. Первой вошла девушка.

— Привет, сыщик,— сухо сказала она.— Подними руки. Посмотрим, сумеешь ли ты достать ими до потолка.

Я медленно отступил в комнату. Гости напирали на меня с двух сторон. Я запнулся за сумку, упал на спину, ударившись об пол, и со стоном повернулся на бок.

— Руки,— негромко сказал Сансет.— Побыстрее!

Две склонившиеся ко мне головы резко повернулись, я высвободил револьвер и теперь держал его возле бедра, не забывая при этом стонать.

Воцарилось молчание. Я не слышал грохота брошенного оружия. Дверь номера была по-прежнему широко раскрыта. Сансет прижимался к стене, частично прикрытый ею.

— Держи ищейку, Раш,— процедила сквозь зубы девушка.— И закрой дверь. Тощий не может здесь стрелять, как и никто другой.— И затем чуть слышно добавила: — Хлопни дверью.

Раш Мэддер неловко пятился к двери, направив на меня «смит-вессон». Спина его была обращена к Сансету, и он при одной мысли об этом нервно вращал глазами. Я мог без труда его застрелить, но не это было главным. Сансет стоял, широко расставив ноги и высунув язык. В его равнодушных до этого глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Он посмотрел на девушку, а она на него. Их револьверы тоже смотрели друг на друга.

Раш Мэддер добрался до двери и толкнул ее изо всей силы. Я точно знал, что́ сейчас произойдет: как только дверь хлопнет, револьвер девушки выстрелит. Если это произойдет в нужный момент, выстрела никто не услышит.

Я протянул руку, схватил Кэрол Донован за щиколотку и рванул на себя.

Дверь хлопнула, револьвер выстрелил, и пуля угодила в потолок. Девушка развернулась и попыталась меня пнуть.

— Раз вы так, то мы начинаем,— медленно проговорил Сансет приглушенным и проникновенным голосом. Он с треском взвел курок кольта.

Что-то в его голосе заставило Кэрол Донован успокоиться. Она расслабилась, уронила руку с пистолетом и отошла от меня, пронзив ненавидящим взглядом.

Мэддер повернул ключ в двери и прислонился к ней, шумно дыша. Его шляпа сдвинулась на одно ухо, из-под нее выставлялись два кусочка лейкопластыря.

Пока я делал эти наблюдения, никто не двигался. Из холла не доносилось ни звука, никто не поднимал тревогу. Я встал на колени, спрятал револьвер, поднялся и отошел к окну. На тротуаре я не приметил никого, кто бы смотрел вверх, на окна гостиницы «Снокуолми».

Я сел на широкий старомодный подоконник и придал лицу такой смущенный вид, как будто услышал ругательство из уст пастора.

— Этот придурок — твой сообщник? — набросилась на меня девушка.

Я не ответил. Она медленно покраснела, ее глаза вспыхнули. Мэддер протянул к ней руку и нервно сказал:

— Послушай, Кэрол... Послушай минутку... Так мы ничего...

— Заткнись!

— Да,— сдавленно пробормотал Мэддер.— Конечно.

Сансет в третий или четвертый раз смерил девушку ленивым взглядом. Рука с револьвером совершенно свободно лежала на его бедре, он выглядел абсолютно расслабившимся. Я уже видел, как он действует револьвером, и хотелось надеяться, что девушка не совершит глупостей.

— Я о вас слышал,— медленно проговорил он.— Что вы предлагаете? Я бы вас и слушать не стал, но не хочу, чтобы меня упекли в тюрягу за стрельбу.

— Денег хватит всем четверым,— сказала девушка.

Мэддер с готовностью кивнул и почти сумел улыбнуться.

Сансет посмотрел на меня. Я кивнул.

— Хорошо, пусть будет четыре,— он вздохнул.— Но на этом все. Поедем ко мне и выпьем. Здесь мне не нравится.

— Неужели мы похожи на простаков? — вызывающе бросила девушка.

— На простаков, которые убивают,— проронил Сансет.— Я таких достаточно навидался. Поэтому и надо все обговорить. Без стрельбы.

Кэрол Донован извлекла из-под левого плеча замше-

вую сумочку и бросила в нее револьвер. Затем она улыбнулась. В этот момент она была очень красивой.

— Делаю свою ставку,— спокойно сказала она.— Сыграем. Куда едем?

— На Уотер-стрит. Возьмем тачку.

— Ну, пошли, приятель.

Мы вышли из номера, спустились на лифте и как приятели прошли через холл, заваленный оленьими рогами, чучелами птиц и сушеными цветами в стеклянных коробках. Такси проехало по Кэпитол-Уэй мимо площади, большого красного жилого здания, слишком большого для такого городка, даже если это и была столица штата. Мы проехали вдоль трамвайных путей мимо отдаленных зданий правительства штата и высокой ограды резиденции губернатора.

Вдоль тротуаров росли дубы. За стенами сада виднелось несколько внушительных построек. Такси пролетело мимо них и повернуло на дорогу, ведущую к заливу. Вскоре на небольшой полянке среди высоких деревьев показался дом. Вдали, за стволами деревьев, блестела вода. У дома была крытая веранда, а перед ним небольшая лужайка, сплошь заросшая сорняками и кустами. В конце грязной дороги возвышался навес, под ним торчал открытый автомобиль старой модели.

Мы вылезли из такси, расплатились, а потом все вместе смотрели, как оно уезжает.

— Я живу наверху,— сказал Сансет.— Внизу живет учительница. Сейчас ее нет дома. Пойдем наверх, вмажем понемногу.

Мы пересекли лужайку и подошли к крыльцу. Сансет распахнул дверь и указал на узкую лестницу.

— Дама вперед. Веди, красотка. В этом городе дверей не запирают.

Девушка холодно посмотрела на него и прошла к лестнице. Я пошел за ней, за мной последовал Мэддер, Сансет замыкал шествие.

В комнате, занимавшей большую часть второго этажа, было темно от заслонявших свет деревьев. Мансардное окно, широкая постель, засунутая под покатую часть крыши, стол, несколько плетеных стульев, небольшой радиоприемник и круглая черная печь в центре комнаты.

Сансет заглянул на кухню и вернулся с плоской бутылкой и стаканами. Он разлил виски по стаканам, поднял один из них, оставив другие на столе.

Мы взяли свои стаканы и расселись.

Сансет залпом осушил свой стакан и наклонился, чтобы поставить его на стол. Когда он выпрямился, в его руке был кольт.

Во внезапно установившейся тишине я услышал, как Мэддер сглатывает слюну. Губы девушки дернулись, как будто она хотела рассмеяться. Затем она подалась вперед, поставила стакан на сумочку и придерживала его левой рукой.

Сансет медленно поджал губы, они стали тонкой прямой линией.

— Прижигатели ног,— медленно процедил он.— Значит, это вы прижигали ноги моему корешу.

Мэддер поперхнулся и попытался развести свои толстые руки. Дуло кольта метнулось в его сторону. Он положил ладони на колени и сжал их.

Сансет устало продолжал:

— Прижигать парню ноги, чтобы развязать ему язык, а потом преспокойно заваливаться в дом к его дружку! Хорошенькая мыслишка!

— Н-ну л-ладно,— нервно выдавил Мэддер.— И ч-что дальше?

Девушка чуть заметно улыбнулась, но ничего не сказала.

Сансет ухмыльнулся.

— Веревка,— мягко сказал он.— Длинная влажная веревка с узлами. Потом мы с приятелем прокатимся за светлячками — попросту говоря, за жемчугом, а когда вернемся...— Он замолчал и провел ладонью по горлу.— Как тебе это нравится? — Он посмотрел на меня.

— Вполне. Только не надо столько говорить. Где веревка?

— В столе,— ответил Сансет и мотнул головой в сторону угла.

Я двинулся туда, держась стены. Мэддер вдруг издал тонкий писклявый звук, глаза его закатились, и он, бездыханный, рухнул на пол лицом вниз.

Сансет не ожидал такой глупости. Он был потрясен. Его правая рука дернулась и направила револьвер в спину Мэддера.

Девушка сунула руку под сумочку. Сумочка приподнялась на дюйм. Револьвер, лежавший в боковом кармашке (а Сансет считал, что он был внутри), изрыгнул огонь.

Сансет кашлянул. Загрохотал его кольт, и от подлокотника кресла, на котором сидел Мэддер, оторвался кусочек дерева. Сансет выронил оружие, уронил голову на грудь, вывернув при этом шею так, будто пытался посмотреть на потолок. Его длинные ноги выпрямились, и каблуки заскрипели по полу. Так он и сидел, бессильный, опустив подбородок на грудь и устремив взгляд вверх.

Я выпнул из-под мисс Донован стул. Она брякнулась на бок, ее шляпа съехала. Девушка вскрикнула. Я наступил ей на руку и пинком отправил револьвер в противоположный угол комнаты. Туда же я швырнул и ее сумочку с другим револьвером. Она завопила.

— Вставай! — рявкнул я.

Она медленно поднялась и попятилась от меня; закушенная губа и дикие глаза придавали ей сходство со злым зверьком. Она продолжала пятиться, пока не наткнулась на стену. Ее глаза сверкали на мертвенно-бледном лице.

Я взглянул на лежащего Мэддера и подошел к закрытой двери. За ней была ванная. Я повернул ключ и жестом предложил девушке войти.

— Влезай сюда.

Она пересекла комнату на негнущихся ногах. Прошла мимо, почти касаясь меня.

— Погоди минутку, ищейка...

Я затолкнул ее в ванную, захлопнул дверь и повернул ключ. Если бы ей захотелось выпрыгнуть из окна, я был бы только рад этому: я видел эти окна снизу.

Я подошел к Сансету, обыскал его и нащупал в одном из карманов связку ключей. Вытаскивая их, я едва не уронил труп. Ничего, кроме ключей, я не искал. Среди прочих там были и ключи от машины.

Я еще раз посмотрел на Мэддера: его пальцы были белее снега. Я спустился по узкой лестнице и сел в машину. Немного покапризничав, мотор завелся, и машина по грязной дорожке попятилась к выезду. Я не видел и не слышал, чтобы в доме что-то двигалось. Верхние ветви высоких сосен, окружавших дом, слегка колыхались под порывами ветра и пропускали через себя холодные солнечные лучи.

Я вернулся на Кэпитол-Уэй, проехал через центр, мимо площади и отеля «Снокуолми», а затем через мост в сторону Тихого океана и Уэстпорта.

После часа быстрой езды по редколесью под аккомпанемент мотора, который кашлял и чихал, когда мне трижды пришлось останавливаться, чтобы набрать воды, я наконец услышал шум океана. Широкая белая дорога с желтой полосой посередине обогнула подножие холма; на фоне блестящей поверхности океана отчетливо виднелось скопление зданий. Дорога раздвоилась. У левого ответвления стоял указатель с надписью: «Уэстпорт — 9 миль», эта дорога обходила здания стороной, пересекала ржавый железный мост и шла вдоль яблоневых садов, в которых многие деревья были вырваны ураганами.

Еще через двадцать минут я добрался до Уэстпорта — песчаной полосы земли у подножия холма с разбросанными тут и там деревянными домишками. Песчаный мыс оканчивался длинным и узким пирсом, у которого стояли мелкие рыбачьи суденышки с полуспущенными парусами, хлопавшими на ветру. За ними тянулся отмеченный буями канал. Длинная ломаная линия вспенившейся воды указывала место, где поток натыкался на подводную песчаную гряду.

За этой грядой до самой Японии тянулся Тихий океан. Это была крайняя западная оконечность Соединенных Штатов. Прекрасное место для укрытия бывшему заключенному с парочкой чужих жемчужин размером с молодой картофель — при условии, что у него не было врагов.

Я подъехал к домику с вывеской «Завтраки, обеды, ужины». Маленький человечек с веснушчатым кроличьим лицом махал граблями, пугая этим двух черных куриц. При последнем ревматическом вздохе мотора он оглянулся.

Я вышел из машины, вошел через калитку и указал на вывеску:

— Завтрак готов?

Мужчина бросил грабли в куриц, вытер руки о штаны и криво усмехнулся.

— Жена повесила,— поделился он со мной ехидным тоном.— У нас есть только яйца с ветчиной.

— Меня устроят и яйца с ветчиной.

Мы вошли в дом. Три покрытых клеенкой стола, несколько цветных литографий на стенах и парусный корабль в бутылке на каминной полке — вот и все, что там было. Хозяин вышел через вращающуюся дверь на кухню, я услышал чей-то повышенный голос, а затем шипение

сала на сковороде. Хозяин вернулся, перегнулся мне через плечо и положил на стол бумажную салфетку с прибором.

— Для яблочной настойки, пожалуй, рановато, не так ли? — шепотом спросил он.

Я сказал ему, что он сильно ошибается. Он снова вышел и вскоре вернулся с двумя стаканами и графином прозрачной янтарной жидкости. Он сел рядом со мной и наполнил стаканы. На кухне кто-то красивым баритоном пел «Хлою», оттуда же доносилось шипение сала.

Мы чокнулись, выпили и дождались, пока теплота не растеклась по всему телу.

— Вы ведь приезжий? — спросил человечек.

Я сказал, что да.

— Может, из Сиэтла? Хороший у вас костюмчик.

— Из Сиэтла,— согласился я.

— К нам мало кто заезжает,— сказал он, глядя на мое правое ухо.— Всем как-то не по пути. Но до отмены сухого закона...— Он не договорил и перенес свой взгляд на мое левое ухо.

— Да, до отмены сухого закона...— многозначительно повторил я и приложился к яблочной.

Он наклонился и задышал мне в лицо.

— Черт возьми, можно было нагрузиться в любой рыбной посудине на пирсе. Ее привозили сюда под крабами и устрицами. В Уэстпорте ее было хоть пруд пруди. Детишкам давали играть пустыми коробками из-под виски. Во всем городе не было такой машины, которая стояла бы в гараже, мистер. Во все гаражи аж по самую крышу была закачана канадская водица. Черт возьми, один раз на каждой неделе у пирса стоял катер береговой охраны и наблюдал за разгрузкой. Это было по пятницам. Всегда в один и тот же день,— он подмигнул.

Я затянулся сигаретным дымом. С кухни по-прежнему доносилось пение баритона и шипение жира.

— Черт возьми, но вы-то ведь не из-за спиртного дела сюда приехали,— заявил он.

— Конечно, нет. Меня интересуют золотые рыбки.

— Ну ладно,— обидчиво отозвался он.

Я налил еще по стаканчику яблочной.

— За эту бутылку плачу я. И еще парочку я возьму с собой.

Он просиял.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Кармади. Вы думаете, что я вас разыгрываю с золотыми рыбками? Вовсе нет.

— Черт возьми, неужели можно что-то выручить на торговле такой мелочью?

Я вытянул руку и продемонстрировал ему рукав:

— Вы сами сказали, что у меня хороший костюмчик. Нет, на торговле редкими видами можно неплохо заработать. Надо только все время искать новые и новые виды. Я слышал, что в ваших краях живет один старик, у которого целая коллекция золотых рыбок. Может быть, он согласится что-нибудь продать. Из того, что он вывел сам.

Я опять наполнил стаканы. Мощная женщина с усиками пинком открыла дверь и крикнула:

— Забирай свою ветчину с яйцами!

Хозяин суетливо метнулся на кухню и вернулся с пищей для меня. Я принялся за еду. Он не спускал с меня глаз. Вдруг он хлопнул себя по тощему колену.

— Старик Уоллес,— он хохотнул,— конечно, вам нужен старик Уоллес! Черт подери, его почти никто не знает. Сыч сычом.

Он развернулся вместе со стулом и указал через тонкие занавески на отдаленный холм. На вершине холма стоял желто-белый дом, сверкавший в лучах солнца.

— Вон там он и живет. Золотые рыбки, говорите? Их у него целая прорва, разрази меня гром.

Мой интерес к маленькому человечку совершенно угас. Я проглотил пищу, расплатился за нее, взял еще три бутылки яблочной — по доллару за штуку, пожал хозяину руку и вышел из дома к машине.

Торопиться мне как будто было некуда. Раш Мэддер, конечно, оклемается и освободит девчонку. Но им ничего не известно об Уэстпорте. Сансет не упоминал при них это название. Они не знали об Уэстпорте и когда приехали в Олимпию, иначе бы они сразу отправились туда. А если бы они подслушивали под дверью моего номера в гостинице, то они бы знали, что я не один. Но они ворвались ко мне, явно полагая, что у меня никого нет.

У меня был вагон времени. Я поехал к пирсу и осмотрел его. Пирс выглядел вполне крепким. Там были рыбные лавки, питейные заведения, небольшой публичный дом для рыбаков, бильярдная, в которую вел проход, уставленный игровыми автоматами, и кинетоскоп с непристойными картинками. Между сваями извивались и

подскакивали в воде мелкие рыбешки. Несколько бездельников, слонявшихся по пирсу, судя по их виду, могли представлять опасность для всякого, кто рискнул бы совать нос в их дела. Я не заметил поблизости ни одного фараона.

Я поехал вверх по холму к бело-желтому дому. Он возвышался там совершенно одиноко, от ближайших построек его отделяли четыре незастроенных участка. Перед домом был цветник, подстриженная зеленая лужайка и сад камней. Женщина в бело-коричневом ситцевом платье распыляла средство от тли.

Я остановил колымагу, вылез из нее и снял шляпу.

— Здесь живет мистер Уоллес?

У нее было приятное лицо, спокойное и уверенное. Она кивнула.

— Вы хотите его увидеть? — У нее был твердый и спокойный голос. Голос вполне культурного человека. Он не походил на голос жены человека, ограбившего почтовый вагон.

Я назвался, сказал, что слышал в городе о его рыбках и что сам интересуюсь золотыми рыбками.

Она отложила распылитель и вошла в дом. Вокруг меня жужжали пчелы, большие и мохнатые, которым совершенно не мешал холодный ветер с океана. Где-то вдалеке, подобно музыкальному фону, в песчаную гряду ударялись волны. Лучи северного солнца казались мне унылыми и лишенными тепла.

Женщина вышла из дома и распахнула дверь.

— Он наверху,— сказала она.— Если хотите, можете подняться здесь.

Я прошел мимо двух кресел-качалок и вошел в дом человека, который украл жемчужины Линдера.

Вся большая комната была уставлена аквариумами: они располагались в два ряда на массивных полках — большие, продолговатые аквариумы в металлических рамах, некоторые из них подсвечивались снизу, другие — изнутри. За покрытым водорослями стеклом колыхались зеленые гирлянды; вода имела какой-то зловещий зеленоватый оттенок, в ней плавали рыбы всех цветов радуги.

Тут были длинные и стройные рыбешки, похожие на золотые стрелки, японские вуалехвосты с фантастически развевающимися хвостами, рыбки прозрачные, как

цветное стекло, миниатюрные гуппи в полдюйма длиной, пучеглазые и пятнистые рыбки калико и большие неуклюжие китайские телескопы с выпученными глазами, жабьими мордами и ненужными им плавниками. Эти рыбы были неповоротливы, как толстые мужчины, спешащие на завтрак.

Свет проникал в комнату главным образом через большое окно в покатой крыше. Под окном у голого деревянного стола стоял высокий худой мужчина. В его левой руке билась красная рыбешка, в правой он держал опасную бритву, замотанную с одного конца изолентой.

Мужчина посмотрел на меня из-под пышных седых бровей. Его запавшие глаза были бесцветными и какими-то матовыми. Я подошел к нему и посмотрел на рыбешку в его руке.

— Грибок? — спросил я.

Он медленно кивнул.

— Белый грибок,— он положил рыбу на стол и осторожно расправил ее спинной плавник. Плавник был неровным и потрескавшимся, на его рваных краях виднелся белый пушистый налет.

— Белый грибок — это еще не самое опасное,— сказал мужчина.— Почищу этого малыша, и он будет в полном порядке. Что я могу для вас сделать, мистер?

Я размял сигарету и улыбнулся.

— Как люди,— сказал я,— это я о рыбках. Тоже болеют.

Он прижал рыбину к столу и обрезал затронутую болезнью часть плавника. Затем он расправил рыбий хвост и обработал его. Рыбка перестала биться.

— Некоторых можно вылечить, а некоторых нет,— сказал он.— Болезнь плавательного пузыря, к примеру, неизлечима.— Он посмотрел на меня.— Можете не волноваться, ей не больно. Можно до смерти испугать рыбу, но нельзя причинить ей боль, как человеку.

Он отложил бритву, обмакнул кусочек ваты в красноватую жидкость и протер порезанные места. Затем он засунул палец в пузырек с белым вазелином и смазал рыбке плавник и хвост. Он бросил рыбу в отдельно стоящий аквариум. Рыбка заплавала как ни в чем не бывало.

Худой мужчина вытер руки, сел на край скамьи и уставился на меня своим безжизненным взглядом. Много лет назад он, должно быть, был очень красив.

— Интересуетесь рыбками? — спросил он. Его голос

напоминал спокойный и осторожный шепот, каким обмениваются заключенные в камере или на тюремном дворе.

Я покачал головой.

— Не особенно. Это просто предлог. Я приехал издалека, чтобы с вами встретиться, мистер Сайп.

Он облизал губы и продолжал смотреть на меня. Когда он заговорил, его голос был усталым и тихим.

— Моя фамилия Уоллес, мистер.

Я выпустил колечко дыма и проткнул его пальцем.

— Для моего дела больше подойдет Сайп.

Он наклонился вперед, уронил руки между костлявыми коленями и сплел их. У него были большие шишковатые руки, которые в свое время немало потрудились. Он чуть-чуть поднял голову, его мертвые глаза холодно посмотрели на меня из-под пышных бровей. Но голос его не стал громче.

— Целый год не видел ищеек. По крайней мере, не разговаривал. Зачем пожаловал?

— Догадайся.

Его голос стал еще тише.

— Послушай, сыщик, я живу себе тихо и спокойно. Меня никто не донимает. Никто не имеет такого права. Я получил помилование прямо из Белого дома. Сижу в этой дыре, занимаюсь рыбками. Человек привязывается к тому, о ком заботится. Я никому ничего не должен. Я расплатился за все. У моей жены хватит монет нам на жизнь. Я хочу только покоя, сыщик,— он замолчал и покачал головой.— Все. Больше меня не тронь.

Я молчал. Просто улыбался и смотрел на него.

— Никто не смеет меня тронуть,— сказал он.— Я получил помилование от самого президента. Я только хочу, чтобы меня оставили в покое.

Я покачал головой, продолжая улыбаться.

— Это единственное, чего ты никогда не получишь. Пока не расколешься.

— Послушай,— тихо продолжал он.— Может быть, ты новичок в этом деле, и оно не успело тебе приесться. Может быть, ты хочешь заработать себе репутацию. Но я-то связан с ним почти двадцать лет, как и масса других людей. Среди них попадались и весьма непростые. Они знают, что у меня нет ничего чужого. Никогда не было. Они у кого-то другого.

— Точно,— согласился я.— У охранника почтового вагона.

— Послушай,— все еще спокойно продолжал он.— Я свое отсидел. Я не наивен и понимаю, что пока кто-то помнит это дело, время от времени он будет задаваться вопросами. Я знаю, что ко мне время от времени будут присылать какого-нибудь олуха, чтобы поворошить старое. Ради Бога, я не в претензии. Что я могу сделать, чтобы ты поскорее убрался домой?

Я покачал головой и посмотрел поверх его плеча, как в больших и молчаливых аквариумах плавают рыбы. Я испытывал усталость. Тишина в доме пробудила в моем воображении призраки давно минувших лет: мчащийся через ночь поезд; бандит, укрывшийся в почтовом вагоне; вспышка выстрела; мертвый охранник на полу; остановка у какой-нибудь водокачки и тайное бегство. Человек, который хранил тайну девятнадцать лет... но не сохранил.

— Ты совершил одну ошибку,— медленно проговорил я.— Помнишь малого по имени Пилер Мардо?

Он поднял голову. Я отчетливо видел на его лице напряженную работу мысли: он пытался вспомнить. Но имя это ему было не знакомо.

— Парень, с которым ты познакомился в Ливенворте. Мелкий жулик, угодивший туда за изготовление фальшивых двадцаток.

— Теперь вспомнил!

— Ты сказал ему, что жемчужины у тебя.

Было видно, что Сайп мне не поверил.

— Должно быть, я пошутил,— медленно произнес он тусклым голосом.

— Возможно. Но дело в том, что он считал иначе. Некоторое время назад он побывал в ваших краях со своим дружком по имени Сансет. Они где-то увидели тебя, и Пилер тебя узнал. Он стал ломать голову, как на тебе заработать. Но он нюхал кокаин и говорил во сне. Сначала об этом узнала одна девушка, потом другая и сомнительный адвокатишка. Пилеру прижгли пятки, и он умер.

Сайп смотрел на меня не мигая. Линии в уголках его рта углубились.

Я взмахнул сигаретой и продолжал:

— Неизвестно, сколько он успел сказать, но адвокатишка с подружкой в Олимпии. Сансет тоже в Олимпии, только мертвый. Это они его убили. Знают ли они, где ты

живешь, мне неизвестно. Но даже если и нет, то рано или поздно узнают. А если не они, так кто-нибудь другой вроде них. Можно отвадить фараонов, если они не могут найти жемчужин, а ты не будешь пытаться их продать. Можно отвадить страховых агентов и даже почтовиков.

Сайп не шелохнулся. Его большие натруженные руки, сплетенные между коленями, тоже не двигались. Только его мертвые глаза смотрели на меня.

— Но тебе не отделаться от вымогателей. От этих не избавишься никогда. Всегда найдутся ублюдки, располагающие достаточным количеством времени и денег, чтобы загнать тебя в угол. Так или иначе, они узнают то, что хотят. Они похитят твою жену или уведут в лес тебя самого и там обработают. Тебе все равно придется развязать язык... У меня есть к тебе честное предложение.

— А ты от кого? — внезапно спросил Сайп.— Мне показалось, что от тебя воняет ищейкой, но теперь я в этом не уверен.

— От страховой компании. Вот мои условия: общее вознаграждение составляет двадцать пять кусков. Пять кусков девушке, которая меня навела. Она честно заработала свою долю. Десять кусков мне. Я выполнил всю работу и смотрел в дуло всех револьверов. Десять кусков тебе за моим посредничеством. Ты бы не получил ни цента. Как тебе это нравится? Что скажешь?

— Отличная мысль,— вкрадчиво сказал он.— Только у меня нет жемчужин. Вот так-то, ищейка.

Я посмотрел на него со злостью. У меня не осталось ни одного козыря: выложил все. Я оторвался от стены, бросил сигарету на деревянный пол и раздавил ее каблуком. Затем я направился к двери.

Сайп поднялся и жестом остановил меня.

— Минутку. Сейчас я это докажу,— сказал он и вышел из комнаты. Я пялился на рыбок и жевал губу. Где-то вдалеке слышался шум мотора. В соседней, как мне показалось, комнате открылась и закрылась дверь.

Сайп вернулся. В его тощей руке поблескивал кольт-сорокапятка. Он казался длинным, как рука.

Ткнув кольтом в мою сторону, Сайп сказал:

— Жемчужины у меня здесь, шесть штук. Я с шестидесяти ярдов могу причесать пулей муху. Ты не ищейка. Убирайся и передай своим приятелям, что пристрелю их, если они посмеют появиться мне на глаза.

Я не двигался. В его мертвых глазах было безумие. Я не смел шелохнуться.

— Чепуха,— медленно сказал я.— Я могу доказать, что я сыщик. А ты сидел и не можешь хранить оружие. Убери пушку — поговорим нормально.

Машина, мотор которой я слышал раньше, подъехала к дому и с писком затормозила. Сначала по дорожке, а потом по ступенькам загудели чьи-то шаги. Послышались какие-то возбужденные голоса, потом приглушенный крик.

Сайп попятился и оказался между столом и большим аквариумом галлонов на двадцать — тридцать. Он ухмыльнулся во весь рот, как боец перед схваткой.

— Похоже, твои друзья тебя настигли,— процедил он.— Достань пушку и брось ее на пол, пока еще можешь двигаться.

Я не шелохнулся. Я смотрел на жесткие брови Сайпа и его глаза. Я знал, что стоит мне пошевелиться хотя бы затем, чтобы выполнить его распоряжение, как он выстрелит в меня.

Шаги послышались на лестнице. Они были тяжелыми, шаркающими, как будто давались их хозяину с большим трудом.

В комнату вошли три человека.

Первой была миссис Сайп. Она двигалась на неестественно прямых ногах, согнутые в локтях руки словно пытались схватить что-то невидимое. Ей в спину упирался ствол маленького револьвера 32-го калибра, который держала маленькая безжалостная ручка Кэрол Донован.

Последним вошел Мэддер. Он был навеселе, по-пьяному смел, краснолиц и зол. Увидев меня, он криво усмехнулся и направил на меня «смит-вессон».

Кэрол Донован оттолкнула миссис Сайп в сторону. Та отлетела в угол комнаты, упала на колени и с ненавистью посмотрела на девушку.

Сайп тоже уставился на красотку. Он был ошарашен, увидев эту куколку. К такому он не был готов. Его разоружил один вид девчонки. Если бы в комнату вошли мужчины, он перестрелял бы их не задумываясь.

Маленькая брюнетка с бледным лицом холодно посмотрела на него и сказала своим тонким ледяным голоском:

— Порядок, дедуля. Брось свою игрушку и не дергайся.

Сайп медленно нагнулся и, не отрывая глаз от девушки, положил свой кольт на пол.

— Пни-ка по нему, дедуля.

Сайп пнул. Револьвер полетел на середину комнаты.

— Так-то, дедуля. Смотри за ним, Раш, пока я разоружу сыщика.

Револьверы поменяли цели, и теперь на меня смотрели твердые серые глаза. Мэддер подошел к Сайпу и направил ему в грудь револьвер.

Девушка улыбнулась, но ее улыбка отнюдь не была приятной.

— Хитрый малый, не так ли? Только и делаешь, что подставляешь свою шею. Ты дал маху, ищейка. Надо было обыскать своего тощего приятеля. У него в башмаке была маленькая схемка.

— Она не была мне нужна,— спокойно сказал я и усмехнулся, предприняв при этом все усилия, чтобы мой оскал казался вполне убедительным, поскольку краем глаза я заметил в тот миг, что миссис Сайп ползла на коленях к револьверу мужа.

— Теперь тебе конец. Тебе и твоей глупой ухмылке. Подними лапы, чтобы я достала твою пушку. А ну-ка, мистер.

Она была всего лишь маленькой девушкой ростом в пять с небольшим футов и весом примерно в сто двадцать фунтов, а я был крепким парнем почти шести футов ростом и весом около ста девяноста пяти фунтов. Тем не менее, поднимая руки, я двинул девушку в челюсть.

Это было безумие, но я был сыт по горло компанией «Мэддер — Донован», их угрозами и их револьверами. Я двинул ее в челюсть.

Она отступила на ярд и выстрелила. Пуля обожгла мне ребро. Девушка начала падать — медленно, как в замедленной съемке. В этом было что-то глупое.

Миссис Сайп добралась до кольта и выстрелила девушке в спину.

Мэддер резко дернул головой, и в этот момент Сайп попытался броситься на него. Мэддер отпрыгнул, заверещал и снова направил на Сайпа револьвер. Тот замер, на его тощем лице снова появилась широкая улыбка безумца.

Пуля кольта толкнула девушку вперед, как резкий

сквозняк толкает дверь. Перед моими глазами мелькнуло что-то голубое, и я ощутил удар в грудь. Это была ее голова. На какое-то мгновение, пока она падала назад, я увидел ее лицо — незнакомое теперь лицо.

Потом она лежала у моих ног — маленькая, мертвая, угасшая. А за ней стояла высокая спокойная женщина с дымящимся кольтом, который она сжимала двумя руками.

Мэддер дважды выстрелил в Сайпа. Тот рухнул вниз лицом и ударился об угол стола. Пурпурная жидкость, которой он обрабатывал рыбок, окатила Сайпа с головы до ног. Мэддер выстрелил еще раз в уже падающего Сайпа.

Я выхватил люгер и подстрелил Мэддера в самое болезненное место, попадание в которое не смертельно,— в колено. Он упал так, как будто споткнулся о невидимую проволоку. Я надел на него наручники прежде, чем он начал стонать.

Затем я раскидал по комнате револьверы, подошел к миссис Сайп и взял из ее рук дымящийся кольт.

Некоторое время в комнате было очень тихо. Струйки дыма поднимались к окну в крыше, тускло-серые и бледные в лучах послеобеденного солнца. Вдали слышался шум прибоя. Потом я услышал где-то рядом свистящий звук.

Это Сайп пытался что-то сказать. Его жена подползла к нему на коленях и склонилась над ним. На его губах пузырилась кровь. Он плотно закрыл глаза, пытаясь не потерять сознание, и улыбнулся. Едва слышным свистящим голосом он сказал:

— Телескопы, Хатти, китайские телескопы...

Затем его шея обмякла, улыбка сошла с лица, голова бессильно свалилась в сторону и ударилась о голый пол.

Миссис Сайп прикоснулась к мужу, потом медленно поднялась и спокойно посмотрела на меня сухими глазами.

— Вы поможете перенести его на кровать? — отчетливо произнесла она.— Я не хочу, чтобы он лежал рядом с ними.

— Конечно. Что он сказал?

— Не знаю. Кажется, что-то о своих рыбках.

Она взяла Сайпа за ноги, я — за плечи, мы отнесли его в спальню и положили на кровать. Женщина закрыла ему глаза и скрестила руки на груди. Потом она подошла к окну и задернула шторы.

— Спасибо, это все,— сказала она, не глядя на меня.— Телефон внизу.

Она опустилась на стул возле кровати и положила голову на покрывало рядом с головой Сайпа.

Я вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Нога Мэддера кровоточила, но медленно и неопасно. Он смотрел на меня обезумевшими от страха и боли глазами, пока я делал ему жгут из носового платка. Должно быть, у него было перебито сухожилие и, возможно, раздроблена коленная чашечка. Вероятно, он будет хромать, когда его поведут на виселицу.

Я спустился вниз и постоял на крыльце, задумчиво глядя на обе машины, а затем на далекий пирс. Вряд ли кто-нибудь в округе понял, что здесь стреляли, разве что кто-нибудь проходил возле самого дома. Вполне возможно, что на выстрелы вообще не обратили внимание, ведь в окрестных лесах частенько постреливали.

Я вернулся в дом, посмотрел на телефон, висевший на стене гостиной, но пока не стал его трогать. Мне не давала покоя одна мысль. Я закурил сигарету и посмотрел в окно. Вдруг я будто вновь услышал голос: «Телескопы, Хатти, китайские телескопы».

Я вернулся в комнату с аквариумами. Мэддер глухо и прерывисто стонал. Но какое мне дело до садиста вроде Мэддера.

Девушка была мертва. Ни один из аквариумов не был разбит. Рыбки тихонько плавали в зеленоватой воде, медленно и беззаботно. Им тоже было наплевать на Мэддера.

Аквариум с черными китайскими телескопами стоял в углу. В нем плавали всего четыре рыбины, угольно-черные и длинные, около четырех дюймов в длину. Две рыбины дышали кислородом у поверхности, а две других неуклюже барахтались у дна аквариума. У рыбок были толстые тела с разветвляющимися хвостами, высокими плавниками и глазами-телескопами, придававшими им определенное сходство с лягушками, если смотреть на них спереди.

Я смотрел, как они бултыхаются среди зеленых водорослей, заполнявших аквариум. По стеклу ползало несколько красных улиток. Нижние рыбины показались мне толще и неповоротливее верхних. Я заинтересовался этим.

Между двумя аквариумами лежал сачок с длинной ручкой. С его помощью я выловил одну из нижних рыбин. Достав ее из сачка, я осмотрел ее серебристое брюхо и обнаружил что-то похожее на шрам. Я потрогал это место пальцем и ощутил что-то твердое.

Я вытащил со дна аквариума вторую рыбину. Такой же шрам и такой же твердый предмет. Затем я выловил одну из тех рыб, что держались возле поверхности. У нее не было ни шрама, ни твердого бугорка. И поймать ее было труднее.

Я выпустил эту рыбку в аквариум обратно. Меня интересовали лишь две другие. Я не имею ничего против золотых рыбок, но дело есть дело, а преступление есть преступление. Я снял пиджак, засучил рукава и взялся за бритву.

Это была очень неприятная работа. Она заняла у меня около пяти минут. И вот они лежат на моей ладони, три четверти дюйма в диаметре, тяжелые, идеально круглые, молочно-белые и переливающиеся тем внутренним светом, которого лишены все остальные драгоценные камни. Жемчужины Линдера.

Я их вымыл, завернул в носовой платок, опустил рукава и снова надел пиджак. Затем я взглянул на Мэддера, в его измученные болью глазки, на его покрытый испариной лоб. Плевать мне было на Мэддера. Он был убийцей и мучителем.

Я вышел из комнаты с аквариумами. Дверь в спальню была все еще закрыта. Я спустился вниз и поднял трубку настенного телефона.

— Говорят из дома Уоллеса в Уэстпорте. Здесь случилось несчастье. Нам нужен врач и полиция. Вы можете мне помочь?

— Попытаюсь найти для вас доктора, мистер Уоллес,— ответила телефонистка.— Это потребует времени. У нас тут начальник местного полицейского участка. Вам будет достаточно его?

— Полагаю, что да,— сказал я, поблагодарил ее и повесил трубку. Все-таки у деревенского телефона были свои прелести.

Я закурил еще одну сигарету и сел в одно из плетеных кресел на веранде. Через некоторое время послышались шаги и из дома вышла миссис Сайп. Она постояла рядом

со мной, глядя вниз, потом села в другое кресло. Она твердо посмотрела на меня сухими глазами.

— Вы, я полагаю, детектив,— медленно и как будто застенчиво проговорила она.

— Да, я представляю компанию, застраховавшую жемчужины Линдера.

Женщина уставилась в пространство.

— Я думала, что здесь он обретет покой,— сказала она,— где больше никто не будет донимать его. Что это место станет своего рода приютом.

— Не надо ему было пытаться сохранить эти жемчужины.

Она быстро посмотрела на меня. На ее до этого равнодушном лице появился страх.

Я достал из кармана носовой платок и развернул его. Они лежали рядышком на белом полотне. Цена им была двести кусков и несколько убийств.

— У него мог быть свой приют,— сказал я,— который бы никто не отнял. Но этого ему показалось мало.

Она долгим взглядом посмотрела на жемчужины. Губы ее дрогнули, а голос слегка охрип.

— Бедный Уолли. Значит, вы их все-таки нашли. А вы сообразительный человек. Прежде чем это у него получилось, он убил десятки рыб.— Женщина посмотрела мне в лицо. В глубине ее глаз появился оттенок удивления.

— Мне всегда не нравилась эта его идея,— сказала она.— Помните библейскую историю о козле отпущения?

Я покачал головой.

— На это животное взвалили все человеческие грехи, а потом изгнали его в пустыню. Рыбки были для него таким вот козлом отпущения.

Она улыбнулась. Я не улыбнулся ей в ответ.

— Видите ли,— она по-прежнему чуть заметно улыбалась,— когда-то у него были настоящие жемчужины, и он считал, что своим страданием заслужил их. Но даже если бы он их нашел, он бы не имел с них никакого проку. Пока он сидел, что-то изменилось в ландшафте, и он так и не сумел найти то место в Айдахо, где когда-то их спрятал.

Я почувствовал, как к моему позвоночнику прикоснулись ледяные пальцы. Чей-то голос, который мог быть и моим, спросил:

— Как это?

Она прикоснулась пальцем к жемчужине. Я держал их все в той же позе, словно моя рука окаменела.

— Тогда он купил эти. В Сиэтле. Они полые и наполнены белым воском. Я забыла, как это называется. Очень красивые. Я, конечно, никогда не видела настоящих жемчужин.

— Зачем он их купил? — прохрипел я.

— Не понимаете? Они были его грехом. Он должен был изгнать их в пустыню. Он спрятал их в рыбках. Знаете...— она подалась ко мне, ее глаза сверкнули,— временами мне кажется, что в самом конце, в последний год или что-то около этого, он в самом деле поверил, что они настоящие. Вы можете это понять?

Я посмотрел на жемчужины. Моя рука медленно сжалась в кулак.

— Я человек бесхитростный, миссис Сайп. Идея о козле отпущения для меня слишком сложна. Я бы сказал, что он хотел обмануть самого себя, как любой неудачник.

Она снова улыбнулась. Ей шла улыбка. Затем она чуть заметно вздрогнула.

— Конечно, вам все видится с такой точки зрения. Но я...— она развела руками.— Теперь это не имеет значения. Я могу оставить их себе?

— Оставить их себе?

— Да... Эту туфту. Вам ведь наверняка...

Я встал. В гору пыхтя карабкался старый открытый форд. На пиджаке сидевшего за рулем человека сияла звезда. Тарахтение мотора наводило на мысль о старой и лысой обезьяне, которая лупила палкой по решетке своей клетки в зоопарке.

Миссис Сайп стояла рядом со мной и умоляюще и робко смотрела на меня, протянув руку.

Я ухмыльнулся в порыве внезапной жестокости.

— Да, до определенного момента вы были очень хороши,— признал я.— Я вам чуть было не поверил. Но вы сами мне помогли. Слово «туфта» плохо вяжется с вашим стилем. С кольтом вы тоже управились довольно ловко и весьма беспощадно. Но больше всего меня смутили последние слова Сайпа: «Телескопы, Хатти, китайские телескопы». Он бы не стал так переживать, если бы шарики были фальшивые. И не настолько он спятил, чтобы заниматься подобной ерундой.

На какое-то мгновение ее лицо просто застыло. Потом оно изменилось. В ее глазах промелькнуло какое-то жут-

кое выражение. Она плюнула в меня, вошла в дом и хлопнула дверью.

Я спрятал двадцать пять тысяч долларов в карман пиджака. Двенадцать с половиной мне и столько же Кэйти Хорн. Я представил, какими глазами она посмотрит на меня, когда я принесу ей чек, и как она отнесет его в банк, чтобы дождаться, когда ее Джонни досрочно освободят из Квентина.

Форд остановился за двумя другими машинами. Водитель нажал на тормоза и перепрыгнул через борт, не открывая дверок.

Я спустился по ступенькам ему навстречу.

Перевод с английского *С. Тулякова.*

А. МАКЛИН

КУКЛА НА ЦЕПИ

ГЛАВА I

— Уважаемые пассажиры, через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Схипхол,— медовый голосок голландской стюардессы ничем не отличался от голосов стюардесс любой другой европейской авиалинии.— Просьба пристегнуть ремни и не курить. Экипаж самолета надеется, что ваш полет прошел приятно. Пусть таким же приятным будет и ваше пребывание в Амстердаме.

Во время полета я немного поговорил с этой стюардессой. Она была очаровательной девушкой, хотя ее взгляды на жизнь отличались необоснованным оптимизмом. Сейчас же я не мог с ней согласиться: я не назвал бы приятным этот полет и тем более даже не мечтал, что приятным будет мое пребывание в Амстердаме. Полетов на самолете я вообще не терплю с тех пор, как два года назад моторы моего ДС-8 отказали через несколько секунд после старта, благодаря чему я совершил два открытия: лишенный тяги реактивный самолет обладает планирующими свойствами примерно такими же, что и бетонная плита; а главное — пластическая операция после такой катастрофы может быть очень длительной, очень болезненной, очень дорогой, но не обязательно успешной. Я не ждал и сейчас ничего приятного от пребывания в Амстердаме, хотя это, несомненно, один из красивейших городов мира и живут в нем прекрасные люди,— сам характер моих заграничных поездок автоматически исключал возможность получать удовольствие.

Едва наш ДС-8 компании KLM зашел на посадку, я окинул взглядом салон и отметил мысленно, что большинство пассажиров разделяло мое мнение о том, что самолетом путешествуют только сумасшедшие. Те, кто не ковырял дыр в креслах, либо откинулись на спинки

сидений с демонстративно безразличным видом, либо болтали с показным оживлением; вот так же отчаянные смельчаки, улыбаясь, приветствуют толпу перед тем, как положить голову под нож гильотины. Короче говоря, сидевших в салоне можно было назвать типичным срезом человечества. Вполне законопослушные — ни то ни се.

Хотя последнее определение, может быть, не совсем справедливо. Для такой нелестной характеристики надо с чем-то сравнивать. К несчастью большинства летящих этим рейсом, на борту самолета были такие пассажирки, по сравнению с которыми кто угодно мог показаться невзрачным.

Я обернулся. Они сидели в трех рядах позади меня, по другую сторону от прохода. Не думаю, что я привлек к себе какое-нибудь особенное внимание, поскольку большинство мужчин не занималось ничем иным с момента взлета. Вот если бы я не оглядывался, это наверняка привлекло бы ко мне внимание.

Это были две девушки. Двух сидящих рядом девушек можно встретить где угодно, но чтобы найти таких — не жалко потратить лучшие годы жизни. Одна из девушек была жгучей брюнеткой, другая — платиновой блондинкой, обе в мини-юбках, брюнетка вся в белом, а блондинка вся в черном. Обе они обладали, насколько было видно (а видно было вполне достаточно), первоклассными фигурами. Но прежде всего девушки были поразительно красивы; это была не пустая и пошлая смазливость, которая обычно побеждает на конкурсах красоты; кроме чисто внешней привлекательности девушек отличала и явная интеллигентность, благодаря которой они и через двадцать лет будут красивы, в то время как бывшие мисс Мира уже давно сойдут с дистанции.

Блондинка улыбнулась мне дерзко, но дружелюбно. Я смотрел на нее совершенно беспристрастным взглядом, поскольку хирург, проводивший надо мной пластические эксперименты, не слишком преуспел в склеивании двух половинок моего лица и моему взгляду явно недоставало воодушевления. Тем не менее девушка мне улыбнулась. Брюнетка толкнула соседку локтем, та посмотрела на нее, нахмурилась и уже не улыбалась. Я отвернулся.

До конца взлетно-посадочной полосы оставалось не более двухсот ярдов[1]. Чтобы отвлечься от мысли, что

---

[1] 1 ярд=91,44 см (прим. ред.).

наш самолет развалится на части, едва коснувшись земли, я откинулся на спинку кресла и принялся размышлять о девушках. Если меня и можно было в чем-либо упрекнуть, то отнюдь не в отсутствии вкуса при подборе сотрудниц. Брюнетку звали Мэгги, ей было 27 лет, я работал с ней уже лет пять. Она была толковой и старательной, рассудительной и надежной. Мэгги почти не совершала ошибок; абсолютно непогрешимых людей в нашей профессии не бывает. Еще важнее было то, что мы с Мэгги симпатизировали друг другу. Впрочем, наши отношения не зашли слишком далеко.

Что касается Белинды — двадцатидвухлетней парижанки, наполовину англичанки, наполовину француженки, принимающей участие в своей первой операции,— то она была для меня почти абсолютно неизвестной. Не загадкой, а именно неизвестной как личность. Когда Сюртэ передает нам своего человека, то в его документах отражен, очевидно, любой мало-мальски значительный факт его биографии. Все, что я успел заметить в плане личных наблюдений, это отсутствие у Белинды какого бы то ни было уважения (не говоря уже о преклонении) к своему шефу, то есть ко мне. В то же время Белинду отличала этакая спокойная деловитость, с лихвой возмещавшая ее критическое отношение к начальнику.

Ни одна из девушек прежде в Голландии не бывала, и это было одной из причин их участия в операции. Кроме того, милые девушки в нашей отнюдь не милой профессии встречаются реже, чем меха в Конго, и, стало быть, меньше привлекают внимание людей подозрительных и подлых.

ДС-8 коснулся земли и не развалился при этом на части. Поэтому я открыл глаза и принялся думать о более срочных делах. Дюкло. Джимми Дюкло ждал меня в аэропорту с важной и срочной информацией. Слишком важной, чтобы посылать ее (даже в закодированном виде) по обычным каналам, и слишком срочной, чтобы воспользоваться услугами нашего дипкурьера в Гааге. Я не стал ломать голову над возможным содержанием донесения; я узнаю его через несколько минут. Впрочем, я был уверен, что это будет именно то, чего я жду. Источники информации Дюкло были безупречны, а сама информация всегда надежна. Джимми Дюкло не совершал ошибок — по крайней мере значительных.

ДС-8 уже тормозил, когда я увидел переходной «ру-

кав», отходивший под углом от главного здания вокзала. Не дожидаясь полной остановки самолета, я расстегнул ремень, встал, окинул равнодушным взглядом Мэгги и Белинду и направился к выходу. Персонал и пассажиры обычно неодобрительно относятся к подобным выходкам, и в этот раз их поведение говорило, что они с трудом терпят присутствие невоспитанного хама, который не хочет дожидаться своей очереди.

Стюардесса улыбнулась. Ее улыбку вряд ли можно было отнести на счет моей неотразимой внешности. Хотя люди ведь улыбаются другим, испытывая иногда уважение или даже страх. А я, если куда-нибудь лечу (если я, конечно, не в отпуске, что бывает не чаще одного раза в пять лет), всегда передаю стюардессе запечатанный пакет для командира самолета. А тот тоже человек и не прочь пофорсить перед симпатичной девушкой. Поэтому он обычно не делает секрета из содержащейся в пакете информации. Там имеется всевозможная чепуха о первоочередном обслуживании. Но куда более важна другая привилегия, распространяющаяся на меня и некоторых моих коллег,— освобождение от таможенного досмотра. Это бывало весьма кстати, поскольку в моем багаже обычно всегда есть пара пистолетов, небольшой, но хитрый набор отмычек и прочие штуки, к которым крайне неодобрительно относятся иммиграционные службы наиболее развитых стран. Я никогда не беру оружие в самолет, поскольку любой пассажир может случайно обнаружить пистолет под мышкой у спящего соседа и это вызовет панику. Кроме того, только сумасшедший может начать стрельбу в салоне современного самолета, летящего на огромной высоте. Может быть, в этом и кроется причина частых успехов угонщиков самолетов: разгерметизация была бы делом непоправимым.

Открылась входная дверь, и я ступил в гофрированный «рукав». Двое или трое служащих аэропорта вежливо уступили мне дорогу, и я направился к вестибюлю с двумя бегущими дорожками, соединяющими его с иммиграционным залом.

У начала дорожки, бегущей от зала к вестибюлю, стоял мужчина. Он был среднего роста, щуплый, с неприятной внешностью. У него были темные волосы, морщинистое смуглое лицо, холодные черные глаза и узкая щель вместо рта. Не хотел я, чтобы такой тип приходил к моей дочери. Одет он был, однако, вполне прилично:

в черный костюм и черный плащ. В руке он держал большую дорожную сумку; это, однако, не добавляло шика его облику.

Впрочем, меня не слишком интересовали несуществующие поклонники несуществующей дочери. Теперь я уже видел дорожку. На ней стояли четыре человека. Первым из них был Джимми Дюкло, высокий и стройный мужчина в сером костюме, с тонкими усиками и прочими внешними признаками преуспевающего бухгалтера. Увидев его, я подумал: вероятно, он считает свою информацию чрезвычайно важной, если уж решился встретить меня почти у трапа. Еще я подумал: он, должно быть, подделал полицейское удостоверение, чтобы пройти сюда. Это было весьма вероятно, поскольку Джимми был мастер на подобные штуки. В-третьих, я решил, что ему будет приятно, если я помашу ему рукой и улыбнусь. Он помахал рукой мне в ответ и тоже улыбнулся.

Улыбка Джимми длилась не более секунды, ее тотчас сменила гримаса невыразимого ужаса. Его взгляд при этом чуть-чуть переместился.

Я резко обернулся. Человек в черном плаще развернулся лицом к дорожке, его сумка оказалась почему-то у него под мышкой.

По-прежнему не понимая, в чем дело, я отреагировал инстинктивно и прыгнул на человека в плаще. Точнее, попытался прыгнуть. Мне потребовалась на это целая секунда, а человек в плаще буквально продемонстрировал, что ему этого времени с лихвой хватит на выполнение любого маневра. Он был готов, а я нет. Не успел я сдвинуться с места, как он резко развернулся и молниеносно ударил меня углом сумки в солнечное сплетение.

Чаще всего дорожные сумки бывают мягкими. Только не эта. Раньше мне не приходилось попадать под копер для забивания свай, но теперь я представляю себе, что это такое. Эффект был примерно тот же. Я рухнул на пол, словно меня ударили по ногам, и был не в силах пошевелиться, хотя и находился в полном сознании. Я все видел, слышал и мог даже до некоторой степени оценивать все происходящее. Но я не мог даже кататься от боли, хотя в тот момент это было моим самым большим желанием. Я знал, что такое психологический шок, но шок физический испытал впервые.

Все происходило до смешного медленно. Дюкло затравленно оглянулся, но бежать ему было некуда. Путь

назад ему перерезали три стоявших за ним человека. Они как будто не понимали, что происходит. Лишь гораздо позднее я понял, что они были сообщниками человека в плаще и находились тут с определенной целью: чтобы у Дюкло не было иного выбора, кроме как двигаться навстречу смерти. (Позднее я пришел к выводу, что это было самое изощренное убийство, о каком мне приходилось слышать, хотя в своей жизни я наслушался немало историй о людях, покинувших сей мир иначе, нежели задумал Всевышний.)

Я был в состоянии двигать только глазами, чем и воспользовался. Я посмотрел на сумку человека в плаще и увидел выставляющийся из нее глушитель, дырявый, как дуршлаг. Он и вызвал мой временный паралич. Удар был нанесен с такой силой, что глушитель должен был согнуться. Правая рука человека была под крышкой сумки, смуглое лицо его не выражало ни удовольствия, ни отвращения; на нем было написано спокойствие профессионала, который знает, что хорошо выполняет свое дело. Далекий голос объявил о посадке нашего самолета, рейс KLM-132 из Лондона. Я почему-то подумал, что никогда не забуду этот номер; впрочем, все это случилось бы независимо от номера рейса, потому что Дюкло должен был погибнуть до того, как встретится со мною.

Я посмотрел на Дюкло. У него было лицо обреченного на смерть человека. Рука Джимми нырнула в карман плаща, и в тот же миг три человека за его спиной бросились наземь, но значение этого факта дошло до меня только позднее. Дюкло выхватил руку с пистолетом, в тот же миг раздался приглушенный хлопок и с левой стороны плаща Джимми появилась дырка. Дюкло конвульсивно дернулся и рухнул лицом вниз. Его труп доехал до конца дорожки и скатился с нее.

Я, наверное, никогда не узнаю, было ли мое полное бессилие в момент убийства Дюкло следствием физического шока или меня просто ошеломила абсолютная неизбежность его гибели. Однако вряд ли эта мысль будет лишать меня сна: у меня не было при себе оружия, и я ничего не мог сделать. А интересует меня это лишь потому, что прикосновение его мертвого тела произвело на меня какой-то оживляющий эффект.

Мое исцеление нельзя было назвать чудесным. Меня захлестывали волны тошноты, а когда прошел шок от удара, у меня не на шутку разболелся желудок. К этому

добавьте ужасную головную боль: должно быть, я ударился при падении. Однако я в некоторой степени обрел контроль над своим телом и очень осторожно поднялся. Пол покачнулся под моими ногами, и тут выяснилось, что у меня что-то случилось со зрением. Это было тем более странно, что лежа я видел нормально. Потом выяснилось, что мне залила глаза кровь. Сначала мне показалось, что ее очень много, но, к счастью, я ошибся. Кровь сочилась из ссадины на лбу. Это называется «добро пожаловать в Амстердам». Я достал платок и в два счета восстановил зрение.

Все происшедшее длилось не более десяти секунд, однако на месте происшествия собралась уже небольшая толпа: насильственная смерть притягивает людей, как баночка меда — пчел.

Я не обращал на них внимания, как и на Дюкло. Я уже не мог ему помочь, да и он мне тоже. Обыск трупа был бы пустой тратой времени: как все хорошие агенты, Дюкло не доверял информацию бумаге или пленке, надеясь лишь на отлично тренированную память.

Убийца к тому времени, должно быть, благополучно скрылся. Я посмотрел ему вслед чисто машинально, по привычке проверять самые очевидные факты.

Я ошибся. Убийца еще не скрылся. Он был на полпути к иммиграционному залу: беззаботно шагал по бегущей дорожке и размахивал сумкой, как будто не замечая переполоха за спиной. Я посмотрел на него, ничего не понимая, но мое недоумение было недолгим. Да, именно так уходят профессионалы. Опытный карманник на ипподроме, стянув у джентльмена в сером цилиндре бумажник, не станет нырять в толпу под крики «Держи вора!». Скорее, он поинтересуется у своей жертвы прогнозами на следующий заезд. Видимая беззаботность и абсолютное спокойствие — так работают мастера преступного мира. Смуглолицый убийца был определенно из их числа. Я был единственным свидетелем его работы; только теперь я понял, какую роль в смерти Дюкло сыграли трое мужчин — теперь они находились в середине толпы, окружавшей труп. К тому же убийца, вероятно, считал, что оставил меня в таком состоянии, что я не скоро смогу ему помешать.

Я бросился за ним.

Не скажу, что моя погоня была очень убедительной. Меня мутило и шатало, а боль в животе не давала мне

выпрямиться. Вероятнее всего, моя пошатывающаяся походка и наклон вперед градусов в тридцать делали меня точь-в-точь похожим на девяностолетнего старикана.

Я был на середине дорожки, а мужчина в темном в самом ее конце, когда инстинкт или топот моих шагов заставил его обернуться. Реакция его оказалась такой же быстрой, как и несколько секунд назад, когда он меня нокаутировал. Судя по всему, он тотчас отличил меня от всех знакомых ему стариков, потому что левая его рука немедленно подняла сумку, а правая нырнула под крышку. Я понял, что мне придется разделить судьбу Дюкло: бегущая дорожка доставит и мои останки к концу зала. Бесславная смерть.

Я и сам не понимаю, что за блажь толкнула меня, невооруженного, в погоню за убийцей. Едва я приготовился броситься наземь, как вдруг заметил, что рука преступника дрогнула и его немигающий взгляд переместился немного влево. Невзирая на опасность получить пулю в затылок, я обернулся.

Группа людей, окружавшая Дюкло, на какое-то время перенесла внимание с него на нас. Да и вряд ли мое фиглярство на бегущей дорожке могло остаться незамеченным. Я успел заметить, что лица этих людей выражали самые разные чувства — от легкого удивления до недоумения. Однако я не приметил и следа понимания. По крайней мере, среди этих людей. В то же время полное понимание и холодную решимость выражали лица тех троих, которые прежде шли за Дюкло. Теперь они резво направились за мной с очевидным намерением сделать то же самое, что и с Джимми.

Вдруг я услышал за спиной приглушенный крик и обернулся. Дорожка достигла конца, это явно застигло смуглолицего врасплох, потому как он потерял равновесие. Впрочем, это длилось очень недолго, убийца повернулся ко мне спиной и побежал. Конечно, убить кого-то в присутствии дюжины свидетелей — совсем не то, что в присутствии одного-единственного, однако я был убежден, что в случае настоящей необходимости это его не остановило бы. Я мысленно скинул пару десятков лет и побежал за ним.

Смуглолицый, наращивая отрыв, бегом пересек иммиграционный зал, к немалому смущению и неодобрению его служащих, ибо в этих залах не положено бегать (в них положено останавливаться, показывать паспорт

и сообщать краткие сведения о себе). Когда настал мой черед бежать по залу, поспешное бегство смуглолицего в сочетании с моими неверными шагами и перепачканным кровью лицом еще более насторожило администрацию. Двое служащих пытались меня остановить, но я проскользнул мимо них (в своем рапорте они использовали совсем иное слово) и выбежал за дверь вслед за смуглолицым.

Точнее сказать, я пытался выбежать, поскольку в этой чертовой двери стояла какая-то девушка, пытавшаяся войти в зал. На первый взгляд, это была самая обычная девушка, а у меня не было ни времени, ни желания разглядывать ее. Я метнулся направо — она налево, я налево — она направо. Такое представление можно увидеть, когда встретятся два чересчур вежливых человека: каждый вроде бы уступает дорогу, а на деле не дает пройти. При определенных обстоятельствах, если встретятся особенно чувствительные души, это может продолжаться до бесконечности.

Меня, как и любого другого, восхищают мастерски выполненные па-де-де, однако я не собирался торчать в дверях целую вечность, и после еще одного напрасного пируэта я крикнул: «Убирайтесь, черт побери!» — и отбросил девушку в сторону. За этим как будто последовал звук падения, возглас боли, но я не обратил на это внимания. Извиниться можно будет позднее.

Я вернулся даже быстрее, чем предполагал. Я потерял из-за девушки всего несколько секунд, но их с лихвой хватило смуглолицему. Выбежав в главный зал, я не заметил ни малейших его следов; среди беспорядочно снующих сотен людей трудно было бы различить даже индейского вождя при полных регалиях. Обращаться в службу безопасности аэропорта было пустой тратой времени: пока сумею им все объяснить, преступник будет уже на полпути к Амстердаму. Даже если бы я начал действовать немедленно, шансы поймать убийцу были бы минимальными: здесь поработали профессионалы, а у них всегда наготове несколько вариантов отхода. Я вернулся в иммиграционный зал, теперь уже едва волоча ноги. Хотя моя голова и раскалывалась от боли, по сравнению с желудком она была оазисом спокойствия. Чувствовал я себя ужасно, а вид в зеркале бледного, перепачканного кровью лица отнюдь не улучшал моего самочувствия.

Я вернулся к месту моих балетных экспериментов,

где меня уже поджидали двое рослых полицейских, которые тотчас схватили меня за руки.

— Не того хватаете,— мрачно заявил я.— А потому уберите-ка ваши лапы и дайте мне вздохнуть.

Полицейские переглянулись, поколебались, отпустили меня и отодвинулись — подумать только — на несколько сантиметров. Какой-то человек в штатском, очевидно важная персона, успокаивал девушку. Окинув его взглядом, я снова посмотрел на девушку. Глаза у меня болели не меньше, чем голова, а смотреть на девушку было все-таки приятнее, чем на мужчину.

Девушка была одета в черный плащ, из-под которого выглядывало темное платье и ворот белого свитера. На вид ей было лет двадцать с небольшим, а ее темные волосы, карие глаза, аттические черты лица и оливковый оттенок кожи свидетельствовали о том, что она не является уроженкой Голландии. Если поставить ее рядом с Мэгги и Белиндой, то вам придется потратить на поиск другой такой троицы не только лучшие годы жизни, но и большую часть преклонных. Хотя, надо признать, в тот момент девушка выглядела не лучшим образом: лицо ее имело пепельный оттенок, на левой щеке виднелась кровоточащая ссадина, которую девушка прикрывала носовым платком, наверняка одолженным у стоявшего рядом мужчины.

— Боже мой! — воскликнул я. В моем голосе звучало искреннее сожаление. Как и все нормальные люди, я не люблю портить произведения искусства.— Это сделал я?

— Ну что вы! — Ее голос был хрипловатым и низким (виной этому могло быть наше небольшое приключение).— Это я порезалась, когда брилась.

— Очень сожалею. Я преследовал убийцу, а вы загородили мне дорогу. Боюсь, что ему удалось скрыться.

— Моя фамилия Схрудер, я здесь работаю,— отозвался сосед девушки — мужчина лет пятидесяти, который имел вид человека жесткого, делового и в то же время страдавшего манией самоуничижения, свойственной многим людям, занимающим высокие посты.— Нам сообщили об убийстве. Прискорбно, весьма прискорбно. Убийство в аэропорту Схипхол!

— У него безупречная репутация,— согласился я.— Надеюсь, что покойнику будет стыдно.

— Зачем вы так? — резко бросил Схрудер.— Вы знали убитого?

— Откуда, черт возьми? Я только что прилетел. Спросите стюардессу, спросите у пассажиров. Рейс KLM-132 из Лондона, посадка в 15.55.— Я посмотрел на часы.— Боже мой! Всего шесть минут назад!

— Вы не ответили на мой вопрос,— Схрудер выглядел суровым.

— Я не узнаю его, если увижу.

— Хм... А вам не приходило в голову, мистер... э...

— Шерман.

— Вам не приходило в голову, мистер Шерман, что нормальный человек не бросится в погоню за вооруженным убийцей?

— Может быть, я ненормальный.

— А может быть, вы тоже вооружены?

Я расстегнул пиджак и развел руки.

— А вы... э... случайно не узнали убийцу?

— Нет, хотя вряд ли я его забуду,— я повернулся к девушке.

— Можно задать вам вопрос, мисс?..

— Мисс Лемай,— коротко представил ее Схрудер.

— Вы не узнали убийцу? Вы должны были хорошо его разглядеть, бегущие люди привлекают внимание.

— Почему я должна его узнать?

Я не пытался быть таким же жестким, как Схрудер, и спросил:

— А на убитого вы не хотите взглянуть? Может быть, вы его узнаете?

Девушка вздрогнула и покачала головой.

— Вы кого-то встречаете?

— Я вас не понимаю.

— Вы стоите у входа в иммиграционный зал.

Она снова покачала головой. Если красивая девушка может выглядеть ужасной, то именно так выглядела мисс Лемай.

— Тогда зачем вы сюда пришли? Мне всегда казалось, что иммиграционный зал Схипхола — самое непривлекательное место во всем Амстердаме.

— Довольно,— оборвал меня Схрудер.— Ваши вопросы бесцельны, а дама пережила потрясение.— Он окинул меня взглядом, напоминая, кто в этом виноват.— Задавать вопросы — дело полиции.

— Я из полиции,— я подал ему паспорт и удостоверение.

В этот самый момент к выходу подошли Мэгги и Бе-

линда. Они покосились в мою сторону, притормозили и принялись разглядывать меня со смешанным выражением беспокойства и страха, что вполне понятно, беря в расчет мой внешний вид. Я хмуро посмотрел на них, как смотрит увечный человек на всех, кто обращает на него внимание. Девушки отвернулись и пошли дальше. Я снова повернулся к Схрудеру, который смотрел на меня совсем иначе.

— Майор Пол Шерман из лондонского бюро Интерпола. Это меняет дело и объясняет, почему вы вели себя как полицейский и задавали вопросы как полицейский. Хотя мне, разумеется, придется проверить ваши документы.

— Проверяйте что хотите и где хотите. Можете начать с полковника де Графа из Главного управления.

— Вы знаете полковника?

— Это первая фамилия из тех, что пришли мне в голову. Я буду в баре,— я сделал несколько шагов, полицейские не отставали. Я посмотрел на Схрудера.— Их я угощать не намерен.

— Вы свободны, ребята,— сказал им Схрудер.— Майор Шерман никуда не денется.

— Пока мой паспорт и удостоверение остаются у вас, во всяком случае,— я посмотрел на девушку.— Простите меня, мисс Лемай. Должно быть, это было для вас шоком. Позвольте пригласить вас в бар. Выпить вам будет весьма кстати.

Девушка снова промокнула щеку и посмотрела на меня так, что сама мысль о нашем скором примирении показалась мне абсурдной.

— Я с вами даже через дорогу не перешла бы,— сказала она. И сказала это таким тоном, что стало ясно: она с удовольствием довела бы меня до середины оживленной улицы и бросила бы одного. Особенно если бы я был слепым.

— Добро пожаловать в Амстердам,— саркастически провозгласил я и направился в бар.

ГЛАВА II

Обычно я не останавливаюсь в роскошных отелях по той простой причине, что мне это не по карману; однако, бывая за границей, я располагаю практически неограни-

ченными фондами, по поводу использования которых редко задают вопросы и никогда не получают ответов. А поскольку мои заграничные командировки чаще всего бывают весьма и весьма изнурительными, я не вижу причин пренебрегать немногими минутами отдыха в самых комфортабельных и роскошных гостиницах.

Отель «Эксельсиор», безусловно, был именно таким. Это внушительное и чрезмерно украшенное старинное здание стояло на берегу одного из внутренних каналов старого города: прекрасные лепные балконы нависали над самой водой так, что легкомысленный лунатик мог быть уверен, что не свернет шею, свалившись вниз; если, конечно, на его несчастье, в это время по каналу не будет проходить одно из многочисленных прогулочных судов. Они ходили довольно часто, их было отлично видно из ресторана на первом этаже. Администрация отеля утверждала (и не без оснований), что это лучший ресторан в Голландии.

Желтое такси марки «мерседес» подвезло меня к гостинице, и пока я ждал, когда портье расплатится и возьмет мои вещи, мое внимание привлекли звуки «Вальса конькобежцев». Я в жизни не слыхивал такого фальшивого и бездарного его исполнения. Звуки доносились с противоположной стороны улицы из высокой и ярко раскрашенной шарманки, очевидно очень старой. Место намеренно было выбрано такое, чтобы как можно больше препятствовать движению по этой узенькой улочке. Под навесом шарманки, который состоял из выцветших останков пляжных зонтов, дергались на пружинах прекрасные куклы, одетые в национальные голландские костюмы. Дергались они сугубо по причине вибрации, сотрясавшей сей музейный экспонат.

Владельцем или оператором этой машины для пыток был сгорбленный старик с несколькими пучками прилизанных седых волос. Возможно, он сам собрал эту шарманку на заре юности, хотя, судя по всему, он уже тогда был лишен слуха. Старик непрерывно гремел жестянкой, прикрепленной к палке. Прохожие равнодушно миновали его, а я подумал об эластичных фондах, пересек улицу и бросил в его банку несколько монет. Не скажу, чтобы он ответил мне благодарной улыбкой, но в знак признательности ощерил беззубые десны, решительно крутанул ручку и взялся за «Веселую вдову». Я поспешно ретировался, следуя за портье по ступеням, в дверях

обернулся и наткнулся на стариковский взгляд. Не желая, чтобы меня перещеголяли в вежливости, я ответил таким же взглядом и вошел в отель.

За стойкой регистратуры сидел высокий брюнет с тонкими усиками и в безупречном фраке. Его улыбка отдавала теплотой и добродушием голодного крокодила; такая улыбка тотчас сойдет с его лица, стоит лишь повернуться к нему спиной, но появится снова — теплее обычного,— как только опять посмотреть на него.

— Добро пожаловать в Амстердам,— сказал он.— Надеюсь, что вам здесь понравится.

Я не нашел подходящих слов в ответ на его дурацкий оптимизм и принялся молча заполнять регистрационную карточку. Дежурный принял ее из моих рук, как будто я вручил ему бесценный алмаз, и жестом подозвал боя, который поволок мой чемодан, отклоняясь градусов на двадцать.

— 616-й номер для господина Шермана,— сказал ему дежурный.

Я отобрал чемодан у боя, тот и не думал противиться этому. По возрасту он вполне мог быть младшим братом шарманщика.

— Спасибо,— я дал бою монету.— Сам справлюсь.

— Но ваш чемодан кажется очень тяжелым, мистер Шерман,— заботливость администратора была даже более искренней, чем его улыбка. Чемодан и в самом деле был тяжел: все мое вооружение, амуниция и прочие хитрые приспособления весили не так уж мало, но я не хотел, чтобы какой-нибудь хитрый малый с хитрыми ключами залез туда в мое отсутствие. В любом номере можно найти десяток мест, куда можно спрятать небольшие вещи, не опасаясь, что их кто-то найдет; да и кому захочется проводить тщательный обыск, если чемодан демонстративно оставлен закрытым...

Я поблагодарил администратора, вошел в лифт и нажал кнопку шестого этажа. Прежде чем лифт начал подниматься, я увидел в окне, что администратор говорит по телефону, от его улыбки не осталось и следа.

Я вышел на шестом этаже. В маленькой нише напротив лифта стоял небольшой столик с телефоном. За ним сидел молодой человек в вышитой золотом ливрее. Это был малопривлекательный тип с лениво-наглым взглядом. Жаловаться на таких бесполезно, эти мерзавцы прекрасно умеют изображать оскорбленную невинность.

— Где 616-й номер? — спросил я.

В ответ он лишь ткнул пальцем и проронил:

— Вторая дверь.

Никаких попыток встать или назвать меня сэром. Я подавил желание разбить столик об его голову, пообещав себе поговорить с ним перед отъездом.

— Вы коридорный?

— Да, сэр,— ответил он и встал. Я ощутил легкое разочарование.

— Принесите мне кофе.

К 616-му номеру я не имел никаких претензий. Это был не номер, а роскошная квартира, которая состояла из холла, небольшой, но удобной кухни, гостиной, спальни и ванной. Двери гостиной и спальни выходили на один и тот же балкон. Я вышел туда.

Если не принимать во внимание огромную отвратительную неоновую рекламу безвредных сигарет на противоположном небоскребе, сияние разноцветных огней на улицах Амстердама можно было принять за нечто сказочное. Впрочем, мне платят не за то, чтобы я любовался городскими пейзажами, будь они даже самыми распрекрасными. Мир, в котором мы живем, так же далек от сказок, как самая удаленная от нас галактика на краю Вселенной. Я вернулся к более насущным делам.

Я выглянул вниз, откуда доносились громкие звуки улицы. В семидесяти футах[1] подо мной была широкая улица, безнадежно забитая звенящими трамваями, гудящими машинами и сотнями мотоциклов и велосипедов, владельцам которых определенно надоело жить. Мне казалось невероятным, что кто-то из этих гладиаторов на колесах мог бы надеяться на получение страхового полиса сроком более пяти минут, однако сами они относились к возможности своей скорой гибели с бравадой, которая не может не удивлять тех, кто оказался в Амстердаме впервые. Я понадеялся, что если с этого балкона кто-то и выпадет, то это буду не я.

Я посмотрел вверх. Мой этаж был верхним — я особенно на этом настаивал. Над кирпичной стенкой, отделявшей мой балкон от соседнего, был некий резной грифон в стиле барокко, а в дюймах[2] тридцати над ним — бетонный край крыши. Я вернулся в номер.

---

[1] 1 фут = 30,48 см (прим. ред.).

[2] 1 дюйм = 25,4 мм (прим. ред.).

Затем я достал из чемодана все вещи, обнаружение которых посторонними было бы нежелательно. Под мышку я повесил кобуру, которую было совершенно не видно благодаря стараниям моего портного, и сунул запасной магазин в задний карман брюк. Мне никогда еще не приходилось делать больше одного выстрела, но кто знает — вдруг пригодится. После этого я развернул брезентовый сверток с инструментами для взлома. Этот пояс благодаря услугам того же портного тоже был совершенно незаметен под пиджаком. Из этого замысловатого набора я выбрал скромную, но необходимую отвертку и с ее помощью снял заднюю крышку кухонного холодильника (удивительное дело, сколько можно найти свободного пространства даже в небольшом холодильнике). Там я и спрятал все, что хотел спрятать. Затем я открыл дверь в коридор. Коридорный сидел на своем месте.

— Где мой кофе? — Если это был не яростный рык, то что-то очень близкое к нему.

На этот раз он подскочил мгновенно.

— Сейчас будет на кухонном лифте. Я принесу сразу же.

— Поторопитесь,— я хлопнул дверью. Некоторые люди не ценят достоинств простоты. Попытки коридорного говорить на исковерканном английском были так же бесцельны, как и маловпечатляющи.

Я достал из кармана связку ключей и поочередно опробовал их на входной двери. Третий ключ подошел. Если бы не подошел ни один из них, я бы очень удивился. Я положил ключ в карман, прошел в ванную и включил на полную мощность душ. В этот миг раздался звонок и открылась входная дверь. Я выключил душ, крикнул коридорному, чтобы он оставил кофе на столе, и снова включил воду, надеясь, что сочетание кофе и душа убедит кого нужно, что я самый обычный турист, который готовится к праздному времяпрепровождению. Впрочем, держать об этом пари я бы не стал. Однако попытка не пытка.

Дверь закрылась, но я оставил душ включенным на случай, если коридорный подслушивал у двери (у него был вид человека, который массу времени проводит под чужими дверями). Я подкрался к двери и нагнулся: в замочную скважину никто не заглядывал. Я рванул дверь на себя, но никто не ввалился в номер. Это могло означать одно из двух: либо я никого не интересовал,

либо интересовал так сильно, что они предпочитали не рисковать. В любом случае это было мне на руку. Я закрыл дверь массивным гостиничным ключом, положил его в карман, вылил кофе в раковину, выключил душ и вышел из номера через балконную дверь. Дверь на балкон пришлось оставить открытой, заблокировав ее тяжелым стулом. По очевидной причине у балконных дверей не было ручек снаружи.

Я посмотрел на окна противоположного дома, затем перегнулся через перила, чтобы убедиться, что на меня никто не смотрит. На меня никто не смотрел. Я встал на перила, одной рукой взялся за грифона (он был так ловко вылеплен, что держаться за него было очень удобно), а другой рукой — за край крыши и перемахнул через него. Не скажу, чтобы я делал это с удовольствием, но я не видел другого выхода.

Насколько я мог видеть, заросшая травой крыша была пуста. Я осторожно перебрался на другую ее сторону, минуя телевизионные антенны, вентиляционные колодцы и забавные маленькие теплицы, которых так много в Амстердаме. Я осторожно выглянул за край крыши. Внизу была темная улочка, в тот момент совершенно пустынная. Я нашел пожарную лестницу и спустился по ней до третьего этажа. Разумеется, дверь была заперта на ключ, замок оказался двойным, но и он не смог противостоять моим приспособлениям.

Коридор был пуст. Я спустился на первый этаж пешком, поскольку лифт хорошо просматривается из регистратуры. Можно было и не осторожничать: я не заметил ни дежурного администратора, ни боя или портье, кроме того, в холле была целая толпа только что прибывших туристов. Я врезался в эту толпу, просунул руку, положил на стойку ключ, неторопливо прошел в бар, так же неторопливо пересек его и вышел через боковую дверь.

Весь день шел сильный дождь, улицы все еще были мокрыми, но плащ можно было не надевать, поэтому я бросил его на руку и пошел по улице с непокрытой головой, глазея по сторонам и время от времени останавливаясь. Хотелось надеяться, что я ничем не отличался от обычного туриста, который наслаждается звуками и видами ночного Амстердама.

Я беззаботным шагом шел по Херенграхт, разглядывая фасады купеческих домов XVII века, и тут впервые ощутил холодок в спине. Никаким опытом и никакими

тренировками нельзя выработать это чувство: либо оно у вас есть, либо нет. У меня было.

За мной следили.

Амстердамцы, такие гостеприимные во всех отношениях, были непростительно небрежны, когда речь шла о предоставлении уставшим туристам и своим утомленным гражданам, если уж на то пошло, скамеек вдоль берегов каналов. И если у вас появится желание поглазеть на темную гладь полуночных каналов, вам придется, в лучшем случае, прислониться к подходящему дереву. Именно так я и сделал, а потом закурил.

В течение нескольких минут я демонстрировал полный душевный покой и время от времени поднимал руку с сигаретой. Никто не стрелял в меня из пистолета с глушителем, никто не подкрадывался с палкой и не пытался сбросить меня в канал. Я предоставил для этого все возможности, но ими не воспользовались. Смуглый убийца в Схипхоле тоже держал меня на мушке, но стрелять не стал. Никто не хотел меня убивать. Внесем ясность: пока не хотел. Это немного утешало.

Я расправил плечи, потянулся и зевнул, лениво оглядываясь, как человек, пробудившийся от романтических грез. Разумеется, он был на месте, только не прислонялся к дереву, как я, а прятался за ним. Дерево было тонким, и я отчетливо видел его передние и задние габариты.

Я двинулся дальше, повернул вправо на Лейдсестрат и пошел по ней, разглядывая витрины. У одного из магазинов я остановился и присмотрелся к фотографиям, настолько специфическим и художественно выполненным, что в Англии владельца магазина в два счета упекли бы за решетку. Еще интереснее было то, что витрина представляла собой совершенно зеркальную поверхность. Теперь тот был примерно в двадцати ярдах позади меня и добросовестно разглядывал закрытую витрину овощной лавки. Он был в сером костюме и сером свитере — вот и все, что можно было о нем сказать. Серый, ничем не примечательный человек.

На ближайшем перекрестке я снова свернул направо, за овощной рынок, на берег канала Сингел. Я постоял у цветочного ларька, осмотрел его содержимое и выбрал гвоздичку; в тридцати ярдах от меня человек в сером тоже осматривал ларек. То ли он был скуп, то ли его фонды были не такими эластичными, как у меня, но он ничего не купил.

По-прежнему сохраняя дистанцию в тридцать ярдов, я свернул направо в Вейзелстрат, резво подскочил к индонезийскому ресторанчику, нырнул в него и закрыл за собой дверь. Пенсионного возраста портье приветствовал меня достаточно вежливо, но встать не пытался.

Я смотрел на улицу через стеклянную дверь, вскоре мимо прошел человек в сером. Он был лет шестидесяти — старше, чем я думал раньше. Для своего возраста он, надо признать, передвигался очень живо. Он производил впечатление растерянного.

Я надел плащ и попрощался с портье. Он попрощался так же вежливо, как только что приветствовал меня. Впрочем, посетителей в ресторане хватало и без меня. Я вышел на улицу, достал из одного кармана мятую шляпу, из другого очки в металлической оправе и надел и то и другое.

Человек в сером суетливо заглядывал в каждую дверь. Я собрался с духом и одним броском пересек улицу, добравшись на другую ее сторону целым и невредимым, хотя это и не добавило мне популярности среди водителей. Я шел на одной линии с мужчиной еще ярдов сто, пока он не остановился. Мужчина поколебался и повернул назад. Теперь он начал забегать уже во все двери подряд. Он заглянул в ресторан, который я почтил кратковременным визитом, и вышел оттуда через десять секунд. Затем он вошел в отель «Карлтон» через боковой вход и вышел через главный; вряд ли это понравилось администрации, там без особого восторга относятся к облезлым старикам, которые таким образом срезают углы, укорачивая дорогу. После этого старик заглянул в другой индонезийский ресторанчик в конце квартала и вылетел оттуда с жалкой миной человека, которому хорошенько поддали. Он нырнул в телефонную будку и вышел из нее с еще более жалким видом. Затем он направился на трамвайную остановку на Мунтплейн. Я встал в ту же очередь.

Первым подошел трехвагонный трамвай 16-го номера, он шел на центральный вокзал. Человек в сером сел в первый вагон, я занял одно из передних мест во втором, но так, чтобы старик не мог меня видеть, даже если бы заинтересовался своими спутниками. Хотя можно было и не беспокоиться: он не проявлял к соседям ни малейшего интереса. Судя по изменяющемуся выражению его лица, далекому от счастливого, и по непрерывно сжимаю-

щимся и разжимающимся рукам, человека в сером занимали куда более серьезные проблемы, не последней из которых была степень возможного понимания со стороны его хозяев.

Старик вышел из трамвая на Дам — главной амстердамской площади. На ней расположены многие исторические памятники вроде Королевского дворца или так называемой Новой церкви, которая едва не падает от старости. Но в тот вечер старику было не до них. Он обогнул отель «Краснопольски», повернул налево, к докам вдоль канала Аузейдс Ворбургвал, затем еще раз свернул налево и углубился в лабиринт узких улочек, врезавшихся в складские кварталы; это был один из тех немногочисленных кварталов, что не входят в достопримечательности Амстердама. Следить за ним было проще простого. Старик не смотрел по сторонам и не оглядывался: он бы не заметил меня, даже если бы я ехал за ним на слоне.

Я стоял на углу и смотрел, как он идет по тесной, плохо освещенной и весьма непривлекательной улице, застроенной исключительно складскими помещениями — высокими пятиэтажными зданиями, двускатные крыши которых едва не соприкасались друг с другом, нагнетая атмосферу жутких страхов и кошмаров.

Поскольку человек в сером перешел на тяжеловесную трусцу, я решил, что его демонстративное рвение могло обозначать лишь близкий конец пути. Я не ошибся. Добежав до середины квартала, старик поднялся на ступеньки одного из домов, достал ключ, открыл дверь и исчез за ней. Я прошел мимо, не слишком быстро, но и не медленно, как бы между прочим взглянув на склад. На нем висела табличка «Моргенштерн и Муггенталер». Мне не приходилось слышать о такой фирме, но такое название не скоро забудешь. Я прошел дальше не останавливаясь.

* * *

Не скажу, что номер был приличным, поскольку и саму гостиницу нельзя было назвать таковой. Маленькая, облезлая и непривлекательная снаружи — такой она была и внутри. Скромная обстановка номера состояла из односпальной кровати и дивана, продавленного тяжестью лет. Ковер был протерт, но чуть меньше штор и

покрывала на кровати; ванная не отличалась по метражу от телефонной будки. Однако от полной катастрофы номер спасали два существенных элемента, которые и самой мрачной тюремной камере сумели бы придать привлекательность. На краешке кровати сидели Мэгги и Белинда; они без особого восторга смотрели, как я устраиваюсь на диване.

— Траляля и Труляля,— сказал я.— Совсем одни в испорченном Амстердаме. Все нормально?

— Нет,— голос Белинды был полон решимости.

— Нет? — я продемонстрировал удивление.

Она обвела рукой комнату.

— Посмотрите на это.

Я посмотрел.

— Ну и что?

— Вы бы стали здесь жить?

— Честно говоря, нет. Но фешенебельные отели существуют для руководящих типов вроде меня. Для простых машинисток это самый подходящий номер, а для девушек, которые выдают себя за машинисток, он предоставляет такие возможности, о которых можно только мечтать.— Я сделал паузу.— По крайней мере, мне так кажется. Я надеюсь, что вы не вызвали ничьих подозрений. В самолете кого-нибудь узнали?

— Нет,— сказали они в унисон, одинаково покачав головами.

— А в аэропорту?

— Нет.

— Кто-нибудь интересовался вами в Схипхоле?

— Нет.

— Ваш номер прослушивается?

— Нет.

— В город выходили?

— Да.

— За вами следили?

— Нет.

— Во время вашего отсутствия номер обыскивали?

— Нет.

— Тебя что-то насмешило, Белинда? — Она еще не хихикала, но была близка к этому.— Что? Я бы тоже посмеялся.

— Хорошо,— она помялась,— хотя... нет, ничего. Извините.

— За что ты извиняешься, Белинда? — Мой отцовский

покровительственный тон как-то странно на нее подействовал: девушка поежилась.

— Все эти предосторожности для простых девушек вроде нас? Какая в этом необходимость?

— Белинда, успокойся! — Мэгги, как всегда, была готова прийти на помощь шефу, почему — я сам не знаю. Конечно, и на моем счету были определенные достижения, их набрался довольно внушительный список, однако он не шел ни в какое сравнение с перечнем моих провалов и неудач.

— Майор Шерман,— продолжала Мэгги,— всегда знает, что делает.

— Майор Шерман,— откровенно признался я,— дал бы руку на отсечение, если бы это было так.— Я выжидающе посмотрел на них.— Я не уклоняюсь от разговора на эту тему, но как насчет сочувствия раненому шефу?

— Мы знаем свое место,— скромно заметила Мэгги. Она встала, посмотрела на мой лоб и снова села.— Я считаю, что для такого большого синяка у вас слишком маленький кусочек пластыря.

— Правящие классы легко кровоточат; очевидно, это как-то связано с толщиной кожи. Вы знаете, что произошло?

Мэгги кивнула.

— Это ужасное происшествие. Мы слышали, что вы пытались...

— Вмешаться. Пытался, как ты правильно подметила,— я посмотрел на Белинду.— Должно быть, это произвело на тебя впечатление. Новый шеф получает по башке, едва ступив на чужую территорию.

Девушка невольно посмотрела на Мэгги, покраснела (платиновые блондинки охотно краснеют) и сказала, как будто оправдываясь:

— Просто он оказался быстрее вас.

— Именно,— согласился я.— Он оказался быстрее и Джимми Дюкло.

— Джимми Дюкло? — Их способность говорить в унисон была все-таки поразительной.

— Так звали убитого. Он был одним из наших лучших агентов и моим другом. У него была срочная и, я полагаю, жизненно важная информация, которую он хотел передать мне лично. Я был единственным человеком в Англии, который об этом знал. Но знал об этом и кто-то в этом городе. О встрече мы договорились по двум раз-

личным каналам, но кто-то узнал даже номер моего рейса; он добрался до Джимми прежде, чем тот до меня. Белинда, ты должна признать, что я не отклонился от темы. Согласись, что если они знали об одном из моих помощников, то они могли быть информированы и о других.

Девушки переглянулись, и Белинда тихо сказала:

— Дюкло был одним из нас?

— Ты что, оглохла?

— Значит мы: я и Мэгги...

— Вот именно.

Возможную угрозу жизни они восприняли спокойно. Впрочем, они знали, что за работа их ждет, и находились здесь затем, чтобы выполнять ее, а не падать в обморок.

— Мне очень жаль вашего друга,— сказала Мэгги.

Я кивнул.

— А я сожалею о том, что была такой глупой,— сказала Белинда. Ее мучило раскаяние; впрочем, она не такой человек, чтобы это продолжалось долго. Она посмотрела на меня своими удивительными зелеными глазами и медленно проговорила: — Они охотятся за вами?

— Добрая девочка,— одобрительно отозвался я.— Беспокоишься о шефе. За мной? Хм, если это не так, то половина персонала «Эксельсиора» меня с кем-то путает. Под наблюдением был даже запасной выход. Когда я пошел сюда, за мной следили.

— Недолго это длилось,— лояльность Мэгги временами просто смущала.

— Он не был профессионалом, это бросалось в глаза. Хотя меня могут и умышленно провоцировать. Если это их подлинное намерение, то они чертовски преуспели.

— Провокация? — В голосе Мэгги была какая-то обреченность. Она меня знала.

— Непрерывная. Обязательно наткнешься или влезешь во что-нибудь. Даже с закрытыми глазами.

— Я бы не назвала этот способ расследования очень умным или научным,— с сомнением заметила Белинда. Ее смущение таяло на глазах.

— Джимми Дюкло был умнее нас всех, а теперь он лежит в городском морге.

Белинда посмотрела на меня с недоумением.

— И вы положите голову под плаху?

— На плаху, моя милая,— рассеянно поправила ее

Мэгги.— И не говори своему новому шефу, что ему можно делать, а что нельзя.— Хотя в этих словах Мэгги не было особой убежденности, а в глазах таилась тревога.

— Но это же самоубийство,— настаивала на своем девушка.

— Ну и что? Переходить через улицу в Амстердаме — тоже самоубийство или что-то близкое к этому. Тем не менее каждый день это делают десятки тысяч людей.

Я не стал говорить им, что моя кончина значилась не на первом месте в списке этих мерзавцев: не потому, что хотел укрепить героический облик шефа в глазах девушек, а потому, что это привело бы к дополнительным разъяснениям, которых я пока хотел избежать.

— Вы привезли нас сюда не просто так.

— Разумеется. Но основную работу буду выполнять я, вы держитесь в стороне. Сегодня вы свободны, завтра тоже. Я только хочу, чтобы завтра вечером Белинда прогулялась со мной. А потом, если вы будете хорошими девочками, я возьму вас в неприличный ночной бар.

— Лететь сюда из Парижа, чтобы ходить по неприличным ночным барам? — Белинда снова была язвительной.— Зачем?

— Я объясняю вам зачем. Я расскажу вам о ночных барах то, чего вы не знаете. Я расскажу вам, почему мы здесь. Я расскажу вам все.— Под словом «все» я имел в виду все, что им стоило знать, а не все, что я знал. Разница весьма существенная. Белинда посмотрела на меня с надеждой, а Мэгги — с усталым скептицизмом. Опять-таки она меня знала.— Но сначала виски.

— У нас нет виски, майор,— временами Мэгги была настоящей пуританкой.

— Ты не знакома даже с основами разведывательной работы. Стоит почитать подходящие книги,— я кивнул Белинде.— Закажи по телефону. Даже руководство должно иногда расслабляться.

Белинда встала, поправила свое темное платье и посмотрела на меня с недоуменной неприязнью. Она медленно сказала:

— Когда вы говорили о своем друге в морге, я смотрела на вас и ничего не заметила. Он лежит там, а вы... как бы это сказать... такой беззаботный. Расслабиться, вы говорите? Как вам это удается?

— Немного практики. И сифон с содовой.

Перед «Эксельсиором» был устроен «вечер классической музыки»: шарманщик исполнял фрагмент Пятой симфонии Бетховена с таким рвением, что композитор, будь он жив сейчас, упал бы на колени, благодаря Бога за почти полную глухоту. Эффект был ужасным даже с расстояния пятидесяти ярдов, с которого я осторожно рассматривал отель под снова занявшимся дождем. Только чрезвычайной терпеливостью жителей Амстердама, города славных музыкальных традиций, можно было объяснить тот факт, что старика еще не заманили в ближайшую пивную, чтобы в его отсутствие спустить шарманку в ближайший канал. Старикан гремел своей банкой, очевидно, чисто инстинктивно, потому что его никто не слушал.

Я свернул в небольшую улочку, не доходя до бара. Ни там, ни в соседних подъездах никто не поджидал меня; впрочем, я и не надеялся кого-то встретить. Я обошел вокруг отеля и поднялся на крышу по пожарной лестнице. Потом я осторожно прошел по ней и оказался над карнизом своего балкона.

Я заглянул вниз. Мне не удалось ничего увидеть, но я кое-что почувствовал. Сигаретный дым. Он исходил от сигареты. Такие сигареты не выпускают уважаемые фирмы, поскольку они не выпускают продукцию с марихуаной. Я перегнулся и кое-что разглядел, едва удержав при этом равновесие. Носки башмаков и огонек сигареты в опущенной руке.

Я бесшумно подался назад, тихо встал, пробежал по крыше, спустился по лестнице на шестой этаж, подкрался к 616-му номеру и прислушался. Тишина. Открыв дверь заранее опробованным ключом, я быстро вошел в номер и закрыл за собой дверь, чтобы меня не выдал сквозняк. Курящий мог обратить внимание на дымок, хотя наркоманы редко бывают внимательными.

Этот не был исключением. Как и следовало ожидать, это был коридорный с моего этажа. Он удобно развалился в кресле, положив ноги на балконный порог и держа в левой руке сигарету, его правая рука поглаживала пистолет, лежавший на колене.

Обычно очень трудно бывает подойти к человеку сзади так, чтобы он этого инстинктивно не почувствовал. Многие наркотики угнетающе действуют на этот инстинкт, и марихуана из их числа.

Я стоял за его спиной с пистолетом в руке, а коридорный ничего не подозревал. Я положил руку на его правое плечо, он конвульсивно обернулся и тотчас крикнул от боли, потому что дуло моего пистолета воткнулось в его правый глаз. Коридорный ухватился за него обеими руками, а я взял его пистолет и положил в карман. Потом я схватил коридорного за плечо и рванул на себя. Он опрокинулся на спину, перекувырнулся и тяжело ударился об пол затылком. Секунд десять он приходил в себя, затем приподнялся на одной руке. Он издал шипящий звук, его бескровные губы обнажили в волчьем оскале желтые от табака зубы, глаза потемнели от ненависти. Вряд ли стоило надеяться на то, что мы скоро подружимся.

— Круто начинаешь, парень,— прошипел он. Наркоманы — большие любители кинобоевиков, их монологи просто безупречны.

— Круто? — удивился я.— Ну что ты. Круто поговорим потом... если ты будешь молчать...— Возможно, мы смотрели одни и те же фильмы. Я поднял с пола дымящуюся сигарету, понюхал и с отвращением раздавил в пепельнице. Коридорный, покачиваясь, встал, но я не слишком-то доверял его жестам. Когда он снова заговорил, в его голосе не было и тени нервозности, как и на его лице. Затишье перед бурей — затасканный сценарий; пожалуй, нам обоим стоило ходить не в кино, а в оперу.

— О чем ты хочешь говорить? — спросил он.

— Для начала о том, что ты делаешь в моей комнате. Кто тебя послал?

В ответ коридорный ухмыльнулся.

— Закон пытался заставить меня говорить. У меня есть свои права — так говорит закон.

— Закон остался по ту сторону двери, и ты это знаешь. Мы с тобой находимся в одном из самых цивилизованных городов. Впрочем, здесь, как в джунглях, тоже есть свой закон: убить или быть убитым.

Наверное, я зря подкинул ему эту мысль. Он резко пригнулся: достаточно, чтобы увернуться от пистолета, но недостаточно, чтобы от моего колена, которым я двинул его по челюсти. Судя по пронзительной боли в колене, мой удар должен был выключить его, но парень оказался крепким. Он схватил меня за другую ногу, и мы оба рухнули на пол. Пистолет я выронил, и мы немного покатались по полу, с энтузиазмом колошматя друг друга.

Он оказался довольно сильным, но имел два существенных недостатка: систематическое употребление наркотиков сослужило ему плохую службу, и, кроме того, хотя он и обладал высокоразвитым боевым инстинктом, по-настоящему его никогда не обучали драться. В конце концов мы снова оказались на ногах, левой рукой я выкрутил его правую до самых лопаток.

Я надавил на нее еще, и коридорный завыл от боли, что было совсем неудивительно, ибо в его плече что-то хрустнуло; но, чтобы устранить все сомнения, я надавил еще немного. Затем я вытолкнул его на балкон и бросил на перила. Ноги коридорного повисли в воздухе, левой рукой он вцепился в ограждение, как будто от этого зависела его жизнь. В общем-то, так оно и было.

— Ты кто, клиент или торговец? — спросил я.

В ответ он выругался, но я хорошо знал голландский, включая и те слова, что знать не стоило. Правой рукой я заткнул ему рот, потому что его вопли могли услышать даже в таком шуме, но я не хотел привлекать внимания амстердамцев. Затем я ослабил нажим и убрал руку.

— Ну?

— Торговец,— хрипло проскрипел он.— Я их продаю.

— Кто тебя послал?

— Нет! Нет! Нет!

— Как знаешь. Когда то, что от тебя останется, соскребут с асфальта, все просто подумают, что еще один наркоман полетел за синей птицей.

— Но это же убийство! — Он был в истерике, голос его перешел в хриплый шепот.— Вы не можете...

— Не могу? Сегодня ваши люди убили моего друга. Уничтожение подонков может доставлять удовольствие. Семьдесят футов — это неблизкий путь. И ни малейших следов насилия. Но каждая твоя кость будет переломана. Семьдесят футов. Смотри!

Я помог ему посмотреть вниз, но перестарался. Чтобы втащить его обратно, мне потребовались обе руки.

— Будешь говорить?

Он что-то пробулькал в ответ, я оторвал его от перил и толкнул в комнату.

— Кто тебя послал?

Я уже упоминал, что он оказался крепким малым, но он оказался еще крепче, чем я думал. В его положении впору было дрожать от страха и сходить с ума от боли. Так оно, конечно, и было; но это не помешало ему резко

рвануться вправо и высвободиться. Я был захвачен врасплох. Коридорный бросился на меня; в его левой руке сверкнул нож, описав дугу, он устремился к моей груди. В нормальной обстановке он мог бы меня убить. Однако обстановка не была нормальной, да и реакция нападавшего была уже не та. Я двумя руками схватил его запястье, откинулся назад, подставил прямую ногу и одновременно рванул его руку вниз, перебрасывая коридорного через себя. Удар от моего броска потряс комнату и, вероятно, несколько соседних.

Я развернулся и вскочил на ноги. Можно было не спешить: коридорный лежал в дальнем конце комнаты, его голова покоилась на балконном пороге. Я поднял его за лацканы. Голова парня откинулась назад, едва не доставая до лопаток. Я отпустил его. Мне было жаль, что он погиб, ничего не успев сказать. Это было единственной причиной моего сожаления.

Я обыскал труп и нашел немало интересного, но заинтересовали меня лишь две вещи: портсигар, наполовину заполненный самодельными наркотическими сигаретами, и два клочка бумаги. На одном было напечатано: «МОО 144», на другом — «910020 и 2797». Мне эти цифры ни о чем не говорили, однако основываясь на здравом предположении, что коридорный не стал бы держать их при себе, если бы они ничего не значили, я спрятал их в одном надежном месте — в небольшом карманчике с внутренней стороны правой штанины.

Я уничтожил немногие следы драки, вышел на балкон и забросил на крышу пистолет убитого, он бесшумно упал футах в двадцати от балкона. Затем я вернулся в номер, бросил окурок в унитаз и смыл его, потом вымыл пепельницу и открыл все двери и окна, чтобы побыстрее выветрился этот отвратительный запах. Я вытащил коридорного в прихожую и открыл дверь в коридор.

В коридоре никого не было. Я внимательно прислушался, но ничего не услышал. Тогда я вызвал лифт, дождался его и оставил в дверях лифта спичечный коробок, чтобы не замкнулась электрическая цепь. Затем я вернулся в номер, приволок труп и бесцеремонно бросил его в угол лифта. Убрал коробок, позволяя двери закрыться. Лифт остался на месте; очевидно, в этот момент его никто не вызывал.

Я закрыл дверь в номер своим ключом и спустился

по лестнице, которая уже стала моим старым и верным другом.

Старик-шарманщик взялся за беднягу Верди. Старик стоял ко мне спиной, я бросил ему в жестянку гульден. Он обернулся, чтобы поблагодарить меня, растягивая губы в беззубую улыбку. Когда он увидел, с кем имеет дело, у него отвисла челюсть. Никто не удосужился сообщить ему, что Шерман уже действует. Я широко улыбнулся и вошел в отель.

В регистратуре я увидел двух служащих в ливреях и спину администратора.

— Шестьсот шестнадцатый, пожалуйста,— громко сказал я.

Администратор резко обернулся, его брови поднялись, но не слишком высоко. Затем он одарил меня своей теплой крокодиловой улыбкой.

— Мистер Шерман, я не знал, что вы уходили.

— Прогулялся для аппетита. Такая старая английская традиция.

— Конечно, конечно,— он многозначительно улыбнулся, как будто в этой традиции было что-то неприличное, потом изобразил удивление. От него так и веяло фальшью.— Что-то я не припоминаю, как вы ушли.

— Не можете же вы помнить всех своих гостей,— резонно ответил я, улыбнулся не менее фальшиво, взял ключ и направился к лифтам. Не успел я дойти до середины холла, как раздался истошный вопль, а за ним последовала секундная пауза, необходимая вопившей женщине для того, чтобы перевести дух и заорать снова. Источником этих звуков была крикливо одетая дама средних лет — карикатура на американскую туристку за границей. Стоявший рядом с ней тучный мужчина в полосатом костюме пытался ее успокоить; хотя, как мне показалось, и сам он был бы не прочь поверещать.

Мимо меня пробежал администратор, я последовал за ним, но не так быстро. Когда я подошел к лифту, администратор стоял над распростертым телом коридорного.

— Боже мой,— сказал я.— Ему плохо?

— Плохо? — Администратор уставился на меня.— Посмотрите на его шею. Он мертв.

— Кажется, вы правы,— я наклонился к убитому.— Я не мог видеть его раньше?

— Это коридорный с вашего этажа,— сквозь зубы проронил администратор.

— Вот почему мне его лицо знакомо. В расцвете сил...— Я печально покачал головой.— Где у вас тут ресторан?

— Где у нас... что?

— Не волнуйтесь,— успокоил я его.— Сам найду.

Может быть, ресторан в «Эксельсиоре» и не лучший в Голландии, как это утверждает администрация отеля, но я не стал бы привлекать ее к суду за преднамеренный обман. Еда была превосходной — начиная с икры и кончая свежей клубникой. Я никак не мог решить, в какую графу внести эти свои расходы: «Развлечения» или «Подкуп». Я невольно подумал о Мэгги и Белинде, но без чувства вины. Такого не избежать. Красный плюшевый диван, на котором я сидел, был верхом комфорта, потому я удобно развалился на нем, поднял рюмку с коньяком и сказал:

— За Амстердам!

— За Амстердам! — ответил полковник ван де Граф. Полковник, заместитель начальника амстердамской полиции, присоединился ко мне без приглашения пять минут назад. Это был широкоплечий мужчина среднего роста, с серо-стальными волосами и загоревшим лицом, изборожденным морщинами. Вид у него был очень солидный и умный. Большой стул, который он занимал, казался под ним маленьким. Де Граф сухо продолжал: — Рад видеть вас в хорошем настроении, майор Шерман, после такого насыщенного событиями дня.

— Спешите жить, полковник... ведь жизнь так коротка. Какие события вы имеете в виду?

— Мы очень немного успели узнать о том человеке, которого застрелили в аэропорту.— Ван де Граф обладал терпением, его нелегко было сбить.— Его звали Джеймс Дюкло. Он прибыл из Англии три недели назад, снял на сутки номер в гостинице «Шиллер», а потом исчез. Кажется, он встречал ваш самолет, майор. Неужели это простое совпадение?

— Он встречал меня,— рано или поздно ван де Граф все равно узнал бы об этом.— Он был моим сотрудником. Наверное, он где-то достал поддельный полицейский пропуск, чтобы пройти через иммиграционный зал.

— Вы меня удивляете,— полковник тяжело вздохнул, но совсем не походил на удивленного.— Нам будет очень трудно сотрудничать, если вы не будете нас информировать. Вы должны были сообщить нам о Дюкло. Раз

уж мы получили инструкцию Интерпола оказывать вам всяческое содействие, не считаете ли вы, что нам надо объединить усилия? Вы поможете нам, а мы — вам.— Он отпил из рюмки. Его серые глаза внимательно смотрели на меня.— Можно предположить, что он располагал какой-то информацией... Теперь она утеряна.

— Может быть. Ну, хорошо, начнем с того, что вы мне поможете. Не могли бы вы поискать в своих архивах данные о мисс Астрид Лемай? Она работает в ночном баре и не походит на голландку. На нее может что-нибудь быть.

— Это девушка, которую вы сшибли в аэропорту? Откуда вы знаете, что она работает в ночном баре?

— Она сказала,— ничуть не смутившись, сказал я.

Он нахмурился.

— Сотрудники аэропорта не сообщили ни о чем подобном.

— Сотрудники аэропорта — это толпа старух.

— Угу! — Это могло означать все, что угодно.— Эту информацию я могу получить. Еще что-нибудь?

— Нет, ничего.

— Мы не коснулись еще одного небольшого происшествия.

— Какого?

— Коридорный с шестого этажа... неприятный тип, о котором мы кое-что знали... он не был вашим сотрудником?

— Полковник!

— Я ни секунды в этом не сомневался. Вы знаете, что он умер от перелома шеи?

— Должно быть, он сильно ударился,— заметил я.

Де Граф допил коньяк и встал.

— Я не был знаком с вами лично, майор, но вы слишком давно работаете в Интерполе, и мы слышали о ваших методах. Позвольте вам напомнить: то, что сходит с рук в Стамбуле, Марселе и Палермо — эти города я назвал просто наугад,— не сойдет вам с рук в Амстердаме.

— А вы, я вижу, неплохо информированы.

— У нас в Амстердаме закон существует для всех,— он как будто не слушал меня.— В том числе и для меня. Вы тоже не исключение.

— Я и не хотел им быть,— достойно заявил я.— Итак, сотрудничество. А теперь о цели моего приезда. Когда вы сможете со мной поговорить?

— Завтра в десять утра в моем бюро,— он равнодушно окинул взглядом ресторан.— Сейчас не самое подходящее время, да и место здесь не самое лучшее.

Я изобразил удивление.

— Отель «Эксельсиор»,— нехотя поведал де Граф,— это подслушивающий центр международного значения.

— Вы меня удивляете.

Де Граф ушел. Интересно было бы узнать его мнение о том, почему я выбрал именно этот отель.

Кабинет полковника де Графа ничем не напоминал отель «Эксельсиор». Это было довольно большое, но голое помещение — явно рабочее: серые ящики для бумаг, серый стол, серые кресла, жесткие, как сталь. Но обстановка, по крайней мере, заставляла здесь концентрироваться только на делах; ничто не отвлекало внимания. После десятиминутного обсуждения мы как раз начали концентрироваться на делах, хотя де Граф преуспел в этом больше, чем я. Дело в том, что я не мог заснуть почти до самого утра, к тому же я редко бываю в форме в столь раннее время холодным ветреным утром.

— Конечно, нас интересуют все наркотики,— согласился де Граф.— Опиум, гашиш, амфетамин, LSD, STP, кокаин, ацетат амин — все, что угодно, майор. Все они уничтожают людей или способствуют уничтожению. Но в данном случае я предлагаю остановиться на самом опасном из наркотиков — на героине. Согласны?

— Согласен,— раздался у порога чей-то резкий и глубокий голос. Я обернулся и увидел высокого мужчину в хорошем темном костюме. У него были холодные и подозрительные серые глаза и приятное лицо, которое очень быстро могло перестать быть таковым: лицо профессионального полицейского.

Он закрыл дверь, подошел ко мне мягким пружинистым шагом молодого человека, хотя ему явно было уже за сорок, и, протягивая руку, представился:

— Ван Гелдер. Я о вас много слышал.

Я быстро, но тщательно пережевал его слова и решил воздержаться от комментария. Я молча улыбнулся и пожал ему руку.

— Инспектор ван Гелдер возглавляет отдел по борьбе с наркотиками,— отозвался де Граф.— Вы будете рабо-

тать вместе с ним, мистер Шерман. Он обеспечит вам наилучшее сотрудничество.

— От всей души надеюсь, что мы сработаемся,— ван Гелдер сел.— Расскажите нам о своих успехах. Вы считаете, что можете ликвидировать сеть поставок в Англии?

— Думаю, что можем. Это очень хорошо организованная сеть, почти без недостатков... Именно это и помогло нам обнаружить десятки торговцев и полдюжины главных распределительных центров.

— Вы могли бы ликвидировать эту сеть, но пока не хотите, так?

— А что делать, инспектор? Если мы ликвидируем эту, то следующая уйдет так глубоко в подполье, что мы ее вообще не найдем. Пока же мы можем арестовать всех в любой момент. Больше всего нас интересует, как эта дрянь попадает к нам и кто ее доставляет.

— И вы думаете — это очевидно, иначе вас не было бы здесь,— что поставки идут из Амстердама или из его района.

— Не из района, а именно из Амстердама; и не думаю, а знаю. У восьмидесяти процентов наблюдаемых (я имею в виду торговцев и их посредников) есть связи с вашей страной, точнее говоря,— с Амстердамом. У них есть тут родственники, деловые или личные связи, некоторые проводят здесь отпуск. На составление этого досье нам потребовалось пять лет.

— Относительно Амстердама? — Де Граф улыбнулся.

— Да, относительно Амстердама.

— У него есть копии? — спросил ван Гелдер.

— Одна.

— Она у вас?

— Да.

— С собой?

— В одном надежном месте,— я постучал пальцем по голове.

— Надежнее не бывает,— согласился де Граф и задумчиво добавил: — Конечно, пока вы не встретите людей, которые будут способны обращаться с вами так же, как вы с ними.

— Я вас не понимаю, полковник.

— Я говорю загадками,— вежливо пояснил де Граф.— Ну, хорошо, я согласен. В данный момент все факты указывают на Голландию, если быть предельно точным, они указывают на Амстердам. К сожалению, нам известна

репутация нашего города. Нам хотелось бы, чтобы она была иной, но это, увы, не так. Мы знаем, что эта дрянь поступает сюда оптом, а выходит отсюда партиями... Но мы не имеем понятия, как и откуда.

— Это ваши проблемы,— мягко заметил я.

— Как?

— Это ваша провинция. Мы находимся в Амстердаме, а вы здесь представляете закон.

— Скажите, сколько новых друзей у вас появляется в течение года? — вежливо поинтересовался ван Гелдер.

— Моя профессия заключается не в том, чтобы заводить друзей.

— Ваша профессия — уничтожать тех, кто уничтожает других,— примирительно заявил де Граф.— Мы о вас наслышаны, у нас есть прекрасное досье. Не хотите взглянуть?

— Меня не интересует древняя история.

— Разумеется,— де Граф вздохнул.— Послушайте, Шерман, даже лучшая в мире полиция может упереться в бетонную стену. Именно это с нами и случилось, хотя я не утверждаю, что наша полиция лучшая в мире. Нам нужна только одна ниточка... одна-единственная... Может быть, у вас есть какая-нибудь идея или план?

— Я приехал только вчера,— из правой штанины я достал два клочка бумаги, найденные у коридорного, и подал их де Графу.— Вам что-нибудь говорят эти буквы и цифры?

Де Граф включил настольную лампу, мельком взглянул на бумаги и положил их на стол.

— Нет.

— Вы можете узнать, что они означают?

— У меня очень способные сотрудники. Кстати говоря, где вы их взяли?

— Мне их дал один человек.

— То есть вы отобрали их у одного человека?

— А есть какая-то разница?

— Разница может быть очень значительной,— де Граф подался вперед, и его голос и лицо стали очень серьезными.— Послушайте, майор, мы знаем о вашей привычке выводить людей из равновесия и так далее. Мы знаем о вашей склонности выходить за рамки закона...

— Полковник!

— Именно так. Точнее будет сказать, что вы очень редко находитесь в его рамках. Мы наслышаны о вашем

методе — таком же эффективном, как и самоубийственном: бесконечной провокации в ожидании, что кто-то или что-то не выдержит. Но я прошу вас, не пытайтесь никого провоцировать в Амстердаме. У нас здесь слишком много каналов.

— Я не собираюсь никого провоцировать. И буду очень осторожен.

— Не сомневаюсь,— де Граф вздохнул.— А теперь, мне думается, вам кое-что покажет ван Гелдер.

Он действительно показал мне кое-что: отвез меня в городской морг. Выходя оттуда, я решил, что лучше бы он этого не делал.

Городскому моргу недоставало очарования, романтики и ностальгической красоты старого Амстердама; он ничем не отличался от морга любого большого города: какой-то холодный и отталкивающий, в нем не было ничего человеческого. Посреди центрального зала протянулись два ряда белых плит, которые казались мраморными, но наверняка были изготовлены из чего-то другого. В стенах имелся ряд больших металлических дверей. Главным в морге был веселый, располагающий к себе румяный мужчина, облаченный в накрахмаленный халат без единого пятнышка. Мужчина этот постоянно разражался приступами раскатистого смеха — необычное качество для сотрудника морга, если забыть о том, что в стародавние времена английские палачи слыли самыми остроумными собутыльниками и весельчаками.

По знаку ван Гелдера он проводил нас к одной из дверей, открыл ее и выкатил тележку. На ней лежало что-то прикрытое простыней.

— Его нашли в канале Кроквиус,— сказал ван Гелдер,— в районе доков. Ханс Гербер, 19 лет. Его лицо я вам не покажу — он слишком долго пролежал в воде. Его нашли пожарные, когда доставали со дна канала упавшую туда машину. Он вполне мог пролежать там еще год или два: кто-то привязал к его поясу несколько железяк.

Ван Гелдер приподнял край простыни, демонстрируя мне свисающую с тележки худую руку. По ней как будто топтались в альпинистских башмаках с шипами. Следы уколов соединялись фиолетовыми линиями, вся рука была какой-то бесцветной. Ван Гелдер опустил простыню и отвернулся. Весельчак закатил тележку в камеру и подошел к другой. Он повторил представление с демонстра-

цией трупа, широко при этом улыбаясь, как разорившийся английский аристократ, показывающий туристам свой родовой замок.

— Это лицо я вам тоже не покажу,— сказал ван Гелдер.— Не слишком приятно смотреть на двадцатитрехлетнего парня с лицом дряхлого старика.— Он повернулся к весельчаку.

— Где нашли этого?

— В Остерхок,— тот просиял.— На угольной барже.

Ван Гелдер кивнул.

— Вспомнил. Его нашли с пустой бутылкой из-под джина. Весь джин был в нем. Вы знаете, какую прекрасную комбинацию создают джин и героин.— Он приподнял простыню, и я увидел руку, похожую на предыдущую.— Самоубийство или убийство.

— Это зависит...

— От чего?

— От того, кто купил джин. Если он сам, то самоубийство или случайная смерть. Если же бутылку дал ему кто-то другой, то это убийство. В прошлом году у нас в лондонском порту был похожий случай. Мы никогда не узнаем правду.

После кивка ван Гелдера сотрудник морга счастливо подвел нас к плите в центральном зале. На этот раз ван Гелдер показал мне лицо. Это была золотоволосая девушка, симпатичная и юная.

— Красивая, не правда ли? Это Юлия Роземайер из Восточной Германии, больше мы о ней ничего не знаем. Врачи говорят, что ей около шестнадцати лет.

— Что с ней случилось?

— Упала с шестого этажа.

Я мимолетно подумал о бывшем коридорном и о том, что он на этой плите выглядел бы куда лучше.

— Ее толкнули?

— Сама упала. Есть свидетели. Все они накачались. Девушка всю ночь говорила, что хочет слетать в Англию. У нее была навязчивая идея встретиться с королевой. Потом она влезла на перила балкона, сказала, что летит к королеве, и... полетела. К счастью, в это время никто не проходил под балконом. Хотите продолжить осмотр?

— Я бы предпочел выпить в ближайшем баре, если вы не возражаете.

— Не возражаю,— он улыбнулся, но в этой улыбке не

было ничего веселого.— У меня дома, возле камина. Это недалеко отсюда. У меня есть на то свои причины.

— Что за причины?

— Увидите.

Мы попрощались с весельчаком служащим, который как будто хотел сказать «до скорого», но не сказал.

Небо стало еще темнее, закапали первые тяжелые капли дождя. На востоке горизонт был темно-фиолетовым, грозным и зловещим. Редко случалось, чтобы состояние погоды так точно соответствовало моему настроению.

Дом ван Гелдера мог дать фору многим английским барам. Это был настоящий оазис радостного света, в то время как за окном шел проливной дождь и по стеклу катились целые потоки воды. Здесь же было тепло и по-домашнему уютно. Комната была обставлена в тяжеловесном голландском стиле. Я сидел в пышном набивном кресле, к каким всегда питал слабость. На полу лежал коричневый ковер, а стены были раскрашены в разные оттенки пастельных цветов. Камин был первоклассный, а ван Гелдер, к моему удовольствию, внимательно разглядывал галерею бутылок в баре.

— Ну, хорошо,— отозвался я.— Вы показали мне этот чертов морг, чтобы что-то доказать. Вот и доказали. Только что?

— Многое. Во-первых, я хотел вам показать, что у нас дела обстоят еще более серьезно, чем у вас. В морге лежит еще полдюжины таких вот наркоманов, а сколько их умирает естественной смертью, известно одному Богу. Не всегда бывает так плохо, количество смертей изменяется как-то волнообразно, но их все равно слишком много, причем это в основном молодые люди. Кроме того, сколько тысяч обреченных на смерть наркоманов шатается по улицам?

— Вы хотите показать, что у вас есть больше причин разыскивать и уничтожать этих людей и что у нас общий враг? Этот враг — главный источник поставок?

— В каждой стране только один король.

— А во-вторых?

— Я хотел, чтобы вы прислушались к предупреждению полковника де Графа. Эти люди совершенно лишены жалости. Если вы их слишком сильно спровоцируете... или слишком близко приблизитесь к ним... В морге всегда есть несколько свободных мест.

— Как по поводу выпивки?

В коридоре зазвонил телефон. Ван Гелдер извинился и вышел. Едва за ним закрылась дверь, как тотчас открылась другая и в комнату вошла девушка лет двадцати, высокая и стройная. Одета она была в цветастый халат с драконами, достававший почти до лодыжек. Девушка была очень красивая: с льняными волосами, овальным лицом и большими фиолетовыми глазами, веселыми и внимательными одновременно. Девушка так поразила меня, что я не сразу вспомнил о манерах и лишь спустя некоторое время вскочил на ноги, что было совсем не так просто сделать, учитывая глубину кресла.

— Здравствуйте,— сказал я.— Пол Шерман.— Не слишком оригинальное приветствие, но ничего другого мне в голову не пришло.

Девушка как будто смутилась, пососала палец и обнажила в улыбке прекрасные зубы.

— Я Труди. Я не говорю хорошо по-английски.— Так оно и было на самом деле, но я никогда раньше не слышал, чтобы на плохом английском говорили таким милым голоском. Я подошел к девушке и протянул ей руку, но она поднесла руку ко рту и странно хихикнула. Я не привык к тому, чтобы взрослые девушки при виде меня смущенно хихикали, и потому почувствовал немалое облегчение, когда услышал, как ван Гелдер положил в коридоре трубку.

— Обычное сообщение из аэропорта,— сказал он, входя в комнату.— Пока ничего...— Тут он заметил девушку, замолчал, потом улыбнулся и обнял ее за плечи.

— Вы, я вижу, уже познакомились.

— Не совсем...— теперь не договорил я, увидев, что Труди потянулась к уху ван Гелдера и принялась что-то шептать, глядя на меня краем глаза. Ван Гелдер с улыбкой кивнул, и Труди выбежала из комнаты. Очевидно, на моем лице отразилось недоумение, потому что ван Гелдер снова улыбнулся, на этот раз безрадостно.

— Она сейчас вернется, майор. Сначала она стесняется посторонних, а потом привыкает.

Труди действительно очень быстро вернулась. Она принесла большую куклу, так искусно сделанную, что на первый взгляд ее можно было спутать с настоящим ребенком. Ростом она была почти три фута. Голову прикрывал белый чепец. Кроме того, на кукле было шелковое платье до щиколоток с вышитым лифом. Труди крепко

прижимала куклу к груди. Ван Гелдер снова обнял девушку за плечи.

— Это моя дочь — Труди. А это — мой друг, майор Шерман из Англии.

На этот раз девушка подошла без колебаний, протянула руку, изобразила начало поклона и улыбнулась:

— Добрый день, майор Шерман.

Не позволяя перещеголять себя в любезности, я ответил улыбкой и поклоном:

— Мисс ван Гелдер, мое удовольствие.

— Ваше удовольствие? — Девушка с недоумением посмотрела на ван Гелдера.

— Английский язык — не самая сильная сторона Труди,— извиняющимся тоном сказал ван Гелдер.— Садитесь, майор, садитесь.

Он достал из бара бутылку шотландского виски, наполнил два бокала, протянул один мне и со вздохом опустился в кресло. Потом он перевел взгляд на девушку, которая не сводила с меня глаз, и я ощутил некоторую неловкость.

— А ты, милая, посидишь с нами?

Девушка просветленно улыбнулась, кивнула и протянула отцу куклу. Тот взял ее куклу, ничуть не смутившись. Очевидно, он уже привык к этому.

— Да, папа,— ответила девушка и без всякого предупреждения, но совершенно естественно уселась мне на колени, обняла меня за шею и улыбнулась. Я тоже улыбнулся, хотя далось мне это с большим трудом.

Труди торжественно посмотрела на меня и сказала:

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, Труди,— я потрепал ее по плечу, чтобы показать, как я ее люблю.

Она положила голову мне на плечо и закрыла глаза. Я смотрел поверх ее светловолосой головы, затем перевел взгляд на ван Гелдера. Тот печально улыбнулся.

— Я думаю, вас не заденет, если я скажу вам, что Труди любит всех.

— Как все девочки в определенном возрасте.

— Вы очень наблюдательный человек, майор.

Я не считал, что для такого заявления нужна была какая-то особая наблюдательность, поэтому промолчал, снова улыбнулся и повернулся к Труди.

— Труди,— негромко позвал я ее.

Девушка ничего не ответила; она просто закрыла

глаза и еще сильнее прижалась ко мне. Я почему-то ощутил себя обманщиком.

— Труди,— попробовал я еще раз.— У тебя, должно быть, красивые глаза. Можно на них взглянуть?

Труди обдумала мои слова, снова улыбнулась, положила руки мне на плечи и широко, по-ребячьи раскрыла глаза.

Ее большие фиолетовые глаза были очень красивы, но было в них и что-то особенное — какой-то блеск, не отражавший свет, в глубине глаза были матовыми.

Я очень осторожно снял ее правую руку с моего плеча и поднял ее рукав до самого локтя. Рука девушки должна была быть красивой, но оказалась совсем другой: ее чрезвычайно обезобразили следы от уколов. У Труди задрожали губы, она посмотрела на меня со страхом и укором, одернула рукав, обхватила меня за шею и заплакала. Она плакала так, как будто у нее разрывалось сердце. Я гладил ее так нежно, как можно гладить человека, который намеревается вас задушить, и смотрел на ван Гелдера.

— Теперь я понимаю, зачем вы меня сюда пригласили.

— Мне очень жаль, но теперь вы знаете все.

— Это в-третьих?

— Да. Мне не хотелось бы говорить об этом, но я должен быть откровенным с коллегами.

— Де Граф знает?

— Как и все старшие офицеры Амстердама,— просто сказал ван Гелдер.— Труди!

Девушка прижалась ко мне еще сильнее. Я начал задыхаться.

— Труди! — более настойчиво повторил ван Гелдер.— Тебе надо спать. Так сказал доктор. В кровать!

— Нет,— зарыдала девушка,— я не хочу спать!

Ван Гелдер вздохнул и повысил голос:

— Герта!

В комнату вошла чрезвычайно странная женщина. Здоровьем ее Бог не обидел — огромная и очень толстая, при ходьбе она переваливалась с боку на бок. Женщина была одета точно так же, как кукла Труди. На пышную грудь матроны опускались длинные светлые косички, перевязанные голубыми ленточками. Изборожденное морщинами коричневое лицо как будто потрескалось; женщине было не меньше семидесяти. Контраст между кукольной одеждой и детскими косичками, с одной

стороны, и ведьмовской внешностью, с другой, производил немыслимое, ужасное впечатление. Ван Гелдер никак не отреагировал на появление старухи.

Старуха пересекла комнату (вопреки своему весу и утиной походке, она сделала это очень быстро), вежливо кивнула мне, не проронив ни слова, и нежно, но настойчиво положила руку на плечо Труди. Девушка подняла голову, улыбнулась, убрала руки с моей шеи и встала. Затем она подошла к отцу, поцеловала его, забрала свою куклу, поцеловала меня как-то по-детски и выбежала из комнаты. Герта выкатилась за ней. Я глубоко вздохнул и с трудом удержался, чтобы не вытереть пот.

— Могли бы предупредить,— упрекнул я ван Гелдера,— о Труди и о Герте. Кто она такая... эта Герта? Нянька?

— Старая служанка.— Ван Гелдер снова приложился к бокалу. Похоже, он сильно в этом нуждался. Я последовал его примеру. В конце концов, он мог бы уже привыкнуть.— Она служила еще у моих родителей. Она с острова Гюйлер на Зэйдер Зе, там все несколько консервативно одеваются, как вы успели заметить. С нами она живет всего несколько месяцев. Вы видите, как она любит Труди.

— А Труди?

— Вот уже пятнадцать лет, как для нее остановилось время. Восьмилетняя навсегда. Вы, наверное, догадались, что она не родная мне... Но я бы не мог любить ее больше, если бы она была моей дочерью. Это дочь моего брата. До прошлого года мы с ним работали на Кюрасао: я — по наркотикам, а он в службе безопасности голландской нефтяной компании. Его жена умерла несколько лет назад, а в прошлом году он и моя жена погибли в автокатастрофе. Надо было что-то решать с Труди. Я взял ее к себе. Сначала не хотел, а теперь не представляю, как мог без нее жить. Она никогда не повзрослеет, мистер Шерман.

А подчиненные, наверное, считали его счастливчиком, у которого нет иных забот, кроме как засаживать преступников за решетку. Выражение сочувствия никогда не было для меня привычным, и я просто спросил:

— Когда это началось?

— Много лет назад. Задолго до того, как брат обнаружил.

— Некоторые из уколов как будто свежие.

— Ей делают инъекции, чтобы отучить ее. Вы считаете, что их слишком много?

— Считаю.

— Герта следит за ней, как ястреб. Каждое утро они ходят на прогулку в парк Вондел: девочка очень любит кормить птиц. После обеда Труди спит. Но Герта за день устает, а я часто задерживаюсь допоздна.

— Вы пытались организовать за ней наблюдение?

— Много раз. Я не знаю, как это происходит.

— Через нее пытаются оказать давление на вас?

— Конечно, а что еще? У нее нет денег, чтобы платить за наркотики. Эти идиоты не понимают, что я не пойду на сделку с ними ни при каких условиях, поэтому они никак не угомонятся.

— Вы могли бы организовать за ней круглосуточное наблюдение.

— Тогда это стало бы официальным делом. Такой запрос автоматически регистрируется Службой здоровья. А что было бы потом?

— Специальное учреждение,— я кивнул.— Для умственно отсталых. Она бы уже никогда оттуда не вышла.

— Она бы никогда оттуда не вышла.

Я не знал, что можно было на это сказать, поэтому просто попрощался и вышел.

ГЛАВА IV

Вторую половину дня я провел в своем номере, знакомясь с делами, которыми меня снабдил де Граф. Они охватывали все известные случаи потребления и продажи наркотиков в Амстердаме за последние два года. Весьма любопытное чтиво, если вас, разумеется, интересуют смерть, деградация личности, самоубийства, распавшиеся семьи и неудавшиеся карьеры. Битый час я пытался выявить какие-то связи между этими случаями, но ничуть не преуспел. В конце концов я признал свое поражение. Если уж такие хорошие работники, как де Граф и ван Гелдер, располагавшие бо́льшим временем, ничего не нашли, то мне тем более не на что было надеяться.

Ранним вечером я спустился вниз и отдал ключ администратору. Оскал его был уже не тот, в нем было что-то извиняющееся; очевидно, ему рекомендовали испробовать новый подход.

— Добрый вечер, мистер Шерман, добрый вечер,—

эта фальшивая любезность нравилась мне еще меньше, чем прежнее его обращение.— Приношу свои извинения за вчерашний инцидент. Я вел себя несколько... невежливо... но вы понимаете...

— Не стоит извиняться,— не хватало еще, чтобы какой-то администратор перещеголял меня в любезности.— В таких обстоятельствах это вполне объяснимо. Наверное, это было для вас шоком.— Я посмотрел на дождь за окном.— Об этом в путеводителе не написано.

Он широко улыбнулся, как будто впервые услышал эту затасканную остроту, и хитро сказал:

— Не слишком подходящий вечер для традиционной английской прогулки, мистер Шерман.

— Увы, сегодня я отправляюсь в Зандам.

— В Зандам? — Он скорчил физиономию.— Сочувствую, мистер Шерман.

Очевидно, он знал о Зандаме больше моего. Меня это ничуть не удивило, потому что я только что прочитал это название на плане города.

Я вышел на улицу. Невзирая на дождь, шарманка скрипела и скрежетала на полную мощь. Сегодня была очередь Пуччини, бедняге доставалось нелегко. Я подошел к шарманке не столько затем, чтобы послушать музыку (ею там и не пахло), сколько затем, чтобы присмотреться к группе юных и тощих оборванцев — нечастое зрелище в Амстердаме, жители которого не слишком подвержены худобе. Юнцы облокотились на шарманку и как будто отключились. Мои размышления прервал скрипучий голос за моей спиной.

— Господин любит музыку?

Я обернулся. Старикан как-то неуверенно улыбался.

— Я люблю музыку.

— И я тоже, и я тоже.

Я внимательно посмотрел на него, поскольку конец его был недалек, а это заявление обеспечивало ему скорый ад. Я улыбнулся старику, как меломан меломану.

— Я буду помнить о вас. Сегодня я иду в оперу.

— Господин очень добр ко мне.

Я бросил пару монет в невесть откуда появившуюся жестянку.

— Господин слишком добр.

Я думал так же, но милосердно улыбнулся, снова перешел через улицу и кивнул портье; тот из ниоткуда организовал такси.

— В аэропорт Схипхол,— сказал я водителю.

Машина тронулась с места. Но не только она. У первого же перекрестка, ярдах в двадцати от гостиницы, я обернулся. Через две машины от нас остановилась желтополосатая машина марки «мерседес», которая обычно стояла возле отеля, хотя это могло быть и простым совпадением. Когда загорелся зеленый свет и мы повернули на Вейзелстрат, мерседес поехал за нами.

Я похлопал водителя по плечу:

— Остановите, пожалуйста, я хочу купить сигарет.

Я вылез из машины. Мерседес тоже остановился, но из машины никто не вышел и никто в нее не сел. Я зашел в фойе какой-то гостиницы и купил ненужные мне сигареты. Когда я вышел, мерседес стоял на месте. Мы поехали дальше.

— Поверните на Принсенграхт,— попросил я через несколько минут.

— На Схипхол здесь не ездят.

— Я хочу так. Поверните.

Он повернул. Мерседес ехал за нами.

— Остановите.

Мы остановились — мерседес тоже. Совпадения совпадениями, но это уже слишком. Я вышел из машины, подошел к мерседесу и распахнул дверцу. Водитель — невысокий толстячок в голубом костюме.

— Добрый вечер. Вы свободны?

— Нет,— он небрежным взглядом измерил меня с ног до головы, затем попытался изобразить вызывающее равнодушие, но это ему не удалось.

— Тогда зачем вы здесь остановились?

— А что, нельзя остановиться на перекур?

— Можно. Только вы не курите. Вы знаете Главное управление полиции на Марниксстрат? — Судя по внезапно потухшему взгляду, он знал его очень даже хорошо.— Можете пойти туда и пожаловаться на Пола Шермана, который живет в отеле «Эксцельсиор», номер 616.

— Пожаловаться? — осторожно переспросил он.— На что?

— На то, что я выбросил в канал ключ зажигания от вашей машины.

Я достал из замка ключ зажигания и выбросил его в канал. Раздался приятный всплеск, и ключ исчез в глубинах Принсенграхта.

— Не надо за мной следить,— сказал я и изо всех сил

хлопнул дверцей, однако мерседес — добротно сделанная машина. Дверца не отвалилась.

Я вернулся в такси и, доехав до основной магистрали, попросил водителя остановиться.

— Я решил прогуляться пешком,— сказал я и расплатился.

— Что? До Схипхола?

Я снисходительно улыбнулся, как ходок на длинные дистанции, в выносливости которого сомневаются, подождал, когда он уедет, и доехал на 16-м трамвае до Дам. На остановке меня ждала Белинда в плаще и платке. Она казалась промокшей и продрогшей.

— Вы опоздали,— с упреком заметила она.

— Никогда не критикуй своего шефа. У руководящих работников всегда есть свои дела.

Мы пересекли площадь по тому же пути, что и накануне, когда я шел за человеком в сером. Мы дошли до «Краснопольски», повернули на Аузейдс Ворбургвал. Это было одно из самых достопримечательных мест Амстердама, хотя Белинда была не в настроении разглядывать достопримечательности. В тот вечер эта живая обычно девушка была какой-то задумчивой и далекой, ее молчание мало способствовало дружеским беседам. Белинда о чем-то думала, и, насколько я понимал, она довольно скоро должна была выплеснуть свои мысли наружу. Я не ошибся.

— Мы для вас как будто не существуем, не так ли? — взорвалась она наконец.

— Кто «мы»?

— Я, Мэгги и все, кто для вас работают. Мы для вас простые цифры.

— Ты ведь знаешь, как это бывает,— примирительно заметил я.— Капитан корабля не фамильярничает с членами экипажа.

— Конечно. Я и говорю: мы для вас не существуем. Мы марионетки, которыми манипулирует хозяин, дергая за нити. Кукол можно всегда поменять.

— Мы приехали сюда, чтобы выполнять очень трудную и неприятную работу,— мягко сказал я.— Это для нас самое главное. Отдельные личности не играют здесь никакой роли. Белинда, ты забываешь, что я — твой босс. Я считаю, что ты не должна так со мной говорить.

— Как хочу, так и говорю,— девушка была еще и с характером; Мэгги — та никогда бы не позволила себе

так со мной говорить. Обдумав свои слова, Белинда добавила более спокойно: — Извините меня, я не должна так говорить. Но разве обязательно так с нами обращаться — высокомерно, равнодушно, даже никогда не поговорите с нами по-человечески. Мы ведь тоже люди... но только не для вас. Вы могли бы пройти мимо меня по улице и даже не заметить. Вы нас и так не замечаете.

— А вот и замечаю. Взять, например, тебя,— я намеренно не смотрел на девушку, хотя знал, что она не сводит с меня глаз.— Новичок в наркотиках, небольшой опыт работы в парижском Втором бюро. Одета в голубой плащ, голубой платок с белыми цветами, белые гольфы, голубые туфли без каблука с пряжками. Рост пять футов четыре дюйма, фигура такая, что (цитирую знаменитого американского писателя) «сам епископ выбил бы прыжком дыру в витраже». Дальше: очень красивое лицо, платиновые волосы, похожие на шелковую занавеску, через которую просвечивает солнце, черные брови, зеленые глаза. Кроме того, слишком впечатлительна и, что еще важнее,— начинает беспокоиться о своем шефе, в особенности о недостатке у него человечности. Да, чуть не забыл: потрескавшийся лак на среднем пальце левой руки и убийственная улыбка, которую немного портит слегка изогнутый левый передний зуб.

— Ух ты! — Ей как будто не хватило слов, что совсем не походило на нее, как я успел заметить.

Девушка посмотрела на свой потрескавшийся ноготь и повернулась ко мне:

— А может быть, это действительно так?

— Что?

— То, что вы о нас беспокоитесь.

— Конечно, беспокоюсь. Все молодые и симпатичные сотрудницы для меня как дочери.

То, что она произнесла очень тихо после продолжительной паузы, подозрительно напоминало: «Да, папа».

— Ты что-то сказала?

— Нет, ничего.

Мы повернули в улочку, где размещалась фирма Мугенталера и Моргенштерна. Мой второй приход сюда лишь подтвердил впечатление, сформировавшееся накануне. Сегодня здесь было, кажется, еще темнее, мрачнее и как будто опаснее; мостовая и тротуар были еще более избитыми, а водосточные канавы — грязными. Даже кры-

ши домов словно сблизились; еще один день — и они совсем срастутся.

Белинда вдруг встала как вкопанная и схватила меня за руку. Я посмотрел на нее: девушка смотрела вверх широко раскрытыми глазами. Я проследил за ее взглядом и увидел выступающие на фоне ночного неба балки. Девушке было как-то не по себе, да и мне, признаться, тоже.

— Где-то здесь,— сказала Белинда.— Я чувствую, что это здесь.

— Здесь,— как бы между прочим сказал я.— Что-то случилось?

Девушка вырвала руку, словно я сказал что-то неприятное, но я снова взял ее под руку и не отпускал. Она и не пыталась вырваться.

— Это... так страшно. Что это такое выставляется на фронтонах?

— Балки для подъема грузов. В старину дома облагались налогами в зависимости от ширины фронтона, поэтому экономные голландцы делали дома очень узкими. Лестницы же получались еще уже. Отсюда возникла необходимость в таких балках: поднимать пианолы, опускать гробы и тому подобное.

— Перестаньте! — Девушку передернуло.— Какое ужасное место. Эти балки похожи на виселицы. Это место, куда люди приходят умирать.

— Чепуха, моя милая,— горячо сказал я, чувствуя, как на моем позвоночнике ледяные пальцы играют траурный марш Шопена, и вдруг я ощутил тоску по старой доброй шарманке у отеля. Наверное, я с такой же готовностью повис бы на руке девушки, как она на моей.— Не поддавайся своим галльским видениям.

— Я ничего не выдумываю,— хмуро сказала девушка и снова вздрогнула.— Зачем мы пришли в это ужасное место? — Теперь она дрожала уже непрерывно. Конечно, было холодно, но не настолько же.

— Ты помнишь дорогу, по которой мы сюда пришли? — поинтересовался я. Девушка озадаченно кивнула.— Возвращайся в гостиницу, я приду туда позднее.

— Возвращаться в гостиницу? — Она по-прежнему ничего не понимала.

— Со мной все будет в порядке. Иди.

Она вырвала свою руку и, прежде чем я что-либо понял, схватила меня обеими руками за лацканы пид-

жака, пронзив взглядом, который должен был убить меня на месте. Теперь она дрожала уже от ярости, мне и в голову не могло прийти, что такая красивая девушка может выглядеть такой разъяренной. «Живая» — слишком бледное и невыразительное слово по отношению к Белинде. Пальцы, схватившие мои лацканы, побелели от напряжения. Белинда попыталась встряхнуть меня.

— Никогда больше так со мной не разговаривайте! — Теперь она пылала яростью.

На какое-то время мое врожденное чувство дисциплины вступило в конфликт с желанием поцеловать девушку, но дисциплина победила, хоть и не без труда.

— Я никогда больше не буду так с тобой разговаривать,— покорно сказал я.

— Хорошо,— Белинда отпустила мои лацканы и схватила меня за руку.— Пошли!

Гордость не позволит мне сказать, что она потащила меня за собой, но со стороны могло показаться именно так. Через пятьдесят шагов я остановился.

— Пришли.

— Моргенштерн и Муггенталер,— прочитала Белинда.

— А теперь гвоздь программы,— сказал я и поднялся по ступеням.— Смотри за улицей.

— А что делать потом?

— Обеспечивай мне надежный тыл.

С этим замком расправился бы в два счета любой мальчишка с булавкой. Мы вошли в помещение, и я закрыл за нами дверь. Фонарик, который я прихватил с собой, был маленьким, но мощным. На первом этаже мы не нашли ничего интересного. Почти до самого потолка он был завален пустыми деревянными ящиками, бумагой, картоном, пучками соломы и упаковочными машинами. Упаковочный пункт и только-то.

По узкой винтовой лестнице мы поднялись на следующий этаж. В середине лестницы я обернулся и увидел, что Белинда с опаской смотрит назад, луч ее фонарика беспорядочно прыгал с места на место.

Второй этаж был забит всевозможными голландскими безделушками: ветряными мельницами, деревянными башмаками, трубками и прочими сувенирами десятков наименований. Мне они показались совершенно безобидными. В то же время отнюдь не безобидным показалось мне помещение в углу размерами 15 на 20 футов, точнее говоря, ведущая в него дверь, хотя в тот вечер нам не

пришлось побывать за ней. Я подозвал Белинду и посветил на дверь. Девушка посмотрела на нее, а потом на меня, в ее взгляде я прочитал удивление.

— Замок с часовым механизмом. Зачем нужен такой замок в обычной конторе?

— Это не обычная контора,— ответил я.— Дверь стальная. С изрядной долей вероятности можно предположить, что эти деревянные стены армированы стальными прутьями, а окна, выходящие на улицу, снабжены прочными решетками. В ювелирном магазине это было бы вполне уместно, но здесь... Здесь же нечего прятать.

— Похоже, мы попали куда надо,— отозвалась Белинда.

— А ты во мне сомневалась?

— Нет, сэр. А что это вообще такое?

— Это же очевидно... Склад сувениров. Сюда присылают свою продукцию с фабрик и из мастерских, а потом ее отправляют отсюда по магазинам. Очень просто, не так ли? И совершенно безобидно.

— Хотя и не совсем гигиенично.

— То есть?

— Здесь ужасный запах.

— Не всем нравится запах гашиша.

— Гашиша?!

— Ох уж эта твоя тепличная жизнь. Идем.

Я поднялся на следующий этаж и подождал Белинду.

— Обеспечиваешь шефу тыл?

— Обеспечиваю шефу тыл,— машинально повторила она. Как и следовало ожидать, от пышущей жаром Белинды не осталось и следа. Я не осуждал ее: в атмосфере склада было что-то зловещее. Приторный запах гашиша стал еще сильнее, но на этом этаже не оказалось ничего, хотя бы отдаленно с ним связанного. Три стены и несколько стеллажей в центре были целиком отданы под настенные часы; часы были всевозможных форм и размеров — от дешевых и невзрачных безделушек для туристов до очень больших и красивых металлических часов. Они казались весьма старыми и дорогими. Вероятно, это были их современные копии, хотя и стоили они, надо полагать, не намного дешевле оригиналов.

Четвертая стена меня, мягко говоря, ошарашила. Там не было ничего, кроме целых рядов библий. Откуда они взялись в сувенирном складе? Я не мог ответить на этот

вопрос, да и некогда было ломать над этим голову: я не понимал и многих других вещей.

Я пролистал одну из библий. В нижней части переплета было золотое тиснение: «Библия Гавриила», а на первой странице напечатано: «Дар Первой Реформированной Церкви Американского общества гугенотов».

— У нас в номере есть такая же,— сказала Белинда.

— Не удивлюсь, если такие же есть во всех номерах всех гостиниц. Вопрос в том, почему они здесь, а не в типографии или на книжном складе, где им самое место? Странно, не правда ли?

— Здесь все странно,— девушка вздрогнула.

Я хлопнул ее по спине.

— Не простудись. Говорил ведь: не носи мини. Идем выше.

На следующем этаже была самая удивительная коллекция — коллекция кукол. Их тут были тысячи: от самых миниатюрных до самых огромных, даже больше, чем у Труди; все без исключения отлично сделаны и одеты в национальные голландские костюмы. Большие куклы или стояли сами, или были снабжены металлическими подпорками, маленькие болтались на привязанных к потолку тросиках. Луч моего фонарика в конце концов остановился на группе кукол, одетых в одинаковые костюмы. Белинда опять забыла, что должна была обеспечивать мой тыл, и схватила меня за руку.

— Это... так непривычно,— она смотрела на куклы, которые я освещал.— Они какие-то особенные?

— Можешь не шептать. Уверяю тебя, они ничего не слышат, даже если и видят. В них нет ничего особенного, кроме того, они с острова Гюйлер в Зэйдер Зе. Служанка ван Гелдера — старая ведьма, потерявшая где-то свое помело,— одевается точно так же.

— Так же?

— Это трудно представить,— признал я.— А у Труди есть такая же кукла.

— У этой больной девочки?

— У этой больной девочки.

— В этом есть что-то противное,— она отпустила мою руку и вспомнила о своих обязанностях по обеспечению моего тыла. Через несколько секунд я услышал ее резкий выдох и обернулся. Белинда молча пятилась ко мне спиной, не отрывая глаз от чего-то в луче ее фонарика и шаря свободной рукой позади себя. Я взял ее за руку,

и девушка прижалась ко мне, не поворачивая головы.

— Там кто-то есть,— взволнованно прошептала она.— Кто-то смотрит.

Я посмотрел в ту сторону, куда она светила, но никого не заметил; впрочем, ее фонарик был послабее моего. Я стиснул ее руку, чтобы привлечь внимание, и когда девушка обернулась, вопросительно посмотрел на нее.

— Там кто-то есть,— настойчиво повторила она. Ее зеленые глаза были широко раскрыты.— Я их видела, видела!

— Их?

— Глаза! Я их видела!

Я ей поверил. Какой бы впечатлительной она ни была, ее обучали вести наблюдение. Я махнул фонариком как-то неловко, потому что на какое-то мгновение ослепил девушку, и направил его луч туда, куда указывала Белинда. Никаких глаз я не увидел, но заметил, что две куклы едва заметно качаются. Сквозняка в помещении не было. Я крепко сжал руку девушки и улыбнулся.

— Послушай, Белинда...

— Не говорите со мной так,— я не понял, что это было: шипение или дрожащий шепот.— Я их видела. Жуткие глаза. Клянусь вам, я их видела!

— Конечно, Белинда, конечно...

Девушка обернулась, в ее глазах была обида. Она подозревала, что я пытаюсь ее успокоить. Это было правдой.

— Я тебе верю, Белинда. Конечно, я тебе верю.

— Тогда почему вы ничего не делаете?

— Как раз собираюсь сделать. Собираюсь убраться отсюда ко всем чертям,— я неторопливо закончил осмотр, как будто ничего не случилось, затем повернулся и взял девушку за руку.— Для нас здесь ничего нет... Мы и так задержались. Я полагаю, что для укрепления нервов полезно будет чего-нибудь выпить.

Белинда посмотрела на меня, на ее лице поочередно сменяли друг друга выражение гнева, разочарования и, как мне показалось, немалого облегчения. Но самым сильным чувством был, несомненно, гнев: большинство людей злится, когда им не верят, да еще и успокаивают...

— Но я говорю вам...

— Тихо! — Я коснулся пальцем губ.— Не надо ничего говорить. Помни, что шеф всегда прав.

Только молодость помогла Белинде избежать апоплек-

сического удара. Она кипела от раздиравших ее эмоций. Девушке недоставало слов.

Белинда направилась вниз, каждой клеточкой своего тела выражая негодование. Я пошел за ней, ощущая странное покалывание в спине до тех пор, пока за нами не закрылась входная дверь.

Мы быстро шли по улице, поддерживая дистанцию в три фута. Белинда шла впереди, недвусмысленно давая понять, что держать меня за руку не собирается ни сегодня, ни вообще когда бы то ни было. Я кашлянул.

— Кто вовремя отступит, тот очень скоро победит.

Ее настолько распирала злость, что она не поняла.

— Замолчите,— огрызнулась она. Я так и сделал, по крайней мере, пока мы не дошли до первой забегаловки — малопривлекательной таверны под названием «Кот о девяти хвостах». Я взял Белинду за руку и завел ее внутрь. Она восприняла это без восторга, но и не вырывалась.

Это была задымленная конура со спертым воздухом. Пожалуй, это все, что о ней можно сказать. На меня посмотрели несколько моряков, посчитавших нас чужаками, незаконно вторгнувшимися на их исконную территорию. Взгляды их были весьма хмурыми, но у меня настроение было куда мрачнее, и в конце концов они оставили меня в покое. Я провел Белинду к небольшому столу, которого мыло и вода не касались с незапамятных времен.

— Я выпью скотч, а ты?

— Скотч,— вызывающе сказала она.

— Ты же не пьешь виски.

— Сегодня пью.

Это было правдой, но лишь наполовину. Она залпом опрокинула в рот полбокала виски и тут же принялась откашливаться, плевать и задыхаться. Я дружески похлопал ее по спине.

— Уберите руку,— выдохнула девушка.

Я убрал руку.

— Не думаю, что смогу работать с вами дальше, майор Шерман,— выговорила она, когда откашлялась.

— Прискорбно слушать.

— Я не могу работать с людьми, которые мне не доверяют. Вы обращаетесь с нами не как с куклами. Вы обращаетесь с нами как с детьми.

— Я вовсе не считаю тебя ребенком,— примирительно отозвался я. Так оно и было на самом деле.

— Я тебе верю, Белинда,— передразнила меня девушка.— Конечно, я тебе верю. Вы совсем не верите Белинде.

— Я верю Белинде, и я беспокоюсь о Белинде. Поэтому я увел Белинду оттуда.

Девушка с недоумением уставилась на меня.

— Верите?.. Так почему же...

— За куклами действительно кто-то прятался. Он следил за нами. Этот человек хотел знать, что мы ищем и что найдем. Он не собирался нас убивать, потому что без труда мог это сделать, когда мы спускались по лестнице. Но если бы я отреагировал так, как ты хотела, мне пришлось бы его искать и он мог бы застрелить меня раньше, чем я его нашел бы. А потом он убил бы и тебя, потому что не мог оставлять свидетелей. А тебе еще слишком рано умирать. Или я мог бы поиграть с ним в кошки-мышки с равными шансами на успех... если бы там не было тебя. Но ты была там, без оружия, без опыта ведения таких вот грязных игр, и могла стать прекрасной заложницей. Вот поэтому я и увел оттуда Белинду. Ну что, прекрасная речь?

— Я не разбираюсь в речах,— она опять стала оживленной, но в ее глазах стояли слезы.

— Это самые милые слова, какие мне приходилось слышать.

— Чепуха!

Я допил виски — свое и девушки, а потом проводил Белинду до гостиницы. Мы немного постояли у входа, укрываясь от вновь занявшегося дождя.

— Извините меня,— сказала девушка.— Я вела себя как идиотка. Вас мне тоже жаль.

— Меня?

— Теперь я понимаю, почему вы предпочли бы работать с куклами, а не с людьми. Когда погибает кукла, ее не так жалко.

Я ничего ей не ответил. Кажется, я начал терять контроль над этой девушкой. Отношения кукловода и куклы трещали по всем швам.

— И еще,— добавила она почти счастливым голосом.

Я внутренне собрался.

— Больше я вас не буду бояться.

— А ты меня боялась?

— Да.

— Успокойся.

Она успокоилась, одарила меня своей убийственно прекрасной улыбкой, неторопливо поцеловала, снова улыбаясь, и вошла в гостиницу. Я смотрел на вращающиеся стеклянные двери, пока они не остановились. Еще немного — и вся дисциплина псу под хвост.

ГЛАВА V

Отойдя от гостиницы девушек ярдов на триста, я поймал такси и добрался до «Эксельсиора». Я немного постоял у входа, глядя на шарманщика. Мало того, что он был неутомим, он как будто был еще и непромокаем. Что для него дождь?! Его вечернему представлению могло помешать разве что землетрясение. Представление должно состояться в любую погоду. Очевидно, он испытывал что-то вроде долга перед публикой, которая, как это ни странно, имелась: полдюжины насквозь промокших и оборванных юнцов, погруженных в мистическое созерцание предсмертной агонии Штрауса. Сегодня настал его черед идти на дыбу. Я вошел в гостиницу.

Удивление администратора выглядело вполне естественно.

— Так быстро вернулись?! Из Зандама?

— Быстрое такси,— пояснил я и прошел в бар. Там я заказал «йонге геневер» и «пилс», а потом, медленно попивая из обоих бокалов, принялся размышлять о связи между быстрыми парнями и быстрыми револьверами, больными девочками и торговцами наркотиками, глазами, которые прячутся за куклами, и преследующими меня такси, полицейскими, которых шантажируют, и продажными администраторами, портье и шарманщиками. Ничего умного я не придумал. Я чувствовал, что действую недостаточно энергично, и как раз подходил к малоприятному выводу о необходимости повторного визита на склад в тот же вечер (разумеется, без Белинды), когда случайно взглянул в зеркало, которое висело на стене. Может быть, это инстинкт. А может быть, ощутив запах духов, который я распознал как сандаловое дерево, просто решил посмотреть, кому он принадлежит. Самое обыкновенное старомодное любопытство.

Позади меня за столиком сидела девушка с газетой в руке, на столике перед ней стоял бокал. Мне показалось, что как только я посмотрел в зеркало, она тотчас опустила глаза. Девушка интересовалась мной. Она была

молода, носила зеленый плащ и копну светлых волос, похожих на творение сумасшедшего садовника,— так тогда было модно. Амстердам так и кишел блондинками, которые так или иначе привлекали мое внимание.

Я заказал еще раз то же самое, поставил бокалы на стол возле бара и медленным шагом задумчиво направился в фойе, даже не взглянув на девушку. Затем я вышел на улицу. Штраус уже испустил дух, чего нельзя было сказать о старикане, который, демонстрируя разнообразие своих вкусов, самым садистским образом издевался над шотландской песенкой о Лох Ломонде. Если бы он попытался сделать это на Сочихолл-стрит в Глазго, то через пятнадцать минут от него самого и от его шарманки остались бы лишь блеклые воспоминания. Молодые меломаны исчезли. Вероятно, они были настроены антишотландски или же прошотландски. На самом деле, как я понял позднее, их отсутствие означало нечто совсем другое. Все факты в тот момент были перед моими глазами, но я их не заметил, и поэтому многим еще людям предстояло умереть.

Увидев меня, старикан изобразил удивление.

— Господин сказал, что собирается в оперу...

— Так я и сделал,— я грустно покачал головой.— Примадонна пыталась взять высокую «соль». Инфаркт.— Я похлопал шарманщика по плечу.— Без паники, я только позвоню.

Я позвонил в гостиницу, где жили девушки. После длительной паузы меня соединили с их номером. В голосе Белинды слышалось раздражение.

— Алло, кто это?

— Шерман. Ты мне нужна.

— Сейчас? — простонала девушка.— Но я принимаю ванну.

— К сожалению, я не могу одновременно находиться в двух разных местах. Для той работы, которую я для тебя приготовил, ты достаточно чиста. И Мэгги тоже.

— Но Мэгги спит.

— Так разбуди ее. Или ты хочешь нести ее на себе?

Обиженное молчание.

— Вы должны быть у моей гостиницы через 10 минут. Ждите на улице, ярдах в двадцати от входа.

— Но ведь льет как из ведра,— простонала она.

— Уличным дамам плевать на дождь. Из гостиницы

выйдет девушка твоего роста, твоего возраста, твоя фигура, твои волосы...

— В Амстердаме несколько тысяч девушек...

— Конечно. Но эта очень красивая. Разумеется, не так, как ты, но все-таки. Зеленый плащ, в который она одета, очень гармонирует с ее зеленым зонтом. От нее пахнет сандаловым деревом, а на левом виске хорошо замаскированный синяк, который я ей вчера поставил.

— Хорошо замаскированный... Вы не говорили, что нападаете на девушек.

— Не могу же я помнить о каждой мелочи. Вы пойдете за ней. Одна из вас останется там, куда она вас приведет, а вторая встретится со мной. Нет, нет, не здесь. Я буду на углу Рембрандтсплейн в «Старом колоколе».

— А что вы там будете делать?

— Это бар. Как ты думаешь, что я там буду делать?

Когда я вернулся, девушка в зеленом плаще сидела на прежнем месте. Я попросил бумаги и прошел к столу, на котором оставил бокалы. Девушка в зеленом сидела не больше чем в шести футах от меня, боком ко мне, и прекрасно могла видеть, чем я занимаюсь, оставаясь при этом вне поля моего зрения.

Я достал из бумажника вчерашний счет за ужин, разгладил его, положил перед собой на столе и принялся делать пометки на листе бумаги. Через некоторое время я раздраженно отбросил ручку, смял бумагу и выбросил в корзину. Затем я взялся за другой лист бумаги и пришел к тому же неутешительному выводу. Это повторилось еще несколько раз, потом я закрыл глаза и, подперев голову рукой, просидел в этой позе минут пять — сама сосредоточенность. Торопиться мне было некуда. Я сказал Белинде о десяти минутах, но если она сумела вылезти из ванной, одеться и приехать за это время вместе с Мэгги, то я разбирался в женщинах еще меньше, чем я полагал.

К тому времени, как я закончил писать, мять бумагу и выбрасывать ее в корзину, прошло минут двадцать. Я опорожнил бокал, попрощался с барменом и вышел. Но недалеко. Я остановился за красными плюшевыми шторами, отделявшими холл от бара, осторожно выглянул и принялся ждать. Девушка подошла к стойке, что-то заказала и небрежно села спиной ко мне на стул, который я только что занимал. Она огляделась, и убедившись, что за ней не наблюдают, опустила руку в корзину и

подняла верхнюю бумажку. Она как раз расправляла ее на столе, когда я бесшумно подошел к ней сзади. Я видел сбоку ее лицо: оно как будто окаменело. На листе было написано: «Только слишком любопытные девушки суют нос в мусорные корзины».

— На всех прочих бумагах то же самое секретное сообщение. Добрый вечер, мисс Лемай.

Девушка резко обернулась и уставилась на меня. Она неплохо замаскировала естественный смуглый цвет лица, но никакая пудра не могла скрыть румянец, заливший ее лицо.

— Какой очаровательный розовый оттенок!

— Извините, я не говорю по-английски.

Я осторожно коснулся ссадины на ее виске и нежно сказал:

— Потеря памяти вследствие потрясения. Это пройдет. Как ваша голова, мисс Лемай?

— Извините, я...

— Вы не говорите по-английски. Это я уже слышал. Но вы понимаете по-английски, не так ли? Особенно написанное на бумаге. Честное слово, для стареющего мужчины вроде меня очень приятно видеть, что сегодняшние девушки умеют так мило краснеть. А вы, ей-Богу, очень мило краснеете.

Девушка смущенно встала, комкая в руке бумагу. Наверное, она была на стороне преступников. Иначе зачем ей было становиться на моем пути в аэропорту, а она, конечно, оказалась там не случайно. Но мне все равно было ее жаль. В ней было что-то беззащитное. Конечно, она могла быть и прекрасной актрисой, однако прекрасные актрисы в большинстве своем делали карьеру на сцене или на экране. Потом я подумал о Белинде, сам не знаю почему. Две за день — это уже слишком много. На две больше, чем надо. Я начинал глупеть.

— Если хотите, можете оставить это на память,— злорадно заметил я, кивая на смятый лист бумаги в ее руке.

— Это...— девушка посмотрела на бумагу.— Я не хочу...

— Ха! Амнезия проходит.

— Пожалуйста...

— У вас съехал парик, мисс Лемай.

Она машинально поправила волосы, затем ее руки медленно опустились, она закусила губу. В ее карих

глазах было что-то близкое к отчаянию. Мне вдруг стало стыдно за свое поведение.

— Оставьте меня, пожалуйста,— сказала девушка. Несколько мгновений она смотрела на меня, как будто собираясь расплакаться, затем покачала головой и вышла. Я неторопливо прошел за ней, глядя, как она сбегает по ступеням и поворачивает в сторону канала. Через двадцать секунд в ту же сторону прошли Мэгги и Белинда. Несмотря на зонты, они казались насквозь промокшими и совершенно несчастными. Может быть, они все-таки уложились в десять минут.

Я вернулся в бар, который вовсе не собирался покидать, а лишь убедил в этом девушку. Увидев меня, бармен просиял.

— Еще раз добрый вечер, сэр. Я думал, что вы пошли спать.

— Собирался. Но мои вкусовые рецепторы потребовали еще стаканчик-другой «йонге геневер».

— Надо подчиняться своим вкусовым рецепторам, сэр,— серьезно сказал бармен и подал мне бокал.— На здоровье!

Я поднял бокал и принялся размышлять о том, как это бывает неприятно, когда тебя обводят вокруг пальца. Еще я думал о том, могут ли девушки краснеть по заказу. Кажется, я слышал об актрисах, которые умели это делать, но я не был в этом уверен и потому заказал еще один бокал «йонге геневер» для освежения памяти.

Следующий сосуд, который я поднял, был совсем иным, гораздо тяжелее, и содержал более темную жидкость. Это была «кружка гинесса» — довольно редкая вещь в континентальном баре. Но только не здесь. «Старый колокол» — обвешанная конской сбруей таверна — была более английской, чем многие такие заведения в самой Англии. Здесь специализировались на английских сортах пива и, судя по моей кружке, на ирландском портере.

Народу было много, но я сумел занять столик и сесть лицом к двери не потому, что я не люблю сидеть спиной к двери, как ковбои с Дикого Запада, а потому, что хотел заметить Мэгги или Белинду, как только она войдет. На этот раз пришла Мэгги. Она молча подошла к моему столику и села. Это была очень мокрая Мэгги: ее черные волосы липли к щекам.

— Все в порядке? — заботливо спросил я.

— Если промокнуть до костей называется «все в порядке», то да,— моя Мэгги никогда не говорила со мной таким едким тоном; наверное, она действительно как следует вымокла.

— А как Белинда?

— Тоже будет жить. Мне кажется, что она слишком о вас беспокоится,— Мэгги демонстративно подождала, пока я сделаю следующий глоток.— Она надеется, что вы не будете чрезмерно рисковать.

— Белинда — очень заботливая девушка.

— Белинда молода,— заметила Мэгги.

— Да, Мэгги.

— И впечатлительна.

— Да, Мэгги.

— Я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось, Пол.

После этих слов я встрепенулся, по крайней мере мысленно. Мэгги обращалась ко мне по имени только наедине и то лишь тогда, когда о чем-нибудь думала или волновалась. Я насторожился. Интересно, о чем они там разговаривают. Я подумал о том, что, может быть, стоило оставить их дома и прихватить вместо них парочку доберман-пинчеров. Доберман, во всяком случае, быстренько бы разобрался с тем приятелем на складе Моргенштерна и Муггенталера.

— Я сказала...

— Я слышал, что ты сказала,— я отпил еще немного портера.— Ты очень милая девушка, Мэгги.

Она кивнула не потому, что была согласна с моими словами, а потому, что по какой-то причине сочла их удовлетворительным ответом; затем отпила немного шерри, который я для нее заказал. Я немедля вернулся к делу.

— Где сейчас наша знакомая, за которой вы пошли?

— В церкви.

— Что? — Я чуть не поперхнулся.

— Поет псалмы.

— О Господи. А Белинда?

— Тоже в церкви.

— Тоже поет псалмы?

— Не знаю, я туда не заходила.

— Может быть, и Белинде не стоило?

— Что может быть безопаснее церкви?

— Верно,— я попытался расслабиться.

— Одна из нас должна была остаться.
— Конечно.
— Белинда сказала, что вас, быть может, заинтересует название церкви.
— С какой стати?..— Я посмотрел на Мэгги.— Первая Реформированная Церковь Общества американских гугенотов?
Мэгги кивнула. Я отодвинул стул и поднялся.
— Все ясно. Пошли.
— Как? Оставить этот прекрасный портер, который для вас так полезен?!
— Я думаю о здоровье Белинды, а не о своем.
Мы вышли, и тут я подумал, что Мэгги название церкви ни о чем не говорило. А не говорило оно ни о чем потому, что Белинда ничего ей не сказала, вернувшись в гостиницу, потому что Мэгги в это время уже спала. А я-то думал, о чем они там разговаривали. Что-то я туго соображаю.
Как всегда, шел дождь. Мы проходили по Рембрандтсплейн, когда Мэгги задрожала.
— Смотрите, такси. Сколько угодно такси.
— Я не берусь утверждать, что в Амстердаме нет такси, которые не состояли бы на службе у преступников,— с чувством сказал я.— Но держать пари я бы не стал. Нам недалеко.
Так оно и было, если ехать на такси; идти пешком же было далековато. Но я вовсе не собирался идти пешком. Я завел Мэгги на Торбеккеплейн, повернул направо, потом налево и опять налево, пока мы не вышли к Амстел.
— А вы, я вижу, неплохо ориентируетесь в городе, майор.
— Я здесь уже бывал.
— Когда?
— Не помню. Кажется, в прошлом году.
— Когда в прошлом году? — Мэгги знала или считала, что знает обо всех моих передвижениях в течение последних пяти лет. Она не любила несоответствий.
— Кажется, это было весной.
— И длилось два месяца, не так ли?
— Примерно.
— Прошлой весной вы два месяца провели в Майами,— тоном обвинителя сказала она.— Так написано в документах.

— Ты же знаешь, как я путаюсь в датах.

— Нет, не знаю,— она сделала паузу.— Я думала, что вы никогда раньше не встречались с полковником де Графом и ван Гелдером.

— Я и не встречался.

— Но...

— Я не хотел их беспокоить,— я остановился у телефонной будки.— Мне надо позвонить. Подожди меня здесь.

— Не буду! — Похоже, в амстердамской атмосфере было что-то деморализующее. Она все больше походила на Белинду. Но в данном случае Мэгги была права — дождь усилился. Я открыл дверь и впустил ее в будку, потом позвонил в ближайший таксопарк и заказал машину. Потом я принялся набирать другой номер.

— Я не знала, что вы говорите по-голландски,— сказала Мэгги.

— Наши друзья тоже об этом не знают, поэтому мы и можем заказать такси.

— Вы никому не доверяете, не так ли?

— Я доверяю тебе, Мэгги.

— Неправда. Вы просто не хотите загружать мою «прелестную головку ненужными проблемами».

— Ты повторяешь мои слова,— пожаловался я.

Де Граф поднял трубку. После обычного обмена приветствиями я спросил:

— Вы еще не расшифровали те клочки бумаги, что я вам дал? Нет? Ну, хорошо, тогда я позвоню еще,— я повесил трубку.

— Какие клочки бумаги? — спросила Мэгги.

— Те, что я ему дал.

— А откуда вы их взяли?

— Мне дал их вчера вечером один человек.

Мэгги сокрушенно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Через несколько минут подъехало такси. Я назвал адрес в старом городе. Оттуда мы с Мэгги пошли по узкой улочке вдоль одного из каналов. Я остановился на углу.

— Здесь?

— Здесь,— ответила Мэгги.

Примерно в пятидесяти ярдах от берега канала стояла маленькая и невзрачная церквушка. Это рассыпающееся древнее здание удерживалось в вертикальном положении лишь благодаря вере, хотя моему непривычному к таким

картинам глазу показалось, что церковь вот-вот рухнет в канал. Квадратная каменная башенка на церкви с маленькой колокольней уже отклонилась от вертикали градусов на пять. Для Первой Реформированной Церкви Общества американских гугенотов наступало самое время вести массированный сбор средств.

То, что некоторые из близлежащих домов были еще более близки к падению, подчеркивал тот факт, что значительная территория за церковью была уже очищена от домов; в центре этой очищенной площадки стоял огромный кран со стрелой невероятных размеров, которая почти терялась из виду где-то в вышине.

Мы медленно шли по берегу канала в сторону церкви. Теперь уже были отчетливо слышны звуки органа и женские голоса. Они были очень приятными, какими-то по-домашнему спокойными. Ностальгическая музыка разносилась над темными водами канала.

— Кажется, служба еще не закончилась,— сказал я.— Ты войдешь туда...

Я оборвал фразу, увидев проходящую мимо блондинку в белом плаще с поясом.

— Эй! — крикнул я ей.

Та прекрасно знала, что надо делать, если на пустой улице к ней будет приставать мужчина. Едва взглянув на меня, она пустилась наутек. Но поскользнулась на мокрой мостовой, с трудом удержала равновесие и успела сделать еще два или три шага, прежде чем я ее настиг. Девушка попыталась вырваться, а потом успокоилась и обняла меня за шею. К нам подошла Мэгги, вновь с пуританским выражением на лице.

— Ваша старая знакомая, майор?

— С сегодняшнего утра. Это Труди ван Гелдер.

— Вот как! — Мэгги положила руку на плечо Труди, но та не обратила на нее никакого внимания, только крепче обняла меня и восхищенно посмотрела мне в глаза.

— Я вас люблю. Вы хороший,— заявила она.

— Да, ты это уже говорила.

— Что будем делать? — спросила Мэгги.

— Что делать? Надо отвезти ее домой. Я поеду с ней. Если отправить ее одну в такси, то она выскочит на первом же перекрестке. Ставлю сто против одного, что старая ведьма вздремнула, а ее отец, наверное, перерыл весь город. Проще было приковать к ней гирю.

Я не без усилий разорвал объятия девушки и закатал ее левый рукав. Посмотрев на руку девушки, я перевел взгляд на Мэгги, которая, поджав губы, смотрела расширившимися глазами на отвратительный узор, оставленный многочисленными следами уколов. Я опустил рукав. Вместо того чтобы расплакаться, как в прошлый раз, Труди хихикнула, как будто я сделал что-то смешное. Я осмотрел ее вторую руку.

— Свежих нет,— констатировал я.

— То есть, вы не нашли свежих,— поправила меня Мэгги.

— А чего ты хочешь? Чтобы она устроила сеанс стриптиза на берегу канала под органную музыку в сопровождении дождя? Постой.

— Что случилось?

— Мне надо подумать,— терпеливо разъяснил я.

Пока я думал, Мэгги стояла рядом, выжидающе глядя на меня, а Труди держала меня за руку, не спуская с меня восхищенных глаз.

— Тебя здесь никто не видел? — спросил я наконец.

— Насколько мне известно, нет,— ответила Мэгги.

— А Белинду видели?

— Конечно. Но не так хорошо, чтобы потом опознать. На голове у Белинды платок, а сверху наброшен капюшон; кроме того, она устроилась в уголке. Я видела из дверей.

— Жди ее. Когда закончится служба, иди за Астрид. И попытайся запомнить как можно больше лиц тех, кто был в церкви.

Мэгги неуверенно кивнула.

— Боюсь, что это будет сделать нелегко.

— Почему?

— Они все на одно лицо.

— На одно лицо? Они что — китайцы?

— В основном это монашки с библиями и четками, их волос не видно, а одеты они в длинные черные...

— Мэгги, я знаю, как одеваются монашки.

— Да, но это еще не все. Почти все они очень молодые и симпатичные. Некоторые даже очень симпатичные...

— Для того чтобы пойти в монашки, необязательно иметь лицо, как после автомобильной катастрофы. Потом ты позвонишь к себе в гостиницу и оставишь номер телефона, по которому тебя можно будет найти. Пошли, Труди.

Она пошла за мной достаточно покорно, сначала пешком, а потом мы сели в такси. Всю дорогу она держала меня за руку и молола всякую чепуху, как маленький ребенок, которого неожиданно взяли на праздник. Возле дома ван Гелдера я попросил таксиста подождать.

И ван Гелдер, и Герта отчитали Труди с такой резкостью, за которой обычно кроется глубокое облегчение. Затем Герта увела ее, очевидно, спать. Ван Гелдер приготовил пару бокалов со скоростью человека, которому просто необходимо выпить, и предложил мне сесть. Я отказался.

— Меня ждет такси. Где я могу найти полковника де Графа? Я хочу взять напрокат машину, желательно быструю.

Ван Гелдер улыбнулся.

— Я не задаю вам никаких вопросов. Полковника вы можете найти в его кабинете... Сегодня он работает допоздна.— Он поднял бокал.— Спасибо, тысячу раз спасибо. Я невероятно беспокоился.

— Вы сообщили в полицию, чтобы начать розыски?

— Неофициально,— ван Гелдер криво улыбнулся.— Причину вы знаете. У меня есть несколько близких друзей, но в Амстердаме девятьсот тысяч жителей.

— Вы не знаете, почему она была так далеко от дома?

— Ну, с этим-то все ясно. Герта часто берет ее туда с собой. Туда ходят все выходцы с Гюйлера, которые живут в Амстердаме. Это гугенотская церковь, на острове есть такая же; может быть, это даже не церковь, а просто помещение, в котором молятся по воскресеньям. Герта берет с собой Труди и на остров. Церкви и парк Вондел — больше девочка нигде не бывает.

Герта неуклюже вошла в комнату, и ван Гелдер выжидающе посмотрел на нее. Герта кивнула, на ее лице появилось нечто похожее на удовлетворение. Затем она покачала головой и выкатилась из комнаты.

— Слава Богу хотя бы за это,— ван Гелдер поставил бокал на стол.— Уколов не было.

— На этот раз,— я тоже осушил бокал, попрощался и вышел.

Я доехал до Марниксстрат и расплатился с таксистом. Ван Гелдер успел по телефону предупредить о моем приезде. Полковник де Граф ждал меня. Если он и был занят, то это ни в чем не проявлялось. Он просто сидел

за пустым столом, подперев рукой подбородок. Когда я вошел, он оторвался от неторопливого созерцания бесконечности.

— Надо полагать, вы кое-чего добились,— приветствовал он меня.

— Боюсь, что вы ошибаетесь.

— Как?! Неужели вы еще не на столбовой дороге, ведущей к разрешению всех наших проблем?

— Сплошные тупики.

— Как я понял со слов инспектора, вам нужна машина?

— Да, если можно.

— Можно поинтересоваться, зачем она вам нужна?

— Чтобы заезжать в тупики. Но пришел я сюда вовсе не за этим.

— Я так и думал.

— Мне нужен ордер на обыск.

— Зачем?

— Чтобы произвести обыск,— терпеливо пояснил я.— Разумеется, в присутствии высшего полицейского чина или чинов, чтобы он был вполне официальным.

— У кого? Где?

— Моргенштерн и Мугенталер. Склад сувениров возле доков... Адреса я не знаю.

— Я о них слышал,— де Граф кивнул.— Но ничего компрометирующего я о них не знаю. А вы?

— И я тоже.

— Тогда чем же вызвано ваше любопытство?

— Если б я знал. Я был там сегодня...

— По вечерам у них, разумеется, закрыто.

Я показал ему связку отмычек.

— Хранение подобных инструментов незаконно,— сурово заметил де Граф.

Я убрал отмычки в карман.

— Каких инструментов?

— Обман зрения,— согласился де Граф.

— Меня интересует, почему стальная дверь, ведущая в их кабинет снабжена замком с часовым механизмом. Меня интересуют огромные запасы библий в их складе,— я не стал упоминать о запахе гашиша и о человеке, который прятался за куклами.— Но больше всего меня интересует список их поставщиков.

— Ордер на обыск можно получить под любым предлогом,— сказал де Граф.— Я сам буду вам помогать.

Утром вы, разумеется, более подробно расскажете о своих планах. Теперь о машине. Ван Гелдеру пришла в голову отличная идея: мы дадим вам специальную полицейскую машину, оснащенную всем, что угодно,— от радиопередатчиков до наручников. Она замаскирована под такси, будет здесь через две минуты. Как понимаете, вождение такси создает дополнительные проблемы.

— Постараюсь не зарабатывать на стороне слишком много. У вас есть еще что-нибудь для меня?

— Тоже через две минуты. В вашей машине привезут кое-какую информацию из нашей картотеки.

Через две минуты на столе полковника уже лежала папка и он просматривал какие-то бумаги.

— Астрид Лемай, как это ни странно,— настоящее ее имя. Отец голландец. Был вице-консулом в Афинах. Уже умер. Мать гречанка. Местонахождение неизвестно. Астрид 24 года. У нас ничего на нее нет. Не слишком-то ясная картина. Девушка работает в ночном баре «Балинова», проживает недалеко от него в небольшой квартире. Единственный известный родственник — брат Джордж, 20 лет. Да, вот еще что. Ее братец полгода был гостем ее величества.

— За наркотики?

— Нападение и попытка ограбления. Неопытная работа. Ему не повезло: наткнулся на полицейского в штатском. Подозревается в употреблении наркотиков; очевидно, пытался достать для этого денег. Вот и все, что нам известно.

Он взял другой листок.

— Теперь об этом номере, МОО 144. Это радиопозывные бельгийского судна, которое должно прибыть завтра рейсом из Бордо. У нас довольно толковые работники, не так ли?

— Да. Когда оно приходит?

— В полдень. Проведем обыск?

— Вы ничего не найдете. Держитесь от него подальше. А что вы можете сказать относительно двух других номеров?

— Боюсь, что ничего. 910020 и 2797,— он задумался.— Это может означать дважды 797, то есть 797797.

— Это может означать все, что угодно.

Де Граф достал из ящика телефонный справочник, повертел в руках и бросил обратно. Затем он поднял телефонную трубку.

— Номер телефона 797797. Выясните, чей это номер. Побыстрее, пожалуйста.

Мы молча ждали, когда зазвонит телефон. Де Граф выслушал и повесил трубку.

— Это телефон ночного бара «Балинова».

— У толковых работников и шеф — провидец.

— И куда же вас ведет это провидение?

— В ночной бар «Балинова»,— я встал.— Мое лицо довольно легко запоминается, не так ли, полковник?

— Такие лица не забываются. Судя по вашему лицу, ваш хирург не слишком-то старался.

— Еще как старался. Пытался скрыть почти полное незнание пластической хирургии. У вас нет коричневого крема?

— Коричневого крема? — Он поморгал и широко улыбнулся.— О чем вы, майор? Маскировка? В наши дни? Шерлок Холмс давно умер.

— Будь у меня хотя бы половина его мозгов, мне не нужен был бы крем.

ГЛАВА VI

Желто-красное такси, которое мне дали, внешне ничем не отличалось от обыкновенного опеля, но в него как будто умудрились поставить дополнительный двигатель. И вообще, в нем была масса интересных вещей: выдвигающиеся сирена и мигалка, сзади падающая табличка со знаком «Стоп». Под передним сиденьем я нашел трос, аптечку и баллоны со слезоточивым газом, в карманах на дверцах — наручники с ключами. Одному Богу было известно, что находилось в багажнике, меня это не интересовало. Мне нужна была только быстрая машина, и я ее получил.

Я подъехал к ночному бару «Балинова» и поставил машину на площадку под знаком «Стоянка запрещена», напротив полицейского в форме. Он едва заметно кивнул мне и удалился размеренным шагом. Он с первого взгляда распознал полицейскую машину, но не собирался разъяснять раздраженным гражданам, почему этой машине дозволено то, за что другим водителям немедленно влепили бы штраф.

Я вышел, хлопнул дверцей и направился к ночному бару, у входа в который мигали неоновая надпись «Балинова» и две неоновые танцовщицы «гула-гула»,

хотя я никак не мог уловить связь между Индонезией и Гавайскими островами. Если это были танцовщицы с Бали, то они были неправильно одеты... или раздеты. На широких витринах по обе стороны от входа можно было ознакомиться с художественными ценностями и эстетическими достоинствами ожидающего вас внутри зрелища. Если вы натыкались взглядом на молодую даму, все одеяние которой состояло из браслетов и серег, то она производила впечатление чрезмерно разодетой. Но еще более достойным внимания показалось мне кофейное лицо, отражавшееся в витрине. Если бы я не знал, кто это такой, то ни за что бы себя не узнал. Я вошел в бар.

Как и следовало ожидать, ночной бар «Балинова» оказался тесным, душным и задымленным помещением, пропитанным неопределенным запахом, основной составляющей частью которого был аромат жженой резины. Видимо, он должен был настраивать посетителей на нужный лад для получения эстетического удовольствия, на самом же деле вызывая паралич дыхательных путей уже через несколько секунд. Освещение зала было очень тусклым, и дело тут было не в дымовой завесе. Единственный яркий прожектор был направлен на сцену, которая, опять-таки по традиции, была вовсе не сценой, а небольшой круглой площадкой для танцев в центре зала.

Аудиторию составляли почти исключительно мужчины всех возрастов: от сопливых юнцов с округлившимися глазами до резвых востроглазых старичков, зрение которых, судя по всему, было еще что надо. Почти все посетители были хорошо одеты, ибо первоклассные ночные бары Амстердама, которые удовлетворяли самым изысканным вкусам знатоков определенного рода искусства, не созданы для живущих на пособие по социальному обеспечению. Попросту говоря, они недешевы, а «Балинова» вообще один из самых дорогих баров. Хотя в зале сидели и женщины, их было очень мало. Ничуть не удивившись, я заметил за столиком возле двери Мэгги и Белинду. На столе перед ними стояли бокалы с отвратительной на вид жидкостью. На лицах девушек было равнодушие, причем на лице Мэгги оно было гораздо более сильным.

Моя маскировка показалась мне в тот момент абсолютно излишней. Никто не посмотрел на меня, когда я

вошел в зал, никто и не собирался смотреть на меня, что в данных обстоятельствах было вполне объяснимо, ибо все присутствующие таращились на балетное действо, которое разворачивалось перед их глазами. Они старались не пропустить ни единого эстетического нюанса насыщенного символикой оригинального представления, в ходе которого аппетитная молодая деваха, сидевшая в пенистой ванне, пыталась под аккомпанемент (то есть ужасный грохот и астматическое сопение несносного оркестра, который выкинули бы даже из механического цеха) достать полотенце, предусмотрительно помещенное в ярде от того места, до которого она могла дотянуться. Воздух был насыщен электричеством, публика пыталась просчитать все варианты поведения бедной купальщицы. Я сел за стол девушек и одарил Белинду ослепительной улыбкой, которая в сочетании с моим новым лицом должна была подействовать на нее безотказно. Белинда отскочила и дернула носом.

— Фу-ты ну-ты,— сказал я. Обе девушки уставились на меня, а я указал пальцем на сцену.— Почему бы вам не помочь бедной девушке?

Наступила продолжительная пауза, которую в конце концов прервала Мэгги:

— Боже мой, что с вами?

— Не кричи, я маскируюсь.

— Но я звонила в гостиницу всего несколько минут назад,— сказала Белинда.

— Шептать тоже не надо. Этот адрес мне дал полковник де Граф. Она пришла прямо сюда?

Девушки кивнули.

— И больше не выходила?

— Во всяком случае, через главный вход,— сказала Мэгги.

— Вы пытались запомнить лица монашек, как я вас просил?

— Пытались.

— Заметили что-нибудь необычное?

— Нет, ничего. Разве что... В Амстердаме очень красивые монашки,— добавила Белинда.

— Мэгги уже говорила мне об этом. Все?

Девушки нерешительно переглянулись.

— Мы заметили одну странную вещь,— сказала Мэгги.— В церковь вошло заметно больше народа, чем вышло.

— В церкви было определенно больше народа, чем вышло,— сказала Белинда.— Я там была.

— Знаю. Что вы имеете в виду под словом «заметно»?

— Я хотела сказать «гораздо больше».

— Ну вот! Теперь уже «гораздо». Вы, разумеется, убедились, что в церкви никто не остался?

— Вы приказали нам идти за Астрид Лемай,— Мэгги перешла к обороне.— Мы не могли ждать.

— А вам не пришло в голову, что у кого-то были личные причины задержаться в церкви? Или вы просто плохо считали?

Белинда от злости поджала губы, но Мэгги положила свою руку поверх ее.

— Это нечестно, майор,— и это говорила Мэгги.— Может быть, мы и ошибаемся, но это нечестно.

Когда Мэгги так говорила, я прислушивался.

— Прости меня, Мэгги, прости, Белинда! Когда такие трусы, как я, начинают бояться, они отыгрываются на тех, кто не может им ответить.— Девушки улыбнулись мне так сочувственно, что в другое время я полез бы на стенку, но не сейчас. Возможно, новый цвет кожи повлиял на мою нервную систему.— Видит Бог, я ошибаюсь чаще, чем вы.

Так оно и было, и в тот момент я совершал одну из самых больших ошибок: надо было прислушаться к словам девушек.

— И что дальше?

— Да, что нам делать дальше? — повторила Белинда. Меня великодушно простили.

— Походите по ночным барам. Видит Бог, в них здесь нет недостатка. Может быть, вы сумеете кого-нибудь узнать: танцовщиц, официанток или посетительниц.

Белинда с недоверием уставилась на меня.

— Монашки в ночном баре?

— А почему бы и нет? Епископы ведь бывают на светских приемах.

— Это разные вещи.

— Развлечения всегда развлечения,— многозначительно сказал я.— Особое внимание обращайте на тех, у кого длинные рукава или перчатки до локтей.

— Почему именно на них?

— Сами догадайтесь. Постарайтесь узнать, где они живут. К часу будьте у себя в гостинице. Встретимся там.

— А что будете делать вы? — спросила Мэгги.

Я небрежным взглядом окинул зал.

— Мне нужно узнать массу вещей.

— Надо думать,— констатировала Белинда.

Мэгги раскрыла рот, намереваясь прочитать Белинде нотацию, но ей помешала волна охов и ахов, прокатившаяся по бару. Зрители восхищенно привстали с мест. Бедная артистка проявила максимум изобретательности: словно панцирем, прикрывая свой девичий румянец ванной, она преодолела небольшое расстояние до спасительного полотенца. Затем она выпрямилась, обернувшись полотенцем,— Венера, рожденная из пены,— и поклонилась с королевской грацией. Восторженная публика свистела и требовала повторить на бис (активнее всего кричали старички), но тщетно: репертуар был исчерпан, артистка грациозно тряхнула головкой и торопливо убежала, увлекая за собой облака мыльных пузырей.

— Ну надо же! — восхищенно воскликнул я.— Держу пари, вы бы до этого не додумались.

— Идем отсюда, Белинда,— сказала Мэгги.— Это место не для нас.

Они встали и вышли. Проходя мимо меня, Белинда повела бровями (это странно напоминало подмигивание) и сладким голоском сказала: «Таким вы мне нравитесь больше»,— и исчезла, заставив меня ломать голову над смыслом ее слов. Я проводил их взглядом до двери, чтобы посмотреть, не пойдет ли кто за ними. Первым за девушками устремился очень толстый тип с отвислыми щеками и добродушной физиономией. Впрочем, это вряд ли имело какое-то значение, потому что за ним последовало еще несколько десятков человек. Самое лучшее они уже увидели; такое не часто бывает — всего-то трижды за вечер в течение семи дней в неделю. Теперь все они отправлялись на более сочные пастбища, где можно купить выпивку вчетверо дешевле.

Бар наполовину опустел, дым рассеялся, соответственно улучшилась и видимость. Осмотревшись, я поначалу не заметил ничего интересного. Суетились официанты. Я заказал скотч и получил бокал, в котором только после тщательного химического анализа можно было бы обнаружить едва заметные следы виски. Какой-то старичок натирал пол изящными движениями жреца, исполнявшего торжественный ритуал. Оркестранты с упоением поглощали пиво, поставленное, очевидно, самым что ни

на есть глухим клиентом. Тут я и увидел ее, хотя уже не надеялся на это.

В дальнем конце зала стояла Астрид Лемай, какая-то девушка шептала ей что-то на ухо. Астрид куталась в платок; судя по напряженному выражению ее лица, дело не терпело отлагательств. Астрид несколько раз кивнула, пробежала через зал и выскользнула на улицу. Я последовал за ней, хотя и не так стремительно.

Когда девушка повернула на Рембрандтсплейн и остановилась, нас разделяло несколько шагов. Я тоже остановился и посмотрел туда, куда смотрела девушка.

Возле открытого уличного кафе располагалась шарманка. Даже в столь поздний час кафе было почти заполнено, посетители имели такой несчастный вид, что, судя по всему, не пожалели бы денег, лишь бы оказаться в другом месте. Эта шарманка как две капли воды походила на шарманку у «Эксельсиора» — та же крикливая расцветка, такой же балдахин из лоскутков и точно такие же куклы, пляшущие на резинках. Впрочем, в механическом и музыкальном планах эта шарманка была, пожалуй, похуже. Сей механизм обслуживал старик с нечесаной длинной седой бородой, немытой с тех самых пор, как он перестал бриться. На нем была широкополая мягкая шляпа и просторный британский плащ-палатка, достававший до щиколоток. Среди скрипов, стонов и завываний шарманки я как будто разобрал фрагмент «Богемы», хотя, ей-Богу, Пуччини никогда не заставлял умирающую Мими мучиться так, как она мучилась в тот вечер на Рембрандтсплейн.

Вся публика состояла из одного-единственного человека. Я узнал в нем одного из молодых людей, слушавших шарманку возле «Эксельсиора». Одежда его была бедной, но опрятной, а его прямые черные волосы падали на худые плечи, которые торчали под пиджаком, как две палки. Даже с расстояния в двадцать футов я заметил, что он еле держится на ногах. Кожа его лица была цвета старого пергамента. Щеки запали, как у трупа.

Он опирался на шарманку, однако не из любви к Мими Пуччини, а просто потому, что иначе не устоял бы на ногах. Похоже, он чувствовал себя очень плохо. Время от времени его пробирала судорожная дрожь, а из гортани доносились хриплые вздохи. Старик-шарманщик, похоже, не видел в нем желанного клиента, поскольку он нерешительно суетился вокруг него, чмокал

с сожалением и беспомощно разводил руками. При этом он опасливо поглядывал поверх его плеча на площадь.

Астрид быстрыми шагами подошла к шарманке, неловко улыбнулась бородатому старику, обняла парня и оторвала его от шарманки. Тот попытался выпрямиться, и я увидел, что он по меньшей мере на шесть дюймов выше сестры, но его высокий рост лишь подчеркивал его скелетообразное телосложение. Глаза его были неподвижными и какими-то стеклянистыми; щеки так запали, что можно было не сомневаться в том, что у него не осталось зубов. Это было лицо человека, умирающего от голода. Астрид наполовину вела его, наполовину тащила на себе, и хотя вряд ли он был очень тяжелым, шатания его увлекали за собой и девушку.

Я молча подошел к ним, обхватил парня за пояс — как будто обнял скелет — и принял его вес на себя. В обращенном на меня взгляде девушки я прочитал боль и страх. Да и цвет моего лица вряд ли настраивал на доверительный лад.

— Оставьте меня, пожалуйста,— умоляющим тоном сказала она.— Я справлюсь сама.

— Не справитесь. Ему очень плохо, мисс Лемай.

Девушка ошеломленно уставилась на меня.

— Мистер Шерман!

— Не знаю даже, что на это сказать,— задумчиво заявил я.— Пару часов назад вы меня и знать не знали. А теперь, стоило мне загореть и похорошеть...

Ноги Джорджа внезапно превратились в студень, он едва не выскользнул из моих рук. Не слишком-то мы далеко уйдем, вальсируя этак по Рембрандтсплейн. Я наклонился, чтобы перебросить его через плечо, как это делают пожарные, но девушка в испуге схватила меня за руку.

— Не надо! Не делайте этого!

— Почему? Так будет легче.

— Нет-нет. Если вас увидит полиция, его заберут.

Я выпрямился, снова обхватил Джорджа и попытался удержать его в положении, максимально близком к вертикальному.

— Охотник и добыча одновременно,— сказал я.— И вы, и ван Гелдер.

— Извините, я не поняла...

— И, разумеется, брат Джордж...

— Откуда вы знаете, как его зовут? — прошептала девушка.

— Моя профессия состоит в том, чтобы кое-что знать,— уклончиво ответил я.— Я хотел сказать, что ваш брат Джордж находится в невыгодном положении, будучи известным полиции. Бывший заключенный в качестве брата — очевидный минус.

Девушка не ответила. Я никогда не видел более несчастного человека, чем она сейчас.

— Где он живет?

— Со мной, конечно,— мой вопрос ее как будто удивил.— Это неподалеку.

Так оно и было: мы прошли не более пятидесяти футов и оказались на небольшой улочке (если так можно назвать узкий и мрачный проход на задворках «Балиновы»). Мне не приходилось встречать более узкой и крутой лестницы, чем та, что вела в квартиру Астрид. Я с трудом поднялся по ней с Джорджем на плече. Астрид открыла дверь, и я оказался в квартире, которая была чуть больше кроличьей клетки и состояла, как я разглядел, из миниатюрной гостиной и такой же миниатюрной спальни. Я прошел в спальню, положил Джорджа на кровать, выпрямился и вытер пот со лба.

— Мне приходилось подниматься и по лучшим лестницам,— с чувством сказал я.

— Извините. В общежитии для девушек дешевле, но с Джорджем... В «Балинове» не слишком много платят.

Судя по двум маленьким комнаткам, опрятным, но невзрачным, платили очень мало.

— В вашем положении радуются, если вообще хоть что-то имеют.

— Извините...

— Хватит извиняться. Вы отлично поняли, что я имею в виду. В самом деле, мисс Лемай... или можно называть вас Астрид?

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — Не могу припомнить, чтобы я видел раньше, как девушки заламывают руки, но Астрид сделала именно это.— Откуда вы знаете обо мне разные... вещи?

— Довольно,— резко оборвал я.— В этом есть определенная заслуга твоего парня.

— Моего парня? У меня нет никакого парня.

— Ну, стало быть, бывшего парня. Или лучше сказать — «покойного парня»?

— Джимми? — прошептала она.

— Да, Джимми Дюкло. Может быть, он и потерял из-

за тебя голову — со смертельным исходом,— но успел кое-что сообщить. У меня есть даже твоя фотография.

— Но там... в аэропорту...— она не договорила.

— А чего ты хотела? Чтобы я тебя расцеловал? Джимми убили потому, что он напал на след. На какой след?

— Извините, но я ничем не могу вам помочь.

— Не можешь или не хочешь?

Девушка не ответила.

— Астрид, ты любила его?

Она молча посмотрела на меня и медленно кивнула.

— И ты ничего мне не скажешь?

Молчание. Я решил попробовать по-другому:

— Джимми сказал тебе, чем он занимается?

Она покачала головой.

— Но ты догадалась?

Девушка кивнула.

— И ты с кем-то поделилась своими догадками.

Это ее доканало.

— Нет! Нет! Я никому не говорила. Клянусь вам, я никому не говорила.— Она, несомненно, любила его и говорила правду.

— Он когда-нибудь упоминал обо мне?

— Нет.

— Но ты знаешь, кто я?

Она молча посмотрела на меня, по ее щекам медленно скатились две большие слезы.

— Тебе отлично известно, что я руковожу лондонским бюро Интерпола по борьбе с наркотиками.

Снова молчание. Я взял девушку за плечи и яростно тряхнул.

— Ты об этом знаешь?

Она молча кивнула. Великая молчальница.

— Если тебе сказал об этом не Джимми, то кто?

— О Господи! Оставьте меня в покое! — Она была в слезах.

Я вздохнул и снова сменил тактику, глядя через открытую дверь на парня, лежащего на кровати.

— Надо полагать, Джордж не приносит в семью денег.

— Джордж не может работать,— она сказала это так, как будто говорила об элементарном законе природы.— Он уже больше года не работает. Но какое отношение ко всему этому имеет Джордж?

— Самое непосредственное,— я подошел к кровати, наклонился над ней и поднял Джорджу веко.— Что ты с ним делаешь, когда он в таком состоянии?

— Тут уже ничего нельзя поделать.

Я взял худую руку Джорджа и увидел следы многочисленных инъекций. Отталкивающее зрелище. Рука Труди по сравнению с этой была сущей безделицей.

— Для него уже ничего нельзя сделать,— сказал я.— И ты это знаешь, правда?

— Знаю,— она перехватила мой внимательный взгляд, убрала носовой платок и горько улыбнулась.— Вы хотите, чтобы я тоже показала вам руки?

— Я не оскорбляю красивых девушек. Я просто хочу задать тебе несколько простых вопросов. Давно это началось у Джорджа?

— Три года назад.

— Давно ты работаешь в «Балинове»?

— Три года.

— Тебе там нравится?

— Нравится?! Вы знаете, что такое работа в ночном баре? В таком баре, как «Балинова»? Когда на тебя пялятся отвратительные старикашки...

— Джимми Дюкло не был отвратительным старикашкой.

Девушка как будто растерялась.

— Конечно, не был. Джимми...

— Джимми Дюкло мертв. Он погиб потому, что потерял голову из-за девушки, которая работает в ночном баре и которую шантажируют.

— Меня никто не шантажирует.

— Вот как? Кто же тогда оказывает на тебя давление, чтобы заткнуть тебе рот и заставить заниматься работой, которая тебе отвратительна? И почему на тебя оказывают давление? Может быть, все дело в Джордже? Что он сделал или якобы сделал? Я знаю, что он сидел в тюрьме. Астрид, почему ты за мной следила? Что ты знаешь о смерти Джимми Дюкло? Я знаю, как он погиб, но кто его убил и зачем?

— Я не знала, что его убьют,— девушка опустилась на диван, спрятала лицо в ладонях. Ее плечи тряслись.— Я не знала, что его убьют!

— Хорошо, Астрид.

Я сдался потому, что не добился ничего, кроме растущей неприязни к себе. Вероятно, она любила Дюкло,

который погиб всего день назад. А я бередил незажившую рану.

— Я видел слишком много людей, которые боялись, и не буду пытаться заставить тебя говорить. Но ради Бога и ради себя самой — подумай. У тебя не осталось ничего, кроме самой жизни. У Джорджа не осталось и ее.

— Я ничего не могу вам сказать,— она по-прежнему прятала лицо в ладонях.— Пожалуйста, уходите!

Мне было нечего сказать ей, потому я сделал так, как она просила.

Оставшись лишь в майке и брюках, я смотрел в маленькое зеркало в маленькой ванной. На моем лице, шее и руках не осталось никаких следов краски, чего нельзя было сказать о большом и некогда белом полотенце. Теперь оно приобрело шоколадный оттенок и было безнадежно испорчено.

Я вернулся в спальню, где с трудом размещались диван и кровать. На кровати сидели рядом Мэгги и Белинда в весьма привлекательных ночных рубашках, состоящих главным образом из вырезов. Однако у меня были более срочные темы для размышлений, нежели вопрос экономии материалов производителями женского белья.

— Вы испортили наше полотенце,— с укором заметила Белинда.

— Скажете, что стирали помаду,— я надел рубашку, ворот которой стал ржавого цвета, но с этим уже ничего не поделаешь.— Стало быть, большая часть девушек из ночных заведений живет в гостинице «Париж»?

Мэгги кивнула.

— Так сказала Мэри.

— Мэри?

— Очень милая англичанка, которая работает в «Трианоне».

— Милые девушки не работают в заведениях такого пошиба. Там работают вульгарные англичанки. Это одна из тех девушек, что были в церкви? — Мэгги кивнула.— По крайней мере, это подтверждается словами Астрид.

— Астрид? — удивилась Белинда.— Вы с ней говорили?

— Я провел с ней часть вечера. Боюсь, что не слишком продуктивно. Она была неразговорчива.

Я коротко рассказал им о степени неразговорчивости Астрид и продолжал:

— Пожалуй, хватит вам шляться по ночным барам. Пора браться за работу.

Девушки переглянулись и холодно посмотрели на меня.

— Мэгги, погуляй завтра по парку Вондел. Поищи там Труди... Ты ее знаешь. Главное, чтобы она тебя на заметила, она тебя может узнать. Посмотри, что она делает, с кем встречается, с кем разговаривает. Парк большой, но вряд ли у тебя будут трудности с ее обнаружением, если с ней будет старая ведьма пяти футов в ширину. Белинда, завтра вечером следи за гостиницей. Если узнаешь кого-нибудь из тех девушек, что видела в церкви, следи за ней.

Я натянул промокший пиджак.

— Спокойной ночи.

— Как, вы уже уходите? — Мэгги как будто была немного разочарована.

— Куда это вы так спешите? — спросила Белинда.

— Завтра вечером я уложу вас в кроватки и расскажу сказку о девочке и медведях. Сегодня я занят.

ГЛАВА VII

Я поставил машину под знак «Стоянки нет» и дальше прошел пешком несколько сот ярдов до отеля. Шарманка ушла туда, куда уходят по ночам все шарманки. Холл гостиницы был пуст, если не считать администратора, который дремал за стойкой. Я тихонько снял ключ с крючка, поднялся на второй этаж и там сел в лифт, дабы не прерывать крепкий и, вне всякого сомнения, заслуженный отдых администратора.

Я снял с себя мокрую одежду, то есть все, что на мне было, переоделся в сухое, спустился на первый этаж и брякнул ключом по стойке. Администратор сонно замигал, посмотрел на меня, потом на часы и на ключ.

— Мистер Шерман, я не слышал, как вы вошли.

— Это было давно, вы спали,— сказал я детским невинным голосом.

Не слушая меня, он снова недоуменно посмотрел на часы.

— Что вы собираетесь делать, мистер Шерман?

— Ходить во сне.

— Но ведь сейчас половина третьего ночи.

— Днем я не хожу во сне,— резонно заявил я и окинул взглядом вестибюль.— Что это значит? Ни тебе портье, ни шарманки и ни одного хвоста. Безобразие! Разгильдяи! Вам придется ответить за вашу халатность.

— Извините, не понял.

— Постоянная бдительность — цена власти.

— Я вас не понимаю.

— Я тоже не очень-то себя понимаю. Где тут у вас парикмахерская?

— Где что?

— Не беспокойтесь, сам найду.

Я отошел от отеля ярдов на двадцать и нырнул в подъезд, предвкушая радость, с которой вломил бы по башке каждому, кто попробовал бы сунуться за мной. Через несколько минут я выяснил, что по башке получать никто не хочет. Я сел в машину и поехал в сторону порта, где остановил ее в двух кварталах от Первой Реформированной Церкви Общества американских гугенотов. Затем я пошел пешком вдоль канала.

Канал, берега которого были обсажены неизменными липами и вязами, был темно-коричневым и неподвижным, даже фонари не отражались в нем. Света не было ни в одном доме. В этот час церковь выглядела еще большей развалиной и при этом какой-то тихой и настороженной, как многие церкви ночью. На фоне ночного неба угрожающе выделялся огромный кран с массивной стрелой. Никаких признаков жизни.

Я пересек улицу, подергал дверь в церковь и обнаружил, что она была незаперта. Ничего странного в этом не было, но я все-таки удивился. Должно быть, петли были хорошо смазаны, потому что открывалась и закрывалась дверь совершенно бесшумно.

Я включил фонарик. В церкви никого не было. Я провел более внимательный осмотр. Помещение оказалось даже меньшим, чем можно было предполагать, глядя на него снаружи, потемневшим, обветшавшим и таким старым, что лавки, как я заметил, тесали еще топорами. Я посветил вверх, но не увидел никакой галереи, только дюжину маленьких и пыльных витражных окон, которые даже в солнечный день пропускали минимальное количество света. Дверь, через которую я вошел, оказалась единственной, ведущей в церковь. В дальнем конце

церкви, между кафедрой и органом, была еще какая-то дверь.

Я подошел к той двери, выключил фонарик и толкнул ее. Дверь скрипнула, но негромко. Я тихо и осторожно шагнул вперед, но передо мной был не пол, а первая ступенька лестницы, ведущей вниз. Я спустился по восемнадцати ступеням, которые завершали полный круг, и осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки и нащупывая дверь. Ее не было. Я включил фонарик.

Комната, в которой я находился, была примерно вдвое меньше верхнего помещения. В ней не было окон, на потолке висели две голые лампочки. Я нашел выключатель и щелкнул им. Это помещение было еще более почерневшим, чем верхнее. Деревянный пол был покрыт слоем многолетней грязи. В центре комнаты стояли несколько столов и стульев, а вдоль боковых стен — ряды высоких перегородок. Помещение это походило на средневековую таверну.

Я принюхался и ощутил неприятный запах, который ни с чем нельзя было спутать. Он мог исходить откуда угодно, но мне показалось, что им отдает из правого ряда кабинок. Я убрал фонарик, достал пистолет и прикрутил к нему глушитель. Потом я по-кошачьи осторожно подкрался к кабинкам. Мой нос говорил мне, что я не ошибся. И первая, и вторая кабинки были пусты. Затем я услышал чье-то дыхание. Осторожно я выглянул за перегородку, держа пистолет наготове.

Моя осторожность оказалась излишней: мне ничто не угрожало. На узком столе я увидел пепельницу с прогоревшим окурком, а также руку и голову мужчины, который крепко спал, отвернувшись к стене. Даже не видя его лица, я узнал в этом оборванце Джорджа. Когда я его видел в последний раз, я был готов поклясться, что в ближайшие сутки он не сдвинется с места, точнее говоря, поклялся бы, будь он нормальным человеком. Однако наркоманы не имеют ничего общего с нормальными людьми и способны на невероятное, хотя и краткое обретение сил. Я оставил Джорджа в покое. Пока он не представлял для меня опасности.

В конце комнаты была еще одна дверь. Я открыл ее, уже не осторожничая, как раньше, вошел и, обнаружив выключатель, зажег свет.

Длинная, но узкая комната, в которой я оказался, тянулась вдоль всей церкви, но ширина ее не превышала

десяти футов. Обе стены комнаты были уставлены стеллажами, на которых стояли ряды библий. Я ничуть не удивился, обнаружив их полную идентичность с теми, что видел на складе Моргенштерна и Мугенталера, тех самых, которые Первая Реформированная Церковь так щедро раздавала амстердамским отелям. Вряд ли я мог найти в них что-то интересное, однако я сунул пистолет за пояс и решил взглянуть на библии повнимательнее. Я перелистал несколько экземпляров из первого ряда и убедился в полной их безобидности. Осмотрев книги из второго ряда, я добился точно таких же результатов. Отложив в сторону несколько книг из второго ряда, я потянулся к третьему.

Первая книга из этого ряда могла быть вполне безобидной, если бы удалось объяснить ее изуродованный вид. Она имела внутри полость, которая шла почти на всю ее глубину, размерами и формой напоминая большую фигу. Я посмотрел еще несколько библий из этого ряда: во всех было такое же отверстие, сделанное, очевидно, на машине. Отложив в сторону один из испорченных экземпляров, я поставил остальные на место и пошел к двери в дальнем конце комнаты, открыл ее и включил свет.

Надо признать, что Первая Реформированная Церковь определенно делала все возможное (и не без успеха) для того, чтобы следовать призывам наиболее авангардных слоев духовенства шагать в ногу с веком технического прогресса. Можно было, конечно, надеяться, что эти призывы поймут не так дословно; однако претворение в жизнь не слишком конкретных призывов всегда приводит к различным отклонениям. Так было и в данном случае: я стоял в прекрасно оборудованной мастерской.

На мой взгляд, пусть и не слишком опытный в этом плане, в мастерской было все: токарные и фрезерные станки, тигели, прессы, формы, печь, большая машина для штамповки, верстаки, на которых стояли станки поменьше. Назначение их так и осталось для меня загадкой. Один из углов был завален бронзовой и медной стружкой. Рядом стоял ящик со старыми оловянными трубками и несколько рулонов кровельной жести. Ничего не скажешь, весьма интересное место. О конечном продукте я не мог сказать ничего определенного, поскольку нигде его не видел.

Я был в середине помещения, когда мне показалось, будто я услышал едва ощутимый шум в двери, через которую только что вошел: за мной кто-то шел в нескольких ярдах позади меня, и этот кто-то явно не испытывал ко мне дружеских чувств. Я невозмутимо прошел дальше (непростое дело, когда знаешь, что каждый твой шаг может оборвать пуля 38-го калибра). Тем не менее я продолжал идти, потому что обернуться с увечной библией в руке и пистолетом за поясом наверняка означало получить пулю. Только сейчас я понял, что вел себя как болван. Все шло к тому, что и погибну я как болван. Незапертые двери в церковь и подвал, свободный доступ для всех желающих — это могло означать лишь одно: наличие человека с пистолетом, который должен был впускать всех, но не выпускать никого, препятствуя этому самым определенным образом. Может быть, он прятался на кафедре или за боковой дверью, что я по своей беспечности не проверил.

Я дошел до конца помещения, посмотрел налево за токарный станок, издал негромкий удивленный возглас и нагнулся за станком. В этом положении я находился не более пары секунд, поскольку не видел смысла откладывать то, что все равно должно произойти. Когда я выпрямился, мой пистолет был на уровне моего правого глаза.

Он был не далее чем в пятнадцати футах от меня — иссохший человек с белым как мел лицом грызуна и горящими угольно-черными глазами. Он приближался ко мне на бесшумных резиновых подошвах, направляя в мою сторону нечто гораздо более страшное, чем пистолет 38-го калибра. Это была двустволка с отпиленными стволами и прикладом — одно из самых страшных орудий близкого боя.

Я, не раздумывая, нажал на спусковой крючок, поскольку если я в чем и был уверен, так это в том, что другого такого шанса у меня уже не будет.

У него на лбу расцвела красная роза. Он сделал шаг назад — рефлекторное движение трупа — и свалился на пол почти так же бесшумно, как шел за мной, не выпуская из руки обреза. Я посмотрел на дверь. Но если у него и были помощники, то они благоразумно держались в тени. Я метнулся в соседнюю комнату, но, кроме Джорджа, там никого не было. Я довольно бесцеремонно выволок Джорджа из-за стола, забросил его на плечо,

поднял наверх и небрежно бросил за кафедру, где его никто не увидит, даже если случайно заглянет в церковь. Хотя я не мог представить себе идиота, который среди ночи шляется по церквам. Затем открыл наружную дверь и убедился, что улица совершенно пуста.

Через три минуты я поставил такси недалеко от церкви, вернулся в нее, выволок Джорджа и швырнул его на заднее сиденье. Он немедленно сполз вниз, и поскольку так было безопаснее, я не стал его поднимать и снова вернулся в церковь.

В карманах убитого не было ничего, кроме нескольких самодельных сигарет. Я взял в левую руку обрез, правой схватил за воротник покойника (единственный способ не испачкать его кровью мой последний выходной костюм) и выволок его наверх, попутно закрывая двери и выключая за собой свет.

Опять взглянув на церковь и убедившись в том, что улица пустынна, я перетащил его через улицу и под прикрытием такси спустил в канал так же бесшумно, как он спустил бы меня, будь я менее расторопен с оружием. Обрез я бросил в канал вслед за покойником. Затем я подошел к такси и собрался было уехать, когда в соседнем от церкви доме распахнулась дверь и оттуда вышел какой-то человек. Он нерешительно огляделся и направился прямо ко мне.

Это был большой и массивный мужчина в просторной ночной рубашке и наброшенном поверх нее купальном халате. У него была красивая голова с впечатляюще белой гривой, усами и румяным лицом. На лице было выражение смущения и доброжелательности.

— Вам требуется помощь? — У него был глубокий и звучный голос человека, который привык к тому, что его часто слушают.— Что-нибудь случилось?

— А что могло случиться?

— Мне показалось, что я слышал шум в церкви.

— В церкви? — Я изобразил озадаченность.

— Да. В моей церкви. Там,— он указал мне на церковь на случай, если я никогда не видел церквей.— Пастор Гудбоди, Тадеус Гудбоди. Я подумал, что туда кто-то проник.

— Во всяком случае, не я, преподобный отец. Я уже много лет не был в церкви.

Он кивнул, как будто ничуть этому не удивившись.

— Мы живем в безбожный век. Не совсем сейчас

подходящее время, чтобы ездить по городу, молодой человек.

— Не для таксиста ночной смены.

Он посмотрел на меня, явно не поверив, и заглянул в такси.

— Всемилостивый Боже, там на полу лежит труп!

— Никакой это не труп, а пьяный матрос, которого я везу на его корабль. Он свалился, и я остановился затем, чтобы его поднять. Я думал, что это будет христианским поступком,— добродетельно добавил я.— С покойником я бы не стал возиться.

Ссылка на христианский долг не дала никакого результата. Тоном, очевидно, приберегаемым для самых заблудших своих овечек, пастор сказал:

— Я хотел бы убедиться в этом лично.

Он решительно двинулся вперед, я так же решительно оттолкнул его.

— Не вынуждайте меня лишаться прав.

— Вот как? Я так и думал! Значит, из-за меня вы можете лишиться прав?

— Да, я лишусь прав, если брошу вас в канал. Разумеется,— задумчиво ответил я,— если вы сумеете оттуда выбраться.

— Что?! Бросить меня в канал! Божьего слугу? Сэр, вы угрожаете мне насилием?

— Да.

Преподобный Гудбоди отошел на несколько шагов.

— Я запомню ваш номер. Я позвоню...

Ночь близилась к концу, а я хотел еще немного вздремнуть, поэтому я сел в машину и уехал. Пастор погрозил мне вслед кулаком, что весьма расходилось с концепцией братской любви, которую он должен был проповедовать; но слов его я уже не услышал. Я подумал: сообщит он в полицию или нет,— и счел это маловероятным.

Мне уже изрядно поднадоело таскать Джорджа по лестницам. Хотя он почти ничего не весил, недосыпание и отсутствие ужина оставили и на мне свой след. Дверь в квартиру Астрид была незаперта, как и следовало ожидать, если Джордж один выходил отсюда. Я распахнул дверь, включил свет, прошел мимо спящей девушки и без особых церемоний бросил Джорджа на кровать. Вероятно, девушку разбудил скрип кровати, а не яркий свет. Во всяком случае, когда я вернулся в ее комнату, она

сидела на кровати и потирала глаза. Я задумчиво посмотрел на нее, но ничего не сказал.

— Он спал, и я тоже уснула,— как бы оправдываясь, сказала Астрид.— Наверное, он проснулся и вышел.

Я никак не отреагировал на этот шедевр дедукции. Она отчаянно продолжала:

— Я не слышала, как он ушел. Где вы его нашли?

— Готов поспорить, что ни за что не догадаетесь. В гараже, где он пытался сорвать чехол с шарманки. Ему это не удавалось.

Девушка спрятала лицо в ладони, что она делала не раз на протяжении нашего знакомства. Она еще не плакала, но я решил, что это лишь вопрос времени.

— В этом есть что-то особенно беспокоящее. Его очень интересуют шарманки, не так ли, Астрид? Может быть, у него были задатки музыканта?

— Нет, то есть да. Еще когда он был маленьким...

— Успокойся. Если бы у него были хоть какие-то музыкальные способности, он предпочел бы шарманке пневматический молот. Его интерес к шарманкам объясняется очень просто; мы оба знаем как.

Девушка смотрела на меня без удивления, глаза у нее были большими от страха. Я устало опустился на край ее кровати и сжал ее ладони в своих.

— Астрид!

— Что?

— Ты почти такая же изощренная лгунья, как я сам. Ты не стала искать Джорджа потому, что ты знала, где он; и ты прекрасно знаешь, где я его нашел: в надежном месте, где полиция его никогда не нашла бы, потому что им и в голову не пришло бы искать там кого-то.— Я вздохнул.— Дымок — это не укол, но лучше уж это, чем ничего.

Она испуганно посмотрела на меня, снова спрятала лицо в ладонях и расплакалась. Не знаю уж, что меня толкнуло, но я не мог сидеть сложа руки. Когда же я попытался успокоить девушку, она непонимающе посмотрела на меня полными слез глазами, обхватила мою шею и разрыдалась на моем плече. Для меня уже не было новинкой такое ко мне обращение в Амстердаме, однако я к нему еще не совсем привык и потому попытался освободиться из ее объятий, но она лишь еще крепче сжала их. Я знал, что это не имеет ничего общего

лично со мной, просто ей необходимо было за что-то схватиться, а я оказался у нее под рукой. Рыдания постепенно стихли, и Астрид уже молча лежала на кровати с полными отчаяния заплаканными глазами.

— Еще не поздно, Астрид,— сказал я.

— Неправда. Вы не хуже меня знаете, что было поздно с самого начала.

— Для Джорджа. Но ведь я пытаюсь помочь тебе, разве ты не видишь?

— Как вы можете мне помочь?

— Уничтожая тех, кто уничтожил твоего брата. Уничтожая тех, кто уничтожает тебя. Но мне нужна помощь. В конце концов, она нужна всем: тебе, мне, всем. Помоги мне, и я помогу тебе. Я обещаю тебе это, Астрид.

Не скажу, что с ее лица исчезло отчаяние, но оно, по крайней мере, стало не таким глубоким. Девушка кивнула, улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Наверное, вы очень преуспели в уничтожении других.

— Возможно, и тебе придется,— сказал я и дал ей небольшой пистолет марки «лилипут».

Через десять минут я ушел. На крыльце противоположного дома о чем-то спорили два оборванца: бурно, но негромко. Я спрятал пистолет в карман и направился в их сторону. Я свернул, не дойдя до них десяти шагов. От них так сильно отдавало ромом, как будто они не столько пили, сколько купались в бассейне с лучшим его сортом. Мне уже в каждом углу начинали мерещиться привидения. Надо было поспать, поэтому я сел в такси, вернулся в гостиницу и завалился спать.

ГЛАВА VIII

Это покажется невероятным, но когда утром следующего, а точнее, того же самого дня зазвонил будильник, за окном ярко светило солнце. Я принял душ, побрился, оделся, спустился в ресторан и позавтракал. Это настолько подняло мое настроение, что я сумел поочередно улыбнуться и сказать «доброе утро» администратору, портье и шарманщику. Я немного подождал, когда за мной появится хвост, не дождался и пошел один туда, где накануне оставил такси. И хотя при свете дня я уже не шарахался от каждой тени, я все же поднял капот; однако никто не поставил туда ночью взрывное устрой-

ство, поэтому я смело сел за руль и поехал на Марникс-страт. Ровно в десять, как я и обещал, я вошел в управление полиции.

Полковник де Граф и инспектор ван Гелдер ждали меня с ордером на обыск. Оба они приветствовали меня с вежливой сдержанностью людей, которые считают, что зря теряют время, но слишком воспитанны, чтобы сказать об этом. Они проводили меня в машину, которая оказалась гораздо роскошнее той, что выделили для меня.

— Вы по-прежнему считаете наш визит к Моргенштерну и Муггенталеру необходимым? — спросил де Граф.

— Больше, чем когда-либо.

— Что-то случилось? Почему вы так считаете?

— Ничего не случилось,— соврал я и дотронулся до головы.— Иногда у меня бывают прояснения.

— Прояснения? — осторожно переспросил де Граф.

— Предчувствия,— пояснил я.

Они снова переглянулись, демонстрируя свое отношение к полицейским, которые работают на такой научной основе. Затем де Граф сменил тему разговора.

— В грузовике вас ждут восемь сотрудников в штатском. Но вы сказали, что сам обыск вам не очень-то нужен?

— Обыск, конечно, нужен. Точнее говоря, видимость обыска. На самом деле меня интересуют фактуры, в которых можно найти список поставщиков сувениров на склад.

— Надеюсь, что вы знаете, чего хотите,— сказал ван Гелдер. Он говорил серьезно.

— Надеетесь. А что, по вашему мнению, испытываю я?

Ни один из них этого не сказал, и поскольку разговор мог свернуть в невыгодное для меня русло, я предпочитал сохранять молчание, пока мы не прибыли к месту назначения. Мы подъехали к складу вслед за неприметным серым грузовиком и остановились. Из грузовика вышел человек в черном костюме и подошел к нам. Штатская одежда на нем была совершенно излишней: я бы за километр узнал в нем полицейского.

— Мы готовы, сэр,— доложил он де Графу.

— Соберите людей.

— Слушаюсь, сэр,— полицейский указал вверх.— А это что значит, сэр?

Мы посмотрели туда, куда он указал. Ветер в то утро был не слишком сильным, но достаточно порывистым,

чтобы медленно раскачивать свисающий с грузовой балки цветастый предмет, который описывал дугу, что являло собой одно из самых мрачных зрелищ, какие мне доводилось видеть.

Предметом этим была кукла, очень большая, более трех футов ростом и одетая, разумеется, в традиционную голландскую одежду, хорошо мне знакомую и отлично пошитую. Длинная юбка в полоску кокетливо трепетала под порывами ветра. Обычно через блоки таких подъемных балок пропускали веревки или тросы, но в данном случае кто-то решил воспользоваться цепью. Даже с этого расстояния было видно, что куклу прикрепили к цепи с помощью крюка, изгиб которого был слишком мал, чтобы обхватить шею куклы, поэтому его просто вбили в шею так, что голова куклы свесилась на правое плечо под странным углом. Это была всего лишь изуродованная кукла, но она производила очень жуткое впечатление. Так считал не только я.

— Что за отталкивающее зрелище? — Де Граф говорил так, как будто испытал шок, да и лицо его выражало те же чувства.— Боже мой, зачем это сделали? Что за этим кроется? Чей больной мозг мог додуматься до этой гадости?

Ван Гелдер покачал головой.

— Больные люди есть везде, в том числе и в Амстердаме. Брошенная подружка, ненавидимая теща...

— Разумеется, имя им легион. Но это... Это же что-то на грани безумия. Выражать свои чувства таким немыслимым и ужасным способом?! — Он посмотрел на меня так, как будто изменил мнение о бесцельности нашего прихода сюда.

— Майор, вам не кажется странным...

— Так же, как и вам. Тот, кто это сделал, имеет верный шанс попасть в психушку. Но меня привело сюда совсем другое дело.

— Конечно, конечно,— де Граф посмотрел на куклу долгим взглядом, как будто не мог оторваться, затем кивком подал знак подчиненным и поднялся по ступеням к складу. Кто-то вроде портье проводил нас в угловой кабинет, дверь которого с часовым замком была на этот раз гостеприимно открыта.

В отличие от остальной части склада, этот кабинет оказался просторным, современно обставленным и удобным. В нем были великолепные ковры и драпировки

всех оттенков янтарного цвета, а дорогая и современная скандинавская мебель более уместной выглядела бы в каких-нибудь роскошных апартаментах, нежели в складском помещении. За обтянутыми кожей столами сидели в глубоких креслах два человека. При виде нас они вскочили и указали де Графу, ван Гелдеру и мне на такие же кресла. Сами они больше не садились. Оба они походили друг на друга и были достойны внимания. Полностью оценив их теплый прием, я повернулся к де Графу.

— Я забыл об одном важном деле. Мне надо немедленно заглянуть кое-куда.

Де Граф с удивлением посмотрел на меня.

— Такое важное дело, что вы о нем забыли?

— У меня есть и другие дела. Я только что о нем вспомнил,— это было правдой.

— Может быть, вы позвоните по телефону?..

— Нет-нет, я должен встретиться.

— Вы не могли бы сказать, что это за дело...

— Полковник!

Он с пониманием кивнул, оценив тот факт, что у меня могли быть государственные тайны, которые я не хотел излагать в присутствии владельцев склада, которым не слишком доверял.

— Если вы разрешите воспользоваться вашей машиной и водителем...

— Разумеется,— в его голосе не было энтузиазма.

— И если бы согласились подождать моего возвращения...

— Вы требуете слишком многого, мистер Шерман.

— Знаю, но это займет всего несколько минут.

Это действительно заняло всего несколько минут. Я попросил водителя остановиться возле ближайшего кафе и позвонил оттуда по телефону-автомату. Я испытал немалое облегчение, когда трубку подняли почти без задержки.

— Мэгги?

— Доброе утро, майор,— всегда вежливая и всегда формалистка, никогда я не был так рад ее слышать.

— Рад, что застал тебя. Я боялся, что вы с Белиндой уже ушли... Она ведь еще не ушла? — Меня пугали и кое-какие другие вещи, но говорить о них было не время.

— Она здесь,— спокойно сказала Мэгги.

— Я хочу, чтобы вы немедленно уехали из гостиницы.

Когда я говорю «немедленно», значит, имею в виду десять минут. Если можно, то пять.

— Уехали? Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, чтобы вы собрали вещи, расплатились и больше никогда не приближались к этой гостинице. Найдите другую. Любую. Нет, идиотка несчастная, только не мою! Подходящую для вас. Меняйте сколько угодно такси, пока не убедитесь, что за вами не следят. Потом позвоните полковнику де Графу на Марниксстрат и назовите номер вашего телефона. В обратном порядке.

— В обратном порядке? — Мэгги была удивлена.— Вы не доверяете даже полиции?

— Не понимаю, что значит «даже». Я не доверяю никому, и точка. Как только устроитесь в гостинице, отправляйтесь на поиски Астрид Лемай. Она должна быть в «Балинове» или дома, ты знаешь ее адрес. Передай ей, чтобы она пожила в вашей гостинице, пока я не скажу, что она в безопасности.

— Но ее брат...

— Ее брату ничего не грозит, он может оставаться там, где он находится сейчас.

Позднее я никак не мог уточнить, было ли это мое утверждение шестой или седьмой ошибкой из всех серьезных ошибок, которые я совершил тогда в Амстердаме.

— Опасность угрожает ей. Если она не захочет идти, скажи, что ты по моему приказу пойдешь в полицию по поводу Джорджа.

— Но с чем я пойду в полицию?

— Ни с чем, но Астрид этого не знает. Она так испугана, что одно упоминание о полиции...

— Но это же жестоко,— сурово оборвала меня Мэгги.

— Чепуха! — ответил я и бросил трубку.

Через минуту я снова был на складе и на этот раз мог подольше и повнимательнее присмотреться к его хозяевам. Оба они были несуразно большими, толстыми и округлыми мужчинами с отвислыми щеками. Во время нашего знакомства они каждой своей морщинкой выражали хорошее настроение и добрую волю, теперь же от этого настроения не осталось и следа. Очевидно, де Графу не хватило терпения дожидаться меня, и он решил начать до моего возвращения. Я не стал его осуждать, поскольку и у него хватило тактичности не задавать мне вопросов. Моргенштерн и Муггенталер стояли в тех же позах, в которых я их оставил, они смотрели друг

на друга с ужасом, смятением и абсолютным непониманием происходящего. Муггенталер опустил руку с бумагой жестом человека, который не верит собственным глазам.

— Ордер на обыск,— пафос и трагизм его голоса заставил бы рыдать и памятник, при иной комплекции ему надо было бы играть шекспировского Гамлета.— Обыск у Моргенштерна и Муггенталера! Вот уже сто пятьдесят лет наши семьи среди самых уважаемых в Амстердаме. И вот теперь такой позор! — Он нащупал за спиной кресло и бессильно опустился в него, бумага выпала из его руки.— Ордер на обыск!

— Ордер на обыск! — таким же тоном повторил Моргенштерн. Он тоже счел необходимым сесть.— Ордер на обыск, Эрнст. Черный день для Моргенштерна и Муггенталера! Боже мой, какой позор! Какое унижение! Ордер на обыск!

Муггенталер безысходно махнул рукой.

— Ищите все, что хотите.

— А вам не интересно знать, что мы ищем? — вежливо поинтересовался де Граф.

— А почему это должно меня интересовать? — Муггенталер попытался изобразить негодование, но был для этого слишком удручен.— За сто пятьдесят лет...

— Не надо воспринимать все так трагично, господа,— успокоил их де Граф.— Я понимаю, что вы перенесли потрясение, и считаю, что мы на ложном пути. Однако к нам поступил официальный запрос, и мы должны предпринять официальные меры. Мы располагаем информацией, что вы нелегальным путем получали алмазы...

— Алмазы?! — Муггенталер ошеломленно посмотрел на партнера.— Ты слышал, Ян? Алмазы,— он покачал головой и повернулся к де Графу.

— Если что-нибудь найдете, дайте мне посмотреть.

Де Графа ничуть не задел его едкий тон.

— Еще важнее то, что вы имеете машины для шлифовки алмазов.

— У нас весь склад забит машинами для шлифовки алмазов,— мрачно заявил Моргенштерн.— Можете сами убедиться.

— А фактуры?

— Берите все, что угодно,— устало сказал Муггенталер.

— Спасибо за помощь,— де Граф кивнул ван Гелде-

ру, тот встал и вышел из комнаты. Де Граф продолжал доверительным тоном: — Заранее приношу извинения за бесполезную, на мой взгляд, трату времени. Честно говоря, меня больше интересует кукла, которая болтается на цепи на вашей подъемной балке.

— Что-что? — переспросил Мугренталер.

— Кукла. Большая кукла.

— Кукла на цепи,— Мугренталер производил впечатление человека, одновременно ошеломленного и напуганного.— На нашем складе? Ян!

Не совсем верно будет сказать, что они побежали по ступеням, ибо Моргенштерн и Мугренталер не имели для этого подходящего телосложения. Тем не менее они показали совсем неплохое время. На третьем этаже мы нашли ван Гелдера и его людей за работой. По просьбе полковника инспектор присоединился к нам. Я надеялся, что его люди не слишком перетрудятся, поскольку знал, что они ничего не найдут. Не осталось даже запаха гашиша, такого сильного в предыдущий вечер, хотя отвратительный и сладковатый запах дешевого дезодоранта вряд ли был намного лучше. Впрочем, сейчас было не время об этом упоминать.

Кукла раскачивалась на ветру спиной к нам, ее темноволосая голова опустилась на правое плечо. Мугренталер высунулся из окна и не без труда отцепил куклу с крюка. Затем он внимательно посмотрел на нее, потом на Моргенштерна.

— Ян, тот, кто сделал эту вещь, кто выкинул эту злую шутку.... он будет уволен сегодня же.

— В течение часа,— поправил его Моргенштерн. Его лицо выражало крайнюю степень отвращения, но не к кукле, а к тому, что с ней сделали.— Какая красивая кукла!

Моргенштерн ничуть не преувеличивал. Это действительно была красивая кукла. Но не только, даже не столько потому, что была одета в прекрасную блузку и платье. Несмотря на испорченную крюком шею, лицо было поразительно прекрасным, цвет волос гармонировал с цветом глаз и кожи. Черты лица были сделаны так четко, что трудно было поверить, что это лицо куклы, а не человеческого существа с неповторимой индивидуальностью. Так считал не только я.

Де Граф взял куклу у Мугренталера и посмотрел на нее.

— Красивая. Она совсем как настоящая, почти живая. Нет, она просто живая.— Он посмотрел на Муггенталера.— Вы не догадываетесь, кто мог ее сделать?

— Я такой никогда не видел. Я уверен, что у нас таких не делают, но надо спросить у мастера.

— Какая колоритная,— задумчиво проговорил де Граф.— Такое нельзя придумать. Эту куклу делали с модели, с хорошо знакомого человека. А вы, инспектор, как думаете?

— Иначе быть не могло,— кратко ответил ван Гелдер.

— У меня такое ощущение, что я где-то видел это лицо,— продолжал де Граф.— Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел эту девушку?

Мы медленно покачали головами, я — медленнее всех. Я почувствовал в животе свинцовую тяжесть, которой сопутствовал ледяной холод: кукла не просто сильно походила на Астрид Лемай, это почти была Астрид Лемай.

Через пятнадцать минут после того, как тщательный обыск принес предполагаемые негативные результаты, де Граф в присутствии ван Гелдера и меня попрощался на ступеньках склада с Моргенштерном и Муггенталером. Муггенталер опять сиял, лицо Моргенштерна выражало покровительственное удовлетворение. Де Граф по очереди пожал руки каждому из них.

— Еще раз примите мои извинения,— де Граф прямо-таки рассыпался в любезностях.— Наша информация была, как всегда, «точной». Из официальных отчетов будут устранены все упоминания о нашем визите.— Он широко улыбнулся.— Фактуры вам вернут после того, как все заинтересованные лица убедятся в том, что никаких нелегальных поставщиков алмазов там нет. До свидания, господа.

Затем попрощались и мы с ван Гелдером. С особенной теплотой я пожал руку Моргенштерну, подумав при этом, что он, к счастью для меня, не умеет читать чужие мысли и не имеет того врожденного чувства близкой опасности и смерти, которое было у меня. Именно Моргенштерн был прошлым вечером в «Балинове» и первым вышел из бара за Мэгги и Белиндой.

Обратную дорогу до Марниксстрат мы частично молчали: я хочу сказать, что де Граф и ван Гелдер разговаривали, а я молчал. Инцидент с куклой их занимал как будто гораздо больше, чем надуманная причина на-

шего визита, что весьма определенно характеризовало их мнение по этому поводу. Поскольку я не испытывал желания прервать их беседу, чтобы сказать, что разделяю их мнение, то я молчал.

Едва мы вошли в кабинет де Графа, как он обратился ко мне:

— Кофе хотите? У нас есть девушка, которая готовит лучший кофе в Амстердаме.

— Это удовольствие мне придется отложить. К сожалению, я тороплюсь.

— У вас есть какие-нибудь планы?

— Нет. Я просто хочу полежать в кровати и подумать.

— Тогда зачем...

— Зачем я сюда приехал? У меня к вам есть две маленькие просьбы: узнайте, пожалуйста, не оставляли ли мне какого-нибудь сообщения по телефону...

— Сообщение? Вам?

— От человека, которого я должен был увидеть, когда мы были на складе.

Я уже не всегда мог отличить, когда я говорю правду, а когда лгу.

Де Граф кивнул, снял трубку, что-то сказал в нее, записал длинный список из цифр и букв и подал его мне. Буквы ничего не значили, а цифры в обратном порядке давали номер телефона гостиницы, где поселились девушки. Я спрятал бумагу в карман.

— Спасибо, мне надо будет это расшифровать.

— А вторая маленькая просьба?

— Не могли бы вы одолжить мне бинокль?

— Бинокль?

— Хочу понаблюдать за птицами,— пояснил я.

— Разумеется,— тяжело проронил де Граф.— Надеюсь, что вы не забыли о том, что мы тесно сотрудничаем?

— И что же?

— Вы, если можно так выразиться, необщительны.

— Я буду общительным, когда мне будет о чем сообщать. Но не забывайте, что вы ломаете над этим голову больше года, а я приехал меньше двух суток назад. Я уже сказал, что мне надо полежать и подумать.

Я не пошел полежать и подумать, а доехал до телефонной будки на достаточном, по моему мнению, расстоянии от управления полиции и набрал номер, который дал мне де Граф.

— Гостиница «Туринг»,— ответил мне чей-то голос.

Я знал эту гостиницу, но никогда не был внутри; она не принадлежала к разряду тех, которые соответствовали моим фондам, но вполне подходила для скромных девушек.

— Моя фамилия Шерман,— сказал я.— Пол Шерман. Сегодня утром к вам приехали две девушки. Можно с ними поговорить?

— Извините, но они вышли.

Меня это не беспокоило. Если они не разыскивали Астрид Лемай, то выполняли другие мои поручения. Голос в трубке предупредил мой следующий вопрос:

— Они оставили для вас сообщение, мистер Шерман. Они просили передать, что не смогли найти вашего общего друга и теперь разыскивают других друзей. Боюсь, что это не слишком понятно, сэр.

Я поблагодарил и повесил трубку.

«Помоги мне, и я помогу тебе»,— сказал я Астрид. Похоже, я и вправду помогал ей угодить в ближайший канал или «сыграть в ящик». Я поспешил к полицейскому такси.

Дверь в квартиру Астрид была заперта, но пояс с моими хитрыми приспособлениями был все еще при мне. В квартире Астрид все был точно так же, как во время моего первого визита: опрятно, ухожено, но убого. Я не обнаружил никаких следов насилия или поспешного бегства. Я просмотрел все ящики и шкафчики, но не нашел в них никакой одежды. Впрочем, Астрид говорила мне о их бедности. Я проверил все места, где могла быть оставлена записка, но если она где-то и была, то я ее не нашел. Я закрыл входную дверь и поехал в «Балинову».

Для ночного бара час был слишком ранний. Как и следовало ожидать, дверь была закрыта. Она оказалась достаточно прочной и благополучно перенесла мой стук и пинки. Этого нельзя было сказать об особе, чей сладкий сон я так грубо оборвал. В замке повернулся ключ, и дверь немного приоткрылась. Я просунул в щель ногу и раскрыл дверь пошире, достаточно, чтобы увидеть голову и плечи блеклой блондинки, которая скромно удерживала руками халат. Учитывая тот факт, что во время нашей последней встречи на ней не было ничего, кроме тонкого слоя мыльной пены, я счел ее наряд чрезмерным.

— Я бы хотел видеть директора.

— Мы открываем в шесть часов вечера.

— Я не хочу заказывать мест и не ищу работу. Я хочу видеть директора. Немедленно.

— Его нет.

— Вот как? Надеюсь, что ваше следующее место окажется не хуже этого.

— Я вас не понимаю.

Неудивительно, что по вечерам в «Балинове» было такое тусклое освещение. Днем эта нарумяненная физиономия разогнала бы посетителей быстрее чумы.

— Что вы хотели сказать о моей работе?

Я понизил голос и сказал с торжественной серьезностью:

— Только то, что вы потеряете работу, если директор узнает, что я приходил по очень важному делу, а вы отказались проводить меня к нему.

Она неуверенно посмотрела на меня.

— Подождите здесь,— сказала она.

Она попыталась закрыть дверь, но я оказался сильнее ее, в конце концов ей пришлось уступить и уйти. Через полминуты она вернулась в сопровождении мужчины в вечернем костюме.

Он не понравился мне с первого взгляда. Как большинство людей, я не люблю типов, которые напоминают мне змей: высокий и худой, в движениях его была какая-то змеиная грация. По-женски элегантный и какой-то вылощенный, он отличался нездоровой бледностью ночного создания. У него было очень бледное лицо, на котором почти отсутствовали губы; его гладкие черные волосы, разделенные посредине пробором, гладко прилегали к голове. На нем был очень элегантный смокинг, но портной, который его шил, явно уступал моему: под левым плечом мужчины что-то заметно оттопыривалось. Его тонкая и ухоженная белая рука сжимала нефритовый мундштук, а на лице витала презрительная усмешка, очевидно, никогда не покидавшая его. Сам факт, что он так на кого-то смотрел, был достаточным поводом, чтобы дать ему по морде. Он выдохнул тонкую струйку дыма.

— В чем дело, друг мой? — Он походил на француза или итальянца, но был, несомненно, англичанином.— У нас закрыто.

— Уже открыто,— заметил я.— Вы директор?

— Я представитель директора. Если вы заглянете попозже...— Он выпустил еще одну струйку неприятного дыма.— Гораздо позже. Тогда посмотрим...

— Я прилетел из Англии по важному делу,— я протянул ему карточку, на которой было написано, что я адвокат из Англии.— Я должен срочно встретиться с директором. Речь идет об очень больших деньгах.

Выражение его лица немного смягчилось, если такое вообще возможно, однако заметить это мог только тренированный глаз.

— Я ничего не обещаю, мистер Харрисон (такая фамилия была на карточке). Мистер Даррелл, возможно, вас примет.

Он удалился походкой балерины в выходной день, но вскоре вернулся, кивнул мне и отодвинулся, пропуская меня в широкий полутемный коридор. Мне это не понравилось, но пришлось уступить. В конце коридора за распахнутой дверью виднелась ярко освещенная комната. Я посчитал, что стучать необязательно, и вошел.

Изнутри комната походила на хранилище Английского банка. У одной из стен стояли два больших сейфа, в каждом из которых мог бы уместиться человек. Другая стена была занята металлическими ящиками, что придавало ей сходство с автоматическими камерами хранения на вокзале. Окон в помещении как будто не было, но я не был в этом уверен, поскольку еще одна стена была закрыта лилово-фиолетовыми шторами.

Человек, сидевший за столом из красного дерева, отнюдь не походил на директора банка, во всяком случае — английского, который обыкновенно имеет здоровый вид лица, поскольку проводит за гольфом ничуть не меньше времени, чем в кабинете. Этот же человек был очень бледным, с жирными черными волосами и переизбытком веса фунтов на восемьдесят. У него было полное лицо и налитые кровью глаза. Одет он был в голубой костюм, на пальцах обеих рук сверкали многочисленные кольца, а на губах сияла приветливая улыбка, вовсе ему не подходящая.

— Мистер Харрисон? — Он не пытался встать; опыт, вероятно, убедил его в бесплодности таких попыток.— Рад вас видеть. Моя фамилия Даррелл.

Может быть, так оно и было, но родился он явно под другой фамилией. Он походил на армянина, но мог быть и какой-нибудь другой национальности. Тем не

менее я приветствовал его так, как будто фамилия Даррелл была настоящей.

— У вас ко мне какое-то дело? — Он просиял. Будучи хитрым малым, он понял, что адвокаты не прилетают из Англии в Амстердам без причины.

— Вообще-то, даже не к вам.

Дружеская улыбка сменилась ледяной.

— К человеку, который у меня работает?

— Да.

— Почему же вы обращаетесь ко мне?

— Потому что ее нет дома. Я знаю, что она работает здесь.

— Она?

— Ее зовут Астрид Лемай.

— Вот как? — Тон его стал другим, теперь он как будто готов был мне помочь.— Астрид Лемай? У нас? — Он задумался.— У нас работает много девушек... но с такой фамилией...— Он покачал головой.

— Но мне так сказали ее друзья,— настаивал я.

— Это какая-то ошибка. Марсель!

Появившись, змееподобный тип скривил губы в презрительной усмешке.

— У нас такой нет.

— И не было?

Марсель пожал плечами, достал из картотеки папку и положил на стол передо мной.

— Здесь все девушки, которые работают или работали у нас в течение последнего года. Посмотрите сами.

Я решил не терять времени.

— Простите за беспокойство, меня неправильно информировали.

— Советую вам обратиться в другой ночной бар,— Даррелл уткнулся в бумаги, давая понять, что он занят, а наше общение закончено.— До свидания, мистер Харрисон.

Марсель уже шел к двери, я пошел за ним, на пороге обернулся и виновато улыбнулся.

— Я очень сожалею...

— До свидания,— он даже не удосужился посмотреть на меня. Я еще немного поулыбался и осторожно закрыл за собой дверь. Добротную звуконепроницаемую дверь. Марсель еще раз обворожительно улыбнулся и, даже не снизойдя до разговора со мной, небрежным жестом показал, что я должен выйти первым. Я кивнул и,

проходя мимо, с невыразимым удовольствием ударил его в живот, вложив в удар все силы. Хотя этого должно было хватить, на всякий случай ударил его еще раз — по шее. Потом я достал пистолет, прикрутил к нему глушитель, схватил Марселя за воротник, подтащил к двери и открыл ее рукой, в которой держал пистолет.

Даррелл поднял голову, глаза его расширились настолько, насколько могут расшириться глаза, утопающие в складках жира. Затем лицо его стало очень спокойным, как у человека, который хочет скрыть свои мысли и намерения.

— Не делайте этого,— сказал я.— Не надо этих хитрых штучек. Не надо нажимать кнопку или доставать пистолет из правого верхнего ящика, если вы, конечно, не левша.

Он не пытался.

— Отодвиньте стул на два фута назад.

Он отодвинулся. Я бросил Марселя на ковер, повернул в замке ключ и опустил его в карман.

— Встать!

Даррелл встал. Его рост был чуть более пяти футов. Он сильно напоминал жабу. Я указал ему на ближайший из сейфов.

— Открывай!

— Так вот в чем дело! — Он уже владел лицом, но не голосом. Он не сумел скрыть нотки облегчения.— Ограбление, мистер Харрисон?

— Подойди сюда,— сказал я.— Ты знаешь, кто я?

— Кто вы? — Он недоуменно посмотрел на меня.— Вы назвались...

— Харрисоном. Кто я?

— Не понимаю.

Он вскрикнул от боли, схватившись рукой за место, куда я ударил его глушителем.

— Кто я?

— Шерман,— в его глазах и хриплом голосе была ненависть.— Из Интерпола.

— Открывай!

— Не могу. Я знаю только половину комбинации, Марсель...

Теперь он крикнул громче — и ссадина на второй щеке была соответственно больше.

— Открывай!

Он набрал какие-то цифры и открыл дверь. Площадь

сейфа составляла примерно тридцать квадратных дюймов — достаточно, чтобы разместить в нем очень много гульденов, но явно недостаточно, если все, что говорили о «Балинове» — об игорном зале и еще более интересных развлечениях и товарах,— соответствовало действительности.

Я кивком указал на Марселя.

— Затащи этого щенка в сейф.

— Туда?! — Он был до смерти перепуган.

— Я не хочу, чтобы он очухался и помешал нашему разговору.

— Нашему разговору?

— Шевелись!

— Но он же задохнется. Какие-нибудь десять минут и...

— Если ты заставишь меня повторить еще раз, то я всажу тебе пулю в коленную чашечку, и ты больше не сможешь ходить без палки. Ты мне веришь?

Он поверил. Только круглый идиот, каковым, конечно, Даррелл не был, не мог отличить, когда говорят в шутку, а когда серьезно. Он затащил Марселя в сейф. Должно быть, это было его самой тяжелой работой за последние годы: ему пришлось изрядно понагибаться и попыхтеть, чтобы закрыть дверь сейфа. В конце концов это ему удалось.

Я обыскал Даррелла. Он был невооружен. В правом верхнем ящике стола, разумеется, лежал автоматический пистолет неизвестного мне типа (не такой уж я спец по оружию — только-то и умею, что стрелять).

— Астрид Лемай,— сказал я.— Она здесь работает.

— Работает.

— Где она?

— Не знаю, клянусь вам, что не знаю,— он почти вопил, потому что я снова замахнулся пистолетом.

— Ты можешь узнать, где она?

— Как?

— Твоя скромность делает тебе честь, но она основана на страхе перед кем-то или чем-то. Ты многое поймешь, если научишься бояться чего-то другого. Открой сейф.

Он открыл. Марсель все еще не пришел в себя.

— Влезай!

— Нет! — хрипло крикнул он.— Сейф герметичный. Мы умрем там через несколько минут...

— Здесь ты умрешь через несколько секунд.

Даррелл с дрожью залез в сейф. Кем бы он ни был, он не принадлежал к важным птицам: тот, кто руководил наркобизнесом, должен был обладать твердостью и беспощадностью. Даррелл не обладал ни тем ни другим.

Я убил пять минут, чтобы просмотреть содержимое ящиков, но не нашел ничего нелегального. Оно и понятно, вряд ли Даррелл стал бы хранить документы инкриминирующего характера там, где их могла найти любая уборщица. Через пять минут я открыл сейф.

Даррелл неправильно рассчитал количество воздуха в сейфе, он явно преувеличил его. Он наполовину лежал, уткнувшись коленями в спину Марселя, который, к его же счастью, еще не очухался. По крайней мере, мне так показалось, проверять я не стал. Я схватил Даррелла за плечо и рванул на себя. Я вытаскивал его, как лося из болота. Наконец он вывалился на пол, несколько минут тяжело дышал, потом шатаясь встал на карачки. Я терпеливо ждал, пока его хриплое дыхание не перешло в обычное сопение, а цвет лица не изменился с сине-фиолетового на такой, который можно было бы назвать здоровым румянцем. Я знаком показал ему подняться, и после нескольких попыток ему удалось это сделать.

— Астрид Лемай,— сказал я.

— Она приходила сегодня утром,— его голос был хриплым, но достаточно отчетливым.— Она сказала что-то о срочных делах семейного характера. Ей нужно было срочно улететь из Голландии.

— Она собиралась лететь одна?

— Нет, с братом.

— Она приходила сюда с ним?

— Нет.

— Куда она хотела лететь?

— В Афины. Она там родилась.

— Она приходила затем, чтобы это сказать?

— Она пришла получить жалованье за два месяца. Ей нужны были деньги на билеты.

Я приказал Дарреллу снова залезть в сейф. Он немного поартачился, но в конце концов предпочел его пуле. Я не ставил перед собой цель запугать его еще больше, просто я не хотел, чтобы он слышал мой разговор.

Я позвонил в Схипхол, и в конце концов меня соединили с нужным мне человеком.

— С вами говорит инспектор ван Гелдер из Главного управления полиции,— представился я.— Меня интересуют пассажиры сегодняшнего рейса на Афины. Скорее всего, компании KLM. Я хотел бы знать, были ли среди них два человека: Астрид и Джордж Лемай. Даю их описание... Как вы сказали?

Голос на том конце линии сказал мне, что они были на борту самолета. В связи с состоянием Джорджа возникли кое-какие трудности: медицинские и полицейские власти аэропорта не хотели пускать его в самолет, но девушка их уговорила. Я поблагодарил своего собеседника и повесил трубку.

Я открыл сейф. На этот раз он был закрыт не более пары минут, и я надеялся, что им не так худо, как в прошлый раз. Даррелл лишь слегка порозовел лицом, а Марсель настолько оклемался, что пытался достать из-под мышки пистолет, который я легкомысленно забыл у него отнять. Я отнял у него пистолет, отметив про себя, что Марсель слишком живуч. (Мне пришлось припомнить это мое наблюдение через пару дней в гораздо более неблагоприятных для меня условиях.)

Я оставил их на полу, а поскольку мы исчерпали темы для разговора, все молчали. Я закрыл дверь на ключ, прошел к выходу, мило улыбнулся блеклой блондинке и вышел из бара, попутно выбросив ключ в канализационный люк перед «Балиновой». Даже если у них не было запасного ключа, в кабинете был телефон и сигнализация, а открыть дверь с помощью кислородно-ацетиленовой горелки можно за пару часов. На это время воздуха им хватит. Впрочем, меня это не особенно заботило.

Я снова поехал в дом Астрид и сделал то, с чего должен был начать: порасспрашивал ее соседей. Двое из них видели, как около двух часов назад Астрид и Джордж уехали с багажом.

Астрид выскользнула. Я испытывал горечь и опустошение: не потому, что она обещала помочь мне и не помогла, а потому, что отрезала себе последнюю дорогу к спасению.

Ее не убили по двум причинам: они знали, что я мог связать их с ее смертью, а это было слишком рискованно. Кроме того, она уже не представляла опасности: страх, если он достаточно велик, может заткнуть рот так же эффективно, как смерть. Я испытывал к ней

симпатию и хотел бы видеть ее счастливой. Я не мог ее ни в чем винить, но для нее все двери были закрыты.

ГЛАВА IX

С вершины Хавенгебоу — портового небоскреба — открывается, несомненно, лучший вид в Амстердаме. Но в то утро меня интересовали не виды города, а возможности, предоставляемые этим наблюдательным пунктом. Ярко светило солнце, но на высоте было ветрено и прохладно, крепкий ветер морщил серо-голубые воды пенистыми узорами.

Платформа была заполнена туристами, большинство из них имели фотоаппараты и бинокли. Хотя у меня не было фотоаппарата, не думаю, что я чем-то отличался от них. Отличалась лишь цель моего пребывания там.

Я поставил локти на парапет и принялся смотреть на море. Де Граф, несомненно, оказал мне большую услугу, предоставив этот бинокль. Он был лучшим из всех, какими мне приходилось пользоваться.

Я смотрел на судно водоизмещением около тысячи тонн, которое как раз заворачивало в порт. Я заметил два ржавых пятна на корпусе и бельгийский флаг на мачте. Время тоже совпадало — приближался полдень. Мне показалось, что корабль описал бо́льшую дугу, чем предыдущие, и проплыл слишком близко к буям, обозначающим судоходный канал, но, может быть, там просто было самое глубокое место.

Когда судно приблизилось к берегу, я прочел на ржавом корпусе полустершиеся буквы: «Марианна». Капитан определенно был педантом, когда речь шла о пунктуальности, а вот придерживался ли он так же педантично закона — вопрос другой.

Я спустился вниз и пообедал. Я не был голоден, но после прибытия в Амстердам понял, что прием пищи может стать очень нерегулярным. Кухня в «Хавенсресторанс» пользовалась заслуженным признанием, но я не помню, что ел на обед в тот день.

В гостиницу «Туринг» я прибыл в половине второго. Вообще-то, я не предполагал, что Мэгги и Белинда уже вернулись. Так оно и было. Я сказал человеку за стойкой, что подожду их в холле, но поскольку не люблю торчать в холле, особенно если надо изучать такие до-

кументы, какие были у меня, то, подождав немного, я поднялся на лифте на четвертый этаж и вошел в номер девушек. Он был немного лучше их предыдущего номера. Диван, который я тотчас опробовал, был чуть мягче. Но этого, по моему мнению, было явно недостаточно, чтобы девушки кувыркались от радости, не говоря о том, что после первого же кувырка в любую сторону они наверняка врезались бы в стену.

Я пролежал на их диване около часа, просматривая накладные: их оказалась целая кипа — скучная и безобидная. Однако одно из названий повторялось удивительно часто. Поставляемые оттуда товары укладывались в схему моих все более возрастающих подозрений. Я записал это название.

В замке повернулся ключ, и в номер вошли Мэгги и Белинда. Первой их реакцией было облегчение, которое, впрочем, тут же сменилось раздражением.

— Что-нибудь случилось? — мягко спросил я.

— Мы за вас волновались,— холодно сказала Мэгги.— Администратор сказал, что вы ждете нас в холле, а вас там не было.

— Мы ждали вас там полчаса,— в голосе Белинды была претензия.— Мы думали, что вы ушли.

— Я устал и решил прилечь. А теперь, когда я извинился, расскажите, как вы провели утро.

— Так,— Мэгги не слишком-то смягчилась.— С Астрид нам не повезло.

— Знаю. Администратор передал мне ваше сообщение. Об Астрид можете не беспокоиться. Она уехала.

— Уехала? — хором переспросили они.

— Смылась за границу.

— Смылась за границу?

— В Афины.

— В Афины?

— Послушайте, хватит изображать водевиль. Сегодня утром она с Джорджем улетела из Схипхола.

— Почему? — спросила Белинда.

— Страх. С одной стороны, на нее оказывали давление плохие люди, с другой — хороший человек, то есть я. Вот она и смылась.

— Откуда вы знаете, что она улетела? — спросила Мэгги.

— Сказал один человек в «Балинове».

Я не стал распространяться более.

— К тому же, я проверил в аэропорту.

— М-м,— Мэгги не слишком вдохновили мои утренние достижения, она считала, что в отъезде Астрид виноват я. И была, как всегда, права.

— Кому начинать, мне или Белинде?

— Сначала это,— я протянул ей бумажку с цифрами 910020.— Что это означает?

Мэгги посмотрела на бумажку, потом перевернула и посмотрела наоборот.

— Ничего.

— Покажите мне,— отозвалась Белинда.— Я всегда была сильна в анаграммах и кроссвордах. Прочитайте наоборот: 020019. Два часа ночи девятнадцатого, то есть завтра.

— Неплохо,— великодушно признал я. Самому мне на то, чтобы совершить это открытие, потребовалось полчаса.

— А что произойдет в это время? — с подозрением спросила Мэгги.

— Тот, кто написал эти цифры, забыл мне это сказать,— уклончиво сказал я, поскольку мне уже надоело откровенно врать в глаза.— Ну, хорошо, Мэгги, начнем с тебя.

— Хорошо,— она села, поправила свое светло-зеленое хлопчатобумажное платье, которое казалось севшим после многочисленных стирок.— Я надела это новое платье, чтобы пойти в парк, потому что Труди его не видела, еще был ветер, и я повязала голову платком и надела...

— Темные очки.

— Именно,— нелегко было сбить Мэгги.— Я погуляла с полчаса, встречая в основном пенсионеров и детские коляски. Потом я увидела ее... Даже, скорее, эту толстую и старую...

— Ведьму.

— Да, ведьму. Она была одета точно так, как вы говорили. Потом я увидела Труди в белом хлопчатобумажном платье с длинными рукавами, она совершенно не могла устоять на месте, а прыгала, как молодая козочка.— Мэгги помолчала и задумчиво продолжала:— Она очень красивая.

— У тебя добрая душа, Мэгги.

— Время от времени они присаживались на скамью. Я устроилась на другой, ярдах в тридцати от них, и при-

нялась рассматривать журнал. Это был голландский журнал.

— Очень мило,— одобрил я.

— Потом Труди принялась заплетать кукле косы...

— Какой кукле?

— Своей,— терпеливо пояснила Мэгги.— Если вы все время будете меня перебивать, я не вспомню всех подробностей. В это время с ними рядом сел какой-то человек. Высокий мужчина в черном костюме с пасторским воротничком, седыми усами и чудными седыми волосами. Очень симпатичный человек.

— В этом я не сомневаюсь,— сказал я машинально. Я прекрасно мог представить преподобного Тадеуса Гудбоди во всем блеске его очарования, только не в половине третьего ночи.— Труди относилась к нему с явной симпатией. Через две минуты она уже обняла его за шею и зашептала ему что-то на ухо. Он делал вид, что ему это не нравится, но на самом деле это было не так, потому что он достал что-то из кармана и вложил девушке в ладонь. Наверное, деньги. (Я чуть было не спросил, уверена ли она в том, что это был не шприц, но Мэгги могла меня не понять.) Потом она вскочила со скамьи и вместе с куклой побежала к лотку с мороженым, купила порцию и пошла прямо на меня.

— Ты ушла?

— Я подняла повыше журнал,— с достоинством сказала Мэгги.— Можно было этого не делать. Не замечая меня, она прошла мимо, к другому лотку, ярдах в двадцати от меня.

— Чтобы посмотреть куклы?

— Как вы узнали? — Мэгги как будто была разочарована.

— В каждом втором амстердамском лотке торгуют куклами.

— Да, она трогала их и гладила. Старик-лоточник делал вид, что сердится, но разве можно сердиться на такую девушку? Труди обошла вокруг лотка, а потом вернулась на скамейку. При этом она угощала куклу мороженым.

— И вовсе не огорчалась, когда та его не ела. А что делали пастор и старуха в это время?

— Разговаривали. Им как будто было о чем поговорить. Потом вернулась Труди, они еще немного по-

говорили, пастор похлопал Труди по спине, они все встали, пастор раскланялся со старухой, и они ушли.

— Идиллическая сценка. Они ушли вместе?

— Нет, пастор ушел в другую сторону.

— Ты пыталась следить за кем-нибудь из них?

— Нет.

— Хорошая девочка. За тобой следили?

— Не думаю.

— Не думаешь?

— Там была масса народу, человек пятьдесят или шестьдесят. Глупо было бы утверждать, что на меня никто не смотрел. Но сюда за мной никто не шел.

— Белинда?

— Напротив гостиницы «Париж» есть кафе. Туда заходили многие девушки, но лишь за четвертой чашкой кофе я узнала одну из тех, что были вчера в церкви. Такая высокая девушка с каштановыми волосами, вы бы назвали ее классной...

— Откуда ты знаешь, как бы я ее назвал? Вчера она была одета монашкой?

— Да.

— Стало быть, ты не могла видеть ее волос.

— У нее есть родинка на левой щеке.

— Чернобровая? — вмешалась Мэгги.

— Да, та самая,— подтвердила Белинда. Я сдался. Когда одна красивая девушка смотрит на другую, ее глаза превращаются в мощный телескоп.— Я шла за ней до Калверстрат. Она зашла в универмаг и ходила вроде бы бесцельно, но это было вовсе не так, потому что она довольно скоро подошла к отделу с надписью: «Сувениры. Только на экспорт». Она как бы нехотя разглядывала сувениры, но я-то знала, что ее интересуют только куклы.

— Вот как? Снова куклы. Как ты узнала, что ее интересуют куклы?

— Просто почувствовала,— сказала Белинда таким тоном, каким объясняют разницу между цветами слепому от рождения.— Через какое-то время она остановилась возле определенной группы кукол. Поколебавшись, она выбрала одну из них, но я знала, что на самом деле она вовсе не колебалась.

Я предусмотрительно молчал.

— Она что-то спросила у продавщицы, и та записала ей что-то на листке бумаги.

— Это заняло столько времени, сколько требуется для того, чтобы...

— Записать обычный адрес,— мягко закончила Белинда, как будто не слыша меня.— Потом девушка расплатилась и вышла.

— Ты за ней следила?

— Нет. Я тоже хорошая девочка?

— Да.

— За мной тоже никто не шел.

— А в магазине? Например, какой-нибудь толстяк средних лет?

Белинда хихикнула:

— Сколько угодно толстяков...

— Я знаю, что сколько угодно толстяков проводят массу времени, глядя на тебя. Как и множество худых. Я ничуть этому не удивляюсь.— Я немного помолчал и добавил: — Траляля и Труляля, я люблю вас обеих.

Они переглянулись.

— Это очень мило,— сказала Белинда.

— В профессиональном смысле, мои дорогие, только в профессиональном. Надо признать, что ваши рапорты были превосходными. Белинда, ты видела куклу, которую выбрала девушка?

— Мне платят за то, чтобы я видела разные вещи,— скромно сказала она.

Я внимательно посмотрел на девушку, но пропустил ее реплику мимо ушей.

— Верно. Это была кукла в одежде с острова Гюйлер, не так ли? Такая же, какие мы видели на складе.

— Откуда вы знаете?

— Я мог бы назваться медиумом или сказать, что я гений. На самом же деле я имею доступ к информации, которая для вас закрыта.

— Ну так поделитесь ею с нами,— это, разумеется, была Белинда.

— Нет.

— Почему?

— Потому что в Амстердаме есть люди, которые могли бы упрятать вас в темную комнату и заставить говорить.

Наступила продолжительная пауза, после которой Белинда спросила:

— А вас бы не заставили?

— Могли бы, наверное, и меня. Но им было бы нелегко упрятать меня в темную комнату.

Я взял в руки кипу фактур.

— Кто-нибудь из вас слышал о Кастел Линден? Нет? Я тоже. Оказывается, оттуда нашим друзьям Моргенштерну и Муггенталеру поставляют маятниковые часы.

— А зачем? — спросила Мэгги.

— Не знаю,— откровенно соврал я.— Может быть, это как-то связано. Я просил Астрид узнать источник поставки определенного вида часов. У нее есть связи в преступном мире, хотя она этим ничуть не гордится. Но теперь ее нет. Я займусь этим завтра.

— Мы сделаем это сегодня,— сказала Белинда.— Мы можем поехать в этот Кастел сегодня...

— Если вы только попробуете это сделать, то первым же рейсом вернетесь в Англию. К тому же у меня нет никакого желания вытаскивать вас со дна рва, который окружает замок. Понятно?

— Да, сэр,— хором ответили они. Меня гораздо больше беспокоил теперь уже совершенно очевидный факт, что меня не считают таким страшным, каким я хотел казаться.

Я собрал бумаги и встал.

— На сегодня вы свободны. До завтрашнего утра.

Как это ни странно, их как будто ничуть не обрадовало известие, что они свободны.

— А вы? — спросила Мэгги.

— Покатаюсь на машине за городом, чтобы проветриться. Потом вздремну, а вечером, возможно, совершу прогулку на корабле.

— Этакая романтическая ночная прогулка по каналам? — Белинда пыталась говорить легким тоном, но это у нее не получилось.— Вам нужен будет помощник, чтобы обеспечить вам тыл, не так ли? Я поеду с вами.

— В другой раз. А вы не вздумайте кататься по каналам и даже близко не подходите ни к ним, ни к ночным барам, а особенно — к тому складу.

— Вы тоже не смейте никуда сегодня выходить.

Я остолбенел. За пять лет нашего знакомства Мэгги никогда не говорила со мной так резко, даже грозно, и уж тем более никогда не поучала меня. Вдруг она схватила меня за руку, такого с ней тоже никогда не бывало.

— Пожалуйста!
— Мэгги!
— Вам обязательно надо плыть сегодня на этом корабле?
— Послушай, Мэгги...
— В два часа ночи?
— Что случилось, Мэгги? На тебя так не похоже...
— Не знаю. Хотя нет, знаю. У меня по спине как будто мурашки бегают.
— Скажи им, чтоб не бегали.
Белинда шагнула ко мне.
— Мэгги права. Вы не должны сегодня никуда уходить,— ее лицо выражало беспокойство.
— И ты, Белинда?!
— Я вас прошу.
В комнате сгустилось какое-то напряжение, совершенно для меня непонятное. В глазах девушек были мольба и отчаяние, как будто я объявил им, что собираюсь прыгнуть со скалы.
— Мэгги хотела сказать, чтобы вы не уходили,— сказала Белинда.
Мэгги кивнула.
— Не уходите, останьтесь с нами.
— Черт побери! В следующий раз, когда мне потребуются помощницы, я подберу девушек посмелее.
Я хотел пройти мимо них, направляясь к двери, но Мэгги загородила мне дорогу, встала на цыпочки и поцеловала меня. Через пару секунд то же самое сделала Белинда.
— Это очень плохо для дисциплины,— выдавил я, скрывая ошеломление.— Очень плохо.
В дверях я остановился и посмотрел, разделяют ли они мое мнение. Они, однако, ничего не сказали, а просто стояли с каким-то потерянным видом. Я с раздражением покачал головой и вышел.
По пути в гостиницу я купил упаковочной бумаги и шнур. В номере я завернул в бумагу костюм. На свертке написал вымышленную фамилию и адрес и спустился с ним в регистратуру. Администратор был на месте.
— Где здесь ближайшая почта?
— Ах, это вы, мистер Шерман. Мы можем отправить вашу посылку.
— Спасибо, я хотел бы это сделать собственноручно.
— Понятно,— ничего ему не было понятно, просто я

не хотел, чтобы кто-нибудь ломал себе голову над тем, почему Шерман выходит из отеля со свертком под мышкой. Администратор назвал адрес, который был мне совсем не нужен.

Я бросил сверток в багажник и поехал за город в северном направлении. Я ехал вдоль берега Зэйдер Зе, но не видел его из-за высокой дамбы по правую сторону от дороги. По левую сторону ничего интересного не было: такие голландские пейзажи не вводят туристов в экстаз.

Наконец я доехал до таблички с надписью: «Гюйлер 5 км», через несколько сот ярдов повернул налево и вскоре остановился на маленькой площади небольшой деревушки, как будто взятой с открытки. На площади размещалась почта и рядом с ней телефонная будка. Я закрыл багажник и дверцы машины на ключ и ушел.

Я вернулся на шоссе, пересек его и вскарабкался на поросшую травой крутую дамбу, оттуда можно было видеть Зэйдер Зе. Свежий бриз нагонял волны на голубые воды Зэйдер Зе, освещаемые послеобеденным солнцем. Единственным, что разнообразило этот монотонный вид, был остров на северо-востоке, примерно в миле от берега.

Это был остров Гюйлер, точнее говоря, бывший остров. Когда-то он действительно был островом, но потом его соединили дамбой с сушей, дабы приобщить островитян к благам цивилизации и туризму. Позднее по дамбе проложили асфальтовую дорогу.

Сам остров вряд ли можно было назвать примечательным. Он был таким низким и плоским, что казалось, будто его сметет любая волна, однако этот однообразный пейзаж несколько скрашивался разбросанными по острову фермами и амбарами. На западном берегу острова, обращенном к суше, вокруг небольшой бухты раскинулся городок. Кроме того, разумеется, были и каналы. Больше смотреть было не на что, поэтому я вернулся на шоссе, дошел по нему до автобусной остановки и первым же автобусом вернулся в Амстердам.

Поужинать я решил пораньше, поскольку сомневался, что смогу сделать это позднее. Потом я пошел спать, потому что больше такой возможности тоже могло не представиться.

Звонок будильника разбудил меня в половине первого ночи. Я даже не выспался как следует. Я надел темную одежду, костюм и свитер, темные башмаки на

резиновой подошве. Пистолет засунул в непромокаемый футляр на молнии и положил его в кобуру под мышку. Потом я задумчиво посмотрел на бутылку виски, но решил ее не трогать.

Вышел я через пожарную лестницу, что уже стало моей привычкой. Улица была, как всегда, пустынной, и за мной никто не следил. В этом не было никакой необходимости, потому что те, кто желал мне зла, отлично знали, куда я направляюсь и где меня искать. Я знал, что они это знают. Поэтому мне оставалось надеяться лишь на чудо.

Я решил пройтись пешком, поскольку машины у меня не было, а к амстердамским такси я с некоторых пор испытывал аллергию. На улицах было пустынно, по крайней мере на тех, по которым я шел. Город казался спокойным и очень мирным.

Я дошел до порта, осмотрелся и пошел дальше, в тень складов. Светящиеся стрелки моих часов показали мне, что было без двадцати два. Ветер усилился, и стало прохладнее; дождя, однако, не было. Я ощутил терпкий запах моря, смолы, каната и чего-то еще, благодаря чему все порты мира пахнут одинаково. По темному небу ползли еще более темные тучи, время от времени из-за них проглядывал чахлый месяц; но даже когда его не было, темнота не была абсолютной.

В более светлые периоды я смотрел на бухту, которая тонула во мраке. Это был один из самых больших грузовых портов мира, там швартовались сотни барж, от двадцатифутовых до огромных, ходивших по Рейну. Размещались они как будто беспорядочно, но я знал, что беспорядок этот лишь видимый. Несмотря на кучность, каждая из барж — при искусном маневрировании — имела доступ к открытой воде через целую последовательность каналов. Баржи соединялись с сушей рядами длинных помостов, к которым под прямым углом присоединялись другие — поуже.

Луна скрылась за тучами, и я вышел из тени на один из главных помостов. Ступал я бесшумно, но даже если бы я топал в кованых сапогах, сомневаюсь, что на меня обратил бы внимание кто-то, кроме тех, что имели относительно меня дурные намерения. Хотя почти на всех баржах обитали члены экипажа, а порой и их семьи, свет горел всего на нескольких из них. Кроме приглушенного завывания ветра, тихого скрипа и скрежета

барж о помост, не было слышно ни звука. Это был город в городе, и этот город спал.

Я преодолел примерно треть пути по главному помосту, когда из-за туч выглянула луна. Я остановился и огляделся.

Примерно в пятидесяти ярдах позади меня ко мне бесшумно и целенаправленно шли два человека. Хотя это были лишь тени или силуэты, но я хорошо видел, что очертания их правых рук были длиннее, чем левых. В правой руке у каждого из них что-то было. Это меня ничуть не удивило, как не удивило и то, что я их увидел.

Я посмотрел направо. По параллельному помосту шли еще двое, они шли на том же уровне, что и люди на моем помосте.

Я посмотрел налево: еще две тени. Меня восхитила скоординированность их действий. Я повернулся и пошел дальше. На ходу я достал из кобуры пистолет, вытащил его из футляра, потом застегнул футляр и спрятал его в карман. Луна в очередной раз скрылась за тучей. Я побежал, оглядываясь на ходу. Три пары мужчин припустили вслед за мной. Двое мужчин на моем помосте остановились и целились в меня из пистолетов. А может быть, мне это показалось, потому что трудно было рассмотреть что-то наверняка в таком тусклом звездном свете. Через секунду я убедился, что не показалось, потому что в темноте вспыхнули два язычка пламени, хотя выстрелов я не услышал, что было вполне понятно, ибо только полный идиот стал бы тревожить сон голландских, бельгийских и немецких матросов. В то же время их никак не смущал факт, что они тревожили меня. Из-за туч снова выглянула луна.

Попавшая в меня пуля причинила больше вреда моей одежде, чем мне, хотя пронзительная боль с внешней стороны правого предплечья заставила меня схватиться за него другой рукой. Это было уже слишком! Я спрыгнул с главного помоста на нос баржи, пришвартованной к другому помосту, расположенному под прямым углом к первому. Я перебежал на корму и укрылся за рулевой рубкой. Потом я осторожно выглянул из-за угла.

Двое на центральном помосте остановились и делали отчаянные знаки своим сообщникам, призывая их обойти меня с тыла и убить выстрелом в спину. Мне показались весьма ограниченными их представления о честной игре, но в эффективности их действий сомне-

ваться не приходилось. Было совершенно ясно, что если они меня достанут (а я расценивал их шансы весьма высоко), то добьются они этого применением тактики обхода; так что в моих интересах было отбить у них охоту применять такую тактику. Поэтому я решил на некоторое время оставить в покое двоих на центральном помосте, надеясь, что они ничего не будут предпринимать, пока те двое не захватят меня врасплох. Я повернулся к левому помосту.

Через пять секунд я их увидел. Они не бежали, а осторожно шли, заглядывая в тени рулевых рубок, что было крайне легкомысленно с их стороны, ибо я укрылся в самой что ни на есть глубокой тени, а их жестоко освещал месяц. Благодаря этому я заметил их гораздо раньше, чем они меня. Я вообще не уверен в том, что они меня заметили. Один-то уж точно: он был мертв еще до того, как рухнул на помост и с негромким всплеском соскользнул в воду, опасаясь, надо полагать, произвести шум. Я хотел выстрелить еще раз, но реакция второго мужчины была очень быстрой. Он скрылся до того, как я успел нажать на спусковой крючок. Должно быть, мои понятия о честной игре были еще более туманными, но в ту минуту это меня ничуть не огорчало.

Я развернулся и выглянул из-за рубки в другую сторону. Двое мужчин на центральном помосте не сдвинулись с места. Может быть, они не знали, что случилось. До них было слишком далеко, чтобы сделать прицельный выстрел в темноте, но я долго и старательно целился и выстрелил. Нет, все-таки цель была слишком далеко. Один из них крикнул и схватился за ногу, но, судя по резвости, с которой он побежал за своим товарищем и спрыгнул на одну из барж, он не мог быть серьезно ранен. Месяц снова спрятался за тучкой, очень маленькой, но единственной, которую можно было ожидать в ближайшие несколько минут. Я пробежал по барже, вскарабкался на главный помост и побежал вперед.

Не успел я преодолеть и десяти ярдов, как этот проклятый месяц выглянул снова. Я распластался на помосте лицом к берегу. Соседний помост был пуст, чему трудно было удивляться, ибо у второго оставшегося там мужчины уверенности явно поубавилось. Я посмотрел направо. Те двое были гораздо ближе ко мне, чем те, что так резво покинули помост. Судя по их реши-

тельной поступи, они ничего не знали о гибели их товарища. Однако и они быстренько ретировались, как только я дважды выстрелил в их сторону, оба раза неточно. Двое мужчин с центрального помоста пытались вернуться на него; они были слишком далеко, чтобы могли беспокоить меня или чтобы я мог беспокоить их.

Наша смертельная игра в прятки продолжалась еще минут пять (беги, укрывайся, стреляй, снова беги), и все это время они неуклонно приближались ко мне. Они осторожничали, зря не рисковали и толково распоряжались своим численным преимуществом: пока один из них или двое отвлекали мое внимание, другие приближались ко мне. Я отлично понимал, что если ничего не придумаю, и притом быстро, то наша игра будет иметь лишь один конец, и наступит он очень быстро.

Из всех наименее подходящих для этого моментов несколько я провел в раздумьях о Мэгги и Белинде. Не потому ли они так странно вели себя во время нашей последней встречи? Неужели женская интуиция подсказала им, что меня ждет такой конец, но они побоялись признаться мне в этом? Хорошо, что они не видели меня сейчас. Ведь я был в отчаянии и, вероятно, имел для этого все основания: я готов был к встрече с одним или двумя типами с револьверами или ножами, при определенной доле везения я сумел бы с ними справиться, но ничего подобного я не ожидал. Как я сказал Белинде у склада? «Кто вовремя отступит, тот очень скоро победит». Отступать, однако, было некуда: центральный помост заканчивался через двадцать шагов. Отвратительное это чувство — ощущать себя загнанным в ловушку зверем, на которого идет охота, в то время как для моего спасения достаточно было всего лишь открутить глушитель и выстрелить пару раз в воздух, и весь порт бросился бы мне на помощь. Но я не мог этого сделать потому, что то, что я намеревался сделать, можно было сделать лишь этой ночью. Я знал, что это мой последний шанс. На следующий день мое пребывание в Амстердаме не будет стоить и ломаного гроша. Я не мог на это решиться, пока оставался хотя бы самый призрачный шанс. Хотя ни один нормальный человек не сказал бы сейчас, что он у меня есть.

Я посмотрел на часы: без шести минут два. Время было на исходе. Я взглянул на небо. Маленькая тучка ползла к месяцу, и я знал, что, как только она скроет

его, мои преследователи перейдут в следующую, последнюю для меня атаку. Этот же момент я собирался использовать для моей следующей и наверняка последней попытки бежать. Я посмотрел на палубу баржи. Она была завалена металлическим ломом. Я взял в руку какую-то железяку и еще раз прикинул направление движения тучки, которая как будто стала меньше. Она должна была захватить месяц.

В моем магазине оставалось еще пять патронов. Я расстрелял их туда, где, как я считал, укрывались мои преследователи. Я надеялся, что это задержит их хотя бы на несколько секунд, но в глубине души не слишком в это верил. Я сунул пистолет в непромокаемый футляр, застегнул молнию и для дополнительной гарантии положил его не в кобуру, а в карман брезентовой куртки, который тоже застегивался на молнию. Перебежками преодолев палубу, я вскочил на главный помост, побежал по нему и в этот самый момент заметил, что проклятая туча прошла рядом с месяцем.

Мне вдруг стало необъяснимо спокойно, поскольку никакого выхода у меня не осталось. Я бежал, метаясь из стороны в сторону, как эпилептик, чтобы затруднить прицеливание моим будущим убийцам. В течение неполных трех секунд я услышал полдюжины приглушенных хлопков и дважды почувствовал, как невидимые руки хватают меня за одежду. Я резко запрокинул голову назад, взмахнул руками, бросил в воду железяку и тяжело свалился на помост еще до того, как раздался всплеск. Потом я поднялся, покачнулся, как пьяный, схватился за горло и спиной вперед упал в воду, заглотнув перед этим побольше воздуха в легкие.

Вода была холодной, но не ледяной; мутной, но не очень глубокой. Ногами я коснулся илистого дна и не отрывался от него. Потом я принялся выдыхать воздух очень медленно и осторожно, экономно распоряжаясь его и без того небольшими запасами. Не слишком-то я привык заниматься такими вещами. Если я не переоценил способностей моих преследователей, то оба мужчины должны были с надеждой смотреть на то место, где я исчез. Я надеялся, что они сделают должные выводы из вида поднимающихся на поверхность пузырьков, и сделают это достаточно быстро, потому что надолго меня не хватило бы.

Через какое-то время (мне показалось, минут через

пять, но на самом деле вряд ли больше чем через полминуты) я перестал пускать пузыри по той простой причине, что в моих легких не осталось ни капли воздуха. Легкие горели, я ощущал бешеное биение сердца и боль в ушах. Я выбрался из ила и поплыл под водой вправо, надеясь, что не ошибся в выборе направления. К счастью, я не ошибся. Моя рука ткнулась в киль баржи, я проскользнул под днищем и вынырнул на другой стороне. Вряд ли я сумел продержаться еще хотя бы пару секунд под водой и не глотнуть ее. Когда я вынырнул, мне потребовалось все мое самообладание и сила воли, чтобы не вздохнуть полной грудью с хрипом, который услышал бы весь порт; но в минуты смертельной опасности я умею мобилизовать свою волю, поэтому я довольствовался несколькими бесшумными глотками.

Сначала я ничего не видел. Причиной этому была плававшая на поверхности воды пленка нефти, которая залепила мне глаза. Я стер ее, но по-прежнему ничего не видел, кроме темного корпуса баржи, за которым я укрывался, центрального помоста и второй баржи, стоявшей примерно в десяти футах от первой. Затем я услышал приглушенные голоса, подплыл к корме и, держась за нее рукой, осторожно выглянул. Двое мужчин с помощью фонарика разглядывали место, где я недавно исчез; они с удовлетворением смотрели на темную и спокойную воду. Наконец они выпрямились, один из них пожал плечами и сделал какой-то жест руками, второй кивнул и осторожно потер ногу. Первый поднял руки и дважды скрестил их над головой, сначала повернувшись влево, потом вправо. В тот же момент где-то неподалеку зачихал дизель. Мужчинам это не понравилось, потому что тот, кто сигналил, схватил раненого за плечо и потащил его к берегу.

Я вскарабкался на баржу. Звучит это просто, но когда крутой борт баржи поднимается на четыре фута над водой, эта несложная операция может оказаться почти невыполнимой, как это случилось со мной. В конце концов я сумел это сделать с помощью троса, перевалился через борт и полминуты пытался отдышаться, как вытащенный на берег кит. Необходимость спешить и частично вернувшиеся силы подняли меня на ноги. Я пошел к центральному помосту.

Двух мужчин, которые так недавно пытались меня

уничтожить, переполняла понятная радость от сознания хорошо выполненного трудного дела. Они уже были едва заметными тенями, сливающимися с еще более глубокой тенью складов на берегу. Я вылез на помост, прислушался к звуку работающего дизеля, чтобы определить, откуда он доносится, а затем побежал в ту сторону. Добежав до баржи, я упал на четвереньки, подполз к краю центрального помоста и выглянул за него.

Баржа была длиной около семидесяти футов при соответствующей ширине. Передние три четверти ее палубы были целиком отведены под грузы, далее находилась рулевая рубка, к которой со стороны кормы прилегало помещение для команды. За его окнами горели красные огни. Из рубки выглядывал массивный мужчина в фуражке с козырьком; он говорил с матросом, который как раз спрыгнул на боковой помост, чтобы отдать швартовы.

Кормой баржа упиралась в центральный помост, на котором я лежал. Дождавшись, пока матрос отойдет подальше по боковому помосту, я бесшумно соскользнул на корму баржи и укрылся за кабиной до тех пор, пока не услышал грохота бросаемых на палубу канатов и глухого стука башмаков запрыгнувшего на палубу матроса. Затем я осторожно направился в сторону носа, добрался до металлической лестницы, закрепленной на переднем крае кабины, поднялся по ней, прошел немного вперед и распластался на крыше рубки. Зажглись навигационные огни, но мне они не мешали, поскольку располагались по обе стороны рубки таким образом, что крыша рубки оказалась в тени.

Шум двигателя усилился, и боковой помост начал потихоньку отъезжать назад. «Не попал ли я из огня да в полымя?» — промелькнуло у меня в голове.

ГЛАВА X

Любой, кто собирался выходить в море в таких условиях, должен взять с собой водолазный костюм. Мне же эта мысль вообще не приходила раньше в голову, посему я расплачивался теперь за свое легкомыслие, лежа там, где лежал.

Я постепенно промерзал насквозь. Ветер на Зэйдер Зе был достаточно пронизывающим даже для тепло одетого человека, я же вовсе не был тепло одет. Кроме того,

я до основания промок в морской воде, а холодный ветер постепенно превращал меня в глыбу льда с той лишь разницей, что глыба льда неподвижна, я же не переставая дрожал, как больной малярией. Единственным для меня утешением был факт, что промокнуть еще сильнее невозможно, поэтому меня ничуть не волновал возможный дождь.

Я расстегнул молнии на обоих карманах куртки совершенно окоченевшими и непрерывно дрожащими пальцами, достал из водонепроницаемого футляра пистолет, зарядил его и засунул под куртку. Потом мне пришла в голову мысль, что в минуту опасности я не смогу нажать на спусковой крючок, так как руки мои просто одеревенели. Поэтому я засунул руку под куртку. Но от этого мне стало еще холоднее. Пришлось руку достать.

Огни Амстердама остались далеко позади, мы выплыли в Зэйдер Зе. Я заметил, что баржа описывает ту же широкую дугу, что и «Марианна» накануне днем. Мы прошли довольно близко от двух буев, а когда я взглянул вперед, мне показалось, что баржа берет курс на третий буй, до которого оставалось около четырехсот ярдов. Я ни на минуту не сомневался, что шкипер знает, что делает.

Двигатель сбавил обороты, и на палубу вышли два члена экипажа, первые после того, как мы покинули порт. Я попытался еще сильнее вжаться в крышу рубки, но они пошли не в мою сторону, а на корму. Я развернулся, чтобы лучше их видеть.

Один из них нес металлический стержень, к концам которого были привязаны тросы. Встав по обе стороны кормы, они стравливали трос, пока стержень не опустился почти до уровня воды. Я взглянул на нос. Баржа плыла теперь очень медленно, до мигающего буя оставалось ярдов двадцать, и курс баржи пролегал примерно в двадцати футах от него. Из рубки донеслись резкие звуки команды, и двое мужчин начали стравливать тросы, причем один из них что-то считал. Это было вполне понятно, потому (я ничего не видел, но предполагал) что на тросе на равных промежутках друг от друга были завязаны узлы, чтобы стержень опускался равномерно.

Как только баржа оказалась на уровне буя, один из них негромко крикнул и они принялись медленно

и равномерно тянуть на себя тросы. Хотя я отлично знал, что произойдет, я не спускал с них глаз. Из воды выпрыгнул цилиндрический буй длиной в два фута, вслед за ним показался якорь с четырьмя лапами, одна из которых зацепилась за металлический стержень. К якорю был привязан трос. Буй, якорь и стержень затащили на палубу, после чего оба мужчины принялись тянуть за канат, ведущий от якоря, пока наконец не вытащили из воды какой-то предмет. Это был серый, обитый металлическими полосами ящик футов восемнадцать толщиной и двенадцать высотой. Они тотчас отнесли его в кабину, но еще до этого баржа начала набирать полный ход, и буй очень быстро остался позади. Ловкость, с которой была проведена вся эта операция, свидетельствовала о немалом опыте исполнителей.

Шло время. Это было время пронизывающего холода и отчаяния. Я полагал, что не смогу промокнуть или промерзнуть еще сильнее. Но ошибся. Примерно в четыре часа небо потемнело и начался дождь. Никогда еще дождь не казался мне таким холодным. До того момента оставшиеся во мне остатки тепла кое-как просушили внутренние слои моей одежды под курткой, но ниже пояса это стало пустой тратой времени. Оставалось лишь надеяться, что, когда мне снова придется прыгать в воду, я не пойду ко дну как топор.

В небе появились первые обманчивые проблески рассвета, и я разглядел размазанные очертания суши на юге и востоке. Потом снова стало темнеть, и какое-то время я ничего не видел, пока на востоке не начал разливаться по небу бледный рассвет. Я опять увидел землю и обнаружил, что мы находимся довольно близко от северного берега острова Гюйлер и начинаем поворачивать на юго-восток, а потом и на юг, направляясь к небольшому порту острова.

Никогда прежде я не обращал внимания на то, что эти баржи так медленно двигаются. Глядя на берег, можно было подумать, что баржа стоит на месте. Меньше всего на свете мне хотелось бы подплыть к порту средь бела дня, вызывая комментарии портовых зевак относительно того, что один из членов команды такой оригинал, что предпочитает встречать ливень на крыше рубки.

Над далеким побережьем Зэйдер Зе взошло солнце, но проку от него не было никакого: от такого солнца не сохнет одежда. Вскоре оно скрылось за плотной пе-

леной черных туч. Тут же принялся моросить холодный дождь, который полностью парализовал остатки моего кровообращения. Я был рад тому, что стало темнее. Кроме того, только дождь мог вынудить портовых зевак остаться дома.

Путешествие подходило к концу. Дождь усилился до такой степени, что до боли лупил по моим рукам и лицу; видимость сократилась до пары сотен ярдов. Хотя я и видел ряд навигационных знаков по курсу, порта за ними я не разглядел.

Я положил пистолет в непромокаемый футляр и засунул его в кобуру. Удобнее было бы положить его в карман куртки, как я это уже делал, но я не собирался брать ее с собой. Я так окоченел и ослабел после переживаний минувшей ночи, что эта облепляющая и сковывающая движения куртка могла помешать мне добраться до берега. Еще одну вещь я легкомысленно забыл взять с собой — надувной спасательный жилет или пояс.

Я снял куртку, скомкал ее и зажал под мышкой. Ветер показался мне еще более ледяным, но было не время об этом размышлять. Я прополз по крыше рубки, тихо соскользнул по лестнице, прополз под открытыми уже окнами кабины, мельком посмотрел на нос (излишняя предосторожность, потому что ни один человек в здравом уме не вышел бы в такую погоду на палубу без особой необходимости), швырнул куртку за борт, свесился за корму на всю длину вытянутых рук. Убедившись, что никто из членов команды не вышел на палубу, я прыгнул в воду.

В море мне показалось теплее, чем на крыше рубки; это было весьма кстати, поскольку я чувствовал себя устрашающе слабым. Первоначально я собирался держаться на плаву, пока баржа не войдет в порт, и лишь потом плыть к берегу. Но сейчас это было непозволительной роскошью. Моей главной и единственной в ту пору заботой было выжить. Я поплыл за удаляющейся баржей так быстро, как только мог.

Мой заплыв, продолжавшийся не более десяти минут, легко осилил бы любой умеющий плавать шестилетний ребенок, но в то утро я был гораздо ниже этого стандарта. Когда я отчетливо увидел стены порта, то немного отклонился влево и вскоре добрался до берега.

Я пересек пляж, хлюпая башмаками, и тут дождь

прекратился как по команде. Я осторожно поднялся на небольшой холмик, вершина которого находилась на одном уровне со стенами порта. Я распластался на мокрой земле и осторожно поднял голову.

Справа от себя я увидел две небольшие бухты квадратной формы. Внешняя бухта соединялась узким проходом с внутренней. За внутренней бухтой раскинулся красивый, как на открытке, город. За исключением двух коротких улиц, идущих параллельно берегу внутренней бухты, и одной длинной, городок состоял из запутанного лабиринта кривых улочек и хаотичного нагромождения домов, в основном зеленого и белого цвета, большинство из которых стояли на сваях, защищавших их от наводнения. Сваи были прикрыты стенами, образуя подвалы, а войти в такие дома можно было по деревянным лестницам, ведущим наверх.

Я перевел взгляд на внешнюю бухту. Разгрузка стоявшей у берега баржи была в полном разгаре. Два небольших крана извлекали из трюма ящики и мешки. Они меня ничуть не интересовали, будучи совершенно легальным товаром. Гораздо больше меня интересовал поднятый со дна моря металлический ящик, в отношении которого я испытывал полную уверенность, что это самый нелегальный из товаров, какие только можно себе вообразить. Я оставил в покое легальные грузы и сосредоточил все внимание на кабине. Я еще надеялся, что не опоздал.

Я действительно едва не опоздал. Буквально через полминуты после начала наблюдения из кабины вышли два человека, один из них нес на плече мешок. И хотя мешок был набит чем-то мягким, можно было отчетливо различить выступающие углы. Я не сомневался, что это именно то, что мне нужно.

Оба мужчины сошли на берег. Некоторое время я смотрел за ними, чтобы представить себе общее направление их движения, затем съехал по грязному склону (еще один пункт расходов, ибо костюм мой стал испорчен безвозвратно) и пошел за ними.

Следить за ними было проще простого: мало того, что они совершенно не подозревали, что за ними могут следить, но узкие улочки Гюйлера были идеальным местом для слежки. Наконец они остановились перед длинным и низким зданием на северной окраине городка. Первый этаж, точнее говоря подвал, был сделан из бетона. На

следующий этаж вела деревянная лестница, похожая на ту, за которой я укрылся на расстоянии ярдов сорок. На втором этаже были высокие и узкие окна, снабженные такой частой решеткой, что в них не пролезла бы даже кошка; на массивной двери висели два тяжелых замка. Мужчины поднялись наверх; тот, что шел налегке, открыл дверь, и оба они вошли. Через двадцать минут они снова вышли, заперли за собой дверь и ушли.

Я пожалел о том, что изрядный вес пояса с орудиями для взлома принудил меня оставить его дома: никто не отправляется в плавание, нагрузившись железяками. Сожалел я, однако, недолго. Помимо того, что эта дверь хорошо просматривалась из пяти десятков окон и что чужака немедленно распознал бы любой гюйлерец, было еще рано открывать свои карты: мелкая рыбешка — тоже корм, но я охотился за китами, а в этом ящике была приманка для них.

Чтобы выйти из городка, мне не нужен был его план. Порт находился в его западной части, стало быть, начало дороги, ведущей на континент, было где-то на востоке. Я прошел по нескольким узким и кривым улочкам (и был, естественно, не в состоянии восхищаться их старомодным очарованием, которое ежегодно привлекало десятки тысяч туристов) и дошел до небольшого дугообразного моста над нешироким каналом. Переходя по нему, я столкнулся с первыми людьми в Гюйлере. Это были три матроны в традиционных пышных платьях. Они равнодушно посмотрели на меня и так же равнодушно отвернулись, как будто было самым заурядным делом встретить на улицах Гюйлера ранним утром человека, который, судя по всему, недавно искупался в море, не снимая одежды.

В нескольких ярдах за каналом я наткнулся на неожиданно большую стоянку. В тот час на ней было полдюжины велосипедов и несколько машин. Ни один из велосипедов не был снабжен цепью, замком или чем-нибудь в этом духе. Судя по всему, кражи на Гюйлере отсутствовали вообще. Это меня ничуть не удивляло, поскольку уж если местные жители брались за доходное дело, то не пачкали себе рук такой мелочью, как кражи. На стоянке не было ни единой живой души, да я и не предполагал встретить там в такой час кого-нибудь из обслуживающего персонала. Я выбрал наиболее крепкий на вид велосипед, испытывая при этом такой стыд, какой

не испытывал при совершении всех других проступков в Амстердаме, подвел велосипед к запертым воротам, переставил его через них, перелез сам, сел на него и принялся крутить педали. Никто не кричал мне вслед: «Держи вора!»

Хотя я много лет не садился на велосипед и был весьма далек от того прекрасного и беззаботного чувства восхищения, которое испытываешь, садясь за руль велосипеда в первый раз, я вскоре приспособился. Пусть я не получал особого удовольствия, это было все же лучше, чем идти пешком, к тому же велосипед помог мне взбодрить кровь.

Я доехал до маленькой деревушки, на площади которой стояла моя машина, задумчиво посмотрел сначала на телефонную будку, а потом на часы. Решив, что еще слишком рано, я сел в машину и уехал.

Проехав полмили в сторону Амстердама, я увидел старый сарай, стоящий на довольно большом расстоянии от дома хозяина. Я поставил машину в таком месте, что ее нельзя было видеть из дома, открыл багажник, достал оттуда бурый сверток, вошел в сарай, который был не заперт, и переоделся в сухое. Я не стал другим человеком, меня по-прежнему била дрожь, но я, по крайней мере, избавился от мокрой и скользкой гадости, в которой я провел много часов.

Я поехал дальше. Еще через полмили я наткнулся на придорожное кафе, табличка на котором самонадеянно утверждала, что это мотель. Во всяком случае, он был открыт, а ничего другого я не желал. Полная хозяйка спросила, не желаю ли я позавтракать, но я дал ей понять, что испытываю другие, более срочные потребности. В Голландии существует милая традиция наполнять стопки «йонге геневер» до самых краев, потому хозяйка с немалым удивлением и беспокойством смотрела, как мои трепещущие руки пытаются донести эту жидкость до рта. Я сумел разлить не более половины, к недоумению хозяйки, которая наверняка подумывала о том, не стоит ли вызвать врача или полицию, чтобы заняться алкоголиком в состоянии белой горячки или наркоманом, потерявшим свой шприц. Однако она оказалась смелой женщиной и по моей просьбе налила вторую рюмку. На этот раз я пролил не более четверти. Третью же рюмку я не только выпил, не пролив ни капли, но и ощутил, как мои красные кровяные тельца при-

нялись весело гоняться друг за другом. После четвертой рюмки мои руки были тверже скалы.

Я воспользовался электробритвой, а потом съел великолепный завтрак, проглотив при этом неимоверное количество яиц, мяса, ветчины, четыре различных вида хлеба и почти галлон черного кофе. Бесподобный завтрак! Может быть, этот мотель едва зарождался, но у него было большое будущее. Я попросил разрешения воспользоваться телефоном.

На то, чтобы дозвониться до «Туринга», ушло всего несколько секунд, а вот на то, чтобы меня соединили с номером девушек, ушло гораздо больше времени. Наконец я услышал заспанный голос Мэгги:

— Алло, кто это?

Я представил себе, как она зевает и потягивается.

— Здорово погуляли вчера вечером? — сурово спросил я.

— Я вас слушаю,— она все еще не проснулась.

— На дворе день, а вы все еще дрыхнете,— на самом деле было лишь восемь часов утра.— Парочка лентяек в мини-юбках.

— Это... это вы?

— А кто еще, как не хозяин и властелин? — Я с опозданием начал ощущать на себе воздействие «йонге геневер».

— Белинда, он вернулся!.. Говорит, что он хозяин и властелин.

— Я так рада, так рада! — это была уже Белинда.— Мы...

— Тебе далеко до моей радости. Можешь идти досыпать. Завтра постарайся встать раньше молочника.

— Мы никуда не выходили из номера,— она была на удивление покорной.— Мы за вас очень беспокоились, почти всю ночь не смыкали глаз и...

— Извини меня, Мэгги, одевайся. Не теряй времени на ванну и завтрак...

— Без завтрака? Держу пари, что вы сами позавтракали.— Белинда негативно влияла на нее.

— Позавтракал.

— И провели ночь в роскошном отеле?

— У начальства свои привилегии. Возьмешь такси, доедешь до окраины, там отпустишь машину и вызовешь по телефону местную. Потом поедешь в сторону Гюйлера.

— Туда, где делают эти куклы?

— Именно. Я поеду навстречу тебе на желто-красном такси,— я назвал ей свой номер.— Попросишь шофера остановиться. И, ради Бога, поторопись!

Я повесил трубку, расплатился и поехал дальше. Я радовался жизни. Да, я был рад тому, что я жив. Минувшая ночь не должна была смениться для меня рассветом, но я жив и радовался этому. Девушки тоже были рады. Мне было тепло, я был сух и сыт, а «йонге геневер» весело разгонял мои кровяные тельца; как на карусели, все разноцветные нити сплелись в один красивый узор, и к концу дня все должно было завершиться. Никогда прежде я не чувствовал себя так хорошо.

Никогда больше я не чувствовал себя так хорошо...

Когда я подъезжал к городу, какое-то желтое такси подало мне знак остановиться. Я остановился, пересек шоссе и направился к нему. Из такси вышла Мэгги. Она была в голубом костюме и белой блузке, по ней нельзя было сказать, что она провела бессонную ночь. Выглядела она просто прекрасно. Впрочем, так она выглядела всегда. Но в то утро в ней было что-то особенное.

— Так-так-так,— сказала она,— какой цветущий призрак! Можно вас поцеловать?

— Разумеется, нет,— с достоинством сказал я.— Отношения между начальником и подчиненными...

— Успокойся, Пол,— она поцеловала меня без разрешения.— Что я должна делать?

— Поедешь в Гюйлер. Возле порта масса заведений, так что найдешь где позавтракать. Кроме того, будешь следить за одним местом внимательно, но не обязательно постоянно,— я описал Мэгги здание с зарешеченными окнами и сказал, как его найти.— Следи за тем, кто в него будет входить и кто выходить. И не забывай, что ты — туристка: держись в толпе других. Белинда еще в номере?

— Да,— Мэгги улыбнулась.— Ей как раз позвонили, когда я выходила. Как мне показалось, хорошие новости.

— А кого это Белинда знает в Амстердаме? — резко спросил я.— Кто ей звонил?

— Астрид Лемай.

— О Господи, о чем ты говоришь?! Астрид за границей. У меня есть доказательства.

— Конечно, за границей,— Мэгги развеселилась.—

Она улетела потому, что ты дал ей очень важное задание, а она не могла его выполнить, потому что за ней постоянно следили. Поэтому она улетела, а в Париже пересела на другой самолет и вернулась обратно, получив деньги за неиспользованный билет до Афин. Теперь они с Джорджем живут под Амстердамом у друзей. Она просила передать тебе, что выполнила твои указания. Она была в Кастел Линден и...

— О Господи,— воскликнул я.— О Господи!

Я смотрел, как улыбка застывает на губах Мэгги, и мне захотелось ударить ее за ее глупость, за эту улыбку и пустую болтовню о хороших новостях, но потом мне стало стыдно как никогда, потому что во всем был виноват я, а не Мэгги, и я скорее дал бы отрубить себе руку, чем обидел бы ее. Я обнял девушку и сказал:

— Мэгги, я должен тебя оставить.

Она непонимающе улыбнулась.

— Что-то случилось?

— Мэгги...

— Что, Пол?

— Как ты думаешь, откуда Астрид Лемай узнала номер телефона вашей новой гостиницы?

— Боже мой! — до нее дошло.

Я не оглядываясь бросился к машине и рванул с места, как сумасшедший; наверное, я и был сумасшедшим. Я включил синюю мигалку и сирену, а потом надел наушники и принялся отчаянно манипулировать тумблерами. Никто не показал мне, как ими пользоваться, а теперь учиться было некогда. Кабину заполнил ужасный шум: рев мотора, вой сирены, треск и помехи в наушниках и показавшееся мне громче всего остального мое хриплое дыхание и ругательства, когда я безуспешно пытался включить это проклятое радио. Наконец треск исчез, и я услышал чей-то спокойный и уверенный голос.

— Полиция? — гаркнул я.— Дайте мне полковника де Графа! Неважно, кто я. Побыстрее, ради Бога!

Последовала длительная, раздражавшая меня пауза. Я прорывался через утренний поток машин, затем голос в наушниках сказал:

— Полковника де Графа нет на месте.

— Ну так найдите его дома!

В конце концов его нашли дома.

— Полковник де Граф? Да, да, да. Это неважно.

Помните вчерашнюю куклу? Я уже видел это лицо прежде. Это Астрид Лемай.— Де Граф пытался задавать вопросы, но я его оборвал.— Это не имеет значения. Тот склад... Ей грозит смертельная опасность. Мы имеем дело с маньяком. Ради Бога, поторопитесь.

Я отбросил наушники и ограничился вождением и руганью. Если вам надо будет обвести кого-нибудь вокруг пальца, то Шерман к вашим услугам. В то же время я понимал, что не совсем справедлив к себе; я столкнулся с отлично организованной преступной сетью, но было во всем происходящем и что-то маниакальное, непредсказуемое, совершенно не позволяющее что-то предвидеть и планировать. Безусловно, Астрид предала Джимми Дюкло, но ей пришлось выбирать между ним и Джорджем, который все-таки был ее братом. Ей приказали заняться мной, потому что сама она никогда не узнала бы, что я остановился в «Эксельсиоре». Однако вместо того, чтобы заручиться моей поддержкой, она в последний момент струсила, а я приказал следить за ней. Вот тогда-то и начались неприятности: она стала обузой для преступников, а не козырем в их игре. Она встречалась со мной или я с ней без их ведома. Меня могли видеть, когда я волок Джорджа по Рембрандтсплейн или в церкви, а может быть, пьяницы возле дома Астрид вовсе не были пьяницами.

В конце концов они решили, что лучше будет убрать Астрид, но не так, чтобы я заподозрил что-то неладное, поскольку они считали (и не без оснований), что если я узнаю о грозящей ей опасности или о том, что с ней расправились, то я брошу все надежды довести дело до конца и сделаю то, чего они опасались больше всего на свете: пойду в полицию и расскажу все, что знаю; а знал я, по их мнению, немало. Этого они хотели избежать любой ценой, хотя я и отказался бы от реализации своих намерений, но все равно сумел бы серьезно навредить их организации. Им потребовались бы месяцы, если не годы, на восстановление нарушенных связей. Потому-то Даррелл и Марсель сыграли вчера в «Балинове» свои роли, в то время как я определенно переиграл свою, и убедили меня, что Астрид Лемай и Джордж улетели в Афины. Они действительно улетели, но в Париже их заставили пересесть на другой самолет и вернуться в Амстердам. Когда Астрид говорила с Белиндой, к ее виску был приставлен пистолет.

Теперь она уже им не нужна. Она перешла на сторону врага, а с такими не церемонятся. И, разумеется, им не надо было опасаться никакой реакции с моей стороны, поскольку я утонул в порту минувшей ночью. Я наконец получил ключ ко всему и знал, почему они ждали. Но в то же время я знал, что получил этот ключ слишком поздно для того, чтобы спасти Астрид.

Проезжая по Амстердаму, я никого не сбил и не переехал, но причиной тому — лишь хорошая реакция амстердамцев. Я уже был в старых кварталах и на большой скорости гнал по улочке с односторонним движением, когда увидел стоявшую поперек дороги полицейскую машину и по обе стороны от нее вооруженных полицейских. Я резко затормозил. Едва я выскочил из машины, как ко мне подошел один из них.

— Полиция,— сказал он, чтобы я не принял его за какого-нибудь занюханного страхового агента.— Разверните, пожалуйста, машину.

— Да вы что, собственную машину не узнаете? — рявкнул я.— Отойди, черт возьми, с дороги! .

— Сюда нельзя входить никому.

— Порядок,— из-за угла появился де Граф, и, если бы мне было недостаточно полицейской машины, я понял бы все по лицу полковника.— Не слишком приятный вид, майор.

Я молча миновал его, повернул за угол и посмотрел вверх. С этого расстояния фигура, которая раскачивалась на грузовой балке склада Моргенштерна и Муггенталера, казалась немногим больше куклы, что висела там накануне. Но на ту я смотрел снизу, стало быть, эта была гораздо больше. Одета она была точно так же, как кукла. Даже с этого расстояния было видно, что ее лицо ничем не отличалось от лица куклы. Я повернул за угол, де Граф за мной.

— Почему вы ее не снимаете? — Мой голос доходил до меня как будто издалека, ненормально спокойный, ледяной и совершенно бесцветный.

— Это дело врача. Он уже пошел наверх.

— Разумеется,— согласился я и добавил,— она не может быть там давно. Она была жива меньше часа назад. Наверняка склад был открыт задолго до...

— Сегодня суббота. По субботам они не работают.

— Разумеется,— механически повторил я. Мне в голову пришла другая мысль, пронзившая меня еще большим

холодом. Астрид звонила в «Туринг» с пистолетом у виска. Но она передала мне сообщение, которое не имело никакого смысла, потому что я лежал на дне. Это сообщение имело бы смысл лишь в том случае, если бы его передали мне. В таком случае они должны были знать, что я остался в живых. Откуда они могли это знать? Кто мог сообщить им об этом? Кроме трех матрон в Гюйлере, меня никто не видел, но им-то какое дело до меня?

Было и кое-что еще. Почему они заставили Астрид позвонить, а потом подвергли себя риску, убивая ее, хотя перед этим усиленно старались убедить меня в том, что она цела и невредима? И тут до меня дошло. И они, и я кое-что забыли. Они, как и Мэгги, забыли о том, что Астрид не знала нового номера девушек; а я забыл, что ни Мэгги, ни Белинда не встречались с Астрид и не слышали ее голоса. Я повернул за угол. С грузовой балки все еще свисала цепь с крюком, но уже без ужасного груза.

— Позовите врача,— обратился я к де Графу.

Врач пришел через несколько минут — молодой, наверняка свежеиспеченный и, как мне показалось, выглядевший бледнее обычного.

— Она мертва уже несколько часов, так? — отрывисто спросил я.

Он кивнул:

— Часа четыре или пять, точнее сказать не могу.

— Спасибо,— вместе с де Графом я повернул за угол. На лице полковника было вопросительное выражение, но мне не хотелось отвечать на его вопросы.

— Это я ее убил. Может быть, я убил и кого-то еще.

— Я вас не понимаю.

— Думаю, что я послал на смерть и Мэгги.

— Мэгги?

— Извините, я вам не говорил, со мной приехали две девушки из Интерпола. Одна из них Мэгги, другая сейчас в гостинице «Туринг».— Я назвал ему фамилию Белинды и номер телефона.— Свяжитесь с ней от моего имени, хорошо? Передайте ей, чтобы она закрылась на ключ и никуда не выходила, пока я ей не позвоню. Пусть не реагирует на телефонные звонки и записки, если в них не будет слова «Бирмингем». Вы это сделаете?

— Разумеется.

Я кивнул на автомобиль де Графа.

— Можете соединиться по радиотелефону с Гюйлером?
Он покачал головой.
— Тогда с полицейским управлением.
Пока де Граф давал указания шоферу, из-за угла вышел ван Гелдер с хмурым лицом. В руке он держал сумочку.
— Это сумочка Астрид Лемай? — спросил я. Он кивнул.— Дайте ее мне.— Он решительно покачал головой.
— Не могу. В случае убийства...
— Отдайте,— приказал ему полковник.
— Спасибо, полковник. Длинноволосая брюнетка, рост пять футов четыре дюйма, голубые глаза, очень симпатичная. Одета в голубой костюм и белую блузку, с белой сумочкой. Она должна быть где-то в районе...
— Минутку,— де Граф наклонился к водителю, затем выпрямился и сказал: — Связи с Гюйлером нет. За вами ходит смерть, майор.
— Я позвоню вам позднее,— ответил я и пошел к машине.
— Я поеду с вами,— сказал ван Гелдер.
— Вам и здесь хватит работы. Там, куда я еду, полицейские не нужны.
Ван Гелдер кивнул:
— Это означает, что вы хотите перешагнуть рамки закона.
— Я их уже перешагнул. Астрид Лемай убита, Джимми Дюкло убит, Мэгги, возможно, тоже. Я хочу поговорить с их убийцами.
— Я считаю, вы должны отдать нам оружие,— спокойно сказал ван Гелдер.
— А как, по вашему мнению, я должен с ними разговаривать? С библией в руках, чтобы молиться за их души? Чтобы забрать у меня оружие, меня придется убить.
— Вы утаиваете от нас какую-то информацию? — спросил де Граф.
— Да.
— Это невежливо, неумно и незаконно.
Я сел в машину.
— Относительно ума поговорим позднее, а на вежливость и законность мне плевать.
Я завел двигатель. Ван Гелдер шагнул было ко мне, но де Граф остановил его:
— Оставьте его, инспектор.

По пути в Гюйлер я не приобрел себе новых друзей, да, признаться, и не стремился к этому. В нормальных условиях, если бы я так бездумно и безответственно гнал машину, я стал бы причиной полдюжины серьезных столкновений, однако теперь имел возможность убедиться, что полицейская мигалка и сирена обладают волшебным свойством очищать дорогу. Встречные и попутные машины тормозили и жались к обочинам за полмили до моего приближения. Какое-то время за мной ехала полицейская машина, но ее водитель в конце концов сообразил, что не стоит убиваться из-за недельного жалования, и отстал. Я знал, что он сообщит обо мне по радио, но не боялся, что меня попытаются задержать: узнав номер моей машины, меня, конечно же, оставят в покое.

Я бы предпочел совершить путешествие на другой машине или на автобусе, ибо красно-желтое такси было начисто лишено такой черты, как неприметность. Однако быстрота была важнее. Я выбрал компромиссное решение: проехал последний отрезок пути по дамбе со сравнительно умеренной скоростью, поскольку такси, которое мчится со скоростью около ста миль в час,— немалый повод для размышлений даже для голландцев, которые не слишком-то славятся любопытством.

Я оставил машину на стоянке, которая быстро заполнялась; снял куртку, кобуру и галстук, засучил рукава и вышел из машины, небрежно перебросив куртку через руку; под курткой я держал пистолет с прикрученным глушителем.

Знаменитая своими капризами голландская погода внезапно изменилась к лучшему. Уже когда я выезжал из Амстердама, начинало проясняться; теперь уже по ясному небу плыли лишь редкие ватные облачка, а жаркое солнце жгло дома и поля. Неторопливо, но не слишком медленно я шел к зданию, за которым должна была следить Мэгги. Дверь в здание была открыта, и я видел женщин в традиционных одеждах. Время от времени то одна, то другая выходила на улицу и направлялась к городку, иногда оттуда выходил мужчина с картонной коробкой и шел в ту же сторону. Очевидно, это была какая-то мастерская, снаружи было трудно определить какая. О том, что она была совершенно бе-

зобидной, свидетельствовал тот факт, что проходящих мимо туристов приглашали внутрь. Все, кто входил в здание, выходили оттуда. Стало быть, это место было отнюдь не зловещим. К северу от здания тянулись луга, на которых женщины в национальных костюмах ворошили сено под лучами утреннего солнца. Я пришел к выводу, что мужчины на Гюйлере неплохо устроились: по крайней мере, ни один из них не работал.

Нигде ни следа Мэгги. Я пошел обратно в городок и купил себе дымчатые очки, поскольку темные, вместо того чтобы маскировать, скорее, привлекают внимание. Поэтому, надо полагать, их и носит так много людей. Кроме того, я купил соломенную шляпу, в которой даже мертвым не показался бы нигде, кроме Гюйлера. Трудно было назвать это полным перевоплощением, поскольку лишь крем мог скрыть шрамы на моем лице. Но это, во всяком случае, давало хоть какую-то степень анонимности, и я теперь вряд ли отличался от десятков туристов, шатавшихся по городку.

Гюйлер — очень маленький городок, но если начинаешь искать кого-то, не имея понятия, где он,— человек этот ходит по городу одновременно с вами,— то и самый маленький городок становится несоразмерно большим. Быстро, насколько я мог себе это позволить, не привлекая внимания, я прошелся по всему городку, но нигде не встретил Мэгги.

Я был близок к тихому отчаянию, но старался не слушать внутренний голос, который с обезоруживающей уверенностью твердил мне, что я опоздал. Еще более меня угнетал тот факт, что поиски надлежало вести без видимой спешки. Я принялся по очереди обходить все магазины и кафе, хотя, учитывая задание, которое она получила от меня, мало было надежды найти ее там. Однако я не мог позволить себе пренебрегать какими бы то ни было шансами.

Магазины и кафе в районе внутреннего порта ничего мне не дали, хотя я обошел их все без исключения. Затем я стал описывать круги все большего диаметра, если можно обозначить этим геометрическим термином хаотичный лабиринт улиц. На последнем из этих кругов я и нашел Мэгги — целую и невредимую. Облегчение мое было не намного сильнее моей собственной бездумности. Я нашел ее там, где должен был искать с самого начала, если бы пораскинул мозгами, как это сделала

она. Я приказал ей присматривать за этим зданием и в то же время держаться поблизости от других. Она так и делала. Мэгги ходила по большому сувенирному магазину, время от времени брала в руки какие-то товары, но даже не разглядывала их как следует: она не спускала глаз с большого здания, располагавшегося в неполных тридцати ярдах от магазина. Она так увлеклась этим, что даже не заметила меня. Я направился к Мэгги, но тут же замер, потому что увидел нечто такое, что заставило меня забыть обо всем на свете.

По улице шли Труди и Герта. Труди была в розовом платьице без рукавов и длинных белых хлопчатобумажных перчатках. Она, как всегда, улыбалась и подскакивала, встряхивая светлыми волосами. Герта была в своем неизменном наряде, она переваливалась рядом с Труди и несла большую кожаную сумку.

Мое оцепенение длилось недолго. Я быстро юркнул в магазин, но не в сторону Мэгги, поскольку не хотел, чтобы нас видели вместе, а занял стратегическую позицию за высокой вертушкой с открытками и принялся ждать, когда Труди и Герта пройдут мимо.

Они не прошли мимо. То есть они уже миновали дверь, когда Труди вдруг остановилась, заглянула в витрину, за которой стояла Мэгги, и схватила Герту за руку. Через несколько секунд она втащила сопротивлявшуюся Герту в магазин, отпустила ее руку, шагнула вперед и схватила Мэгги за руку.

— Я тебя знаю,— радостно воскликнула она.— Я тебя знаю!

Мэгги улыбнулась ей в ответ.

— Здравствуй, Труди. Я тоже тебя знаю.

— А это Герта,— Труди повернулась к Герте, лицо которой напоминало вулкан, который вот-вот начнет извергаться.— Герта, это моя подруга Мэгги.

Герта посмотрела на нее исподлобья.

— Майор Шерман — мой друг,— сказала Труди.

— Я знаю,— Мэгги улыбнулась.

— А ты мне подруга, Мэгги?

— Конечно, Труди.

Труди была в восторге.

— У меня много подруг. Хочешь с ними познакомиться? — Она потащила Мэгги к выходу и показала ей рукой на север. Я понял, что речь идет о женщинах, которые работали в поле.— Вон, видишь?

— Наверное, они очень хорошие,— вежливо сказала Мэгги.

Ко мне подошел какой-то любитель открыток, давая понять, что я должен потесниться; не знаю, что он прочитал в моем взгляде, но его было достаточно, чтобы он тотчас удалился.

— Это очень хорошие подруги,— сказала Труди и кивнула на сумку в руках Герты.— Когда мы приезжаем сюда с Гертой, мы всегда привозим им кофе и завтрак. Пойдем, Мэгги,— оживленно добавила она.

Мэгги заколебалась.

— Ты ведь моя подруга, правда? — с беспокойством сказала Труди.

— Конечно, но...

— Они такие милые,— умоляюще сказала Труди.— Такие веселые. Если мы будем хорошо себя вести, они станцуют для нас танец сена.

— Танец сена?

— Да, Мэгги, танец сена. Я прошу тебя, Мэгги, вы все — мои подруги. Пойдем с нами. Ты ведь сделаешь это для меня, правда, Мэгги?

— Ну, хорошо,— Мэгги согласилась, но без особого желания.— Только для тебя, но ненадолго.

— Я тебя люблю, Мэгги,— Труди сжала ее руку.— Я тебя люблю.

Они ушли все трое. Я немного подождал и выглянул из магазина: они уже удалились ярдов на пятьдесят, миновали здание, за которым следила Мэгги, и шли через луг. До работавших в поле женщин было по меньшей мере шестьсот ярдов. Те укладывали первую за день копну сена неподалеку от какого-то сарая, который и с такого расстояния казался серым и обветшавшим. Труди снова подскакивала, как козочка, и непрерывно что-то щебетала. Не подскакивать, а ходить нормально она, видимо, просто не умела.

Я поспешил за ними, но без подскоков. Вдоль края луга протянулась живая изгородь, я предусмотрительно укрылся за ней, отстав от женщин на 30—40 ярдов. Не сомневаюсь, что мой способ передвижения выглядел весьма странным, поскольку высота изгороди не превышала пяти футов, и большую часть шестисотярдного пути я преодолел в полусогнутом состоянии, как семидесятилетний ревматик.

Наконец они дошли до сарая и уселись у его запад-

ной стороны, укрывшись от яркого солнца. Я подошел к сараю так, что он оказался между мной и ними, а также женщинами в поле. Я бегом преодолел оставшееся расстояние и проник в сарай через боковую дверь.

В отношении сарая я не ошибся: ему было не менее ста лет и был он в ужасном состоянии. Пол провалился, деревянные стены выперло во всех направлениях, а щели между досками в стенах стали такими большими, что в них можно было просунуть голову.

В сарае был чердак, пол которого вот-вот должен был обрушиться, настолько он прогнил и был проеден жучками; даже английский агент по продаже недвижимости имел бы неоспоримые трудности, пытаясь продать эту постройку в качестве исторического памятника. Я сомневался, что половые доски выдержали бы средней величины мышь, не говоря уже обо мне. Но низ сарая для наблюдения не годился. Поэтому я, хотя и без особого желания, вступил на расшатанные деревянные ступени, которые вели наверх.

Восточная сторона чердака была заполнена прошлогодним сеном. Сам чердак оказался безопасным именно настолько, насколько я это и предполагал. Тем не менее я осторожно перебрался на его западную сторону. С этой стороны выбор щелей в стене был еще богаче, и в конце концов я нашел для себя одну, идеально обеспечивающую прекрасный обзор. Она была шириной не менее шести дюймов. Прямо под собой я увидел головы Мэгги, Труди и Герты, кроме них я видел женщин, которые быстро и ловко укладывали копны. Зубья их вил блестели на солнце. Я видел даже часть городка, включая автостоянку. Я ощущал какое-то беспричинное беспокойство: сцена сбора сена была какой-то слишком идиллической. Полосатые юбки женщин, их вышитые блузки и белоснежные чепцы производили какое-то картинное впечатление. Было во всем этом нечто театральное с оттенком нереальности. Мне едва не показалось, что я смотрю представление, организованное в мою честь.

Прошло полчаса. Все это время женщины не прекращали работу, а сидящая подо мной троица лишь изредка перебрасывалась несколькими словами; в тот теплый и безветренный день любые разговоры казались излишними, единственными постоянно доносившимися до меня звуками были шелест сена и жужжание пчел. Я подумал о том, не стоит ли мне закурить, и наконец решился:

я достал из кармана сигареты и спички, положил куртку на пол, на нее пистолет с глушителем и закурил, следя за тем, чтобы дым не выходил в щели между досками.

Через некоторое время Герта посмотрела на свои огромные часы величиной с будильник и что-то сказала Труди. Та встала и потянула за собой Мэгги. Затем они подошли к работавшим женщинам, вероятно для того, чтобы пригласить их на завтрак, поскольку Герта уже расстилала на траве клетчатую скатерть, доставала кружки и разворачивала салфетки с бутербродами.

Чей-то голос за моей спиной сказал:

— Не пытайтесь достать пистолет, иначе я убью вас прежде, чем вы это сделаете.

Я поверил этому голосу и не пытался достать пистолет.

— Обернитесь, но медленно.

Я медленно обернулся, такому голосу нельзя было не верить.

— Отойдите от пистолета на три шага влево.

Я никого не видел, но слышал хорошо. Я отошел на три шага влево.

Сено на другой стороне чердака зашевелилось, и из него вылезли двое: преподобный Тадеус Гудбоди и Марсель — змееподобный тип из «Балиновы», которого я отделал и затолкал в сейф. У Гудбоди оружия не было, но оно было ему не нужно: штуковина в руках Марселя вполне заменяла два пистолета, а судя по блеску его черных немигающих глаз, он искал хотя бы малейший повод, чтобы ее использовать. Не воодушевил меня и тот факт, что пистолет был с глушителем. Это означало, что им было безразлично, сколько раз стрелять — все равно никто не услышит.

— Здесь дьявольски жарко,— пожаловался Гудбоди.— И щекотно.— Он улыбнулся такой улыбкой, за которую его, наверное, очень любили малыши.— Мой дорогой майор, надо признать, что ваша профессия приводит вас в самые неожиданные места.

— Моя профессия?

— Если я не ошибаюсь, во время последней нашей встречи вы были таксистом.

— Вот вы о чем. Готов поспорить, что вы так и не заявили в полицию.

— Я раздумал,— великодушно признался Гудбоди. Он подошел к моему пистолету, поднял его и с отвра-

щением швырнул в угол.— Отвратительное и примитивное оружие.

— Пожалуй,— согласился я.— Вы предпочитаете вводить в свои убийства элемент изощренности.

— Что и намереваюсь доказать в скором будущем.

Гудбоди говорил во весь голос, поскольку женщины сели завтракать, но даже с полными ртами они умудрялись говорить все сразу. Гудбоди достал из сена брезентовый мешок и извлек из него веревку.

— Мой милый Марсель, прошу тебя быть внимательным. Если господин Шерман сделает хоть одно движение, пусть даже самое безобидное на первый взгляд, стреляй. В бедро, чтобы не убить.

Марсель облизал губы. Я надеялся, что он не сочтет подозрительным колыхание рубашки от участившихся ударов сердца. Гудбоди подошел ко мне сзади, связал веревкой мое правое запястье, перебросил веревку через балку и после излишне длинной подгонки привязал ее конец к другому запястью. Теперь мои ладони висели на уровне ушей. Гудбоди достал еще один моток веревки.

— Я узнал от моего приятеля Марселя,— дружески поведал он,— что вы неплохо умеете пользоваться руками. Я подумал: вдруг вы также ловко можете орудовать и ногами.

Он нагнулся и связал мои щиколотки с таким рвением, что я начал опасаться за кровообращение в конечностях.

— Кроме того, я подумал,— продолжал он,— что у вас могли бы появиться кое-какие комментарии относительно сцены, которую вам предстоит наблюдать. А мы бы хотели обойтись без этих комментариев.— Он заткнул мне рот носовым платком далеко не первой свежести и обвязал мне голову другим.— Как ты считаешь, Марсель, так будет хорошо?

Марсель сверкнул глазами.

— Я должен передать мистеру Шерману кое-что от господина Даррелла.

— К чему эта спешка, мой милый? Потом. Пока же я хочу, чтобы наш друг был в наилучшем виде: стопроцентное зрение, неослабевший слух, острый ум. Чтобы оценить все художественные достоинства зрелища, которое мы приготовили в его честь.

— Разумеется, сэр,— послушно согласился Марсель. Он снова отвратительно облизнулся.

— Но потом...

— А потом можешь передавать все, что угодно,— великодушно согласился Гудбоди.— Но запомни: когда сегодня вечером этот сарай загорится, он должен быть жив. Жаль, что мы не сможем полюбоваться этим зрелищем вблизи.— Он и в самом деле казался огорченным.— Когда на пожарище найдут обугленные останки вас и той очаровательной молодой дамы... каждый наверняка подумает о легкомысленности молодых влюбленных. Курить на сеновале, как вы это только что делали, очень опасно. Я вынужден с вами проститься, я должен присутствовать на танце сена. Этакий милый старомодный обычай, наверняка он и вам понравится.

Он ушел, оставив меня наедине с облизывающимся Марселем. Мне это не слишком нравилось, но в тот момент это не имело решающего значения. Я повернулся и посмотрел в щель между досками.

Женщины закончили завтрак и встали. Труди и Мэгги были как раз подо мной.

— Все было очень вкусно, правда, Мэгги? — спросила ее Труди.— И кофе тоже.

— Просто замечательно, Труди, но мне пора идти, я уже и без того задержалась. Я должна еще купить кое-что. Что это? — Мэгги подняла голову.

Послышались тихие и мягкие звуки двух аккордеонов. Я не видел игравших, звуки доносились как будто из-за копны сена, которую только что закончили укладывать женщины.

Труди вскочила на ноги и восторженно захлопала в ладоши. Она потащила за собой Мэгги, и той тоже пришлось встать.

— Танец сена! — закричала Труди, как ребенок, который получил подарок ко дню рождения.— Они будут танцевать танец сена! Ты им понравилась, Мэгги! Они танцуют для тебя, ты стала их подругой.

Женщины, все средних лет и старше, начали делать какие-то тяжеловесные, но точные движения. Они положили вилы на плечи, как карабины, выстроились в шеренгу и, притопывая, переступали то вправо, то влево, при этом их перевязанные ленточками косички дергались. Музыка становилась все громче, женщины важно выполнили пируэт и снова принялись переступать то в одну, то в другую сторону. Прямая шеренга при этом постепенно превращалась в дугу.

— Я никогда не видела такого танца,— с голосе Мэгги было удивление. Я тоже никогда не видел такого танца и с ужасающей уверенностью понял, что никогда больше не захочу такого видеть, хотя в ту минуту все указывало на то, что мне такая возможность никогда больше и не представится.

Слова Труди звучали как зловещее эхо моих мыслей, но их значение не дошло до Мэгги.

— И ты никогда больше не увидишь такого танца, Мэгги,— сказала она.— Они тебя приглашают, Мэгги!

— Приглашают меня?

— Да, ты им понравилась. Иногда они приглашают меня, а вот сегодня — тебя.

— Но мне уже надо идти.

— Ну пожалуйста, Мэгги, это недолго. Тебе ничего не надо делать, просто встань перед ними. Пожалуйста, Мэгги, они обидятся, если ты откажешься.

— Ну, хорошо,— Мэгги рассмеялась.

Вскоре смущенная Мэгги уже стояла в самом центре полукруга, а женщины с вилами то приближались к ней, то отступали. Постепенно строй танца и темп его изменились, он стал быстрее, а круг, образованный женщинами, замкнулся. Этот круг попеременно сжимался и разжимался, женщины почтительно кланялись, когда приближались к Мэгги, а отступая назад, они откидывали голову назад и встряхивали косичками.

Тут я увидел Гудбоди, который с милой улыбкой на лице смотрел на танец. Он встал рядом с Труди и положил ей руку на плечо, она посмотрела на пастора и восхищенно улыбнулась.

Я почувствовал, что мне вот-вот будет плохо. Я хотел отвернуться, но так я бросил бы Мэгги, а я не мог ее бросить, хотя — Бог свидетель — уже ничем не мог ей помочь. На ее лице было выражение смущения и удивления, смешанного с беспокойством. Она послала Труди неуверенный взгляд, та в ответ улыбнулась и весело помахала рукой.

Вдруг музыка аккордеона сменилась. Прежде это была мягкая и напевная танцевальная мелодия, хотя и напоминала она военный марш, теперь же в ней прибавилось силы. Это был уже не марш, а что-то более примитивное и резкое. Женщины снова начали сходиться в круг. Со своей высоты я хорошо видел Мэгги: лицо ее выражало страх, а широко раскрытые глаза пытались

найти взглядом Труди. Но в Труди не было спасения: она уже не улыбалась. Скрестив руки на груди, она медленно и отвратительно облизывалась. Я оглянулся на Марселя, который делал то же самое, не забывая, впрочем, направлять на меня свой пистолет и наблюдать за мной так же внимательно, как за представлением внизу. Я ничего не мог сделать.

Женщины, притопывая, сходились. Их лица уже не были невыразительными, они стали безжалостными и неумолимыми. Страх в глазах Мэгги сменился ужасом, а музыка звучала все громче. С военной точностью лежавшие на плечах женщин вилы с размаху опустились прямо на Мэгги. Она закричала, но ее почти не было слышно в безумном крещендо аккордеонов. Потом она упала, и я видел лишь плечи женщин. Вилы высоко поднимались и конвульсивно опускались на неподвижное тело. Я уже не мог на это смотреть, отвернулся и увидел Труди, которая сжимала и разжимала кулаки. В ее лице было что-то звериное. Стоявший рядом Гудбоди улыбался, как всегда, мягко и добродушно, что никак не вязалось с его жадным взглядом. В его больных и злобных мыслях давно уже не осталось ничего человеческого.

Я заставил себя смотреть. Музыка понемногу стихала, утрачивая свой дикий первобытный характер. Женщины перестали колоть. Вот одна из них отошла в сторону и подняла вилами клочок сена. На какое-то мгновение я увидел тело в белой блузке, которая перестала быть белой, потом ее закрыло сено. За первым пучком последовали другие, и пока два аккордеона мягко и приглушенно говорили о старой Вене, женщины складывали на Мэгги копну сена. Преподобный Гудбоди ушел в город, держа за руку Труди, которая снова улыбалась и весело болтала.

Марсель оторвался от щели в стене и вздохнул:

— Доктор Гудбоди неплохо организует такие вещи, не правда ли? Это впечатление, выбор времени и места, эта атмосфера... Превосходно сделано... просто превосходно.

Тщательно модулированный голос с оксфордским акцентом, исходящий из этой змеиной головы, был не менее отталкивающим, чем слова, которые он произносил; как и все остальные, этот человек был абсолютно ненормальным.

Он осторожно подошел ко мне сзади, развязал платок и достал грязную тряпку, которой затыкали мой рот. Вряд ли он руководствовался гуманными соображениями. Я не ошибся.

— Хочу слышать, как ты будешь кричать,— небрежно процедил он.— Вряд ли женщины на дворе будут обращать внимание.

Я тоже в этом был уверен.

— Удивляюсь, что Гудбоди отказался от такого зрелища,— заметил я. Мой голос показался мне чужим: он был хриплым и глухим, а слова я выговаривал с таким трудом, как будто у меня была повреждена гортань. Марсель осклабился.

— Доктора Гудбоди ждут дела в Амстердаме. Важные дела.

— И, кроме того, надо кое-что увезти отсюда в Амстердам?

— Безусловно,— он опять ухмыльнулся.— Мой милый майор, если такой человек, как вы, оказывается в таком, как вы, положении и должен умереть, принято, что кто-то вроде меня должен объяснить бедняге, какие тот совершил ошибки. Но помимо того, что этот список такой длинный, что мне просто наскучило бы его читать, у меня нет на это времени. Так что, пожалуй, будем с этим кончать, не так ли?

— С чем кончать? — Меня это как будто ничуть не трогало, для меня все уже потеряло всякую важность.

— Разумеется, с поручением господина Даррелла.

Мою голову пронзила резкая боль, когда Марсель ударил меня по лицу дулом пистолета. Мне показалось, что он сломал мне челюсть, но я не был в этом уверен, в то же время я нащупал языком по крайней мере два выбитых зуба.

— Господин Даррелл,— с удовольствием продолжал Марсель,— просил передать, что он не любит, когда его бьют пистолетом.

На этот раз он ударил по правой стороне лица, и хотя я знал, что это произойдет, и откинул голову назад, увернуться я не сумел. Этот удар был менее болезненным, но на какое-то мгновение перед моими глазами что-то ослепительно вспыхнуло, и я некоторое время ничего не мог видеть. У меня горело лицо, а голова раскалывалась от боли, но мысли были на удивление ясными. Еще немного такого систематического избие-

ния — и даже пластический хирург с сожалением покачает головой, увидев мое лицо. Гораздо важнее было то, что если Марсель будет продолжать в том же духе, то я потеряю сознание, может быть, на несколько часов. У меня оставался последний шанс: надо было сделать так, чтобы избиение перестало быть систематическим.

Я выплюнул зуб и выругался:

— Педик проклятый!

Это его почему-то разозлило. Пленка цивилизованности, которая и раньше-то была не толще луковой шелухи, даже не сошла, а просто исчезла в одно мгновение, оставив передо мной бесноватого дикаря, который набросился на меня с необъяснимой и безграничной яростью психически ненормального, каковым он, вне всякого сомнения, и был. Удары посыпались на меня градом со всех сторон: на плечи и на голову, пистолетом и кулаком, а когда я попытался заслониться руками, он перенес свою безумную атаку на мое тело. Я застонал, едва не вывернув глаза из орбит, ноги мои превратились в студень, и я бы упал на пол, если бы мог. Я беспомощно повис на вытянутых руках, связанных веревкой.

Через несколько заполненных агонией секунд до Марселя дошло, что он зря теряет время: какой смысл причинять мучения тому, кто их не чувствует. Из его гортани раздался странный звук, скорее всего, он означал разочарование. Затем Марсель перестал меня бить и тяжело задышал. Я не представлял, что он задумал, поскольку не мог открыть глаз.

Я услышал его удаляющиеся шаги и рискнул взглянуть на него краем глаза. Вспышка ярости миновала. Марсель, который был прагматиком в такой же степени, как и садистом, поднял мою куртку и принялся рыться в карманах. Это ни к чему не привело, потому что если носить куртку переброшенной через плечо, все, что было во внутренних карманах, обязательно выпадет. Потому-то я предусмотрительно убрал бумажник с паспортом, водительским удостоверением и деньгами в задний карман брюк. Очевидно, Марсель пришел к тому же выводу, поскольку я вскоре услышал его шаги и почувствовал, как из заднего кармана вытаскивают бумажник.

Теперь он стоял рядом со мной. Я ничего не видел, но чувствовал это. Я застонал и беспомощно повис на веревке, мои ноги были отброшены назад, я упирался

носками башмаков в пол. Затем я немного приоткрыл глаза.

Ноги Марселя были не более чем в ярде от меня. Я глянул наверх. Марсель с приятным удивлением и очень сосредоточенно перекладывал в собственные карманы немалую сумму из моего бумажника, который он держал в левой руке. На согнутом среднем пальце той же руки висел, зацепившись как за скобу, револьвер. Марсель был так увлечен, что не заметил, как я перехватываюсь, чтобы взяться за веревки как можно выше.

Я согнулся, как перочинный нож, и рывком бросил тело вперед и вверх со всей ненавистью, яростью и болью, которые во мне были. Не думаю, что Марсель успел заметить мои ноги, которые ударили его как таран. Он не издал ни единого звука, а лишь сложился вдвое, как недавно я, упал на меня и медленно сполз на пол. Он лежал и мотал головой из стороны в сторону (не знаю уж, что это было: условный или безусловный рефлекс человека, сраженного болью). Но рисковать я не собирался. Поэтому я выпрямился, отошел так далеко, как только мог, и снова бросился на него.

Пистолет по-прежнему был зацеплен за средний палец его левой руки, я высвободил его носком башмака. Затем я попытался схватить пистолет ногами, но из-за малого трения никак не мог этого сделать. Тогда я разулся, упираясь пятками в пол, а потом таким же образом снял носки, хотя на это потребовалось гораздо больше времени. При этом я содрал кожу и посадил немало заноз, но никакой боли не ощутил: по сравнению с болью в голове все прочее почти не существовало. Босыми ногами я без труда подхватил пистолет. Придерживая его ногами, я собрал обе веревки в одну и, подтянувшись наверх, достал балку. Это дало мне четыре фута свободной веревки. Мне этого хватило с лихвой. Повиснув на левой руке, я опустил правую вниз, одновременно подгибая ноги. И вот пистолет уже был в моей руке.

Я встал на пол, натянул веревку, привязанную к моему левому запястью, и приложил к ней дуло пистолета. Первым же выстрелом ее срезало как ножом. Я распутал все узлы, разорвал белоснежную сорочку Марселя, вытер окровавленное лицо и рот, забрал свой бумажник и деньги и вышел. Я не знал, дышит ли еще Марсель. Мне он показался мертвым. Но не настолько это меня интересовало, чтобы проверять.

Вскоре после полудня я добрался до Амстердама. Солнце, которое видело смерть Мэгги, скрылось; это было символично. Со стороны Зэйдер Зе ползли тяжелые и темные тучи. Я мог бы попасть в Амстердам часом раньше, если бы не доктор в амбулатории пригородной больницы, в которую я заехал, чтобы сделать что-нибудь с моим лицом. Он засыпал меня градом вопросов и был явно недоволен, когда я настоял на том, что пока обойдусь одним пластырем,— разумеется, в больших количествах,— а швы и рулоны бинтов могут подождать. Надо полагать, что со всем этим пластырем, изрядным количеством синяков и наполовину заплывшим левым глазом я походил на единственного пассажира, уцелевшего после железнодорожной катастрофы. Но вид мой был не настолько ужасен, чтобы маленькие детишки, увидев меня, со страхом и плачем бежали к мамочкам.

Я оставил машину неподалеку от гаража, где сдавали внаем машины, и сумел убедить его хозяина, что можно дать мне черный опель. Я не заметил на его лице особой радости по этому поводу, ибо при одном взгляде на мое лицо возникали определенные сомнения относительно моего водительского опыта, однако он в конце концов согласился.

Закапали первые капли дождя. Я подъехал к своей машине, забрал там сумочку Астрид, а также на всякий случай пару наручников и двинулся дальше.

Я поставил опель в боковой улочке, которая уже стала мне почти родной, и пешком пошел в сторону канала. Дойдя до угла, я осторожно высунул голову за него, но тотчас убрал. Когда я высунул ее снова, из-за угла был виден лишь один мой глаз.

Перед церковью Общества американских гугенотов стоял черный мерседес. Его вместительный багажник был открыт, и двое мужчин как раз ставили туда какой-то тяжелый ящик. Еще несколько таких же ящиков уже стояли в багажнике. В одном из мужчин я без труда узнал преподобного Гудбоди, а в другом, худом мужчине среднего роста, в темном костюме, с темными волосами и смуглой кожей, я узнал человека, который убил Джимми Дюкло в аэропорту Схипхол. На какое-то время я забыл о горящем лице. Не скажу, что я обрадовался, узнав того человека, но ничуть и не огорчился: я часто вспоминал о нем. Я почувствовал, что круг замыкается.

Они вышли из церкви, сгибаясь под тяжестью еще одного ящика, поставили его в багажник и закрыли. Я вернулся к машине и доехал до канала. Мерседес с Гудбоди и смуглолицым был уже в сотне ярдов впереди меня. Я поехал за ними, сохраняя дистанцию.

Дождь усилился. Черный мерседес ехал по городу, направляясь на юго-запад. Хотя был день, небо так затянули грозовые тучи, что казалось, будто наступили сумерки, до которых на самом деле оставалось еще несколько часов. Это меня ничуть не огорчало, напротив, облегчало слежку: в Голландии правилами требуется включать фары во время сильного ливня, при этом любая машина кажется темной бесформенной массой.

Мы выехали за город. Наша поездка ничем не напоминала увлекательную погоню. Гудбоди хотя и вел мощную машину, ехал с умеренной скоростью. Это, в общем-то, было вполне объяснимо, если знать о грузе в его багажнике. Я внимательно следил за дорожными знаками и вскоре уже знал, куда мы едем. Впрочем, я догадывался об этом с самого начала.

Я решил, что удобнее будет, если я прибуду к нашему общему месту назначения раньше Гудбоди и смуглолицего, поэтому я прибавил скорость и сократил дистанцию между мной и мерседесом до двадцати ярдов. Я не опасался, что Гудбоди опознает меня в зеркале своей машины. В густых клубах водяной пыли он не увидел бы ничего, кроме двух расплывчатых фар. Как только мы выехали на прямой участок дороги, я прибавил скорость и обогнал мерседес. Наши машины поравнялись, Гудбоди равнодушно посмотрел в мою сторону и так же равнодушно отвернулся. Я увидел светлое пятно его лица; дождь и брызги, летевшие из-под колес, были такими плотными, что он не мог меня узнать. Я рванул вперед, а затем, не снижая скорости, вернулся на правую сторону шоссе.

Через три километра я увидел правый поворот с надписью: «Кастел Линден 1 км». Я повернул на эту дорогу и через минуту проехал под весьма впечатляющей каменной аркой с надписью: «Кастел Линден», выполненной золотыми буквами. Проехав еще ярдов десять, я свернул с дороги в кусты и заглушил двигатель.

Мне снова предстояло насквозь промокнуть, но у меня не было никакого выбора. Я вышел из машины и перебежал через пустырь к полосе сосновых посадок, слу-

живших, очевидно, для защиты от ветра. Осторожно пробравшись между деревьями, я увидел замок Кастел Линден. Не обращая внимания на дождь, который барабанил по моей незащищенной спине, я лег в высокой траве и принялся наблюдать.

Асфальтовая дорожка вела направо, к арке. За ней возвышался сам Кастел Линден — четырехэтажная каменная постройка квадратной формы, на первых двух этажах которой были окна, а выше — бойницы. Венчали постройку зубчатые стены с башенкой по лучшему средневековому образцу. Со всех сторон замок был окружен рвом шириной в пятнадцать футов и, если верить путеводителю, такой же глубины. Недоставало лишь подъемного моста, хотя блоки от его цепей сохранились. К закрытым массивным воротам (на вид дубовым) вели два десятка широких и низких каменных ступеней. Ярдах в тридцати левее замка стояло четырехугольное одноэтажное кирпичное здание, построенное, судя по всему, совсем недавно.

В арке показался черный мерседес. Он с хрустом проехал по гравию и остановился перед четырехугольным зданием. Гудбоди остался в машине, а смуглолицый вышел и обошел замок: Гудбоди никогда не производил впечатление человека, который любит рисковать. Наконец вышел и он; оба мужчины внесли содержимое багажника в дом. Двери, конечно, были закрыты, но у Гудбоди был подходящий ключ. Наконец они занесли последний ящик и закрыли за собой дверь.

Я осторожно поднялся и, укрываясь за кустами, подобрался к самой стене. Так же осторожно я подошел к мерседесу и заглянул в него, но не нашел там ничего, достойного внимания (во всяком случае того, чего я ожидал). С еще большей осторожностью я подошел на цыпочках к окну дома и заглянул в него.

Я увидел что-то промежуточное между мастерской, складом и выставочным залом. На всех стенах висели маятниковые часы всевозможных форм, размеров и видов. Множество часов и их деталей лежало на четырех верстаках: их там собирали, а может быть, ремонтировали. В глубине комнаты стояло несколько деревянных ящиков, похожих на те, что привезли Гудбоди и смуглолицый. Ящики были выстланы соломой. На полках над ними стояли различные часы, возле каждых лежал маятник, цепочка и гирьки.

Гудбоди и смуглолицый что-то делали на этих полках. Они доставали гирьки из открытого ящика. Гудбоди прервал работу, достал какую-то бумагу и принялся ее изучать, потом показал ее смуглолицему и что-то сказал. Тот кивнул и вернулся к своему занятию. Гудбоди, по-прежнему разглядывая бумагу, вышел через боковую дверь и исчез из поля моего зрения. Смуглолицый посмотрел в другую бумагу и принялся раскладывать гирьки одну возле другой.

Меня уже начало интересовать, куда подевался Гудбоди, когда за моей спиной раздался голос:

— Я рад, что вы не обманули моих ожиданий, майор.

Я медленно обернулся. Как и можно было предполагать, он улыбался своей святой улыбкой и держал в руке пистолет.

— Людей, которых нельзя уничтожить, разумеется, не существует,— он просиял.— Но, надо признать, вы обладаете каким-то особым даром сопротивления. Вряд ли можно недооценивать полицейских, но в случае с вами я был несколько легкомыслен. Дважды за сегодняшний день я считал, что избавился от вашего общества, которое, надо сказать, изрядно мне поднадоело. Третий раз, я надеюсь, будет более успешным. Вам следовало все же убить Марселя.

— А я его не убил?

— Ну-ну, надо уметь скрывать свое разочарование. Марсель пришел в себя. Ненадолго, но этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание почтенных работниц. Боюсь, что у него проломлен череп и кровоизлияние в мозг. Бедняга может и не выжить,— он задумчиво посмотрел на меня.— Но, я вижу, он неплохо себя показал.

— Смертельная схватка,— признал я.— Стоять под дождем обязательно?

— Нет, конечно.

Он проводил меня в дом. Смуглолицый посмотрел на меня без особого удивления. Интересно, как давно они получили предупреждение из Гюйлера.

— Жак, это мистер Шерман,— представил меня Гудбоди.— Кажется, он из Интерпола или что-то вроде этого.

— Мы уже встречались,— Жак осклабился.

— Ну, конечно, как я мог забыть! — Гудбоди направил на меня пистолет, а Жак отобрал мой.

— У него только один,— сказал он и ударил меня по

лицу дулом, содрав при этом пластырь.— Что, больно? — Он снова оскалился.

— Спокойнее, Жак, спокойнее,— одернул его Гудбоди.— Добрый малый. Будь он людоедом, то прежде чем кого-нибудь зажарить, он стукнул бы его по голове.— Не спускай с него глаз, ясно? — Он спрятал свой пистолет в карман.— Честно говоря, мне никогда не нравилось это оружие. Примитивное и громкое, лишенное какой бы то ни было деликатности...

— Как, например, при повешении на крюке? Или закалывании вилами?

— Ну-ну, не надо нервничать,— он вздохнул.— Даже лучшие из вас так неуклюжи, что бросаются в глаза. Честно говоря, от вас я ожидал большего. Вы совершенно не оправдываете свою репутацию. Вы часто совершаете ошибки. Вы беспокоите людей, самонадеянно полагая, что провоцируете их. Вы показываетесь во всех неподходящих местах, дважды заходите в квартиру Астрид Лемай, не предприняв никаких мер предосторожности. Вы находите в чужих карманах бумаги, положенные туда специально для вас. Кроме того,— с укоризной добавил он,— совершенно ни к чему было убивать коридорного. Среди бела дня вы разгуливаете по Гюйлеру, где все — мои люди. Позавчера вы даже оставили в моей церкви свою визитную карточку — кровь, хотя я отнюдь не собираюсь вас в этом упрекать: Анри уже давно стал мне в тягость. Я просто не знал, как от него избавиться, а вы так хорошо разрешили эту задачу. Ну, хорошо, а что вы думаете о нашей уникальной коллекции? Все это копии на продажу...

— Боже мой! — воскликнул я.— Неудивительно, что церкви пустеют.

— Да, такие минуты просто нельзя не смаковать. Посмотрите, к примеру, на эти гирьки. Мы измеряем их, взвешиваем и в нужный момент заменяем другими, которые мы привезли сегодня. Только наши гирьки немного другие, в них есть кое-что. Потом их укладывают в ящики, они проходят таможенный досмотр, опечатываются и с официального разрешения властей высылаются некоторым... друзьям за границей. Я всегда считал эту свою идею одной из лучших.

Жак почтительно кашлянул.

— Вы говорили, что спешите.

— Жак, ты как был, так и остался прагматиком.

Но ты, разумеется, прав. Сначала займемся нашим асом детективом, а потом за работу. Проверь, все ли чисто.

Гудбоди снова с неудовольствием достал пистолет, а Жак вышел. Он быстро вернулся, кивнул и указал мне знаком выйти. Они провели меня по гравийной дорожке к лестнице и массивной двери. Гудбоди достал внушительный ключ, открыл дверь, и мы вошли. Потом мы поднялись по лестнице, прошли по длинному коридору и вошли в какую-то комнату.

Это была огромная комната, буквально завешанная сотнями часов. Я никогда не видел столько часов, а тем более такой богатой коллекции. Все часы были очень старыми, маятниковыми, некоторые из них очень большими. Шли лишь немногие, но тиканье их все равно было невыносимым. Я бы не смог проработать в этой комнате и десяти минут.

— Одна из лучших коллекций в мире,— сказал Гудбоди с такой гордостью, как будто был ее хозяином.— Если не самая лучшая. Вы сами увидите, а точнее — услышите, что все они идут.

Я слышал его слова, но они не доходили до моего сознания. Я смотрел на пол: там лежал человек, длинные черные волосы которого падали на шею и худые лопатки, выпирающие из-под протертой куртки. Рядом лежали куски одножильного электрического кабеля, а возле головы — наушники с резиновыми прокладками.

Не нужно было врача, чтобы определить, что Джордж Лемай был мертв.

— Несчастный случай,— с сожалением констатировал Гудбоди.— Мы не хотели этого. Организм бедняги был слишком слаб после многолетнего порочного занятия.

— Вы его убили,— сказал я.

— Формально — да.

— Зачем?

— Его глупая сестра, много лет напрасно верившая в то, что мы можем доказать, что ее брат убийца, в конце концов уговорила его пойти в полицию. Нам пришлось временно убрать ее из Амстердама, разумеется, так, чтобы не насторожить вас. Мой милый майор, часть вины за смерть этого бедняги вам придется взять на себя. И его сестры тоже, как и вашей милой помощницы. Кажется, ее звали Мэгги? — Он отпрянул, направив в мою сторону пистолет.— Не надо на меня бросаться. Похоже, что вам не слишком нравится наша

игра. Вероятно, она не понравилась и Мэгги. Скорее всего, она не понравится и другой вашей знакомой — Белинде, которой предстоит умереть сегодня вечером. Я вижу, вас это задело. Вы бы с удовольствием меня убили, майор.

Он по-прежнему улыбался, но его мутные и неподвижные глаза были глазами безумца.

— Мы передали ей маленькую записку,— Гудбоди был доволен собой.— Если не ошибаюсь, пароль «Бирмингем». Она должна будет встретиться с вами на складе наших знакомых Моргенштерна и Муггенталера, которые отныне и навсегда будут очищены от подозрений. Кто, как не сумасшедший, может совершить два таких ужасных убийства в своей фирме? Логично, не правда ли? Еще одна кукла на цепи. Подобная тысячам других во всем мире. Насаженная на крюк и танцующая под нашу дудку.

— Вы, разумеется, знаете, что вы сумасшедший? — спросил я.

— Свяжи его,— бросил он Жаку. Правда задела его, и вежливость сползла с него, как пелена.

Жак связал мне толстым кабелем руки в запястьях и ноги в щиколотках, толкнул к стене и другим куском кабеля примотал мои руки к кольцу, которое было вмуровано в стену.

— Пускай часы,— приказал Гудбоди. Жак послушно обошел комнату, толкая маятники. При этом он не утруждал себя маленькими часами.

— Все они идут и все бьют, некоторые очень громко,— с удовольствием отметил Гудбоди. К нему снова вернулось самообладание, он был вежлив и добродушен.

— Эти наушники усиливают звук примерно в десять раз. До усилителя и микрофона, как видите, вам не добраться. Наушники вам не сломать. Через пятнадцать минут наступит помутнение, а через полчаса вы потеряете сознание. Шок будет длиться от восьми до десяти часов, и если бы вы после него очнулись, вы все равно были бы в невменяемом состоянии. Но вы не очнетесь. Здесь уже стало очень шумно, не так ли?

— Вот так и умер Джордж,— сказал я.— А вы будете за этим наблюдать. Через окно в двери, разумеется. Там, где не будет шума.

— К сожалению, не все время. У нас с Жаком есть кое-какие дела. Но мы постараемся вернуться к самому интересному моменту, не правда ли, Жак?

— Разумеется,— ответил Жак, продолжая заводить часы.

— Если я исчезну...

— Вы не исчезнете. Мне так хотелось, чтобы вы исчезли вчера, в порту. Но это было бы слишком примитивно и лишено печати профессионализма. Мне пришла в голову удачная мысль, не правда ли, Жак?

— Да, сэр,— Жаку приходилось кричать, чтобы его расслышали.

— Дело в том, что вы вовсе не исчезнете, милый Шерман. Напротив! Вас найдут всего через несколько минут после того, как вы утонете.

— Утону?

— Именно. Конечно же, полиция заподозрит преступление. Они сделают вскрытие. И сразу же обратят внимание на следы многочисленных инъекций (я разработал методику, благодаря которой уколы двухчасовой давности выглядят так, словно их сделали два месяца назад). Кроме того, вскрытие обнаружит, что вы нафаршированы наркотиками. Вот так. Когда вы будете лежать без сознания, часа за два до того, как вы утонете, мы напичкаем вас наркотиками. Потом спустим в канал вместе с машиной и позвоним в полицию. Конечно же, они не поверят. Этого не может быть! Шерман?! Неустрашимая интерполовская ищейка! Тогда они посмотрят ваш багаж: шприцы, иглы, героин, следы гашиша. Печально, очень печально. Кто бы мог подумать! Еще одна гончая бежит вместе с зайцами.

— В одном вам не откажешь,— признал я.— Вы, конечно, безумец, но изощренный.

Он улыбнулся. Это означало, что, несмотря на шум, он меня услышал. Он надел мне наушники, прикрепил их к голове целыми ярдами клейкой ленты. На какое-то время в комнате стало почти тихо — наушники действовали как изоляторы. Гудбоди подошел к усилителю, улыбнулся и включил его.

Меня словно током ударило. Мое тело изгибалось и конвульсивно дергалось. Я знал, что та часть моего лица, которая выставлялась из-под пластыря, была искажена невыразимой мукой. Я и в самом деле испытывал муку вдесятеро большую, чем во время последнего свидания с Марселем. Мою голову заполнила ужасная какофония. Будто раскаленные иглы пронзали мой череп и разрывали мозг на части. Я удивлялся, что это еще

выносят барабанные перепонки. Я не раз слышал, что один достаточно резкий звук может сделать человека глухим до конца жизни. Со мной этого не случилось, как, очевидно, и с Джорджем. В своем полубезумии я туманно припоминал, что Гудбоди приписал смерть Джорджа его физическому истощению.

Я метался из стороны в сторону, по-звериному инстинктивно реагируя на боль, но не мог отодвинуться далеко, потому что Жак привязал меня к кольцу довольно коротким проводом и я мог перемещаться в любую сторону лишь на несколько футов. В какой-то момент я сумел сфокусировать зрение достаточно для того, чтобы разглядеть Жака и Гудбоди: они с интересом наблюдали за мной через окно в двери. Через несколько секунд Жак поднял левую руку и постучал пальцем по часам. Гудбоди с сожалением покачал головой, и они быстро ушли. Погружаясь в океан боли, я еще успел подумать, что они спешат расправиться с делами, чтобы поспеть к финалу представления.

Гудбоди сказал, что я потеряю сознание через пятнадцать минут. Я ему не верил: такую пытку нельзя было вынести более нескольких минут и не сломаться при этом духовно и физически. Я дергался во все стороны, пытаясь разбить наушники или сорвать их с головы, но Гудбоди был прав: наушники не ломались, а лента была наложена так добротно, что я только растревожил раны на лице, пытаясь содрать ее.

Маятники качались, часы тикали, а куранты почти непрерывно отбивали время. И не было никакой, хотя бы секундной передышки от этой убийственной атаки на нервную систему, следствием которой были неконтролируемые эпилептические конвульсии. Это был один непрекращающийся электрический удар почти смертельного напряжения. Теперь я без труда мог поверить рассказам о пациентах электротерапии, которые заканчивали процедуру на операционном столе. Там им накладывали гипс на руки или на ноги, сломанные вследствие независимых от воли мышечных сокращений.

Я чувствовал, что теряю сознание, и даже обрадовался этому. Беспамятство; все, что угодно,— за беспамятство! Полный провал. За что бы я ни взялся, кругом одна смерть. Дюкло погиб, Астрид и ее брат Джордж тоже погибли. Мэгги погибла. Осталась одна Белинда, и она должна была умереть в тот же вечер.

И тогда я понял, что не могу позволить Белинде умереть. Это меня и спасло. Я знал, что не могу допустить, чтобы она погибла. Гордость уже ничего не значила, как и то, что я проиграл, а Гудбоди и его ублюдки победили. Они могли завалить своими вонючими наркотиками хоть весь мир, но я не мог допустить, чтобы погибла Белинда.

Я кое-как оперся на руки и сел, прислонившись спиной к стене. Я дергался всем телом (не дрожал, как в лихорадке, а именно дергался), как будто меня привязали к огромному пневмомолоту. Я уже не мог сфокусировать зрение больше чем на несколько секунд, но все же сумел оглядеться отчаянно и полусознательно в поисках того, что хоть как-то могло мне помочь. Я не нашел ничего. Шум в наушниках усилился до убийственного: наверное, били какие-нибудь часы рядом с микрофоном. Я перевернулся на бок, как после нокаута. Моя голова ударилась о какой-то выступ на плинтусе.

Я уже не мог видеть четко, но еще различал туманные контуры предметов, находившихся не далее чем в нескольких дюймах, а этот предмет находился не более чем в трех. Мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять, что же представляет из себя этот предмет. Я снова сел, когда это произошло. Ведь это была настенная розетка.

Руки мои были связаны сзади, и мне потребовалось неимоверно много времени на то, чтобы нащупать свободные концы провода, которым были связаны мои руки. Я пощупал их кончиками пальцев: оба провода были оголены на концах. Я судорожно пытался воткнуть их в розетку (мне и в голову не пришло, что она могла быть закрыта пробкой, хотя в таком старом доме это было маловероятно), однако мои руки так дрожали, что я никак не мог попасть. Я чувствовал, что вот-вот потеряю сознание, нащупал розетку, но все равно не мог попасть проводами в отверстие. Я уже не мог ничего видеть, пальцы почти совершенно потеряли чувствительность, боль становилась невыносимой, я беззвучно кричал. Вдруг я увидел бело-голубую вспышку и свалился набок.

Позднее я не мог сказать, сколько я пролежал без сознания, но это должно было продолжаться по крайней мере несколько минут. Первым, что я почувствовал, когда очнулся, была невероятная, чудесная тишина. Хотя она и не была абсолютной. Я, как и прежде, слышал звон

часов, но он был приглушен, потому что я сжег предохранитель, и наушники снова действовали как изоляторы. Я принял полусидячее положение. По моему подбородку стекала кровь. (Позднее я обнаружил, что прогрыз насквозь нижнюю губу.) Лицо заливал пот, а тело болело так, как будто меня отлупили дубиной. Но все это не имело никакого значения. До моего сознания доходила лишь невыразимо благословенная тишина. Эти ребята из Общества борьбы с шумом знают, за что борются.

Я оправился после этой дьявольской пытки быстрее, чем предполагал, хотя боль в голове и ушах, ломота во всем теле сохранились надолго. Однако последствия пытки проходили не так уж быстро. Мне потребовалась целая минута, чтобы понять, что если бы Жак и Гудбоди заглянули в комнату в этот самый момент и увидели мое идиотское от счастья лицо, то они не стали бы ограничиваться полумерами. Я взглянул в окно, но не увидел за ним удивленных лиц.

Я поспешно вытянулся на полу и принялся дергаться. Упредил я их всего на несколько секунд, потому что при третьем или четвертом броске в сторону двери я увидел за стеклом Гудбоди и Жака. Теперь я дергался еще более резко, изгибался в дугу и при этом испытывал почти такие же муки, как и прежде. При каждом броске я обращал к окну перекошенную физиономию, безумные вытаращенные или мучительно закрытые глаза и надеялся, что в сочетании с блестящим от пота лицом, перепачканным кровью, это представляет достаточно убедительное зрелище. И Жак, и Гудбоди широко улыбались, хотя улыбка Жака не шла ни в какое сравнение с добродушной святостью Гудбоди.

Я еще раз эффектно подпрыгнул, всем телом отрываясь от пола, а поскольку, падая, я едва не вывихнул плечо, то решил, что этого будет достаточно. Сомневаюсь, чтобы Гудбоди знал, сколько это может продолжаться, поэтому телодвижения мои начали ослабевать и, наконец, после очередного рывка я замер.

Гудбоди и Жак вошли в комнату. Гудбоди подошел к усилителю, выключил его, улыбнулся и включил снова, вспомнив, видимо, что намеревался лишить меня не только сознания, но и рассудка. Однако ему что-то сказал Жак. Гудбоди кивнул и неохотно выключил усилитель. Видимо, Жак привлек внимание пастора к тому, что я могу умереть прежде, чем меня напичкают наркотиками. Сам

он принялся останавливать маятники самых больших часов. Потом они подошли ко мне. Жак на всякий случай пнул меня под ребра, но я слишком много испытал в тот день, чтобы на это реагировать.

— Ну-ну, мой дорогой,— услышал я едва различимый укоризненный голос Гудбоди.— Я разделяю твои чувства, но нельзя оставлять никаких следов, никаких. Это может не понравиться полиции.

— Взгляните на его лицо,— запротестовал Жак.

— Действительно,— согласился Гудбоди.— Но руки ему развяжи. Лучше будет, если на них не будет следов, когда его выловят из канала. Наушники сними и спрячь.

Жак выполнил его указания за десять секунд. Мне показалось, что вместе с наушниками он содрал с меня кожу. Не слишком-то бережно он обращался с липкой лентой.

— А этого убери,— Гудбоди кивнул на Джорджа.— Ты знаешь как. Я пришлю тебе Майера. Он поможет вынести Шермана.

Воцарилась небольшая пауза. Я знал, что Гудбоди смотрит на меня. В конце концов он вздохнул:

— Ах ты, мой Боже. Жизнь — всего лишь блуждающая тень.

Гудбоди вышел, напевая при этом молитву «Пребудь со мной, Господи». Более одухотворенного ее исполнения мне никогда не приходилось слышать. Ей-Богу, преподобный Гудбоди умел чувствовать ситуацию.

Жак подошел к ящику в углу комнаты, достал из него несколько часовых гирек и принялся протягивать через их проушины изолированный провод, которым он затем обвязал Джорджа в поясе, не давая повода усомниться в своих намерениях. Затем Жак вытащил покойника в коридор, и я услышал скрип его башмаков, когда Жак поволок его в переднюю часть замка. Я встал, размял руки и пошел за ними.

Подходя к двери, я услышал шум отъезжающего мерседеса и осторожно выглянул из-за косяка. Жак стоял у открытого окна и махал рукой уезжающему пастору, у его ног лежал труп Джорджа.

Жак обернулся, чтобы оказать Джорджу последнюю услугу. Вместо этого он как будто врос в пол. Нас разделяло всего пять футов. Он судорожно потянулся к пистолету под мышкой, но опоздал. Наверное, первый и последний раз в жизни. Его секундное замешатель-

ство стало для него роковым. Я двинул ему под ребра, а когда он согнулся, выхватил оружие из его обессилевшей руки и ударил им Жака по голове. Уже будучи без сознания, Жак сделал еще шаг назад, наткнулся на подоконник и необычайно медленно начал падать вниз, за окно. Я смотрел, как он вылетает из окна, и, лишь услышав всплеск, подошел к окну и выглянул. По мутной воде во рву расходились круги и ударялись о стены замка, а из глубины на поверхность поднимались пузырьки воздуха. Я взглянул налево и увидел выезжающий за стены замка мерседес Гудбоди. К этому времени он, должно быть, уже добрался до четвертого стиха «Пребудь со мной, Господи».

Я спустился вниз, оставив за собой двери открытыми. Возле рва я ненадолго остановился. Пузырьки воздуха становились все реже, пока не прекратились вовсе.

ГЛАВА XIII

Сидя в машине, я смотрел на пистолет, который отобрал у Жака, и думал о том, что его у меня мог отобрать кто угодно и когда угодно. Это была очень отрезвляющая мысль. За ней следовал неизбежный вывод о том, что мне необходим другой пистолет. Поэтому я достал из-под сидения сумочку Астрид и нашел в ней тот, который подарил девушке. Задрав левую штанину, я засунул револьвер в носок дулом вниз, поправил его и опустил штанину. Я совсем было собрался закрыть сумочку, когда заметил две пары наручников. Я поколебался, зная по опыту, что если возьму их с собой, то они, скорее всего, окажутся на моих руках. Но было уже поздно избегать риска, которому я подверг себя с момента прибытия в Амстердам, поэтому я положил наручники в левый карман пиджака, а ключи от них — в правый.

Когда я добрался до старого района Амстердама, оставляя позади себя обычный возмущенный контингент водителей, которые грозили мне кулаками и звонили в полицию, как раз начинало смеркаться. Дождь прекратился, но сильный ветер по-прежнему покрывал рябью поверхность каналов.

Я свернул на улицу, на которой стоял склад. На ней не было ни машин, ни прохожих. Пусто. Хотя не совсем. Из окна третьего этажа склада Моргенштерна и Мугген-

талера выглядывал массивный тип в рубашке, опираясь локтями о подоконник. Поскольку он непрерывно мотал головой, можно было сделать вывод, что восхищение вечерним прохладным воздухом Амстердама не является его главной целью. Я проехал мимо склада, доехал до Дам и позвонил из автомата де Графу.

— Куда вы подевались? — спросил меня полковник.— Что вы делали?

— Ничего для вас интересного,— это было самым неправдоподобным из всех моих заявлений.— Я должен с вами поговорить.

— Пожалуйста.

— Не здесь, не сейчас, не по телефону. Вы не могли бы подъехать прямо сейчас к складу Моргенштерна и Муггенталера вместе с ван Гелдером?

— Там вы с нами поговорите?

— Обещаю вам.

— Мы выезжаем,— хмуро сказал де Граф.

— Минутку. Поезжайте на обычной машине и оставьте ее подальше от склада. У них в окне наблюдатель.

— У них?

— Об этом как раз мы и будем говорить.

— А как же наблюдатель?

— Я придумаю способ отвлечь его внимание.

— Понятно,— де Граф помолчал и мрачно добавил: — Памятуя о ваших прежних подвигах, я вздрагиваю от одной мысли о ваших способах.— Он повесил трубку.

Я зашел в скобяную лавку и купил там моток шнура и самый большой из гаечных ключей, какой только смог найти. Через пару минут я остановил машину в сотне ярдов от склада, на другой улице.

Я прошел по узкому и плохо освещенному проходу, соединявшему улицу, на которой стоял склад, с параллельной ей. На первом же здании с левой стороны я нашел старую и разболтанную деревянную пожарную лестницу, которая при пожаре сгорела бы в первую очередь, но других лестниц я не нашел. Пройдя с пятьсот ярдов к задворкам здания, которое, по моим подсчетам, должно было принадлежать Моргенштерну и Муггенталеру, я не увидел никакой другой лестницы. В этом квартале Амстердама связанные в жгут одеяла были, надо думать, в цене.

Я вернулся к единственной лестнице и поднялся на крышу. У меня тотчас возникла непрязнь к этой крыше,

как и ко всем другим, которые мне предстояло преодолеть, чтобы добраться до склада. Коньки всех крыш располагались перпендикулярно улице, а сами крыши были очень крутыми и предательски скользкими от дождя. Вдобавок к этому архитекторы прошлого, распираемые желанием разнообразить стили, добились того, что на улице не было двух крыш одинаковой высоты и формы. Вначале я передигался осторожно. Однако моя осторожность была слишком обременительной для меня самого, поэтому я вскоре пришел к единственному приемлемому методу: сбегал по крутому скату крыши и как можно выше прыгал на следующую, падал на карачки и полз оставшиеся несколько футов до конька. В конце концов я добрался до (как мне показалось) заветной крыши. Я подполз к ее краю и посмотрел вниз.

Я в первый раз не ошибся — бывает же такое! Примерно в двадцати футах подо мной тот же самый наблюдатель по-прежнему занимал свой пост. Я пропустил шнур через отверстие в ключе и крепко завязал его. Затем я лег на живот так, чтобы моя рука могла опуститься ниже балки, стравил ключ футов на пятнадцать и принялся его раскачивать так, что с каждым размахом дуга становилась все больше. Я торопился, потому что всего в нескольких футах подо мной сквозь щель в погрузочных дверях пробивался свет и я не мог знать, какое время она будет оставаться закрытой.

Тяжелый ключ, который весил никак не меньше четырех фунтов, описывал дугу около девяноста градусов. Я опустил его еще на три фута, размышляя о том, когда же внимание наблюдателя привлечет негромкий свист, с которым ключ рассекает воздух. К счастью, в этот самый момент внимание наблюдателя привлекло что-то другое: он еще больше высунулся из окна, чтобы разглядеть проезжающую машину, а шум ее двигателя заглушил все более подозрительные звуки, которые он мог услышать.

Фургон остановился в тридцати ярдах от склада, мотор умолк. Ключ как раз находился в верхней точке дуги. Когда он начал падать, я пропустил между пальцами еще пару футов шнура. Наблюдатель что-то почувствовал и повернул голову, но опоздал: в этот самый миг он получил ключом по лбу, рухнул так, как будто на него упал мост, и медленно сполз вниз, исчезая из вида.

Дверца фургона открылась, и из него вылез де Граф. Он помахал мне рукой, я ответил ему жестом, проверил, на месте ли маленький револьвер, лег животом на грузовую балку, а затем повис на одной руке. Другой рукой я достал из кобуры пистолет, взял его в зубы, откинулся всем телом назад, полетел вперед, левой ногой становясь на парапет, а правой изо всей силы ударяя в погрузочную дверь, одновременно хватаясь руками за фрамуги, и тотчас перехватил пистолет в правую руку.

Их было четверо: Белинда, Гудбоди и оба компаньона. Бледная как полотно, Белинда молча сопротивлялась, но ее уже одели в гюйлерские одежды. За обе руки девушку держали румяные и добродушные Моргенштерн и Муггенталер, сияющие отеческие улыбки которых застыли у них на губах. Гудбоди, стоявший спиной ко мне и поправлявший чепец на голове Белинды в соответствии со своими эстетическими требованиями, медленно обернулся. Он вытаращил глаза, челюсть его отвисла, а от лица отхлынула кровь. Оно стало почти таким же белым, как его волосы.

Я сделал два шага и протянул руку Белинде. Несколько секунд она смотрела на меня и не могла поверить своим глазам. Затем она оттолкнула руки Муггенталера и Моргенштерна и подбежала ко мне. Сердце в ее груди колотилось, как у пойманной птицы.

Я посмотрел на трех мужчин и улыбнулся, насколько позволяло мое израненное лицо.

— Теперь вы знаете, как выглядит смерть,— сказал я.

Они действительно знали. С окаменевшими лицами они подняли руки как можно выше. Так они и стояли до тех пор, пока в комнату не вбежали де Граф и ван Гелдер. За все это время никто не проронил ни слова. Могу поклясться, что никто из них даже не моргнул. Белинду охватила непроизвольная дрожь — реакция на происходящее. Однако она сумела улыбнуться, и я понял: с ней ничего не будет (парижский Интерпол не случайно выбрал именно ее).

Де Граф и ван Гелдер, оба с оружием в руках, смотрели на эту сцену. Первым отозвался де Граф:

— Боже мой, что вы делаете? Почему эти люди...

— Может быть, вы позволите мне объяснить?

— Объяснение и в самом деле необходимо,— серьезно сказал ван Гелдер.— Три уважаемых в городе человека...

— Пожалуйста, не смешите меня. Мне больно, когда я смеюсь.

— Кстати, что у вас с лицом? — спросил де Граф.

— Порезался, когда брился,— вообще-то, это придумала Астрид, но я был не в состоянии придумывать что-нибудь новое.— Можно рассказывать?

Де Граф вздохнул и кивнул.

— Рассказывать так, как сочту нужным?

Он снова кивнул. Я повернулся к Белинде.

— Ты знаешь, что Мэгги погибла?

— Знаю.— Она говорила дрожащим шепотом: еще не совсем пришла в себя.— Он мне говорил, а сам улыбался.

— Это был проблеск его христианского милосердия. Итак, господа,— обратился я к полицейским,— присмотритесь к нему повнимательнее. Большего, чем он, садиста и психопата мне никогда не доводилось видеть. Это человек, который повесил Астрид Лемай на крюке. Человек, который приказал заколоть Мэгги вилами на Гюйлере. Человек, который...

— Вы сказали «заколоть вилами»? — спросил де Граф. Было видно, что все это не умещается у него в голове.

— Об этом потом. Этот человек довел Джорджа до безумия, которое его убило. Таким же образом он пытался убить меня. За одни сутки он пытался убить меня трижды. Это он сует бутылки с джином в руки пьяных наркоманов, это он спускает людей в каналы, обвязав их железяками после неведомых страданий и мук. Помимо этого он несет безумие, деградацию и смерть тысячам людей во всем мире. По его собственному признанию, он считает себя кукловодом, который дергает тысячи подвешенных на цепи кукол и заставляет их плясать под свою дудку. Они пляшут танец смерти.

— Этого не может быть,— сказал ван Гелдер. Он, казалось, был поражен.— Это невероятно. Доктор Гудбоди! Пастор...

— Его настоящее имя Игнатиус Катанелли, он есть в наших архивах. Бывший член Восточного отделения «Cosa nostra». Но даже мафиози не могли его терпеть. В соответствии со своими принципами, они никогда не убивают без необходимости. Катанелли же убивал просто потому, что он обожает смерть. Когда он был маленьким, он, наверное, обрывал мухам крылья. Когда он вырос,

мухи его уже не удовлетворяли. В конце концов ему пришлось покинуть Штаты.

— Это... это все ваша фантазия,— так или иначе, но румянец все еще не вернулся на щеки Гудбоди.— Это возмутительно. Это...

— Заткнись. У нас есть твои отпечатки пальцев и даже измерения головы. Надо признать, что у него все шло как по маслу. Приплывающие в порт суда оставляли запечатанные контейнеры с грузом возле определенного буя. Потом этот героин подбирают на баржу и отвозят на Гюйлер, где он попадает в сувенирную мастерскую, в которой изготовляют кукол. Потом их доставляют сюда, на этот склад. Самое обычное дело, но в одной из кукол, помеченной особым образом, спрятан героин.

— Все это выдумки и чепуха,— крикнул Гудбоди.— Вы ничего не сможете доказать.

— Поскольку я собираюсь убить тебя через несколько минут, мне ничего не надо доказывать. Да, у нашего друга Катанелли была целая организация. На него работали все — начиная с шарманщиков и кончая стриптизерками. Благодаря шантажу, деньгам, наркотикам, а также угрозам, все они молчали как могила.

— Они на него работали? — Де Граф не успевал за мной.— Каким образом?

— Распространяли и продавали наркотики. Сравнительно небольшую часть героина оставляли здесь, в куклах. Другие куклы отправлялись по магазинам, некоторые — в лоток в парк Вондел и, очевидно, в другие места. Работавшие на Гудбоди девушки покупали эти куклы, особенным образом обозначенные, в совершенно легальных магазинах и отправляли их за границу распространителям наркотиков или наркоманам. В парке Вондел куклы по дешевке продавали шарманщикам, которые были связующим звеном с опустившимися наркоманами. Ведь те уже не могли появляться в приличных заведениях — если, конечно, так можно назвать паршивые бордели вроде «Балиновы».

— Но как могло случиться, что мы ничего об этом не знали? — спросил де Граф.

— Скоро я дойду и до этого. Еще немного о распространении. Значительно большая часть товара выходила отсюда в ящиках с библиями, которые наш благостный приятель бесплатно раздавал всему Амстердаму. Некоторые из этих библий имели в середине выемку. Сладкие

создания, которых Гудбоди по своей доброте хотел наставить на путь истинный и уберечь от участи, которая хуже смерти, приходили на его проповеди с библиями в сладких ручках. Некоторые, Господи прости, были одеты монашками. Когда они уходили, в их руках были совсем другие библии. Потом эти «монашки» торговали этой гадостью в ночных заведениях. Остальная часть товара — его главная часть — шла в Кастел Линден. Я ничего не забыл, Гудбоди?

Судя по выражению его лица, я не забыл ничего важного. Он ничего не ответил. Я направил на него пистолет и сказал:

— Пора, Гудбоди.

— Вы не можете заниматься самосудом,— резко бросил де Граф.

— Вы же видите, что он хочет бежать,— ответил я. Гудбоди стоял неподвижно, руки его были подняты так высоко, что он не смог бы поднять их выше.

В тот самый момент в третий уже раз за этот день за моей спиной раздался чей-то голос:

— Бросьте оружие, майор.

Я медленно обернулся и бросил пистолет, который сейчас смог бы отнять у меня даже ребенок. Пистолетом занялась Труди, она вышла из тени в пяти шагах от меня с люгером в правой руке.

— Труди?! — Де Граф ошеломленно и испуганно смотрел на сияющую золотоволосую девушку.— Ради Бога, что все это зна...

Он вскрикнул от боли, когда ван Гелдер ударил его пистолетом по запястью. Пистолет с грохотом упал на пол. Когда полковник обернулся, чтобы посмотреть, кто его ударил, в глазах его не было ничего, кроме удивления. Гудбоди, Моргенштерн и Муггенталер опустили руки и достали из пиджаков пистолеты; для того чтобы закрыть их массивные тела, требовалось такое количество материала, что, в отличие от меня, они не нуждались в услугах опытных портных, чтобы скрыть очертания оружия.

Гудбоди достал платок и вытер лоб, после чего язвительно сказал Труди:

— Ты не слишком-то спешила.

— Это было так забавно,— беззаботно сказала Труди и рассмеялась так, что мороз пошел по коже.— Все время мне было так весело!

— Очаровательная парочка, не правда ли? — обратился я к ван Гелдеру.— Посмотрите на нее и ее святого приятеля. Эта детская невинность...

— Заткнитесь,— холодно оборвал меня ван Гелдер. Он обыскал меня, но другого оружия не нашел.— Сядьте на пол и держите руки так, чтобы я их видел. Де Граф, вы тоже.

Мы выполнили приказ. Я сел по-турецки, уперев локти в бедра и свесив кисти рук между щиколотками. Де Граф смотрел на меня, его лицо выражало полное непонимание.

— Я как раз хотел об этом сказать,— оправдываясь, сказал я.— Я как раз собирался сказать, почему ваш прогресс в расследовании был таким ничтожным. Ваш доверенный заместитель ван Гелдер следил за тем, чтобы вы не продвигались вперед.

— Ван Гелдер? — Даже имея перед глазами все доказательства, полковник никак не мог поверить в предательство своего помощника.— Этого не может быть!

— Но ведь не из игрушки же он в вас целится,— мягко сказал я.— Ван Гелдер — это шеф, ван Гелдер — это мозг. А Гудбоди — это всего лишь чудовище, которое вышло из-под контроля, не так ли, ван Гелдер?

— Так! — Злой взгляд, который ван Гелдер метнул в сторону Гудбоди, не сулил ничего хорошего относительно будущего пастора, впрочем, я не думал, что у него вообще было будущее. Я перевел взгляд на Труди.

— А что касается вашей Красной Шапочки, мистер ван Гелдер, этой вашей маленькой и сладенькой любовницы...

— Любовницы? — Де Граф был настолько выбит из колеи, что уже не казался ошеломленным.

— Вы не ослышались. Но мне кажется, ван Гелдер уже разлюбил ее, не так ли? Она стала слишком уж — как бы это сказать — близкой по безумию подругой преподобного отца,— я обернулся к де Графу.— Наша малышка вовсе не наркоманка. Гудбоди умеет имитировать следы от уколов, он сам мне говорил. И развитие ее соответствует уровню вовсе не восьмилетнего ребенка, она старше самого греха. И вдвое вреднее.

— Не понимаю,— усталым голосом сказал де Граф.— Я ничего не понимаю...

— Она осуществляла три важных функции,— продолжал я.— Мог ли кто-то сомневаться в том, что, имея

такую дочь, ван Гелдер является непримиримым борцом с наркотиками и с теми, кто на них зарабатывает? Кроме того, она была идеальной связной между ван Гелдером и Гудбоди, которые никогда не встречались и даже не разговаривали по телефону. Но еще важнее было то, что Труди была важным звеном в системе доставки наркотиков. Она ехала с куклой в Гюйлер, меняла ее там на другую, с героином, отвозила ее в парк Вондел и снова заменяла ее у лоточника. Лоточник привозил куклу сюда, когда приезжал за следующими. Очаровательное дитя — наша Труди. Однако ей не надо было использовать белладонну, чтобы придать глазам стеклянистый блеск, как у наркоманов. Я не сразу это понял, но если дать мне время для размышления и пару раз двинуть по башке, то я в конце концов все пойму. У нее было не совсем такое выражение лица. Я слишком насмотрелся на наркоманов, чтобы мог в этом ошибиться. Тогда я все понял.

Труди снова засмеялась и облизнулась.

— Можно я выстрелю ему в ногу? Или повыше?

— Ты очень милое создание,— сказал я.— Но тебе следует знать свое место. Обернись.

Она обернулась, все остальные тоже. Все, кроме меня. Я посмотрел на Белинду и едва заметно кивнул на Труди, которая была между ней и открытой дверью для погрузки. Белинда в свою очередь посмотрела на Труди. Я понял, что она догадалась.

— Идиоты,— презрительно продолжал я.— Как вы полагаете, откуда я все это знаю? Мне это рассказали. Два человека, которые насмерть перепугались и всех вас продали за обещание сохранить жизнь. Моргенштерн и Муггенталер.

Хотя среди присутствующих были такие, которых людьми назвать было нельзя, реакция у всех была самой человеческой. Все уставились на Моргенштерна и Муггенталера, глаза которых выражали недоумение. Они так и умерли с раскрытыми ртами, поскольку были вооружены, в то время как мой револьвер был слишком мал и я не мог позволить себе просто ранить их. В то же мгновение Белинда толкнула плечом ошарашенную Труди. Та отлетела назад, пошатнулась и вылетела наружу.

Не успел еще стихнуть ее тонкий пронзительный крик, как де Граф отчаянно попытался схватить ван Гелдера за руку, в которой тот держал пистолет, но мне некогда

было ждать, что из этого получится. Я вскочил на ноги и, пригнувшись, бросился на Гудбоди, который пытался достать свой пистолет. Гудбоди упал на пол с грохотом, который свидетельствовал о прочности перекрытия, и через мгновение я уже схватил его сзади. Гудбоди захрипел, и неудивительно, потому что я едва не расплющил его шею.

Де Граф лежал на полу, из его разбитого лба текла кровь. Он тихо стонал. Ван Гелдер держал перед собой вырывающуюся Белинду, используя ее как щит, как я — Гудбоди. Ван Гелдер улыбался. Мы целились друг в друга из пистолетов.

— Я неплохо знаю шерманов этого мира,— спокойным тоном сказал ван Гелдер.— Они не будут рисковать жизнью ни в чем не повинного человека. Особенно если это красивая девушка. Что касается Гудбоди, то можете превратить его в сито. Я понятно выражаюсь?

Я посмотрел на правую сторону лица Гудбоди, единственную, которую мог видеть. Цвет ее был каким-то средним между фиолетовым и пурпурным, я не мог решить почему: то ли оттого, что я его душил, то ли оттого, что его старый сообщник так легко и бездушно отрекся от него. Не знаю даже, почему я на него посмотрел. Мне бы никогда не пришла в голову мысль сравнивать ценность Белинды и Гудбоди: пока у ван Гелдера была Белинда, он мог чувствовать себя в полной безопасности.

— Вы понятно выражаетесь.

— Добавлю кое-что еще,— продолжал ван Гелдер.— Вы вооружены пугачом, а я полицейским кольтом.— Я кивнул.— Это мой козырь.— Он начал перемещаться в сторону лестницы, удерживая Белинду перед собой.— На улице стоит голубой полицейский фургон. Мой фургон. Я его забираю. По пути вниз я разобью все телефоны. Если, дойдя до машины, я не увижу вас в этой двери, то девушка мне уже будет не нужна. Ясно?

— Ясно. Но если вы ее убьете, я достану вас хоть на краю света. Вы это знаете.

— Знаю,— ответил он и начал спускаться по лестнице спиной вперед, волоча за собой Белинду. Я уже не смотрел на него. Я заметил, что де Граф, доселе лежавший без движения, шевелится и прикладывает платок к окровавленной голове. Я подумал, что он как-нибудь обойдется без посторонней помощи. Я отпустил шею Гудбоди, отобрал у него пистолет, достал наручники и прикрепил

одну руку к запястью мертвого Моргенштерна, а другую — к запястью мертвого Муггенталера. Потом я встал, перешагнул через Гудбоди и помог ошеломленному де Графу сесть на стул. Гудбоди с ужасом смотрел на меня. Когда он заговорил, его обычно низкий голос проповедника сорвался в безумный крик:

— Вы не можете меня так оставить!

Я посмотрел на двух толстых компаньонов, к которым он был прикован.

— Ты всегда можешь взять их под мышки и убежать.

— Боже мой, майор...

— Ты насадил Астрид на крюк. Я обещал ей помочь, а ты насадил ее на крюк. Ты приказал заколоть вилами Мэгги. Мою Мэгги. Ты хотел повесить на крюке и Белинду. Мою Белинду. Ты любишь смерть, ты можешь познакомиться с ней поближе.

Я подошел к двери, обернулся и сказал:

— Если я не найду Белинду живой, то я сюда не вернусь.

Гудбоди заревел, как раненый зверь, и с дрожью посмотрел на два трупа, к которым он был прикован. Стоя у грузовой двери, я выглянул вниз.

Труди лежала на тротуаре, широко раскинув руки. На другой стороне улицы ван Гелдер тащил Белинду к полицейскому фургону. Дойдя до него, ван Гелдер обернулся, посмотрел вверх, увидел меня, кивнул и открыл дверцу машины.

Я подошел к де Графу, который еще не совсем пришел в себя, помог ему встать и проводил его к лестнице. Там я обернулся и посмотрел на Гудбоди. Глаза его едва не вылезали из орбит, а из глубины горла доносились странные хриплые звуки. Он казался человеком, который заблудился в бесконечном и мрачном кошмаре, человеком, которого преследуют демоны и который знает, что никогда от них не отделается.

ГЛАВА XIV

На улицы Амстердама почти опустилась темнота. Слабо моросящий дождь был пронизывающе холодным и сопровождался сильным порывистым ветром. В разрывах туч бледно мигали первые звезды, луна еще не взошла.

Я сидел за рулем опеля возле телефонной будки и

ждал. Дверь будки открылась, оттуда вышел де Граф, вытирая платком сочившуюся из раны на лбу кровь. Он сел в машину, я вопросительно посмотрел на него.

— Вся территория будет через десять минут блокирована. Я хочу сказать, что никто не сможет оттуда выбраться. Это совершенно определенно.— Он снова вытер платком лоб.— Но почему вы так уверены в том, что...

— Он там,— я завел мотор, и машина тронулась с места.— Во-первых, по мнению ван Гелдера, это последнее место в Амстердаме, где нам придет в голову его искать. Во-вторых, сегодня утром Гудбоди привез из Гюйлера последнюю партию героина, наверняка в одной из больших кукол. Когда я осматривал машину около замка, куклы в ней не было. Стало быть, он оставил куклу в церкви. У него просто не было времени спрятать ее где-нибудь в другом месте. Кроме того, в церкви еще целые залежи этого богатства. Ван Гелдер — это не Гудбоди или Труди. Он не делал это лишь удовольствия ради. Он занимался этим ради денег и не откажется от такого смачного куска.

— Куска?

— То есть денег. Там могло быть товара на несколько миллионов долларов.

— Ван Гелдер?! — Де Граф медленно покачал головой.— Я не могу в это поверить. Такой человек! Такие прекрасные отзывы!

— Поберегите ваше сожаление для его жертв,— жестко оборвал я. Мне не очень-то хотелось говорить таким тоном с пострадавшим, но мне тоже досталось, и вряд ли моя голова была в лучшем состоянии, чем голова де Графа.

— Ван Гелдер хуже их всех. В оправдание Гудбоди и Труди можно сказать, что они были психически больны и не могли полностью отвечать за свои поступки. Но ван Гелдер — совсем другое дело. Все это он делал хладнокровно и ради денег. Он не слепой и видел, что вытворяет его ненормальный помощник. Однако он мирился с этим и продолжал бы мириться, если бы извращения Гудбоди не стали помехой для ведения «дела».

Я внимательно посмотрел на де Графа:

— Вы знаете, что его брат и жена погибли в автомобильной катастрофе на Кюрасао?

Прежде чем ответить, де Граф помолчал.

— Это не было трагической случайностью?

— Это не было трагической случайностью. Мы никогда не сумеем это доказать, но я готов поспорить на собственную пенсию, что произошло это оттого, что брат ван Гелдера — опытный сотрудник службы безопасности — слишком много узнал о нем, а жена стала мешать ему в отношениях с Труди; разумеется, тогда еще не проявились наиболее симпатичные черты ее характера. Этот человек холоден как лед, он — бездушный калькулятор и абсолютно беспощадный.

— Вы не доживете до пенсии,— хмуро сказал де Граф.

— Может быть и так, но я все-таки прав.

Мы повернули на улицу, ведущую вдоль канала, и прямо перед собой увидели голубой полицейский фургон. Мы, не останавливаясь, миновали его, подъехали к церкви и вылезли из машины. Нам навстречу спустился полицейский сержант в форме, он приветствовал нас, а если его и поразил вид двух калек, то он умело скрыл свое удивление.

— Пусто, господин полковник,— доложил он.— Мы даже на колокольню поднимались.

Де Граф обернулся и посмотрел на голубой фургон.

— Если сержант Гропиус говорит, что там никого нет, то там действительно никого нет,— полковник немного помолчал, а потом продолжил: — Ван Гелдер — сообразительный малый. Теперь мы в этом убедились. В церкви его нет, в доме Гудбоди тоже. Оба берега канала и улица оцеплены моими людьми. Значит, его здесь нет, он где-то в другом месте.

— Он где-то в другом месте, но здесь,— ответил я.— Если мы его не найдем, как долго вы будете держать оцепление?

— Пока мы не проверим и не перепроверим каждый дом на этой улице. Это займет два-три часа.

— А потом он бы смог уйти?

— Смог бы. Если бы был здесь.

— Он здесь. Сегодня суббота. По воскресеньям строители не работают?

— Нет.

— Стало быть, в его распоряжении тридцать шесть часов. Сегодня или даже завтра вечером он спустится и исчезнет.

— Моя голова,— де Граф снова приложил платок ко лбу.— Рукоять пистолета — очень твердая штука. Я что-то не совсем...

— Внизу его нет,— терпеливо объяснил я.— Обыск в домах — пустая трата времени. К тому же я абсолютно убежден, что он не сидит на дне канала, затаив дыхание. Так где же он может быть?

Я задумчиво посмотрел на темное небо. Де Граф проследил за моим взглядом. Казалось, что темный силуэт огромного крана едва не достает до облаков. Конец его массивной стрелы терялся в темноте. Этот кран и раньше казался мне каким-то жутким, а сегодня, может быть из-за моих подозрений, он выглядел зловещим и очень мрачным.

— Разумеется,— прошептал де Граф.— Разумеется.

— В таком случае, я иду туда.

— Но это же безумие! Посмотрите на себя в зеркало. Вы себя плохо чувствуете.

— Вполне сносно.

— Я пойду с вами,— решительно заявил де Граф.

— Нет.

— У меня есть молодые и ловкие сотрудники...

— Вне зависимости от того, являются ли они молодыми и ловкими, вы не имеете морального права требовать от них этого. Не настаивайте, я все равно против. Кроме того, ситуация мало подходит для лобовой атаки. Надо либо сделать это тихо, украдкой, либо вообще не делать.

— Он вас непременно увидит,— намеренно или нет, но де Граф рассуждал, как я.

— Вовсе нет. Оттуда, где он сейчас находится, все здесь кажется погруженным в темноту.

— Мы можем подождать,— настаивал де Граф.— До понедельника ему все равно придется спуститься.

— Ван Гелдер не питает маниакального пристрастия к смерти — это мы знаем. Он к ней совершенно равнодушен — это мы тоже знаем. Чужая жизнь для него ничего не значит.

— И что же?

— Внизу ван Гелдера нет. Но здесь нет и Белинды. Значит, она с ним наверху. А когда он будет спускаться, он прихватит девушку с собой в качестве щита, живого щита. Я быстро.

Де Граф больше не пытался меня удерживать. Он остался стоять у дверей церкви, а я пересек стройплощадку, подошел к крану и принялся карабкаться вверх по бесконечным диагональным лестницам, проложенным

внутри решетки крана. Подъем был очень монотонным; учитывая мою физическую форму, я с удовольствием отказался бы от него, но в то же время в этом подъеме не было ничего особенно изматывающего или опасного. Это просто был длинный и утомительный путь, опасность была впереди. Преодолев примерно три четверти пути, я остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел вниз.

Я не ощущал высоты, поскольку темнота была почти абсолютной, а едва заметные фонари вдоль канала казались светящимися точками, сам канал походил на тускло переливающуюся ленту. Все это казалось очень далеким и нереальным. Я не мог различить контуров ни одного из зданий. Единственным, что я сумел различить, был флюгер на шпиле колокольни, он находился в ста футах подо мной.

Я посмотрел вверх. Кабина крана расплывчатым четырехугольным пятном возвышалась в пятидесяти футах надо мной. Я полез дальше.

До люка в нижней части кабины оставалось всего десять футов, когда в промежутке между тучами проглянул месяц. Его свет залил кран и его мощную стрелу удивительно ярким блеском, так что стала отчетливо видна каждая деталь его конструкции. Осветил он и меня, вследствие чего я испытал то особенное чувство, которое испытывает пойманный в луч прожектора летчик: меня как будто пригвоздили к стене. Я снова посмотрел наверх; я видел каждую заклепку на крышке люка. Тут мне пришло в голову, что если я так хорошо вижу все над собой, то кто-то в кабине может так же хорошо видеть все, что находится под ним; поэтому чем дольше я оставался на месте, тем больше возрастали шансы быть обнаруженным. Я достал из кобуры пистолет и тихо преодолел последние ступени. До крышки люка оставалось меньше четырех футов, когда она слегка приоткрылась и в щель высунулся отвратительного вида длинный ствол. Я должен был испытать сожаление и разочарование от сознания полного и окончательного поражения, но я слишком много пережил в тот день, израсходовал все свои чувства и смирился с неизбежным; мой фатализм удивил меня самого. Я вовсе не хотел сдаваться: будь у меня хоть минимальный шанс, я бы поборолся. Но у меня не было никаких шансов, и я смирился.

— Это двадцатичетырехзарядный полицейский автомат,— сказал ван Гелдер. В его голосе звучал металл,

сам голос был каким-то гробовым, что отнюдь нельзя было назвать неуместным.— Вы знаете, что это значит?

— Я знаю, что это значит.

— Подайте мне пистолет рукояткой вперед.

Я подал ему пистолет с грацией и непринужденностью, которой меня научил немалый опыт.

— А теперь пистолетик из носка.

Я передал ему пистолетик из носка. Крышка люка открылась, я отчетливо увидел ван Гелдера, освещенного светом месяца, который проникал через окна кабины.

— Входите,— сказал он.— Места хватит всем.

Я залез в кабину. Места действительно хватало, в случае надобности в кабине могла разместиться и дюжина человек. Как всегда спокойный и невозмутимый, ван Гелдер не выпускал из рук автомата. В углу кабины сидела на полу бледная, измученная Белинда, рядом с ней лежала большая кукла с острова Гюйлер. Белинда попыталась мне улыбнуться, но улыбка у нее не получилась. В ней было что-то настолько беззащитное и потерянное, что я едва не вцепился ван Гелдеру в горло. Однако здравый смысл и быстро оцененное расстояние привели к тому, что я осторожно опустил крышку люка и так же осторожно выпрямился. Я посмотрел на его автомат.

— Вы, я полагаю, взяли его из полицейского фургона.

— Вы правильно полагаете.

— Мне следовало это проверить.

— Следовало,— ван Гелдер вздохнул.— Я знал, что вы придете, но вы напрасно сюда поднимались. Обернитесь.

Я обернулся. Удар в затылок не шел ни в какое сравнение с ударами Марселя, но и его хватило, чтобы у меня на мгновение потемнело в глазах и я упал на колени. Я ощутил металлический холод на левом запястье, а когда был в состоянии снова интересоваться тем, что происходит вокруг, я увидел, что сижу плечом к плечу с Белиндой, прикованный к ее правой руке таким образом, что металлическая цепочка была пропущена под скобкой люка. Я осторожно растер затылок: благодаря совместным усилиям Марселя, Гудбоди, а теперь и ван Гелдера, моя голова болела теперь во всех местах.

— Сожалею, что пришлось вас ударить, но иначе надевать на вас наручники означало бы то же самое, что надевать их на тигра. Через минуту я уйду. А еще через три минуты я буду на земле.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Вы спускаетесь?

— А что мне остается делать? Но не так, как вы это себе представляете. Я видел полицейское оцепление. Но никто почему-то не заметил, что конец стрелы выступает примерно на шестьдесят футов за пределы оцепления. Я уже опустил крюк до самой земли.

У меня слишком болела голова, чтобы я мог подыскать подходящий ответ; наверное, его вообще не существовало. Ван Гелдер повесил на одно плечо автомат, а к другому привязал веревкой куклу. Потом он тихо сказал:

— Ну вот и месяца не стало.

Ван Гелдер подошел к двери в передней части кабины, возле пульта управления, открыл ее и выбрался наружу. Вскоре он казался неотчетливой тенью.

— Прощай, ван Гелдер,— сказал я. Он не ответил. Дверь закрылась, и мы остались одни. Белинда схватила меня за руку.

— Я знала, что вы придете,— прошептала она и добавила в стиле прежней Белинды: — Но вы не слишком-то спешили.

— Я уже говорил тебе, что у руководства всегда есть свои дела.

— Неужели... неужели обязательно было прощаться с таким человеком?

— Мне подумалось, что да. Больше я его не увижу. Живого,— я порылся в правом кармане.— Кто бы мог подумать? Ван Гелдер сам себя погубил!

— Что вы хотите сказать?

— Это он придумал дать мне полицейскую машину, чтобы можно было без труда следить за мной, куда бы я ни поехал. Там были и наручники, я надел их на Гудбоди. А ключи — вот.

Я снял наручники, встал и прошел в переднюю часть кабины. Месяц действительно скрылся за тучей, но ван Гелдер переоценил ее плотность: я все же разглядел его футах в сорока, он полз по стреле, как большой краб, полы его пиджака и платье куклы развевались от сильного ветра.

Я нашел рубильник и дернул его рукоять вниз. Пульт загорелся, и я принялся спешно его изучать. Белинда стояла рядом со мной.

— Что вы собираетесь делать? — она опять шептала.

— Разве не понятно?

— Нет! Нет! Вы не можете этого сделать!

Вряд ли она хорошо представляла, что я собираюсь делать, но в моем голосе, должно быть, было что-то неотвратимое. Я снова посмотрел на ван Гелдера, который преодолел уже три четверти пути по стреле, затем повернулся к Белинде и положил ей руки на плечи.

— Послушай меня. Неужели ты не понимаешь, что мы ни в чем не сможем уличить ван Гелдера? Разве ты не знаешь, что он повинен в смерти тысяч людей? А того героина, который он прихватил с собой, достаточно, чтобы погубить еще тысячу человек.

— Вы можете перевести стрелу, и он окажется внутри оцепления!

— Живым его все равно не взять. Я, ты и все другие это знают. К тому же у него есть автомат. Сколько хороших людей ты хочешь обречь на смерть, Белинда?

Она молча отвернулась. Я выглянул наружу. Ван Гелдер добрался до конца стрелы, схватился руками и ногами за трос и принялся сползать вниз с невероятной поспешностью: полоса туч быстро редела и небо с каждой минутой становилось светлее.

Ван Гелдер опустился почти до середины троса, который раскачивался от сильных порывов ветра. Я взялся за колесо и повернул его влево.

Трос начал подниматься вместе с ван Гелдером. Тот был так ошеломлен, что на какое-то время буквально прилип к тросу, но тут же понял, что происходит, и начал скользить вниз значительно быстрее, раза в три быстрее, чем поднимался трос.

Я уже видел огромный крюк на конце троса, поставил колесо в нейтральное положение, и ван Гелдер снова прилип к тросу. Я знал, что у меня не было выбора. Я должен сделать то, что задумал. Я лишь хотел разделаться с этим как можно скорее. Я повернул колесо вправо — трос начал опускаться с максимальной скоростью. Я снова застопорил колесо и ощутил сильный толчок: трос вырвался из рук ван Гелдера. И в тот же миг я закрыл глаза. Когда я открыл их, предполагая увидеть пустой крюк, я еще раз увидел ван Гелдера. Он уже не держался за трос, а висел вниз головой, зацепившись за огромный крюк и раскачиваясь вместе с ним в пятидесяти футах над землей. Я отвернулся, подошел к Белинде, которая сидела в углу кабины, закрыв лицо руками. Я сел рядом с ней и оторвал ее руки от лица. Она по-

смотрела на меня; я ожидал увидеть на ее лице отвращение, но не увидел ничего, кроме грусти и усталости.

— Все кончено? — шепотом спросила она.

— Все кончено.

— А Мэгги погибла.

Я молчал.

— Почему погибла она, а не я?

— Не знаю, Белинда.

— Мэгги ведь хорошо работала, правда?

— Хорошо.

— А я? — Я ничего не ответил.— Можете не говорить,— глухо сказала она.— Я должна была столкнуть ван Гелдера с лестницы в складе, или разбить машину, или сбросить его в канал, или столкнуть с лестницы на кране, или... или...— Она помолчала.— Он даже не держал меня на мушке.

— В этом не было необходимости, Белинда.

— Вы знали?

— Да.

— Оперативный сотрудник первой категории,— с горечью сказала она.— Первое задание по наркотикам.

— Последнее задание по наркотикам.

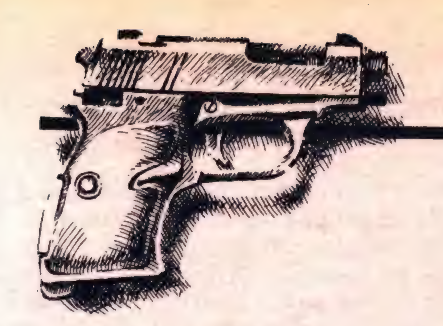
— Я знаю,— скривилась она.— Я уволена.

— Умница,— сказал я и помог ей подняться.— Ты знаешь инструкции, по крайней мере тот пункт, что касается тебя.— Она посмотрела на меня долгим взглядом и медленно улыбнулась, впервые за вечер.— Да-да, тот самый пункт. Замужних женщин увольняют со службы.

Она уткнулась мне в плечо. Так ей, по крайней мере, не надо было смотреть на мое побитое лицо.

Я смотрел поверх ее золотоволосой головы и видел огромный крюк с его зловещим грузом. Крюк размашисто раскачивался, и вот у вершины очередной дуги автомат и кукла соскользнули со спины ван Гелдера и полетели вниз. Они упали на камни на противоположной стороне улицы, тянувшейся вдоль канала. Над этим автоматом и куклой из Гюйлера, как гигантский маятник часов, тень троса, крюка и его ужасного груза описывала все более размашистые дуги на фоне ночного амстердамского неба.

Перевод с английского *С. Тулякова.*

Р. ЖЕЛЯЗНЫ

КАНУН РУМОКО

Я сидел в пультовой, когда из агрегата «Джи-9» посыпались искры. Двое дежурных были внизу, в капсуле; шла проверка шахты, вгрызавшейся в дно океана в тысячах саженей[1] под нами; близился час, когда заработает проект «Румоко». В другое время такая авария не встревожила бы меня — в штате было двое техников для обслуживания «Джи-9». Но как раз сегодня один из них уехал отдохнуть на Шпицберген, а другой слег в лихорадке. Неожиданно ветер и волны тряхнули «Аквину». Я вспомнил, что проект «Румоко» близится к завершению. Решив действовать самостоятельно, я пересек каюту и снял боковую панель агрегата.

— Швейтцер! Не валяйте дурака и не трогайте прибор! — сказал доктор Асквит.

Кивнув головой, я стал изучать цепи.

— Вы хотите заняться им сами? — спросил я через полминуты.

— Конечно, нет. Я понятия не имею, с чего начать. Но...

— Хотите, чтобы Мартин и Димми погибли?

— Ничего подобного. Но ведь вы не имеете права...

— Тогда скажите, кто им займется,— продолжал я.— Капсула управляется отсюда, а мы только что налетели на какую-то гадость. Если у вас есть на примете кто-то более подходящий, чем я,— лучше пошлите за ним. Иначе я попробую исправить агрегат самостоятельно.

Он заткнулся, я стал выяснять, где повреждение, и скоро понял, что оно связано с теми четырьмя цепями.

Я взялся за дело. Асквит был океанографом и почти

---

[1] 1 сажень=2,1336 м (прим. ред.).

совсем не разбирался в электронике. Даже если бы я занялся не ремонтом, а подготовкой диверсии, он бы этого не понял. Я провозился минут десять, и дрейфующая в океанских пучинах капсула снова начала функционировать.

За работой я пытался представить себе мощь той силы, которая вскоре будет разбужена и на мгновение заполнит нашу шахту, а затем, словно исчадие ада, сорвется с цепи в центре Атлантики. Атомная энергия освободит еще более могущественную стихию — живую магму планеты, пока еще кипящую глубоко под морем. То, что люди решались затевать бессмысленные игры с такими вещами, было выше моего разумения. Корабль снова задрожал на волнах.

— Ну вот и все,— сказал я.— Там было несколько коротких замыканий. Теперь нормально.— Я поставил панель на место.— Больше беспокоиться не о чем.

Асквит взглянул на монитор.

— Похоже, теперь агрегат работает нормально. Давайте-ка проверим...

Он щелкнул переключателем и сказал:

— «Аквина» вызывает капсулу. Вы слышите меня?

— Да,— донеслось в ответ.— Что случилось?

— Короткое замыкание в «Джи-9»,— ответил он.— Все исправлено. А как у вас?

— Системы пришли в норму. Будут какие-нибудь инструкции?

— Продолжайте выполнять задание,— велел Асквит и обратился ко мне.— Я был резок с вами. Простите. Не знал, что вы можете работать с «Джи-9».

— Я ведь инженер-электрик, эти штуки мне знакомы. Но, честно говоря, в такой аппаратуре разбираюсь слабовато. Если бы не смог определить неполадку, и пальцем бы к схемам не притронулся.

— Насколько я понял, ваше правило — «не зная броду, не суйся в воду»?

— Верно.

— Тогда и я ему последую.

Как раз сейчас это правило пришлось очень кстати, потому что минуту назад я извлек из «Джи-9» маленькую бомбу. Теперь она лежала в левом кармане моей куртки и ждала, когда ее вышвырнут за борт. Затем было бы очень неплохо поскорее найти и испортить видеозаписи. Мне вовсе не хотелось в них фигурировать, но, выбирая

из двух зол меньшее, я решил, что пусть уж лучше камеры зафиксируют меня, чем взрыв в агрегате «Джи-9».

Я извинился и вышел. Оставшись один, попытался спокойно обдумать случившееся.

Предполагаемая угроза оказалась реальной. Итак, Дон Вэлш был прав. Кто-то пытался сорвать проект. Но кто именно?

Я закурил, привалившись к бортовому ограждению, и пристально всматривался в холодное северное море, атакующее нашу скорлупку. Руки у меня дрожали.

Проект был самый обычный, хоть и рискованный. Тем не менее лично у меня достаточно веских аргументов против него не было. Однако противники у него все-таки нашлись, теперь это бесспорно.

Сообщит ли Асквит начальству о моих действиях? Он может объяснить перебои в работе капсулы так, как я ему представил, и внесет в судовой журнал. Но он может лишь записать, что я устранил короткое замыкание.

Впрочем, довольно и этого. Я решил, что враг имеет доступ к судовому журналу. Он узнает, что там нет ни слова об обезвреженной бомбе, и наверняка заинтересуется, кто ему мог помешать. Но как раз этого-то мне и не хотелось.

...Этого я ждал уже с месяц. И теперь прикинул, что незваные гости объявятся достаточно быстро и попытаются разобраться со мной. Глубоко затянувшись, я разглядывал далекий, сверкавший на солнце айсберг. Небо было серым, океан — темным. Где-то неподалеку находился некто, кому все происходившее здесь было явно не по нутру. Но, клянусь жизнью, я не мог догадаться, что ему не нравилось в нашем проекте.

Ну и черт с ними со всеми! Люблю пасмурные дни. В один из таких дней я родился и с тех пор не жалею об этом.

Потом я вернулся в каюту и замешал себе пойло: дежурство мое кончилось.

Немного погодя в дверь постучали.

— Поверните ручку и толкните,— сказал я.

Дверь открылась, вошел молодой инженер Раулингс.

— Мистер Швейтцер,— сказал он,— Кэрол Дейт хотела бы поговорить с вами.

— Передайте ей, что я иду.

— Хорошо,— ответил он и вышел.

Я причесал свои выцветшие волосы и сменил рубашку, потому что Кэрол была молода и привлекательна. Она представляла на корабле службу безопасности.

Входя в ее каюту, я подумал, что приглашение могло быть вызвано происшествием с «Джи-9» и моей работой полчаса назад. Это означало бы, что Кэрол великолепно справляется со своими обязанностями.

— Привет,— сказал я.— Кажется, ты хотела меня видеть?

— Весьма, Швейтцер. Садись.— И она показала на стул возле своего роскошного стола.

Я сел.

— В чем дело?

— Ты утром ремонтировал «Джи-9».

Я пожал плечами.

— Это в твои обязанности не входит.

— Если тебе так хочется, я могу вернуться в пультовую и снова все закоротить.

— Значит, повреждение ты исправил?

— Да.

Она вздохнула.

— Ладно, меня это не касается. Сегодня ты спас две жизни, и я не собираюсь обвинять тебя в превышении полномочий. Мне надо выяснить кое-что другое.

— Что именно?

— Это была диверсия?

Вот оно что. Я так и знал.

— Нет,— подумав, ответил я.— Не диверсия. Просто короткое замыкание.

— Дурак! — резко бросила она.

— Извини, не понял...

— Да все ты прекрасно понял. Это была сознательно подстроенная авария. Ты им помешал, а там было кое-что похитрее, чем парочка коротких замыканий. Там была бомба. Мы видели, как она взорвалась слева по борту часа полтора назад.

— Вам виднее!

— Что ты затеял? — спросила она.— Темнишь ты, как я погляжу. Чего ты хочешь?

— Покоя,— отпарировал я, внимательно разглядывая рассерженную женщину. Красновато-рыжие волосы, усеянное веснушками лицо, зеленые глаза, а над ними — ровная линия челки. Однажды я танцевал с Кэрол на корабельной вечеринке и знал, что она была высокой.

— Ну? Я жду ответа!
— О чем?
— Это была диверсия?
— С чего ты взяла?
— Это ведь не первый случай, ты знаешь.
— Откуда? Понятия не имею.
Кэрол вдруг покраснела, и веснушки ее стали еще заметнее. Похоже, она ловила меня, как воробья на мякину.
— Наверняка не первый.
— И чьих же рук это дело?
— Неизвестно.
— Почему?
— Мы ни разу не заметили диверсантов.
— Что ж вы так?
— Они достаточно осторожны.
Я закурил.
— Ну, тогда швах твое дело,— посочувствовал я.— Повторяю: в цепи агрегата было несколько коротких замыканий. Я инженер-электрик и потому смог их обнаружить. Не более того...
Кэрол достала сигарету, и я протянул ей зажигалку.
— Ладно,— сказала она,— придется тебе поверить...
Я встал.
— Между прочим, мы изучили твое досье.
— Ну и как?
— Нормально. Ты чист, как снег, как лебяжий пух.
— Весьма польщен.
— Не радуйтесь, мистер Швейтцер. Я с вами еще окончательно не разобралась.
— Попытайся еще разок,— посоветовал я.— Но в успехе я не уверен.
В этом я не сомневался.

Каждый год я отправлял Вэлшу рождественскую открытку без подписи. Единственное, что на ней было — отпечатанные названия четырех баров и городов, в которых они находились. На Пасху, в майский праздник, в первый день зимы и в День всех святых я торчал в одном из этих баров, потягивая аперитив с десяти до полуночи по местному времени. А потом уходил. И так каждый год, ни разу не повторяясь. Я всегда платил наличными, не пользуясь кредитной карточкой,

которые сейчас столь популярны. А бары эти были обычными забегаловками, расположенными где-нибудь на окраине города.

Иногда появлялся Дон Вэлш, подсаживался ко мне и заказывал пиво. Перекинувшись парой слов, мы шли прогуляться. Иногда он не приходил, хотя никогда и не пропускал две встречи подряд.

Пару месяцев назад, когда в мир нагрянула ранняя зима, я сидел в «Бездне» в Сан-Мигеле де Альенде в Мексике. Был прохладный, обычный для тех мест, вечер. Вскоре появился Дон, одетый в желтую открытую спортивную рубашку и темный пиджак из искусственной шерсти. Вэлш направился к стойке, что-то заказал и, обернувшись, принялся обшаривать взглядом столики. Я кивнул и помахал ему. Дон двинулся ко мне со стаканом в руке.

— На сей раз я тебя узнал,— сказал он.

— Ну и отлично. Садись.

Он выдвинул стул и уселся напротив. Пепельница была набита окурками, в воздухе стоял запах кактусовой водки, а в струе сквозняка перед нами колыхались двухмерные фигуры на прикрепленных к стенам плакатах о бое быков.

— Теперь тебя зовут...

— Фрэнк,— ответил я.— А тебя?

— Джордж.

— Запомню. У тебя все в порядке? — спросил я его.

— Было неплохое дельце. Большие и малые аукционы. Я намерен вести один из больших.

— Поздравляю. Рад за тебя. Все решено?

— Надеюсь.

Так мы беседовали, пока он потягивал пиво, а потом я спросил:

— Ты уже посмотрел город?

— Нет. Но слышал, что это чудесное местечко.

— Думаю, оно тебе понравится. Однажды я был здесь на карнавале. Толпа веселилась трое суток. Индейцы спустились с гор и плясали в национальных костюмах. Они до сих пор придерживаются древних обычаев, своего календаря, изобретенного темными предками.

— Неплохо бы здесь задержаться, но у меня времени дня два, не больше. Наверное, только и успею, что купить пару сувениров для домочадцев.

— С сувенирами проблем не будет. Они здесь дешевы.

— Жаль, что не смогу осмотреть здешние достопримечательности.

— К северо-востоку от городка, на вершине горы, есть тольтекские развалины. Любопытно, что правительство до сих пор отказывается признать их существование.

— Неплохо бы взглянуть. Сходим?

— Это нетрудно: только и всего, что взобраться на гору. Доступ туда свободный.

— Пешком далеко?

— Меньше часа. Допивай пиво и пойдем.

Он допил, и мы пошли.

Дон быстро запыхался. Он привык жить на уровне моря, а это место находилось на шесть с половиной тысяч футов выше.

Мы все-таки добрались до вершины и побродили среди кактусов. А потом присели на огромный камень.

— Итак, место это вроде бы не существует,— заметил Дон,— так же, как и ты.

Я молча кивнул.

— Зато оно не прослушивается, и сейчас сюда никто не ходит.

— Это потому, что оно заброшено.

— Надеюсь, оно так и останется заброшенным.

— Я тоже.

— Спасибо за открытку к Рождеству. Ищешь работу?

— Сам знаешь.

— Ладно. Дам тебе одно дельце!.. Слыхал о Наветренных и Подветренных островах? — спросил меня Вэлш.— Или о Суртсее?

— Нет. Расскажи.

— Они находятся южнее Вест-Индии, в районе Малых Антил, и расположены дугой, которая вытянулась на юго-восток от Пуэрто-Рико и островов Вирджинии. Севернее Гваделупы, которая представляет собой внешнюю точку подземной цепи, простирающейся на сотни миль. Это океанские островки, сложенные из вулканических пород. Каждый из них — потухший или действующий вулкан.

— Ну и...

— Гавайи возникли подобным же образом, однако Суртсей был все-таки феноменом XX века: вулканическим островом, выросшим за несколько дней чуть запад-

нее островов Вестманна, ближе к Исландии. Это произошло в 1963 году. Суртсей похож на Капелинхос, который входит в состав Азор.

— Итак? — Я уже догадывался, о чем пойдет речь. Я уже знал о проекте «Румоко», названном по имени маорийского бога землетрясений и вулканов. Раньше, в XX веке, был неудачный проект «Мохоул» — там речь шла об использовании глубоких пещер, пробитых подземными газами. В эти пещеры предполагалось заложить атомные заряды.

— «Румоко»,— сказал Вэлш.— Ты слышал о нем?

— Кое-что. В основном то, что было в разделе науки газеты «Таймс».

— А теперь к этому проекту привлекли и нас.

— Зачем?

— Кто-то занялся диверсиями. Меня наняли выяснить: кто, как и почему, и попросили пресечь эти попытки на будущее. Но пока мне здорово не везет. Я потерял двух сотрудников при странных обстоятельствах. А потом получил твою рождественскую открытку.

Я взглянул на Дона. Зеленые глаза его, казалось, светились в темноте. Он был дюйма на четыре ниже меня, но все же достаточно высок, и фунтов на сорок легче. Теперь он ничем не напоминал того беднягу, который, карабкаясь в гору, тяжело дышал и отдувался.

— Ты хочешь, чтобы я влез в это дело?

— Да.

— А что я буду с этого иметь?

— Может, пятьдесят, а может, и сто пятьдесят тысяч — в зависимости от результата.

Я закурил и, помолчав, спросил:

— Что от меня потребуется?

— Наняться членом экипажа «Аквины», а еще лучше — каким-нибудь техником. Справишься?

— Попробую.

— Ну, давай. Вначале надо выяснить, кто там пакостит. Потом — сообщить мне. Можешь и сам навести порядок, а потом доложишь мне.

Я усмехнулся.

— Работа, похоже, веселая. Кто твой клиент?

— Один американский сенатор. Имя его лучше не называть,— ответил Дон.

— Так я и думал.

— Ну как, берешься?

— Да. Мне нужны деньги.

— Учти, это довольно опасно.

— Кто не рискует, тот не выигрывает.

Мы осмотрели три креста, высившиеся над руинами. Земля вокруг них была усеяна пачками сигарет и прочими жертвоприношениями.

— Добро,— сказал Дон.— Когда приступишь?

— До конца месяца.

— Ладно. Когда ждать вестей?

— Когда мне будет что сообщить.

— Нет. Так дело не пойдет. Операция должна быть закончена к 15 сентября.

— Если все пойдет без сучка без задоринки?

— Пятьдесят кусков.

— А если дело окажется посложнее, могу я рассчитывать на тройной гонорар?

— Я уже сказал.

— Хорошо. До 15 сентября.

— Сообщений не ждать?

— Если только не стрясется что-то непредвиденное или не понадобится помощь.

Я протянул руку.

— Выбрал ты себе работенку, Дон.

Вэлш сидел опустив голову.

— Помоги мне,— сказал он наконец.— Очень тебя прошу. Те двое, которых я потерял, были неплохие парни.

— Можешь на меня рассчитывать. Сделаю все, что смогу.

— Не пойму я тебя. Хотелось бы узнать, кто ты на самом деле...

— Я пропал, если ты это узнаешь.

Мы спустились с горы, я проводил Дона и простился.

•

— С меня выпивка,— сказал Мартин, когда я наткнулся на него, возвращаясь от Кэрол Дейт.

— Ладно,— сказал я, уселся в шезлонг и взял кружку.

— Я очень благодарен тебе за то, что ты сделал, когда мы с Димми были внизу. Это...

— Пустяки,— возразил я.— В такой ситуации ты и сам не сидел бы сложа руки.

— Говорить я не мастак, но мы счастливы, что ты оказался рядом.

— Принимаю благодарность,— я поднял пластмассовую пивную кружку — теперь, черт возьми, других и не бывает!

— Ну, а как шахта? — спросил я.

— Превосходно,— ответил Мартин, слегка поморщившись.

— Глядя на тебя, этого не скажешь.

Он усмехнулся и допил пиво.

— Ну, понимаешь, ничего подобного раньше не делали. Конечно, всем нам малость не по себе...

«Гм... пожалуй, еще мягко сказано!»— подумал я, а вслух сказал:

— Ну и как же все-таки шахта?

Мартин настороженно огляделся, стараясь понять, не прослушивается ли это место. Прослушивалось здесь все, но он не сказал ничего такого, что могло бы нам навредить. Иначе я бы просто заткнул ему глотку.

— Нормально,— ответил он наконец.

— Вот и отлично,— сказал я, вспомнив слова Дона. И добавил: — Просто замечательно.

— Удивляет меня твое отношение. Ты ведь всего-навсего техник.

Он с легкой иронией взглянул на меня и заметил:

— Это звучит старомодно, совсем как в XX веке.

Я пожал плечами.

— Что поделаешь! Я ужасно консервативен.

— Ты знаешь, как ни странно, я тоже,— признался Мартин.— И хорошо бы в нашей компании было побольше таких.

— А Димми что делает?

— Спит.

— Ну и пускай спит.

— Они должны тебя повысить.

— Лучше не надо.

— Почему?

— Терпеть не могу ответственности.

— Но сегодня ты ее на себя взял, и все у тебя прошло очень неплохо.

— Считай, повезло. Кто знает, как будет в следующий раз?

— Не понимаю, что тебя волнует?

— То, что история может повториться. В пультовой я оказался совершенно случайно.

Мартин явно старался выяснить, что мне известно:

ни один из нас сейчас не знал больше ничего, но оба догадывались, что дело нечисто.

Мартин пристально посмотрел на меня и спросил:

— Ты хочешь сказать, что ты лодырь?

— Ага.

— Чушь собачья!

Спорить я не стал.

Пятьдесят лет назад, в 1957 году, существовала такая контора — АМСОК. Так называли Американское разнообразное общество. Его членами были доктор Уолтер Мунк из института океанографии и доктор Гарри Гесс из Принстона; они-то и предложили странный проект, который потом усох на корню из-за недостатка средств, но, подобно Джону Ячменное Зерно, даже после смерти вдохновлял других.

Хотя проект «Мохоул» был заведомо обречен, однако он дал жизнь другому, более масштабному и обстоятельному.

Общеизвестно, что толщина земной коры под континентами превышает 25 миль и пробурить ее нелегко. Получив пробы из мантии, можно было бы многое узнать о радиоактивности и горячих течениях, геологическом строении и возрасте Земли. Изучая природу, мы узнали границы и толщину различных слоев внутри коры и могли бы подтвердить это экспериментально, опираясь хотя бы на исследования сейсмических колебаний во время землетрясений. Пробы осадочных пород дали бы нам полную летопись планеты до появления на ней человека.

— Еще пива? — спросил Мартин.

— Ага. Спасибо.

Если изучить документы Международной Геологической Ассоциации, геофизическую монографию «Действующие вулканы мира» и нанести на карту все потухшие вулканы, можно выделить вулканические пояса и сейсмически активные зоны. Это «Огненное кольцо», окружающее Тихий океан. Начинаясь у тихоокеанского побережья Южной Америки, оно прослеживается севернее — в Чили, Эквадоре, Колумбии, Центральной Америке, Мексике, западных штатах, Канаде, Аляске, а потом поворачивает на юг по Камчатке, Курилам, Японии, Филиппинам, Индонезии и Новой Зеландии. Не забудьте еще о Средиземноморье и о районе Атлантики близ Исландии.

Там-то мы и были.

В мире насчитывается около шестисот вулканов, которые можно считать активными, хотя долгое время они находились в состоянии покоя.

Мы добавим еще один.

Мы пришли, чтобы сотворить вулкан в Атлантике. Если точнее — вулканический остров вроде Суртсея. Это и был проект «Румоко».

— Видимо, через несколько часов я снова пойду вниз,— сказал Мартин.— Буду очень тебе благодарен, если ты окажешь мне услугу и присмотришь за этой чертовой аппаратурой. Я в долгу не останусь.

— Договорились,— ответил я.— Дай мне знать, когда будешь уходить, а я постараюсь быть поблизости. Если что-то пойдет не так, я помогу, а может, и поопытнее кто найдется.

Он хлопнул меня по плечу.

— Спасибо и на том. Спасибо.

— Ты боишься?

— Не без этого...

— Почему?

— Эта проклятая штука, похоже, приносит одни несчастья. Будь моим талисманом. Я ставлю тебе пиво за всю дорогу в пекло и обратно, только держись поближе. Понять не могу, в чем дело. Может, в невезении?

— Может быть,— согласился я и несколько секунд задумчиво смотрел на Мартина. Потом продолжил: — Изотермические карты показывают, что место в Атлантике мы выбрали верно. Но кое-что меня изрядно занимает, хотя я об этом не распространяюсь.

— Что именно?

— Некоторые вопросы, связанные с магмой.

— Что ты имеешь в виду?

— Неизвестно, как поведет себя разбуженный вулкан. Он может напоминать Кракатау или Этну. Даже состав самой магмы может быть любым. А при взаимодействии ее с водой и воздухом реакция может оказаться вообще непредсказуемой.

— Риск настолько велик?

— Ученые так не считают, но это не более чем предположения.

— Страшновато?

— Не боятся только дураки.

— Нам грозит опасность?

— Не нам, поскольку мы останемся в сторонке. Но не исключено глобальное потепление, которое приведет к изменению климата на планете. Я это допускаю.

Он покачал головой:

— Веселенькая перспектива!

— Может, твоему невезению уже пришел конец,— сказал я.

— Возможно, ты прав.

Мы наконец допили пиво, я встал и сказал:

— Ну, мне пора.

— Может, еще по банке?

— Нет, спасибо, я еще должен кое-что уладить.

— Когда пойду, дам знать.

— Конечно,— ответил я и пошел на верхнюю палубу.

Ярко светила луна, было довольно прохладно, и я застегнул воротник.

Немного полюбовавшись волнами, я вернулся к себе в каюту. Послушал новости, почитал в кровати. Захотелось спать. Я отложил книгу на тумбочку, выключил свет. «...Надо хорошо выспаться. Завтра — решаюший день...» — успел я подумать, засыпая под мерное колыхание волн.

Как долго я спал? Наверное, несколько часов. Потом что-то разбудило меня.

Дверь была отперта, послышались шаги.

Я лежал, окончательно проснувшись, но не открывая глаз, и ждал.

Вспыхнул свет, и чья-то рука легла мне на плечо.

— Вставайте,— приказал кто-то.

Я сделал вид, что с трудом просыпаюсь.

Их было двое. Свет ослепил меня, и я протирал глаза, ощущая в двадцати дюймах от виска дуло пистолета.

— Какого черта? — осведомился я.

— Вопросы будем задавать мы, а ты — отвечать. Другие варианты исключаются,— сказал человек с пистолетом.

Я сел, привалившись спиной к переборке.

— Как твое имя?

— Альберт Швейтцер.

— Мы знаем, что ты себя так называешь. Кто ты на самом деле?

— Я уже сказал.

— У нас есть основания в этом сомневаться.

— Очень сожалею.

— Мы тоже.

— Расскажи о себе и о своем задании.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Встать!

— В таком случае, потрудитесь подать мне одежду. Она висит на двери душевой.

Человек с пистолетом повернулся к напарнику:

— Проверь карманы и принеси.

А я тем временем разглядывал его.

Нижнюю часть лица этого типа скрывала косынка. Точно так же, как и у другого парня, который очень уж походил на профессионала. Масками по большей части увлекаются любители. Профессионалы предпочитают скрывать повязкой нижнюю часть лица, которую очень легко идентифицировать.

— Благодарю,— сказал я, когда один из них швырнул мне мой синий халат.

Он кивнул, а я набросил халат на плечи, сунул руки в рукава, запахнул полы и сел на край кровати.

— А все-таки, чего вам надо? — опять поинтересовался я.

— На кого ты работаешь? — спросил первый.

— На проект «Румоко».

Для острастки он двинул меня левой, потому что в правой держал пистолет.

— А поточнее?

— Понятия не имею, чего вы добиваетесь. Закурить можно?

— Кури. Хотя нет, погоди-ка. Кто знает, что там у тебя в пачке!

Я взял сигарету и глубоко затянулся.

— Объясните толком, в чем дело, и, возможно, я смогу вам помочь. Лишние неприятности мне вовсе ни к чему,— сказал я.

Казалось, это слегка обнадежило незваных визитеров. Тот, который задавал вопросы, был повыше. Думаю, что и потяжелее.

Оба присели на стулья, продолжая держать меня под дулом пистолета.

— Расслабьтесь, мистер Швейтцер. Мы тоже не хотим неприятностей,— миролюбиво сказал высокий.

— Отлично,— согласился я, приготовившись врать.— Спрашивайте, я охотно отвечу.

— Вчера вы ремонтировали агрегат «Джи-9».

— Думаю, это всем известно.

— Почему вы это сделали?

— Потому что могли погибнуть двое людей, а я нашел неисправность.

— Откуда у вас такие знания?

— Но ведь я, как-никак, инженер-электрик, а короткое замыкание — не ахти какая премудрость,— ответил я.

Высокий взглянул на помощника. Тот кивнул.

— Тогда почему возмущался Асквит? — спросил высокий.

— Потому что я мог разрегулировать агрегат. У меня нет допуска для работы с ним.

Он снова кивнул. Оба были черноволосые и мускулистые ребята.

— Возможно, так оно и есть на самом деле: ты — простой человек, который выбрал себе работу по душе и кроме нее ничем не интересуешься (даже не женился). Но обстоятельства дела вызывают подозрения — ты чинил агрегат, заниматься которым не имел права...

Я кивнул.

— А почему?

— У меня свое отношение к смерти. Почему-то не люблю смотреть, как умирают люди. А вы-то сами на кого работаете? Чья-то разведка?

— Это не имеет значения. Сам понимаешь. Нас интересует одна деталь: почему ты так спокойно отнесся к тому, что было явной диверсией?

«Начинается!»— подумал я.

— Слишком уж рьяно ты выполнял свой долг!

— Бред! На карту были поставлены две жизни!

Высокий тряхнул головой.

— Боюсь, что нам придется поговорить с тобой по-другому.

Когда я ищу выход из трудного, а подчас и опасного положения, в которое ставит меня моя глупая жизнь, мне частенько представляются разноцветные пузыри; они парят в пространстве, переливаясь всеми цветами радуги, вспыхивая на мгновение, и длится это не дольше, чем живет пузырь.

...Пузыри. Есть один такой в Карибах. Называется он Нью-Иден. Находится примерно на глубине 360 метров. По недавней переписи в нем жило более ста тысяч людей. Это огромный светящийся купол, и, глядя на него сверху, Эвклид был бы доволен его безупречной формой. На удалении от купола сияли фонари, линия уличного освещения тянулась среди камней, по мостам над каньонами, проходя через горы. Идущие вниз аквамобили двигались вдоль этих дорог, как танки, маленькие подводные лодки сновали на разных глубинах, мелькали пронзавшие водную толщу пловцы в облегающих разноцветных костюмах.

Однажды я отдыхал там недели две, хотя и обнаружил у себя симптомы клаустофобии, о которой раньше не подозревал; в целом это было приятно. Население отличалось от жителей суши. Они, на мой взгляд, больше походили на первопроходцев прошлого, на обитателей приграничья. В них были слиты воедино независимость характера, надежность и чувство единства со всеми. Они добровольно ушли в глубины, потому что на суше становилось тесновато. Добывали для людей богатства моря, а кроме того, принимали туристов. В том числе и меня. Я плавал с ними, совершал экскурсии на их субмаринах, осматривал шахты и сады на гидропонике, жилые дома и общественные здания. Я помню путь в море, сомкнувшееся над головой как ночное небо, словно видимое снизу глазом диковинного насекомого. А скорее наоборот — сама поверхность моря была этим глазом, смотрящим в глубину. И эта бездна будила в тайниках моей души какие-то непонятные мне самому чувства и желания.

Хотя город не был настоящим Иденом-под-Стеклом, хотя фантастичные и прозрачные купола городка были явно не для меня, именно их я почему-то всегда вспоминал в трудные минуты.

Я вздохнул, в последний раз затянулся сигаретой и раздавил окурок, четко осознавая, что мыльный пузырь моего бытия может лопнуть в любой момент.

На что это похоже — быть единственным в мире человеком, который не существует вообще? Когда не знаешь аналогий, обобщать трудно. Но я уверен только в одном — что это произошло именно со мной.

А сделал я это довольно необычным способом.

Однажды я составил программу для компьютера. С этого-то все и началось.

Как-то я смотрел необычный, пугающий фрагмент новостей... И понял, что скоро весь мир будет существовать в записи. Как? Очень просто.

Сегодня у каждого есть свидетельство о рождении, кредитная карточка, перечень своих путешествий и мест пребывания, и, наконец, все кончается свидетельством о смерти. Все эти записи находились в разных местах. Затем их начали сводить воедино. И назвали это Центральным Банком Данных. Его возникновение сильно изменило весь образ человеческого существования. Но все эти перемены, теперь я в этом уверен, были к лучшему.

Я был одним из тех, кто стоял у истоков этого. Когда же я понял, что из всего этого может получиться, изменить что-либо было невозможно.

В Банк Данных поступало буквально все: записи о рождении и смерти, финансовые, медицинские, специально-технические сведения, а доступ к информации на различном уровне секретности имел лишь специальный персонал.

В оценке действительности я никогда не был склонен к крайностям. Но на этот раз я изменил себе. Вначале мне казалось, что Банк Данных — это благо. Я думал, что в том сложном и многообразном мире, где мы живем, системы, подобные этой, необходимы: каждый получает доступ к любой когда-то написанной книге, игре, записанной на ленте или кристалле, к любой учебной лекции, к любому фрагменту обширной статистической информации (если вы не будете лгать статистику и если никто не получит доступа к вашему досье без вашего разрешения); каждый торговый или правительственный чиновник может осведомиться о ваших расходах и доходах; каждый адвокат, располагая судебным ордером, может узнать обо всех местах, где вы когда-либо останавливались, с кем и каким транспортом путешествовали. Вначале мне это нравилось, поскольку такая система могла помочь борьбе с преступностью. Только безумец, думал я, может связаться с противостоящей ему грандиозной машиной. А после того как в Банк Данных были введены медицинские сведения, обезвреживать стало возможным даже психопатов.

А если говорить о медицине, то разве не прекрасно, что врач через компьютер может мгновенно получить историю вашей болезни? Насколько легче становится лечить людей, и скольких можно спасти от преждевременной смерти. А решение мировых экономических проблем при тщательном учете финансов? А вопросы управления всеми видами транспорта на суше, на море и в воздухе?

Возможности практически неограниченные...

Мне казалось, что наступает Золотой век.

Как я был наивен!

Один из моих друзей, связанный с мафией, как-то посмеялся над моими восторгами.

— Ты серьезно веришь, что каждый пассив будет регистрироваться, а каждая сделка — записываться? — спросил он меня.

— В конечном счете — да.

— Любой закон можно обойти — лазейка всегда найдется. Никто не знает, сколько на самом деле денег во всем мире, да и не узнает никогда.

Тогда я вплотную занялся экономикой. Он был прав. Мы составляли программы в основном для сметной документации. И не учитывали человеческий фактор.

Я подумал о поездках. Сколько существует зарегистрированного транспорта? Неизвестно. Как получить статистические данные о том, о чем нет сведений? А раз уж есть неучтенные деньги, то сколько на них можно построить незарегистрированного транспорта? Береговые линии в мире необъятны. Так что и транспортный контроль был не столь идеален, как мне поначалу казалось.

Медицина? Врачи — тоже люди. Я вдруг подумал, насколько неполными могут быть медицинские записи, особенно если кто-то хочет урвать побольше или выписывает незарегистрированные рецепты.

Были пройдохи, были люди, обожавшие таинственность, были те, кто честно заблуждался, давая неверную информацию. Во всех подобных случаях система была бессильна.

А еще ее внедрение наверняка могло вызвать определенный протест, изобретение всяческих уверток.

Но ничего подобного не произошло, так что проект развивался. Это заняло более трех лет. Я работал в центральном блоке, начав как программист. После того

как я предложил систему подключения станций наблюдения за погодой и сообщения метеоспутников начали поступать прямиком в центральную сеть, меня назначили старшим программистом, и обязанности мои расширились.

Но чем больше я изучал проект, тем больше у меня появлялось сомнений, тем серьезнее становились опасения. Я обнаружил, что работа перестает мне нравиться, и это сделало мои занятия более интенсивными. Приходилось брать работу на дом. Никто не догадывался, что объяснялось это отнюдь не увлечением, а, скорее, рожденным опасениями желанием узнать о проекте все, что только возможно. Рвение мое было замечено, однако его неверно истолковали и повысили меня в должности еще раз.

Это было прекрасно: я получил допуск к большому объему информации из области политики. Потом по разным причинам дело дошло до сведений о смертях, повышениях, отставках, увольнениях. Это был неплохой шанс для продвижения по службе.

Я пришел за советом к старому Джону Колгейту, который руководил проектом.

Однажды, еще в самом начале, я поделился с ним своими сомнениями и опасениями. Я сказал седому старику с умными глазами о своем предчувствии, что мы можем сотворить чудовище, которое вторгнется в самые сокровенные сферы человеческой жизни.

Он долго глядел на меня, перебирая на столе коралло-розовые бумажные ленты.

— Может быть, ты и прав,— произнес наконец Колгейт.— Как ты до этого додумался?

— Не знаю,— ответил я.— Я лишь хотел посоветоваться с вами.

Он вздохнул, повернулся в своем винтовом кресле и уставился в окно.

Мне показалось, что он задремал, как это иногда случалось с ним после обеда.

Но Колгейт вдруг заговорил:

— Ты не думал, что мне и раньше не раз приходилось выслушивать подобные аргументы?

— Возможно,— согласился я.— И все же мне хотелось бы знать, что вы на это скажете.

— Ничего! — резко ответил он.— Или я считаю, что из этого будет толк, или я вообще отказываюсь возиться

с проектом. Конечно, я могу заблуждаться. И допускаю это. Но многие идеи сохранятся в записях, а особенности нашего общества будут упорядочены, насколько это возможно. Если можешь предложить что-нибудь получше, выкладывай.

Я закурил и молча ждал, что он скажет дальше. Тогда я еще не знал, что жить Колгейту оставалось всего месяцев шесть.

— Ты когда-нибудь думал об уходе? — спросил он наконец.

— Что вы имеете в виду?

— Исчезновение. Возможность вырваться из системы.

— Не понимаю...

— Все мы включены в систему, где будут закодированы и личностные данные. Наши — в последнюю очередь.

— Почему?

— Потому что я хочу дать возможность скрыться тем, кто, как и ты, придет ко мне с подобными вопросами.

— И много таких?

— Не все ли тебе равно...

— Исчезновение... Вы имеете в виду уничтожение моих персональных данных прежде, чем они попадут в систему?

— Именно.

— Но я не могу сделать этого с данными о своем прошлом.

— Это твои проблемы.

— Я ничего не смогу купить на кредитную карточку.

— Думаю, ты мог бы платить наличными.

— Но ведь все деньги на учете!

Колгейт откинулся на спинку кресла, улыбнулся и спросил:

— Неужели?

— А может, и не все,— согласился я.

— И что же ты решил?

Я размышлял над его словами, пока он раскуривал трубку, пуская клубы дыма. Лукавил ли старик со свойственным ему сарказмом или говорил серьезно?

Как бы прочитав мои мысли, он встал с кресла и направился в кабинет. Через некоторое время вернулся, держа стопку перфокарт, как покерную колоду, и швырнул их на стол передо мной.

— Это ты,— сказал Колгейт.— На следующей неделе они должны быть введены в компьютер, как и данные всех остальных.— И он снова уселся в кресло, попыхивая трубкой.— Забери их с собой и спрячь под подушку,— сказал он.— Спи на них и решай, как тебе поступить.

— То есть?..

— Я их тебе отдаю.

— А если я их порву, что тогда?

— Ничего.

— Почему?

— Потому что меня это не касается.

— Неправда. Вы — руководитель проекта.

Колгейт пожал плечами.

— Вы не уверены в ценности системы?

Он на мгновение задумался и наконец ответил:

— Уверен не более, чем когда-либо.

— Если я уничтожу перфокарты, то официально перестану существовать.

— Да.

— И что со мной будет?

— Придется покрутиться.

Я немного подумал и согласился:

— Давайте их сюда.

Колгейт кивнул в сторону стола.

Я собрал перфокарты и сунул во внутренний карман.

— Что ты намерен делать дальше?

— Положу под подушку по вашему совету.

— Только не забудь вернуть мне их утром во вторник.

— Конечно.

Я улыбнулся, кивнул и мы попрощались.

Я взял перфокарты и унес домой. Но я не спал. Я просто не мог уснуть.

Всю ночь я расхаживал по комнате и курил. Существовать вне системы...

Как я мог бы жить без риска быть обнаруженным?

Часа в четыре утра мне вдруг подумалось совсем о другом: как может система обнаружить меня, не подозревая о моем существовании?

Тогда я уселся за стол и сделал кое-какие пометки. А утром порвал свои перфокарты, сжег и развеял их пепел.

— Садись в кресло! — приказал высокий, махнув рукой.

Я повиновался.

Они встали у меня за спиной.

Я затаил дыхание и попробовал расслабиться.

Потом высокий сказал:

— Теперь порядок. Выкладывай все с самого начала.

— Я нашел эту работу через бюро по трудоустройству,— проговорил я.— Устроился, работал, исполнил свой долг и встретил тебя. Вот и все.

— Одно время поговаривали, и, нам кажется, не напрасно, что правительство в интересах службы безопасности может получить разрешение на создание ложной индивидуальности в системе путем подмены записей. И использовать это как прикрытие для агента. Если кто-то захочет проверить его, он окажется обычным гражданином.

Я промолчал.

— Это верно? — спросил высокий.

— Да, приходилось о таком слышать, но точно не знаю,— отозвался я.

— Может, ты сам такой агент?

— Нет.

После этого они немного пошептались. Затем, судя по щелчку, открылось что-то металлическое.

— Врешь!

— Нет. Я спас жизнь двоим людям, а вы допытываетесь, как меня зовут. Почему? И что же дурного я сделал?

— Вопросы задаю я, мистер Швейтцер.

— Я просто из любопытства. Может, объясните...

— Закатай рукав.

— Зачем?

— Затем, что я тебе приказываю.

— Что вы собираетесь сделать?

— Поставить тебе укол.

— Вы врачи?

— Не твое дело.

— В любом случае, я протестую. И когда полиция вас задержит, а я об этом узнаю, то поглядим, что скажет Медицинская Ассоциация.

— Делай что велено.

— Я протестую! — повторил я, закатывая левый рукав.— Если вы меня все-таки прикончите, то не забы-

вайте, что убийство — вещь серьезная. А если уцелею, то буду вас искать. И когда-нибудь все равно найду.

Я почувствовал, как игла вонзилась в руку.

— Интересно, что вы мне вкатили?

— Эта штука называется ТС-6,— ответил один.— Возможно, ты о ней слышал. Ты останешься в здравом уме и твердой памяти, но отвечать будешь гораздо охотнее.

Я усмехнулся, что они, несомненно, приписали воздействию наркотика, и стал дышать по методу йогов. Полное дыхание йоги не обезвреживает наркотика, но улучшает самочувствие и восприятие.

Я слышал о таких снадобьях. Они оставляют тебя в сознании, но отнимают возможность лгать и мешают тщательно обдумывать ответы. Я рассчитывал, что слабых точек у меня мало, к тому же в запасе оставался финальный трюк.

Средства вроде ТС-6 больше всего не нравились мне потому, что они иногда дают побочный эффект, влияя на работу сердца.

Депрессии я не ощущал. Самочувствие было самым обычным. Я знал, что это иллюзия. Жаль, что я не мог воспользоваться противоядием из ящичка, который держал в шкафу под видом аптечки.

— Ты слышишь меня, не так ли? — спросил высокий.

— Да,— услышал я собственный голос.

— Как твое имя?

— Альберт Швейтцер,— ответил я.

Позади меня шумно перевели дыхание, напарник высокого попытался что-то сказать, но высокий остановил его.

— Твоя профессия? — был следующий вопрос.

— Техник.

— Это я отлично знаю. А еще?

— Я умею многое...

— Ты работаешь на правительство? На чье-нибудь правительство?

— Да. Я получаю зарплату, и это означает, что отчасти я работаю на правительство.

— Я спрашиваю о другом. Ты тайный агент какого-нибудь правительства?

— Нет.

— Знаешь агента?

— Нет.

— Тогда почему ты здесь?

— Я техник. Я обслуживаю машины...

— Что еще?

— Я не...

— Что еще? На кого ты работаешь, кроме проекта?

— На себя.

— Что ты имеешь в виду?

— На себя самого, чтобы жить как можно лучше.

— Я говорю о других хозяевах. Они у тебя есть?

— Нет.

Напарник высокого заметил:

— На вопросы он отвечает четко и логично.

— Может быть,— согласился высокий и опять обратился ко мне: — Что ты сделаешь, если когда-нибудь встретишь и узнаешь меня?

— Сдам в полицию.

— И будешь добиваться возмездия?

— Если смогу, то постараюсь навредить тебе побольше. Возможно, даже убью тебя, если смогу сослаться на необходимую самооборону, или подстрою несчастный случай.

— Почему?

— Потому что дорожу своим здоровьем. Ты уже навредил мне однажды, значит, можешь сделать это и опять, тем более что у тебя есть доступ к моему досье.

— Не думаю, что буду рыться в нем еще когда-нибудь.

— Так я тебе и поверил!

— Хоть ты сегодня и спас две жизни, но одну упорно стараешься оборвать.

Я молчал.

— Отвечай!

— Ты ни о чем не спрашивал.

— А может, он просто наркоман? — спросил напарник верзилы.

— Об этом я как-то не подумал. Кайфуешь?

— Ты о чем?

— Этот наркотик позволяет тебе сохранить осознание личности, времени и места действия происходящего, но подавляет твою волю, и потому ты вынужден отвечать на мои вопросы. Очень хорошо тренированный человек иногда может сопротивляться действию сыворотки правды, анализируя вопрос и давая двусмысленный ответ. Ты так и делаешь?

— Ты плохо формулируешь вопрос,— заметил второй и спросил сам: — Ты когда-нибудь принимал наркотики?

— Да.

— Какие?

— Аспирин, никотин, кофеин, алкоголь...

— А сыворотку правды? Снадобье вроде того, что заставляет тебя развязать язык? Ты пробовал такое раньше?

— Да.

— Где?

— В Северо-Западном университете.

— Почему?

— Я был добровольцем в серии экспериментов.

— Какую цель они имели?

— Изучение эффекта воздействия.

— Сознание он контролирует отлично,— сказал один другому.— Чтоб добиться от него толку, понадобится не один день. Видать, стреляный воробей.

— Ты можешь сопротивляться сыворотке правды?

— Не понимаю.

— Можешь ли ты нам теперь лгать?

— Нет.

— Опять ты не то спрашиваешь,— заметил первый.— Он не врет. Точнее, частично говорит правду.

— Как ты думаешь, выудим мы из него что-нибудь?

— Не уверен.

Однако они продолжали засыпать меня вопросами и вскоре выдохлись.

— Чтобы его расколоть, времени надо немало,— заметил коротышка.

— Надо...?

— Нет. Ответы его мы записали. Вот пусть компьютер их теперь и пережевывает.

В иллюминатор пробивалась предрассветная мгла. Похоже, они провозились со мной изрядно. Я решил подкинуть им нечто новенькое и заметил:

— Думаю, что каюта прослушивается.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Службу безопасности корабля,— отозвался я.— Полагаю, что за всеми техниками установлен надзор.

— Где устройство?

— Не знаю.

— Мы должны найти его,— сказал один.

— А толку что? — прошептал другой. Я обрадовался: он поверил, он заговорил шепотом, зная, что шепот трудно записать.— Они давно бы нагрянули, если бы велось наблюдение.

— Может, они ждут, когда мы сами полезем к ним в лапы.

Первый, тем не менее, принялся осматривать углы, а я встал, протащился через каюту и рухнул на кровать.

Моя рука, будто случайно, скользнула под подушку. Я нашарил пистолет, снял с предохранителя, потом выхватил и сел на койке, взяв на мушку нежданных посетителей.

— Порядочек, кретины,— сказал я.— Теперь вы ответите на м о и вопросы.

Высокий потянулся к поясу, но я прострелил ему плечо.

— Следующий,— произнес я, меняя глушитель.

Коротышка поднял руки вверх и взглянул на приятеля.

— Садитесь,— предложил я обоим.

Они повиновались.

Я подошел к раненому.

— Дай сюда руку.

Я осмотрел рану. Пуля прошла навылет.

Разоружив налетчиков, я посмотрел, как они выглядят под масками. Лица были мне не знакомы.

— Теперь выкладывайте, кто вас послал и кому я мешаю.

Оба молчали.

— Времени у меня куда меньше вашего,— заметил я.— Придется скрутить вас покрепче. Церемониться с вами после того, как вы вкатили мне наркотик, я не собираюсь.

Я достал из аптечки липкую ленту и связал их.

— Это место неплохо звукоизолировано,— сообщил я, положив пистолет,— а насчет прослушивания я соврал, так что можете поорать, если хотите. Тем не менее должен вас предупредить: вы уже заработали, чтобы вам переломали все кости. Так кто вы такие? — повторил я.

— Я — механик челнока,— сказал коротышка,— а он — водитель.

Высокий зло зыркнул на него.

— Ладно,— согласился я.— Мне хватит и этого,

тем более что я вас ни разу здесь не видел. Хорошенько обдумайте следующий вопрос: на кого вы на самом деле работаете?

Я спросил об этом, потому что у меня был козырь против них. Я отлично владел собой, поскольку от этого зависели моя жизнь и работа. Меня действительно зовут Альберт Швейтцер, по крайней мере сейчас. Я всегда становлюсь тем, кем должен стать. Спроси они меня, кем я был раньше,— возможно, я ответил бы иначе. Все зависит от самообладания и от заданной себе установки.

— Так кто дергает за веревочки? — спросил я.

Ответа не было.

— Ну что ж,— решил я,— придется действовать иначе.

Налетчики дружно уставились на меня.

— Вы надо мной вдоволь поизмывались,— продолжал я,— а теперь я сполна верну вам должок. Только я возьмусь за дело с толком. Буду пытать вас до тех пор, пока вы не развяжете языки.

— Не делайте этого,— посоветовал высокий.— Вы увеличите свой индекс склонности к насилию.

— Поглядим! — усмехнулся я.

Как можно существовать не существуя? Для меня это оказалось очень легко. Ведь я участвовал в проекте с самого начала, и мог многое.

Уничтожив перфокарты со своими данными, я пришел на работу как обычно. И начал искать точку введения данных. Это было последнее, что я сделал на службе.

Точка находилась на севере, в Туле, на метеостанции.

Там работал старикан, большой любитель рома. Я отлично помню тот день, когда приплыл туда на своей шхуне «Протей», бросил якорь в бухте, зашел к старику и посетовал на скверную погоду.

— Оставайся у меня,— предложил он.

— Компьютер не советует выходить в море.

— Ну так пережди.

Он накормил меня, и мы поговорили о том о сем. Я принес со шхуны ящик рома, который припас специально для этой цели.

— Автоматики тут хватает,— заметил я.

— Это верно.

— Тогда почему вас здесь держат?

Он рассмеялся и ответил:

— Мой дядя был сенатором. Мне понадобилась работа. Вот он меня здесь и пристроил. Взглянем на корабль?

Так мы и сделали.

«Протей» был внушительных размеров и с мощными машинами.

— Вот, побился об заклад и хочу доплыть за Полярный круг,— пояснил я.

— Экая блажь!

— Знаю, но пари все равно выиграю.

— Попробуй,— согласился старик.— Когда-то я был задира вроде тебя! — И широко улыбнулся.— У тебя что-то стряслось?

— Угадали! — ответил я и предложил: — Давайте-ка выпьем,— потому что он невольно напомнил мне о Еве.

Он последовал моему приглашению, а я небрежно бросил:

— Хотя моей девчонке это не очень нравится.

Думаю, это было именно то, что он хотел услышать.

— Уже месяца четыре, как мы капитально поссорились и расстались.

Я принялся плести всякие небылицы, а старик был просто счастлив, что угадал.

Она была высокой, коротко остриженной блондинкой. Я встретил ее, когда отдыхал в Нью-Йорке. Помог найти станцию надземки, вошел вместе с девушкой в вагон, проехал до ее остановки, пригласил поужинать, но меня послали к черту.

Я до сих пор помню наш диалог:

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Но я ужасно проголодался. Пойдем перекусим?

— А еще что?

— Поболтаем. Я совсем один.

— Не на ту напал.

— Очень даже может быть.

— Я тебя вообще в первый раз вижу.

— А мне все равно хочется спагетти и стаканчик вина.

— Ну и приставала же ты!

— Ничего подобного. Я очень даже порядочный.

— Ну ладно, так и быть, пошли есть твои спагетти.

Что мы и сделали.

За месяц мы очень сблизились. Оказалось, что Ева жила в одном из тех странных городков-пузырей на дне моря. Но мне это было безразлично. Она мне просто очень нравилась. Ева была в отпуске, как и я. Смотрела Большую Землю. Я тоже нечасто бывал в Нью-Йорке.

Однажды я сделал ей предложение.

Но она не хотела покидать свой подводный город, а я не желал отказываться от планов на будущее. Я мечтал о большом надводном мире. Мы с синеглазой девушкой, жившей в океанских глубинах, никак не хотели уступить друг другу. Я был чертовски упрям, она тоже. В том-то и вся беда... Теперь я понимаю, что в неуступчивости своей оба мы были сумасшедшими.

Ева, где бы ты ни была, я надеюсь, что вы с Джимми счастливы.

— Добавить кока-колы? — спросил я.— Пусть будет,— и залпом осушил стакан, а старик выпил два.

— Это мне нравится, мистер Хэмингуэй,— заявил он.

— Ну и пейте на здоровье.

— Непременно воспользуюсь твоим разрешением. А ты ложись-ка спать. Можешь лечь вон там.

— Спасибо.

Он зевнул, потянулся и ушел.

А я выждал часа полтора и принялся за дело.

Его метеостанция имела прямой ввод в центральный компьютер. Я задействовал вход, сделал все, что нужно, и аккуратно замел следы.

Теперь все было в порядке.

Через этот канал с расстояния сотен миль я мог скормить Центру все, что угодно, и он все сожрет.

Я чувствовал себя почти богом.

Ева, может быть, я обязан был действовать иначе. Не знаю.

Наутро я опохмелил Билла Меллингса, который так ничего и не заподозрил. Он был человек порядочный, и я очень радовался тому, что он никогда не подумает обо мне плохо. И никто его не накажет, в этом я был уверен, потому что никто никогда не сможет меня поймать. А если даже и поймают, не думаю, чтобы ему грозили неприятности. В конце концов, его дядя был сенатором.

Я был способен стать кем угодно. Я мог сочинить

для себя любое прошлое, имя, образование и прочее. Я мог занять любое место в современном мне обществе. Единственное, что для этого нужно — связаться с Центром через метеостанцию. Достаточно создать запись, и я буду существовать в любом воплощении, которое сочиню.

Ева, ты была очень дорога мне. Я...

Думаю, что правительство и само время от времени проделывало нечто подобное. Однако я уверен, что никто не подозревал о существовании независимого подрядчика.

Я знал очень многое о детекторе лжи и сыворотке правды — ведь я скрывал свое имя. Известно ли вам, что детектор лжи ненамного изменился с XX века? Были, конечно, способы идентификации по поту, дактилоскопии и прочее, но вещи посложнее испытывались в лабораториях. Главное, на что полагались сейчас,— это на записи в системе. Иные доказательства почти ничего не значили для суда.

Мозг с патологией мог сопротивляться амиталу и пентоталу. Но были и ребята, прошедшие наркопробу.

Что такое наркопроба?

Когда идешь искать работу, то проходишь тест на сообразительность или на способности — инвентаризацию личности. Уверен, что через это прошли все, а все данные заложены в Центр. В случае необходимости вы можете поднять их. Они открываются в вашей юности и ведутся всю жизнь, эти проклятые записи. Вы проходите через то, что психологи называют пробой личности.

Итак, вы учитесь давать тот ответ, который их устраивает. Учитесь маленьким, экономящим время фокусам. Вы чувствуете себя в безопасности, осознавая, что это игра — и игра сознательная.

Это и называется наркопробой.

Если вы не боитесь и если вам раньше приходилось пробовать наркотики для подобных целей, вы можете сопротивляться.

Наркопроба есть не что иное, как наука сопротивляться действию сывороток правды.

— Заткнись! Теперь спрашиваю я, а ты отвечаешь! — сказал я.

Я решил, что старый испытанный метод — пытки и угроза пыток — при допросе действует гораздо лучше.

И я им воспользовался.

Рано утром я встал и живо приготовил завтрак. Налив стакан апельсинового сока, я встряхнул Билла за плечо.

— Что такое, черт побери? — проворчал он.

— Идем завтракать,— ответил я.— На, выпей.

Он выпил, и мы отправились на кухню.

— Погода вроде нормальная,— сказал я.— Пожалуй, мне пора.

Он кивнул, не отрываясь от яичницы.

— На обратном пути заворачивай ко мне, слышишь?

— Хорошо,— согласился я.— Непременно загляну.

Мы проболтали все утро и за разговорами выпили три кружки кофе. Выяснилось, что судьбы наши похожи. Когда-то Билл имел обширную медицинскую практику. Позже он вытащил из меня несколько пуль, не расспрашивая, откуда они взялись. Некоторое время был в отряде первых астронавтов. Потом я узнал, что жена его умерла от рака шесть лет назад. Тогда-то он забросил практику и больше не женился. Он искал одиночества и наконец нашел его.

Но хотя со временем мы стали близкими друзьями, я так и не рассказал Биллу ни о том, что мне понадобилась его аппаратура, ни о том, как я ее использовал. Хотя я уверен, что он — один из немногих, кому я смог бы довериться. С другой стороны, я не хотел впутывать его во все эти дела. К чему причинять лишние хлопоты друзьям?

Так я стал человеком, который не существует. И в то же время получил возможность быть тем, кем хочу. Надо было только составить программу и скормить ее Центру через точку введения информации.

Но нужно было и определиться на будущее. Это оказалось потруднее. Я должен был иметь такую специальность, чтоб за свою работу всегда получать наличными. Кроме того, зарабатывать надо было побольше, чтобы ни в чем не нуждаться.

А это было непросто, потому что я не мог заниматься многими видами легальной деятельности. Можно было сочинить себе хорошую легенду, выбрать работу по душе

и поступить куда-нибудь на службу. Но меня это не устраивало.

Я создал новую личность и ввел ее данные в Центр. То, что я сделал тогда, было забавным пустячком, фривольным капризом. Я жил на борту «Протея», стоявшего на якоре в маленькой бухте островка у побережья Нью-Джерси.

Я изучал дзюдо. Как известно, существуют три школы: кодокон (японский стиль), будо-кваи и система Французской федерации. Последние две заимствовали у первой броски, захваты и другие приемы, только техника в них погрубее. Кодокон хорош для людей невысокого роста, и тут все больше зависит от быстроты реакции, ловкости и отработанной техники приемов, чем от физической силы. Будо-кваи и французская система позаимствовали у кодокона лишь основную технику борьбы. Единственное, что мне мешало в занятиях,— это моя расхлябанность. Кодоконом можно заниматься и в 80 лет. Там все зависит не столько от силы, сколько от ловкости, а я был уже не так увертлив, как в юности. К тому же я был довольно высок, и потому из всех трех стилей борьбы выбрал то, что мне больше всего подходило, и создал свой. Он позволял мне поддерживать форму.

После того как кончились занятия этой физкультурой, я начал штудировать слесарное дело. Немало времени потратил на технику взлома даже простейших замков, но до сих пор уверен, что самый лучший способ кражи — высадить дверь, сгрести, что попадет под руку, и удирать со всех ног.

Я не исключал, что когда-нибудь мне придется действовать как преступнику. Были люди, совершавшие преступления, были те, которые их не совершали.

Я досконально изучал все, что мне могло бы пригодиться. Пока, возможно, я не слишком в этом преуспел, зато кое-чему все же научился, в том числе и существовать, вернее, не существовать вне системы.

Когда денег у меня почти не осталось, я решил разыскать Дона Вэлша. Я знал, кто он такой, хотя ему обо мне ничего не было известно, да я надеюсь, что и не будет. Так я нашел способ зарабатывать себе на жизнь.

И держусь на плаву без особых проблем вот уже десять лет.

С тех пор я посылал открытку Дону на каждое Рождество.

Не знаю, насколько они сориентировались, что я вожу их за нос. Они говорили что-то о моем индексе склонности к насилию, а это значило, что у них есть либо мое досье, либо доступ к Центру. Это означало, что я удержал равновесие вплоть до кануна «Румоко». Будильник был поставлен на 5.45, и я перевел его на восемь. Если уж им было известно так много, то наверняка и расписание дежурств тоже.

Произошло то, чего я все это время ждал. Целый месяц я держал руку на грохочущем пульсе проекта «Румоко». Но если они знали, сколько времени у меня оставалось на самом деле, то у них был резон попытаться помешать мне любой ценой. Я не мог держать их взаперти целый день, а сдавать службе безопасности, прежде чем я вытрясу из них задание, мне очень не хотелось, потому что я не знал, есть ли у них сообщники, которые не затеют еще что-нибудь после того, как фокус с «Джи-9» не удался. Во всяком случае, в день реализации проекта что-то должно было случиться.

Для того чтобы заработать свои деньги, я должен был передать посылку, но ящик до сих пор был пуст.

— Джентльмены,— сказал я. Собственный голос показался мне чужим, а реакции замедленными, поэтому я старался поменьше двигаться и говорил с расстановкой.— Джентльмены, роли переменились. Теперь мой черед.— Я развернулся вместе со стулом и положил правую руку с пистолетом на кисть левой, скрестив их на спинке стула.— Наберитесь терпения и выслушайте, как я намерен с вами поступить. Вы явно не правительственные агенты,— продолжал я, вглядываясь то в одного, то в другого.— Вы явно защищаете чьи-то частные интересы, в противном случае вы несомненно захотели бы убедиться, что я один. Допрашивая меня, вы прибегли к крайним мерам, отсюда я делаю вывод, что вы штатские и лишь отчаяние толкнуло вас на этот шаг. Я подозреваю, что ваше появление связано со вчерашней попыткой диверсии. Да, я считаю, что это была именно диверсия. Но мне удалось помешать чьим-то планам, потому-то вы и заявились.

Допустим, что я вам поверил, и вы те, за кого себя выдаете. Но я мог бы обшарить ваши карманы и посмотреть документы, если они есть, конечно. Однако мне это ни к чему. Я хочу только узнать, на кого вы работаете. Хозяева ваши, конечно, от вас откажутся, но то,

что я о них узнаю, им самим, возможно, не повредит.

— Зачем тебе это? — спросил высокий, хмуро поглядев на меня. Я заметил у него шрам в углу рта, до этого скрытый под маской.

— Когда вы скажете, кто вас нанял, я узнаю, зачем вы пришли.

— И что с нами будет дальше?

Я пожал плечами.

— Может быть, я вам отомщу.

Он покачал головой.

— Вы тоже на кого-то работаете,— сказал он.— И если не на правительство, то все равно на кого-нибудь из тех, кто нам не по душе.

— Значит, вы признаете, что у вас есть хозяин? Но если вы не хотите предавать его, то, может быть, вы скажете хотя бы, почему стараетесь сорвать проект?

— Нет.

— Ну что ж, дело ваше. Ведь я все равно понимаю, что вы связаны с каким-то крупным нанимателем, который является противником проекта. Угадал?

Коротышка засмеялся, но второй оборвал этот смех свирепым взглядом.

— Стало быть, так оно и есть,— продолжал я.— Идем дальше. Я допускаю, что ко мне могут нагрянуть ваши друзья, которые захотят окончательно разделаться со мной и прийти на выручку вам. Что, опять попал в точку?

— Прослушивается его каюта или нет? — спросил коротышка, казавшийся чуть помоложе напарника.

— Конечно, нет,— отозвался тот.— Но все равно держи язык за зубами.

— Ну что, может, поговорим все-таки? — спросил я.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Тогда должен предупредить, что на вопросы вам все равно придется отвечать, но уже не мне.

Высокий снова покачал головой, потом подумал немного и спросил:

— Вы твердо намерены это сделать?

— Да.

Казалось, он обдумывает мой ответ.

— Потом я ничем не смогу вам помочь,— заключил я.— Даже если вы прошли наркопробу, вас все равно расколют за пару дней, если будут действовать умело. Как вам это понравится? Поскольку, как я вижу,

вы не очень торопитесь с ответом, допускаю, что вы задумали что-нибудь еще, чтобы помешать проекту.

— Черт возьми, мозги у этого парня работают неплохо! — заметил коротышка.

— Скажи ему, чтобы он заткнулся,— посоветовал я высокому.— Мне его шутки не очень нравятся. Так что вы затеяли? Давайте выкладывайте. Рано или поздно все равно придется рассказать.

— Он прав,— сказал парень со шрамом.— Ты, однако, сообразителен. По твоим личностным данным мы такого не ожидали. Может, тебе денег предложить?

— Попробуй,— согласился я.— Только сумма должна быть соответственной. Назовите сумму и скажите, кто ее предлагает.

— Предположим, четверть миллиона долларов наличными,— ответил он.— Это самое большее, что я могу предложить. Отпусти нас и забудь обо всем случившемся. Занимайся своими делами.

Я обдумал предложение. Внешне оно выглядело заманчиво. Но за год мне не раз подворачивалась возможность неплохо заработать, однако я не хотел вести двойную игру с частным сыскным агентством Вэлша, третьим по величине агентством мира, с которым я и впредь намеревался сотрудничать в качестве независимого подрядчика.

— Так кто же несет расходы, как и почему?

— Я могу выдать тебе половину суммы наличными сегодня ночью, а другую — через неделю, максимум — дней через десять. Сам скажешь, как тебе будет удобнее. Можешь строить всякие допуски, только лишних вопросов лучше не задавай. Это — одно из условий, за соблюдение которых мы заплатим.

— Должно быть, у вашего хозяина уйма денег,— заметил я. Потом взглянул на часы и увидел, что уже четверть седьмого,— но, к сожалению, ваше предложение мне не подходит.

— Значит, ты не правительственный чиновник. Любой из них позарился бы на такую сумму.

— Я уже говорил вам, что работаю не на правительство. Так что же дальше?

— Похоже, мы зашли в тупик, мистер Швейтцер.

— Едва ли,— возразил я.— Скорее, добрались до конца предисловия. Поскольку вразумить вас не уда-

лось, придется браться за дело. Заранее дико извиняюсь, но другого выхода у меня нет.

— Вы действительно решили применить физическое насилие?

— Боюсь, что да,— ответил я.— Нам никто не помешает. Поскольку я предполагал, что утром у меня с похмелья будет трещать голова, то прежде чем пойти спать, сказался больным. Так что в моем распоряжении целый день. Вы уже ранены, рана ваша болит. Подумайте, что я могу с вами сделать за день.

Затем я осторожно встал, и хотя перед глазами у меня все поплыло, виду я не подал. Подойдя к коротышке, я сгреб его и поднял вместе со стулом. Чувствовал я себя неважно, однако силы у меня еще были.

Я унес его в ванную и прямо на стуле запихнул под душ, но так, чтобы вода не попадала на голову.

Затем вернулся в каюту.

— Теперь расскажу, что я задумал,— сказал я.— Я измерял температуру воды в ванной в разное время дня. Она колеблется от 140 до 180 градусов по Фаренгейту. Твой приятель окажется под струей кипятка сразу же, как только я включу воду. А я расстегну ему рубашку и спущу брюки, чтобы побольше открыть тело, понял?

— Понял.

Я вернулся в ванную и включил воду — одну горячую. Потом опять пришел в каюту и принялся наблюдать за лицом высокого. Мне вдруг показалось, что они с коротышкой чем-то неуловимо похожи. «Уж не родственники ли они?»— подумал я.

Когда из ванной раздался крик, высокий постарался казаться спокойным. Я понимал, что с ним творится. Держался он из последних сил, поглядывая то на часы, то на меня.

— Да выключи ты душ, черт тебя побери! — крикнул он наконец.

— Это твой брат? — спросил я.

— Двоюродный! Выключи же, наконец, кипяток, обезьяна!

— Только тогда, когда тебе будет что сказать.

— Ладно. Только оставь его там и прикрой дверь.

Я ринулся в ванную и закрыл кран. В голове у меня начало проясняться, но я по-прежнему чувствовал себя, как грешник на сковородке.

Закрывая кран, я обжег руку. Оставив свою жертву сидеть мешком, я вернулся в каюту, прикрыв за собой дверь.

— Так что ты хотел сказать?

— Можно мне освободить руку и взять сигарету?

— Нет, но сигарету получишь.

— Развяжи хотя бы правую. Затекла здорово.

Я подумал и выполнил его просьбу, но сам взял пистолет. Зажег сигарету, сунул ему в рот и освободил правую руку от ленты. Сигарета выпала, но я поднял ее и снова сунул высокому.

— Так и быть,— сказал я.— Отдохни секунд десять, а потом поговорим.

Он кивнул, оглядел каюту и глубоко затянулся.

— Я уверен,— произнес он,— что работаешь ты не на правительство, а досье у тебя весьма солидное.

— Да, я работаю не на правительство.

— Тогда жаль, что ты не на нашей стороне, потому что этот проект очень опасен. Но кто бы ты ни был, если ты работаешь на проект, значит, участвуешь в преступлении.

Он снова взглянул на часы.

Шесть двадцать пять.

На часы высокий посматривал и раньше, но я не обращал на это внимания. Однако теперь мне показалось, что он просто тянет время.

— Когда взрыв? — спросил я наугад.

Но высокий купился на мой блеф.

— Принеси сюда моего брата.

— Ты не ответил,— настаивал я.

— Взрыв скоро,— отозвался он.— Но для тебя это неважно. Ты все равно опоздал.

— Не думаю,— возразил я.— Я постараюсь успеть. А тебя теперь можно передать кому следует.

— Дело твое. Только вначале все-таки принеси моего брата и окажи ему помощь.

Я выполнил и эту его просьбу.

— Придется вам, ребята, малость посидеть здесь,— сказал я, потушив окурок у старшего и вновь связывая его. Потом я шагнул к двери.

— Но ведь ты ничего не знаешь! — прокричал высокий мне вслед.

— Не валяй дурака! — бросил я через плечо.

* * *

Я не знал. Я действительно ничего не знал.

Но мог бы и догадаться.

Я помчался по коридору прямо к каюте Кэрол Дейт и барабанил кулаком в дверь до тех пор, пока не услышал тихую ругань и просьбу обождать чуток. Потом дверь открылась, и заспанная, растрепанная Кэрол с недоумением уставилась на меня, щурясь от света и кутаясь в пеньюар.

— Чего тебе? — спросила она.

— Я насчет вчерашнего,— ответил я.— Поговорить надо. Можно к тебе?

— Нет,— отрезала она.— Я не привыкла...

— Диверсия,— сказал я тогда.— Я точно знаю. И то, о чем мы толковали в прошлый раз, еще не кончилось. Пожалуйста...

— Входи,— дверь неожиданно распахнулась, и Кэрол посторонилась, пропуская меня.

Я вошел.

Она закрыла дверь, прислонилась к ней и сказала:

— Выкладывай.

На столике мерцал ночник. Постель была измята. Видно, Кэрол давно и крепко спала.

— Видишь ли, в прошлый раз я не все тебе рассказал,— начал я.— Да, это была диверсия. В «Джи-9» подложили бомбу, и я обезвредил ее. С этим все обошлось. Но сегодня — день начала реализации проекта, и я думаю, что диверсию попытаются повторить. Я уверен. И догадываюсь, в чем она будет состоять. Тебе помочь? А может быть, ты сама поможешь мне?

— Сядь,— велела она.

— Времени мало.

— Сядь, пожалуйста. Мне надо одеться.

— Только побыстрее.

Она ушла в другую комнату, оставив дверь открытой. Я встал у притолоки, но Кэрол было все равно. Похоже, она доверяла мне.

— Так в чем же дело? — спросила она наконец.

— Думаю, что по крайней мере один из наших атомных зарядов служил ловушкой для дураков.

— Откуда ты знаешь?

— Просто в моей каюте сидят два типа, которые утром пытались побеседовать со мной насчет обслуживания «Джи-9», но я их прикрутил к стульям.

— Думаешь, это они?
— Предполагаю. Они были грубоваты со мной.
— И что же было дальше?
— Потом, когда я взял реванш, я так же обошелся с ними. И заставил их говорить.
— Каким образом?
— Это тебя не касается. Самое главное, что они все-таки заговорили. И еще я думаю, что надо проверить запалы «Румоко».
— Я могу забрать этих парней из твоей каюты?
— Да.
— Как ты с ними справился в одиночку?
— Они не знали, что я вооружен.
— Ясно. Мы их возьмем, не волнуйся. Но ты расскажешь, что тебе удалось узнать?
— Расскажу кое-что,— пообещал я.— Только ты не записывай. Твоя каюта прослушивается?
Кэрол молча кивнула и приложила палец к губам.
— Идем, надо что-то делать, а времени у нас в обрез. Я не хочу, чтобы этим ребятам удалось сорвать проект.
— Не беспокойся. Ты действовал, как надо. А вообще, ты очень странный. Ты сделал то, чего от тебя никто не ожидал. Это произошло случайно. Мы иногда сталкиваемся с людьми, которые отлично знают свое дело и не теряются в любой ситуации. Ты считаешь, что за бортом скоро взорвется атомный заряд. Верно?
— Да.
— И считаешь, что в одном из них перенастроен таймер?
— Вот именно,— ответил я, взглянув на часы. Было около семи.— Держу пари, что до взрыва осталось меньше часа.
— Чтобы обезвредить взрывное устройство, нужно всего несколько минут.
— Что ты собираешься делать?
Кэрол поставила телефон на туалетный столик.
— Эксплуатационный! — вызвала она и приказала: — Прекратить отсчет! — Потом взглянула на меня и продолжала: — Сержант, вам необходимо арестовать несколько человек. Какая у тебя каюта? — спросила она меня.
— Сорок шестая.
Она повторила номер.

— Сейчас их возьмут,— успокоила она меня.— Ты уверен, что скоро будет взрыв?

— Я уже дважды об этом говорил.

Кэрол снова обратилась к сержанту:

— Два человека. Да, верно. Спасибо,— закончила она и повесила трубку.

— Ты знаешь, как его предотвратить? — спросила она.

— Естественно. Только нужны инструменты. А вообще, лучше бы пригласить специалиста.

— Займись этим сам,— попросила Кэрол.

Минут через пять я вернулся в ее каюту, неся на ремне через плечо тяжелую коробку.

— Это оказалось не так-то просто,— сообщил я.— Но я сделал все, что надо. Почему было не пригласить хорошего физика?

— Нужен был ты,— возразила Кэрол.— Ведь ты замешан в этом с самого начала, потому тебе и карты в руки. Группа вообще должна быть компактной.

— Куда это девать? — спросил я. Кэрол отвела меня и показала, где оставить ящик.

Пробило семь.

Вся операция заняла у меня десять минут.

Это были детские игрушки. Диверсанты воспользовались моторчиком от старого детского конструктора на батарейке. Часовой механизм был самый примитивный. Бомбу я вышвырнул за борт. Прислонившись к поручню, сказал:

— Ну, вот и все...

— А ты молодец,— похвалила Кэрол.— Только вот что,— продолжала она.— Ты участвовал в самом серьезном расследовании, какое мне довелось проводить в своей жизни. Заруби это на носу.

— Продолжай. Ведь мое досье безупречно.

— Вряд ли. Одно могу тебе сказать точно: реальные люди так не поступают.

— Так потрогай меня и убедись, что я реален. А если не нравится мой образ жизни, я тут ни при чем.

— Любопытно было бы послушать, как ты объясняешься в любви. Я бы не отказалась.

— Довольно глупое желание.

Кэрол странно посмотрела мне прямо в глаза.

— У тебя явно есть какая-то тайна, которую ты скрываешь. К тому же, ты ужасно старомоден,— сказала она наконец.

— Вполне может быть. Но ведь ты сказала, что я тебе помог. Так почему бы тебе не остаться при этом мнении? Ведь я не совершил ничего плохого.

— Ты действительно не нарушил никаких правил. Разве что с «Джи-9» взялся работать без допуска. Но этого тебе никто не поставит в вину. И все-таки мне придется написать рапорт, в котором я должна буду изложить все случившееся. Кое о чем я не имею права умалчивать.

— Я об этом и не просил.

— Тогда как же мне поступить?

Я знал, что когда ее рапорт поступит в Центр, я смогу стереть там все ненужное. Но до того он пройдет через руки нескольких человек, и у меня могут быть неприятности.

— Группа была компактной,— повторил я и спросил: — Ты не можешь опустить это?

— Нет.

— Ладно. Тогда напиши, что привлекла меня к сотрудничеству в самом начале.

— Это лучше.

— Раз уж нельзя умолчать, то пусть будет так.

— Пусть будет.

— Что еще?

— Посмотрим, что можно сделать.

— И на том спасибо.

— А что ты станешь делать, когда твоя работа здесь закончится?

— Не знаю. Может быть, возьму отпуск.

— Будешь отдыхать совсем один?

— Увидим.

— Понимаешь, ты мне нравишься, и я сделаю все, чтобы уберечь тебя от неприятностей.

— Очень польщен и признателен.

— Похоже, у тебя на все готов ответ.

— Спасибо за комплимент.

— А как насчет девушки?

— Что ты имеешь в виду?

— Пригодилась бы она тебе на следующем задании?

— Я думал, у тебя здесь неплохая работа.

— Да, но я вовсе не об этом. У тебя кто-то есть?

— Не понял.

— Перестань валять дурака.

— Я свободен, как ветер.

— Неужели?

— Это ты валяешь дурака,— возразил я.— Зачем, черт возьми, мне связываться с контрразведкой? Ведь не станешь же ты работать со мной в паре!

— Ты знаешь, я бы рискнула. Я ведь видела тебя в деле и думаю, что на тебя вполне можно положиться.

— Это самое странное предложение в моей жизни.

— Думай быстрее,— настаивала она.

— Ты сама не знаешь, чего просишь.

— А если ты мне ужасно нравишься?

— Я всего лишь обезвредил бомбу...

— Я говорила не о будущем вознаграждении, но в любом случае — спасибо. Значит, ты отказываешься?

— Перестань. Можешь ты дать человеку подумать?

— Думай на здоровье,— сказала она, отвернувшись.

— Погоди, Кэрол, не сердись. Я действительно был твоим союзником. Но видишь ли, я — закоренелый холостяк...

— Ну и что с того? — возразила она.— Дело вовсе не в этом. Ты не такой, как все. Просто ты умеешь многое, чему я хотела бы научиться тоже.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Например, ты умеешь лгать компьютерам, и притом весьма успешно.

— С чего ты взяла?

— Но ведь ты существуешь, вот и ответ.

— Я действительно существую. Ну и что?

— Значит, тебе известно, как ускользнуть из системы.

— Ты ошибаешься.

— Нет. Я уверена в этом. Помоги мне.

Я взглянул на Кэрол. Казалось, она вот-вот заплачет. Тонкая прядь волос упала ей на щеку.

— Я — твой последний шанс, да? У тебя наверняка свои проблемы и потому ты готова рискнуть?

— Угадал.

— Не глупи, Кэрол. Эта игра очень опасна, а двойная — тем более. Я играю по своим собственным правилам, которые годятся лишь для одного меня, а тебя ставить под удар я не хочу. Если мы будем вместе, то очень скоро ты можешь остаться молодой вдовой. Вот и весь твой выигрыш.

— Ты достаточно умен и ловок.

— Но излишней самоуверенностью не страдаю. Всякое может случиться.

— Тем не менее я хотела бы быть с тобой.

— Все не так просто. Я должен хорошенько подумать.

— Что ж, я подожду.

— Игра не стоит свеч, детка.

— Сомневаюсь.

— Ладно, поглядим.

Хорошенько выспавшись, я доложил о выполненном задании.

— Ты опоздал,— сказал Мюррей.

И я пошел посмотреть, как начинается то, ради чего мы рисковали.

«Румоко» начинал работать.

Ребята пошли вниз. Мартин и Димми установили заряды. Когда все было готово, «Аквина» отошла подальше от места взрыва. Оставалось только подать радиосигнал.

Наконец сигнал был подан. На палубе стоял пожилой седой человек в широкополой шляпе. Поля ее свисали, оставляя в тени лицо.

— Ну вот, добавили малость копоти в атмосферу,— сказал Мартин.

— Проклятье! — выругался Димми.

Океан вздыбился и рухнул на нас, но якорь удержал «Аквину» на месте.

Корабль встряхнулся, как мокрый пес, и тут началось такое, что я вцепился в поручни, чтобы не оказаться за бортом. Огромные волны, одна больше другой, стали накатываться на «Аквину».

— Готовность номер один! — сказала Кэрол.— Сейчас будет пуск.

Я молча кивнул. Слова были излишни.

— Остров растет на глазах! — воскликнула Кэрол, и я снова кивнул.

Наконец поздно утром освобожденная стихия вырвалась на свободу.

Вода бурлила, как в огромном котле, потом из подводных глубин появилось пламя. А затем вырос фантастических размеров водяной столб. Он взметнулся на огромную высоту, золотясь в солнечных лучах, словно Зевс, проникший к Данае. Все это сопровождалось оглушительным ревом. Столб завис в воздухе на несколько

секунд и рассыпался мириадами брызг. На его месте тут же возник огромный водоворот. Я наблюдал, как он расширяется. Вода вспенилась и засветилась изнутри. Снова раздался гул. Ввысь ударил новый фонтан, затем еще и еще. Всего их было четыре, один больше другого.

Потом океан словно раскололся надвое и волна, подобная цунами, подхватила «Аквину». Однако наш корабль выдержал и этот натиск, хотя очутился на самом гребне водяного вала.

Все на расстоянии нескольких миль от нас бушевало и кипело. Казалось, что до эпицентра взрыва рукой подать.

Следующий вал поднялся до самого неба, и казалось, на землю спустились сумерки. У подножия этого гигантского водяного столба сверкало пламя. Сумерки сгущались все больше и больше. Это пепел, забивая глаза и легкие, висел в воздухе сплошной пеленой. Время от времени тучи его проносились мимо нас, словно стаи черных птиц. Я закурил, пытаясь хоть как-то защититься от смрада, и наблюдал, как растет пламя.

Море потемнело. Словно потревоженное чудовище, оно лизало корпус «Аквины». Мерцание и вспышки продолжались, а над клокочущей поверхностью вод появился темный силуэт.

Румоко восставал из бездны.

На наших глазах рождался искусственный остров. Быть может, это часть давно пропавшей Атлантиды представала пред нами. Человек овладел тайной сотворения суши. Со временем Румоко станет обитаем. А если мы создадим цепочку таких островов...

Да, может быть, появится вторая Япония. Прибавится суши для растущего человечества. Прибавится жизненного пространства.

Из-за чего же меня допрашивали? Кому помешала эта затея? Не столь уж она плоха, как я погляжу...

Я отправился обедать.

Кэрол, как бы случайно, тоже пришла в столовую. Я кивнул. Она села напротив меня и сделала заказ.

— Ну что?

— Ничего.

— Решил что-нибудь? — спросила она между салатом и эрзац-говядиной.

— Пока нет.

— Что ж ты так?

— Видишь ли, ты застала меня врасплох, а я знаю тебя совсем мало.

— И что ты предлагаешь?

— В старину, прежде чем пожениться, люди объявляли помолвку, чтобы лучше узнать друг друга. Давай и мы так сделаем.

— Я тебе не нравлюсь? Но по степени совместимости мы хорошо подходим друг другу. Твои данные, то есть человека, за которого ты себя выдаешь, я получила из Центра. Однако полагаю, что знаю о тебе больше.

— Допуская, что я могу оказаться другим, ты все же хочешь рискнуть?

— Да, несмотря ни на что, я намерена сыграть ва-банк, хотя ты жуткий индивидуалист.

Я знал, что столовая прослушивается, но по поведению Кэрол догадывался, что она не подозревает о моей осведомленности.

— И все же я не советовал бы тебе спешить.

— Может, мы обсудим это где-нибудь в другом месте?

Мы принялись за десерт.

— Где?

— Хотя бы на Шпицбергене.

Я подумал и ответил:

— Согласен.

— Я буду готова часа через полтора.

— Погоди. Я думал, ты собираешься туда на выходной. Ведь расписание работ никто не отменял.

— Но ведь твоя работа здесь уже закончена, верно?

Я доел весьма неплохой яблочный пирог, сыр и запил все это чашкой кофе. Наконец, покончив с десертом, я медленно покачал головой.

— Но я могу освободить тебя от дежурства,— предложила Кэрол.— Хотя бы на денек. Ничего страшного не случится.

— Извини, я хочу дождаться результата проб. Давай все-таки поедем в выходной.

Она, похоже, обдумывала мое предложение и наконец согласилась:

— Идет.

Я кивнул.

Это «идет» вместо «да», «хорошо» или «ладно» могло быть чем-то вроде условного сигнала для тех, кто слушал наш разговор. Но мне было все равно.

По дороге к выходу Кэрол шла чуть впереди. Я рас-

пахнул перед ней дверь и столкнулся с каким-то человеком.

Она остановилась и обернулась.

— Обойдемся без объяснений,— сказал я.— Дал маху, вот и расплачиваюсь. Свои права я знаю, так что не трудитесь их перечислять.— Увидев направленный на меня пистолет, я поднял руки вверх и пожелал: — Счастливого Рождества.

Тем не менее Кэрол принялась просвещать меня на сей счет, стараясь не встречаться со мной глазами.

Я мог бы сразу догадаться, что меня стараются подцепить на крючок. «Не похоже, чтобы Кэрол часто приходилось играть подобную роль»,— лениво думал я. Интересно, смогла бы она довести ее до конца, если б обстоятельства сложились иначе? Тем не менее она была права: моя работа на борту «Аквины» закончилась. Мне пора было убираться и позаботиться о том, чтобы Альберт Швейтцер перестал существовать через сутки.

— Вы отправитесь на Шпицберген нынче ночью,— сказала Кэрол.— Там вас будет удобнее допрашивать.

Интересно, повезет ли мне на сей раз?..

Словно прочитав мои мысли, она добавила:

— Зная, чего от вас можно ожидать, предупреждаю сразу — ваш сопровождающий подготовлен не хуже, чем вы.

— Стало быть, наш с вами вояж не состоится?

— Боюсь, что нет.

— Весьма сожалею. Значит, пора сказать «прощай». Я был о вас несколько иного мнения.

— Каждый выполняет свои обязанности, а цель оправдывает средства,— бросила она.

— Ну что ж, было бы наивностью ожидать чего-то другого,— ответил я.

— Боюсь, что без наручников нам не обойтись,— вздохнул мой сопровождающий.

— Вам виднее.

Я протянул руки, но он почти дружески сказал:

— Извините, лучше будет за спину.

Я выполнил его пожелание, а когда он подошел, пригляделся к наручникам. Они были старого образца. Похоже, их контору финансируют не слишком щедро. Если я прогнусь немного подальше, то смогу перешагнуть через них, и руки окажутся передо мной. Дайте мне, скажем, секунд двадцать...

— Да, кстати,— сказал я,— спрашиваю единственно из любопытства и потому, что я рассказал тебе об этом сам. Ты выяснила, что было нужно моим ночным визитерам? Хотелось бы узнать, чтобы не мучили дурные сны.

Она поморщилась и, чуть помолчав, сказала:

— Они из Нового Салема. Это североамериканский континентальный шельф. Боялись, что в результате реализации проекта «Румоко» их купол будет разрушен.

— Ну и как? — спросил я.

Подумав, Кэрол неохотно ответила:

— Пока неизвестно. Город молчит. Мы пытались пробиться к ним по радио, но там какие-то помехи...

— И что вы думаете на сей счет?

— У нас нет связи...

— Ты хочешь сказать, что мы, возможно, уничтожили город?

— Не думаю. По прогнозам ученых, возможность такого исхода минимальна.

— Ваших ученых,— уточнил я.— Их ученые были другого мнения.

— Конечно,— согласилась Кэрол.— Противники были всегда. Они и диверсантов посылали потому, что не верили нашим ученым... Но вывод...

— Прошу прощения,— перебил я.

— За что?

— За то, что сунул парня под душ. Ладно. Спасибо. Об этом я мог бы прочитать и в газетах. А теперь отправляйте меня на Шпицберген.

— Пожалуйста,— сказала она.— Я выполняла свой долг. Мне не в чем упрекнуть себя. Возможно, ты чист, как стеклышко, и тогда то, что я говорила, остается в силе. А если ты что-то скрываешь, они это узнают, и очень скоро.

Я усмехнулся.

— Ладно, мы уже попрощались. Благодарю за ответ на мой вопрос.

— Не надо меня ненавидеть.

— Не переживай. Я никогда не доверял тебе.

Она отвернулась.

— Спокойной ночи,— пожелал я.

И они повели меня к вертолету. Мне помогли взобраться в кабину. Там были двое охранников и пилот.

— Она любит вас,— сказал человек с пистолетом.

— Не думаю,— возразил я.

— А если она права и вы чисты, захочется ли вам увидеть ее снова?

— Едва ли мы когда-нибудь встретимся,— ответил я.

Машина вздрогнула и поднялась в воздух.

Внизу громыхал, пылал и плевался магмой Румоко.

Ева, прости меня. Я не знал. Я даже не предполагал, что все может кончиться именно так.

— Меня предупредили, что от вас всего можно ожидать,— сказал один из охранников.— Так что постарайтесь не делать глупостей.

— Аве, Атку, Аватку,— произнес я в душе своей.

— Двадцать четыре часа,— сказал я Швейтцеру.

Получив деньги у Вэлша, несколько дней я провел в полном одиночестве на своем «Протее». Когда мне это окончательно надоело, я отправился пить с Биллом Меллингсом. Через точку ввода информации стер в Центральном блоке персональные данные Швейтцера. Биллу я не рассказал ничего, кроме истории о девушке с роскошным бюстом.

Потом мы на пару дней закатились на рыбалку.

Я больше не существовал. Я вычеркнул Альберта Швейтцера из мира. И сказал себе, что вообще не хочу существовать.

Если вы поставлены перед необходимостью убить себе подобного, если другого выхода у вас нет, то для каждого нормального человека это всегда большое потрясение.

У меня тоже не было другого выхода, хоть и обошлось все без крови. Я воспользовался средством, о котором вообще мало кто слышал. Я открыл кольцо и выпустил на свободу споры. Этого было достаточно. Я не знал, как звали сопровождающих и пилота. Я даже их лиц толком не разглядел.

Эта штука прикончила всех троих за тридцать секунд. А у меня самого против нее выработан иммунитет. От наручников я освободился секунд за двадцать, как и предполагал.

Вертолет разбился о прибрежные скалы, сам я при этом отделался растяжением запястья. Выбравшись из осколков, дальше пошел пешком.

А мои охранники и пилот вертолета выглядели как умершие от инфаркта или инсульта, смотря на кого как подействовало.

А я чувствовал себя отвратительно. Свое собственное существование в этом мире я ценю гораздо ниже, чем кто-либо другой. Но к чужой смерти, наверное, никогда не привыкну.

Я думаю, Кэрол догадалась, что произошло, но Центр принимает только факты. В кабине было достаточно морской воды, чтобы уничтожить все споры. Ни один анализ не сможет доказать, что убил именно я.

А тело Альберта Швейтцера из открытой кабины несомненно вынесло волной.

Если я когда-нибудь встречу тех, кто успел познакомиться с Алом, я буду совершенно другим человеком: у меня будет другая биография, другие приметы, и едва ли кто меня узнает.

Выкрутиться мне удалось достаточно ловко. Но на душе было скверно. Возможно, не стоило браться за такую грязную работу.

Румоко-из-Адских-Глубин дымился и рос, как голливудское чудовище, выползшее из научно-фантастического фильма. По прогнозам ученых, через несколько месяцев пламя там потухнет. Затем начнет появляться слой почвы, перелетные птицы станут останавливаться на отдых, а может быть, даже совьют гнезда и удобрят почву пометом. Багровые мангровые заросли соединят море и сушу. Прилетят насекомые. А когда-нибудь на острове появятся и люди. Позже он станет первым звеном в цепи искусственных обитаемых островов.

Двусмысленное решение демографической проблемы, скажете вы: творить новую землю для расселения людей и убивать при этом массу обитателей подводных городов.

Да, землетрясение разрушило купол Нового Салема. Многие погибли. И несмотря на это, на будущий год намечено рождение двойника Румоко.

Население Балтимора-Два встревожено, однако расследование Конгресса показало, что вся вина ложится на проектантов Нового Салема, которые не предусмотрели достаточного запаса прочности купола. Судили нескольких подрядчиков, и двое из них потеряли кон-

тракты, несмотря на свои связи, так что им пришлось подыскивать заказы в другом месте.

Мне до сих пор жаль, что я сунул того парня под душ. Он жив и здоров, этот житель Нового Салема, но я знаю, что ему уже никогда не стать прежним.

В следующий раз при создании острова будут приняты максимальные меры предосторожности. Но я не верю, что они будут достаточными — я знаю им цену. С тех пор я вообще никому не верю.

Если погибнет и другой подводный город, как погиб твой, Ева, я полагаю, работы по проекту замедлятся. Но едва ли его закроют бесповоротно. Думаю, что под каким-нибудь предлогом его снова возобновят.

Покуда подобные последствия неизбежны, вряд ли мы имеем право решать демографические проблемы таким путем.

В конце концов, если уж мы сегодня контролируем все, то могли бы контролировать и рост населения. Я даже готов пожертвовать собственной персоной, многими, можно сказать, персонами, и проголосую за это, если дело дойдет до референдума. И утверждаю, что подводных городов должно было больше, а изучение внешнего пространства надо финансировать пощедрее.

Несмотря на прошлые оговорки, я выбираю свободу. Вэлш никогда не узнает об этом. Надеюсь, никто не узнает. Я не альтруист, но не могу избавиться от чувства огромной вины перед теми людьми, к смерти которых причастен вольно или невольно. Кроме того, однажды я был их гостем...

Используя преимущества своего «несуществования», я задумал диверсию, которая в случае удачи станет последней.

Я увидел, что вулкан, породивший Румоко, очень похож на Кракатау. В результате последних событий в Центре появилось очень много данных о магме. И, естественно, я располагал этими сведениями.

Когда на свет станет появляться очередное детище, я сумею нарушить сейсмический баланс настолько основательно, что это никому и не снилось. Реализовать это не так уж сложно.

Наверняка в результате погибнут тысячи людей, будут жертвы. Разрушив Новый Салем, Румоко отправил на тот свет множество народу, а Румоко-Два, я думаю, отправит еще больше. После этого наверху по-

явится достаточно свободного места. К тому же, можно себе представить, какие поползут слухи. Я сам спровоцирую их. Непременно.

Прожектеры получат великолепные результаты — Эверест в центре Атлантики и несколько погибших подводных городов.

Я наживил крючок и закинул удочку. Билл отхлебнул апельсинового сока, а я затянулся сигаретой.

— Ты сейчас инженер-консультант? — спросил он.

— Ага.

— Отдыхаешь?

— Нет, думаю. Обмозговываю кое-что.

— Справишься?

— Надеюсь.

— Иногда мне тоже хочется быть самому себе хозяином, как ты.

— Овчинка выделки не стоит.

Я вглядывался в даль. Лучи утреннего солнца скользили по поверхности волн, пробиваясь сквозь облака. Дул теплый, ласковый ветер. Решение мое было твердым.

— Это звучит интересно. Разрушительная работа, говоришь?

А я, Иуда Искариот, оглядевшись на свой пройденный путь, попросил:

— Передай наживку, пожалуйста. Похоже, у меня клюет.

— У меня тоже. Погоди минутку.

Рассвет дождем сребренников просыпался на палубу «Протея».

Я вытащил добычу, оглушил ее и осторожно взял в руки.

Я сказал себе, что не существую. И изо всех сил старался убедить себя в этом, даже когда чувствовал, что это не так. И снова вспоминал лицо старика Колгейта.

Е в а, Е в а...

П р о с т и м е н я, м о я Е в а. К а к я х о т е л б ы п о ч у в с т в о в а т ь т в о ю н е ж н у ю л а д о н ь н а с в о е м л б у...

Океан нес вдаль свои бирюзовые волны, и мир казался идиллически прекрасным.

— Вот наживка.

— Спасибо, Билл.

Я опять наживил крючок. Нас медленно сносило течением.

«В конце концов все мы смертны»,— подумал я, но от этого легче мне не стало.

Следующая открытка будет, как обычно, на Рождество, Дон, только годом позже.

Не спрашивай меня почему.

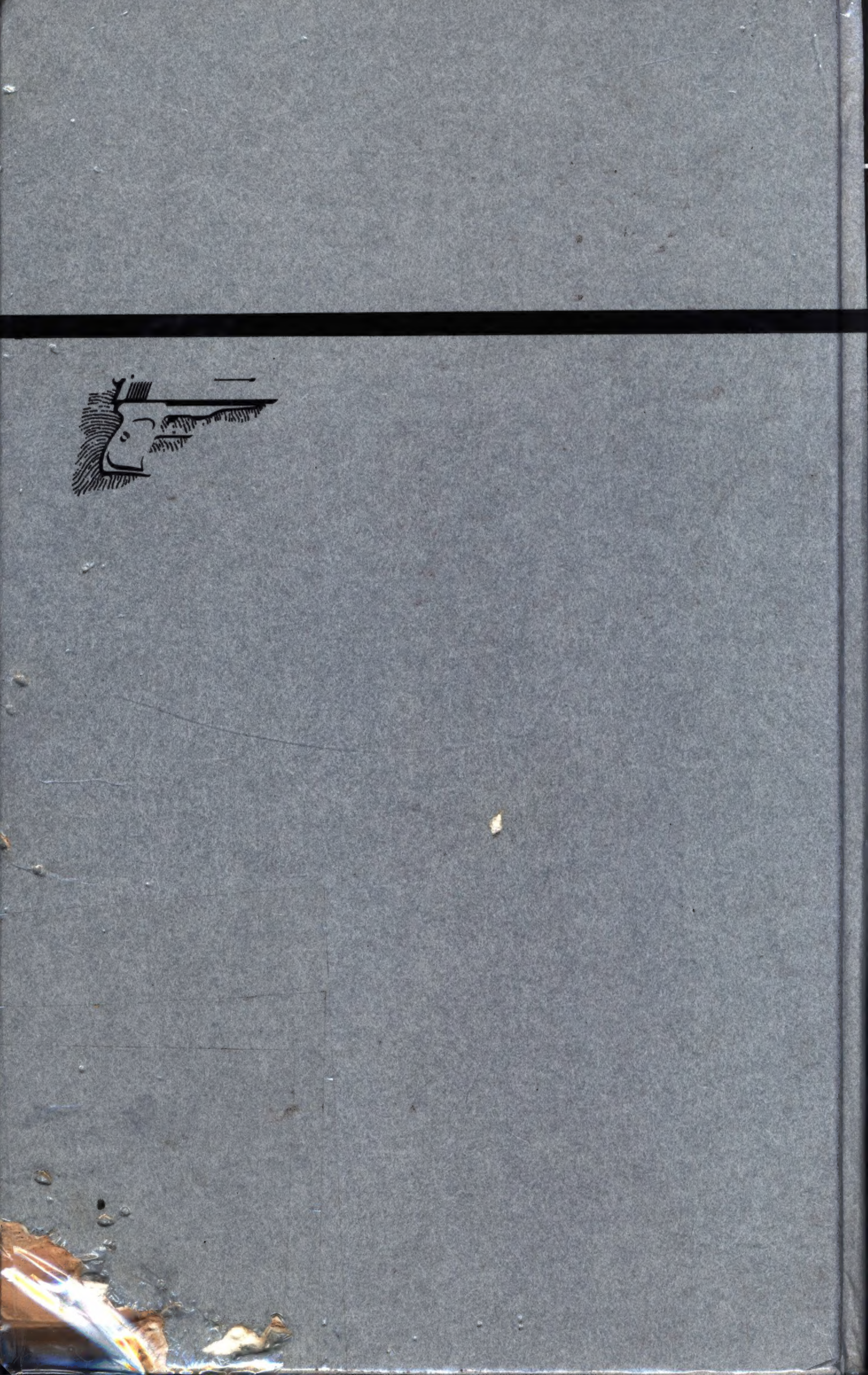
Перевод с английского *С. Чернякова.*

СОДЕРЖАНИЕ

э.

буд
ил
думаю,

КАНуН РуМОКО